

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

47

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2014 Issue 47

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Boris G. MOGILNITSKIJ
Tomsk State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2014 Выпуск 47

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЬГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Упсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук
ВЕДЮШКИНА И. В., научный сотрудник
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ЗВЕРЕВА В. В., кандидат исторических наук, доцент
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
МАКАРЕНКОВА Е. М., доктор исторических наук
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
(ответственный секретарь)
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 47

М.: ИВИ, 2014. — 400 с.

«Диалог со временем» — научное периодическое издание, специально посвященное проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 47

Moscow: IWN, 2014. — 400 p.

“Dialogue with Time” is the first Russian periodical specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073-7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»
36030

- © Общество интеллектуальной истории, 2014
- © Институт всеобщей истории, 2014
- © Журнал «Диалог со временем», 2014
- © Коллектив авторов, 2014

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

К ЮБИЛЕЮ Б. Г. МОГИЛЬНИЦКОГО

И. Ю. НИКОЛАЕВА

БОРИС ГЕОРГИЕВИЧ МОГИЛЬНИЦКИЙ ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Статья посвящена признанному лидеру Томской историографической и методологической школы профессору Б. Г. Могильницкому. Наследник лучших традиций русской школы медиевистики Д. М. Петрушевского, А. И. Неусыхина, А.И. Данилова, он создал, благодаря исключительной широте своего культурного и интеллектуального кругозора, собственную модель конструктивно-критического анализа различных научно-исторических школ. Научные исследования и преподавательская деятельность Б. Г. Могильницкого так тесно переплетены, что его трехтомник «История исторической мысли» по праву считается не только лекционным курсом (как обозначено на титуле), но уникальным научным историографическим трудом.

Ключевые слова: *Б. Г. Могильницкий, историография, методология.*

Безусловно, что для всех нас, учеников, коллег, друзей и знакомых Борис Георгиевич известен разными сторонами своей богатой и многогранной натуры. Однако у каждого в общении с ним возникает нечто общее в ощущении характера даже мимолетных встреч, разговоров с ним, контактов на любом уровне. Человек словно попадает в некое невидимое силовое поле, и имя этому полю – культура. Культура в самом широком и глубоком, истинном смысле этого слова. Именно она, подлинная, настоящая, негромкая и определяет многое в его личности и задает особый регистр общения каждого из нас с этим человеком. И это, как представляется, и определяет в первую очередь его человеческую уникальность и уникальность профессиональную.

Борису Георгиевичу посчастливилось родиться в семье, атмосфера которой на многие годы определит его «Я». Мать Берта Борисовна Столпер – врач, отец Георгий Николаевич Могильницкий – инженер, жили в Киеве. Интеллигентная семья. Семья любящих и заботящихся друг о друге людей. При этом раннее привитие чувства ответственности и редкая по тем временам высокая культура досуга. 25 лет вплоть до самой смерти родителей, которых он нежно любил, каждый отпуск Борис Георгиевич обязательно ездил к ним, чтобы помочь. «Любитель» садово-огородных дел, он копал грядки, таскал бревна, а на досуге играл с отцом в шахматы, любовь к которым он сохранит на всю жизнь. Семью отличал высокий культурный уровень – он и сегодня на память

свободно цитирует Пастернака, Мандельштама, Маяковского, Есенина. Именно широкий культурный кругозор и родительский такт стали основой свободного выбора будущей профессии. Это произойдет уже в Барнауле, куда семья была эвакуирована в 1941 г. и где Борис Могильницкий в 1946 г. закончил с серебряной медалью среднюю школу.

Время – вот тот мощный исторический фактор, который определяет судьбу каждого, а точнее, как сказал бы Борис Георгиевич, люди во времени. Его студенческая пора счастливо совпала со временем окончания войны, когда в мир вернулось большое число людей, прошедших фронт. Среди сокурсников и преподавателей Бориса Георгиевича было немало бывших фронтовиков, чье присутствие радикально изменило атмосферу студенческих аудиторий – это была атмосфера свободы, самостоятельности суждений, подпитываемая тем опытом обретенной мудрости, знания и жажды жизни, которая не могла не создать особую ауру. Среди этих людей вскоре появился тот, чье имя так много значит для Бориса Георгиевича и так много определит в его судьбе. Приехавший в 1947 г. в Томск А.И. Данилов привлекал многих фронтовой биографией, сильной и волевой натурой, под впечатлением его профессионального и мужского магнетизма, по свидетельству, Л.Г. Сухотиной находилась едва ли не вся женская часть факультета. Борис Могильницкий, как ему казалось, определился с областью своих научных интересов, его интересовала современность. После знакомства с Александром Ивановичем он сделал бесповоротный выбор в пользу медиевистики. Лекции по западноевропейскому средневековью, спецсеминар, который вел Александр Иванович по раннему средневековью были образцом профессионального мастерства. И это неудивительно. Александр Иванович был учеником выдающегося историка А.И. Неусыхина, который в свою очередь прошел школу известнейшего отечественного медиевиста Д.М. Петрушевского, воспитанного в традициях Т.Н. Грановского и И.В. Лучицкого – гордости российской исторической науки. Именно у Александра Ивановича, а точнее – прежде всего у него, Борис Георгиевич получил уроки высочайшего профессионализма, в общении с ним он обрел тот культурно-исторический багаж, который определит интересы, стиль работы, направления научного поиска сначала студента, а потом и зрелого исследователя.

Важно подчеркнуть, что это было встречное движение – не только Борис Георгиевич тянулся к Александру Ивановичу, но и учитель выделял среди многих увлеченность наукой, пылкий и гибкий ум приглянувшегося ему студента, отмечая при этом его трудолюбие и ответ-

ственность. Уже в студенческие годы между ними возникла особая духовная связь. На одной из хранящихся в семейном альбоме фотографий А.И. Данилова написано: «Дорогому Боре на память. 1 января 1949 г.». Это новогодний снимок, на котором запечатлены Александр Иванович, Борис Георгиевич и его сокурсник. Не всякий удостоивался столь близкого общения. От учителя придет не только любовь к профессии, навыки мастерства, но шире – те не прописанные никакими стандартами образцы поведения, которые и выдают уровень культуры человека. Достаточно привести такой факт, который любит вспоминать в рассказах об учителе сам Борис Георгиевич. В разгар борьбы с космополитизмом в Томск был сослан И.М. Разгон. Весть об этом быстро разлетелась и однажды во время прогулки Борис Георгиевич спросил у учителя: «А правда ли что к нам едет космополит Разгон?». На что получил ответ: «Не космополит, а лауреат Сталинской премии, крупный ученый Израиль Менделевич Разгон». Александр Иванович – будущий ректор ТГУ, будущий министр просвещения, убежденный коммунист, человек в силу своих убеждений и социальной роли отвечавший за проведение в жизнь партийно-государственных решений, был значительно шире, чем нередко его представляют.

Именно под его руководством Борис Георгиевич сделает свои первые шаги в науке, сначала в рамках спецсеминара, затем, защитив в 1958 г. кандидатскую диссертацию, посвященную творчеству Д.М. Петрушевского, а в 1967 г. – докторскую диссертацию о русской либеральной медиевистике конца XIX – начала XX в. Диссертации и ряд статей и книг, которые появились в этот промежуток времени, заявили о появлении в отечественной науке не просто историографа-медиевиста, но ученого с широчайшим интеллектуальным диапазоном. С одной стороны, можно сказать, что сама предметная область его интересов – медиевистика, в силу своего счастливого положения находившаяся на периферии идеологического контроля, во многом облегчила явление незашоренного сознания, не стиснутого догматизмом, присущим другим областям исторического знания тех лет. Но, с другой – в них проявит свой почерк творческая индивидуальность молодого ученого, отличительными чертами которой были широта и глубина осмысления анализируемых явлений, уникальная способность видеть явление в нестандартном ракурсе и умение найти его связь с культурно-историческим контекстом.

Именно этот стиль мышления и определил ту нишу, в которой Борису Георгиевичу найдется мало равных в отечественной, да и не только отечественной науке. Этой нишей является, безусловно, методология

истории. В те годы методологическая проблематика фактически не звучала, загубленная в 1930-е годы, многие идеологически и подсознательно ее сторонились. Доминирующим типом исторического и главным образом историографического исследования были работы не концептуального, а конкретно-исторического типа, когда в историографии преобладали труды, посвященные анализу отдельно взятого историка или какого-либо аспекта его творчества. Работы молодого томского ученого, наряду с появившимися в 1960-е годы исследованиями таких известных историков как М.А. Барг, М.Я. Гефтер, А.Н. Цамутали, В.Д. Шапиро, свидетельствовали об обретении отечественной наукой нового уровня диалога с прошлым. Это был диалог крупного формата, свидетельствующий о формировании нового взгляда, что требует специального анализа, который невозможен в рамках данного текста.

Здесь же он может быть обозначен лишь пунктирно. За разрозненными именами историков в работах Бориса Георгиевича предстало целое явление, имя ему – социально-экономическое направление в русской медиевистике, которое с его легкой руки стало общепринятым в историографии. За отдельными процессами, происходившими в нем, он смог увидеть явление общего порядка – явление кризиса в исторической науке на рубеже столетий, кризиса не как стагнации или эрозии, но как болезненного перехода к новому, более высокому уровню развития. Именно он наряду с М.А. Баргом ввел в тогдашнее пространство научных штудий понятие теории среднего уровня (или теорию действия) в противовес истматовской теории общеисторических закономерностей, действующих в определенных пространственно-временных рамках. Именно он первым в отечественной науке сформулировал новое понимание предмета историографии, который не может быть редуцирован лишь к истории исторической науки, но, несомненно, включает в себя историю исторической мысли и исторических знаний, независимо от области их бытования. Уже в 1970-х гг. он, вслед за М.Я. Гефтером, поднял вопрос об альтернативности истории. В условиях, когда догматизированное понимание исторического процесса как заданного и непреложного было расхожим местом, когда видение историческое по большей части оставалось одномерным, он говорил о безграничном многообразии. Словом, во многих отношениях он был одним из первопроходцев в сложных дебрях тогда еще только становящейся методологии советской исторической науки.

Многое из перечисленного здесь настолько прочно вошло в историческую культуру исследователя сегодняшнего дня, что трудно себе

представить иной стиль исторического мышления и сознания. А между тем он был иным. В 60-70 годы XX в. в отечественной науке проходил невидимый для современников методологический поворот – поворот от одномерной упрощенной интерпретации истории к той модели исторической науки, без которой невозможны были бы ни сегодняшняя история ментальностей, ни историческая антропология, ни история повседневности, ни споры о сослагательном наклонении в истории и пр.

Не ставя знака тождества между процессом оформления «новой исторической науки» на Западе в 1960–70-е гг. и процессами, которые шли в это же время в советской историографии, все же можно провести параллель между ними в плане обновления существовавших моделей науки. Кристаллизации нового методолого-историографического пространства протекала далеко не безболезненно, сопровождалась дебатами и дискуссиями, и Борис Георгиевич был одним из активнейших их участников. Он много выезжал, выступая на самых значительных форумах и конференциях, его статьи печатали самые известные по тем временам исторические журналы. Но эта активная тусовочно-сетевая, как теперь принято говорить, жизнь никогда не превращалась для него в самоцель, не превращалась в средство самоутверждения, о котором когда-то очень метко сказал Ф. Искандер, говоря о партизанской войне самолюбий, подчеркнув, что, именно в гуманитарии проблема авторского «я» как нигде гипертрофирована. Его неподдельный интерес к делу, его умение слушать оппонента, его такт делали свое дело.

Именно поэтому, как представляется, он не принял и предложений, которые ему не раз поступали, особенно после того, как А.И. Данилов стал министром просвещения. У него был свой дом, свое дело и этим домом этим делом были кафедра, которую он возглавит после отъезда Александра Ивановича в Москву, и факультет, которым он руководил с 1968 по 1981 год (с перерывом в 1972-74 гг.). Факультет в те времена находился в особом, можно сказать пассионарном состоянии. Множество ярких дарований, талантливых педагогов и исследователей (И.М. Разгон, А.П. Бородавкин, М.Е. Плотникова, Н.С. Черкасов, Г.И. Пелих, А.А. Говорков – всех не перечислить) создавали ту неповторимую атмосферу творческой свободы, интеллектуальной энергии, открытости всему интересному и новому, аналогов которой трудно найти. Это был своеобразный бродильный котел, в котором постоянно вызревали новые идеи. Замечу, что котел был особый еще вот в каком отношении – факультет назывался ИФФ. Общение с филологами носило далеко не формально-организационный характер. Сохранялись те тра-

диции товарищества, открытости, что принесла с собой фронтовая гвардия. Отсутствие дисциплинарных и корпоративных границ не по форме, а по сути придавало факультету тот самый дополнительный культурно-духовный антураж, благодаря которому в немалой степени за Томским университетом закрепится слава Сибирских Афин. Таким пассионарным образованием руководить было одновременно просто и сложно.

Для того, чтобы обрести в этой среде авторитет, причем не просто авторитет декана, заведующего кафедрой и председателя Совета по защитам, а тот неформальный и безусловный авторитет, который не фиксируешь никакими должностями и степенями, нужно было быть неординарной личностью. Конечно, в обретении такого авторитета большую роль сыграл и сам коллектив, в диалоге с которым постоянно оттачивался его талант как руководителя. И все же в том, что этот диалог не просто состоялся, а вошел в память всех поколений студентов, учившихся на факультете, как его золотой век, большая заслуга прежде всего самого Бориса Георгиевича. Все помнят те методологические семинары, которые под его руководством превратились в своеобразную лабораторию апробации новых научных идей, на них постоянно дискутировались самые новые, самые дерзкие, самые интересные и животрепещущие проблемы нашего ремесла. Они были не просто факультетской школой повышения научной квалификации, а привлекали к себе интеллектуальную элиту других вузов города и региона. Издаваемый и редактируемый им журнал «Методологические и историографические проблемы исторической науки» стал широко известен не только в Сибири, его знали, читали, цитировали в Москве и Ленинграде, Киеве и Саратове, Одессе и Омске. Многие соискатели стремились представить свои исследования к защите в руководимом им Совете. Проводимые им региональные конференции по историографии и методологии собирали цвет тогдашней российской науки – А.Д. Сахаров, Н.Н. Болховитинов, А.Б. Дунаевский, А.И. Борозняк, А.Е. Кунина. Формировалось то научно-образовательное пространство, в рамках которого постепенно обретет очертания то явление, которое вскоре получило широкую известность как школа Могильницкого.

А теперь представим на минуту, что это были за годы. Приведу лишь один пример, который ярко показывает, с какими проблемами ему как руководителю приходилось сталкиваться: 1969 год, работа Н.Н. Киселева над докторской по драматургии 1920–30-х гг., в ходе которой его статья о пьесе Эрдмана «Самоубийца» была запрещена и вырезана из уже готового тома «Ученых записок ТГУ». Не раз Борис Георгиевич

будет сталкиваться с подобными ситуациями и всякий раз находить средство помочь опальному – так будет в истории с В.С. Гурьевым, с В.М. Мучником и многими другими. Безусловно, отчасти на его смелость работал его же авторитет – с его мнением считались и на самых высших этажах партийных структур. Однако случай с Н.Н. Киселевым имевший место в 1969 г., когда молодой декан не обладал еще тем символическим капиталом, который будет своеобразным, хотя опять-таки не безусловным, страховым полисом в более поздние годы, говорил о многом – не всякому бы он был по плечу, нужно было обладать мужеством, убежденностью, качествами, которые не позаимствуешь для опасной акции защиты невиновного.

Борис Георгиевич не являлся неким оппозиционером системе, он таковым никогда не был и не мог быть по очень простой причине. Опять-таки по причине не политического, но иного более глубокого свойства. Нам не дано выбирать времена, но нам дано выбирать свой путь в них. Его путь – это путь дела, конструктивного созидания, которое во все времена является основой движения жизни. Он был всегда сторонником завета Берка «не разрушать, а улучшать», знающим также, что личность, желающая сохранить уважение к себе, в любую эпоху обязана стремиться не к социальному индифферентизму, и тем более, не к приумножению зла, а к его преуменьшению, делая это в границах возможностей, предоставленных временем, и особенностей темперамента, дарованного Богом.

Именно поэтому в любые времена, при любых сменах режимов и политических пертурбациях он сохранял завидное свойство – не уходя от тех проблем, что выдвигала современная ему действительность, он, понимая, что «важней всего погода в доме», никогда не строил свою жизнь и работу по политическому барометру. Яркий пример – перестройка. Вспомним, какой тогда царил политический хаос, одни срочно бежали сдавать партбилеты, другие искали «место под солнцем» вновь создаваемых кумиров, третьи крыли всех и вся. Примерно то же самое происходило и в научных кругах – концептуальная растерянность, во многом связанная с тем, что в условиях дискредитации единственно верной марксистской теории образовался вакуум. Многие только тем и занимались, что громили почем зря марксистскую теорию, и, не имея за душой ничего более серьезного, взамен лихорадочно хватались за первые приглянувшиеся западные концепции, творя из их авторов новых кумиров. Третьи и вовсе разуверились в важности своего дела и покидали Музу, в любви которой еще недавно клялись.

Ситуация была сложной – наука действительно испытывала кризисные времена и это было связано не только с сиюминутными обстоятельствами политической конъюнктуры, хроническим безденежьем. На иной манер благополучный Запад также переживал профессиональный кризис – разговоры о конце истории, о невозможности ее объективного познания, соседствовали с тем, что Мишель Фуко удачно назвал «историей в мелкий горошек».

Для Бориса Георгиевича это было время, когда он испытал один из сложнейших кризисов профессиональной идентичности, мучительных поисков самоопределения в новых реалиях. На это наложился процесс, своими началами уходящий еще к 1970-м гг., когда интересы Бориса Георгиевича все более и более сосредотачивались в области новаций в западной науке. К этому времени за ним закрепилась репутация одного из знатоков и критиков западной историографии. Как бы теперь ни оценивалась критическая составляющая этого знакомства с миром другой науки, важно одно – в ней он увидел многое такое, что для историка-марксиста, каковым, безусловно, был Борис Георгиевич, не могло не стать вызовом парадигмальной методологии, в рамках которой он, как и многие другие, долгие годы работал. Уже в одной из своих статей начала 1990-х он писал, что начинается, хотя и медленно, подспудно, процесс осознания того, что классическая марксистская теория недостаточна для понимания многообразия исторической действительности.

Самое важное в этом поиске и саморефлексии было то, что для него, профессионала большой культуры, многое в этом вызове оказалось провоцирующе продуктивным, и сейчас можно с уверенностью сказать, что ответ на вызов среды был найден адекватный. Знакомство с новыми методологиями анализа человека, его чувств и сознания, всего того, что сегодня именуется антропологической историей, образовало для него и для его школы то творчески напряженное пространство новых исследований, которое побудило к конструктивному переосмыслению накопленного теоретического багажа и методологического инструментария. Причем для Бориса Георгиевича и его школы работа в этом пространстве протекала в особом режиме. Поиск был разнонаправленным – здесь и «Анналы», и Ф. Арьес, и М. Вовель, и германская историческая антропология... Можно было бы утонуть во всем этом. Однако общая исследовательская и человеческая культура шефа служила хорошим противовесом от неразборчивого слепого копирования и концептуальной всеядности. Умение видеть за лавиной разнонаправленных и хаотических процессов главное позволило ему отсекал тупиковые ветви поиска и находить те ниши работы, которые сулили открытие нового.

Словом он и его школа работали, и итогом работы этих трудных лет явился широкий круг статей и книг, связанных с анализом антропологического сдвига в современной историографии. Помню, с каким трудом нашлись деньги на публикацию книги «К новому пониманию человека в истории»¹, которая по причине отсутствия финансов пролежала около года под сукном, и нужен был поход в обком, чтобы книга увидела свет и на нее сразу откликнулись многие. Но каким бы трудным ни был этот путь, он позволил школе не просто сохраниться, но идти дальше. Именно в эти годы началась большая работа по отработке исследовательских технологий, позволяющих системно работать с конкретным историческим материалом, синтезируя новации разных гуманитарных дисциплин, как отечественной, так и мировой науки. Сам Борис Георгиевич в те годы начал большую и напряженную работу по «конвертации» читаемых им курсов в сводный курс лекций по истории исторической мысли, начав эту работу с одной из сложнейших проблем той парадигмальной ломки науки, которая именуется историографической революцией и в авангарде которой шла французская школа «Анналов». Уже вышли в свет три тома, посвященных анализу этих процессов, не за горами и четвертый². При всем обилии выходящей ныне научной продукции книги эти имеют поразительный спрос – некоторые библиотеки заказывали по пятьдесят экземпляров!

Работа над этим курсом – плод его деятельности и как ученого и как преподавателя. В одной из рецензий, написанной В.В. Согринным, отмечается, что труд Бориса Георгиевича, сопровождаемый подзаголовком «курс лекций», является таковым «только по форме изложения – легкой, часто изящной с литературной точки зрения, порой разговорной, делающей в результате работу доступной самому широкому читателю и, уж, безусловно всем представителям исторической профессии. Но по научной сути это истинно оригинальный исследовательский труд, основанный на профессиональном анализе десятков и десятков ведущих представителей исторической науки XX в.»³. Для кого-то чтение лекций – профессиональная рутина, не более того, а для него студент – всегда главный собеседник. В нем он всегда видит коллегу, пусть младшего по возрасту и другим параметрам – но коллегу. К встрече со студентами он всегда готовится как в первый раз, перед ними он не боится ставить те проблемы, которые мучают как исследователя и его самого. Всем своим

¹ К новому пониманию человека в истории...

² Могильницкий. 2001; 2003; 2008.

³ Согрин. 2004. С.154.

отношением к делу он задает такую планку диалога, что никому в голову не придет, не принять его дело всерьез. Сколько себя помню, Борис Георгиевичу никогда не приходилось прибегать к каким-то специальным средствам активизации внимания, не приходилось взывать к дисциплине или напоминать о необходимости вникнуть в суть дела, иначе трудно придется на зачете. Его собственный интерес и культура общения всегда возвращаются по принципу бумеранга. Многие поколения студентов ласково-уважительно называют его не иначе как Б.Г. Осознание того, у кого им посчастливилось учиться в университетских стенах приходит не *post factum*, что нередко бывает в случаях с яркими преподавателями, но сразу по горячим следам. Вот лишь одно свидетельство – студенты одного из выпущенных им курсов по окончании занятий с ним сочинили экспромтом следующие строки – я не помню весь текст на память, но смысл его можно передать примерно следующими словами. «Мы шли копать в пирамидах и сфинксам лапы пожимать», но, дойдя до III-го курса, зубря недешифрованный конспект некогда таинственного предмета, наконец, прозрели, что на «туманный век персидский не променяем никогда», Борис Георгиевич Могильницкий, «твои чудесные слова».

И сегодня, как и многие годы своей счастливой исполненной радости повседневного труда жизни, Борис Георгиевич верен раз и навсегда избранной судьбе. Верен своей музе – Истории. Он встречает и заканчивает каждый день за рабочим столом. Пишет очередной том «Истории исторической мысли», руководит работой аспирантов и докторантов, рецензирует статьи и книги коллег из других городов, пишет отзывы на присылаемые диссертации. И, глядя на Учителя, слушая его, на душе наступает какое-то умиротворение. И просятся сами собой слова поэта: «Но силу их мы чуем, их чуем благодать, и меньше мы тоскуем, и легче нам дышать».

БИБЛИОГРАФИЯ

- К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной мысли / Под ред. Б.Г. Могильницкого. Томск, 1994. 226 с.
- Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Вып. I. Кризис историзма. Томск, 2001. 210 с.; Вып. II. Становление «новой исторической науки». Томск, 2003. 177 с.; Вып. III. Историографическая революция. Томск, 2008. 553 с.
- Согрин В.В. Историография и источниковедение. История исторической мысли // Новая и Новейшая история. 2004. № 3. С. 154.

Николаева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета; percka@mail.ru.

С. П. РАМАЗАНОВ

О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Б. Г. МОГИЛЬНИЦКОГО

В статье анализируется опыт общения ученика со своим учителем – ученым, педагогом и человеком. Оценивается вклад Б.Г. Могильницкого в научно-педагогическое и нравственное воспитание своих учеников.

Ключевые слова: Учитель, лекции, семинары, методология истории, историография.

Борис Георгиевич Могильницкий широко известен отечественной и мировой научной общественности своими монографиями, учебными пособиями и многочисленными статьями по методологии истории, русской и западной историографии. Его анализ специфики исторического познания, социальных функций и принципов исторической науки, прежде всего принципа историзма, тенденций развития исторической мысли конца XIX–XX вв., несомненно, еще долго будет привлекать внимание ученых и студентов. Вместе с тем для тех, кто не был связан с Томским университетом, неизвестной остается другая, не менее весомая, сторона творчества Б.Г. Могильницкого – его педагогическая деятельность. Из педагогической работы во многом выросли его научные труды. Эта работа оказала первостепенное влияние на формирование и упрочение позиций возглавляемой им томской историографической школы, представителем которой ощущаю себя и я.

Немало учеников и коллег Б.Г. Могильницкого имели с ним более длительное и непрерывное общение. После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации я покинул Томск в 1982 г., работал на Украине, потом в г. Волжском – спутнике Волгограда. Но, с одной стороны, мои контакты с Борисом Георгиевичем не прерывались, включая посещение его лекций. На них я всегда при малейшей возможности стремился попасть во время поездок в университет и в период работы над докторской диссертацией, и в дни регулярно проводившихся в Томске по инициативе и под руководством Бориса Георгиевича конференций по методологии истории, историографии и источниковедению. С другой стороны, перерывы в общении и пространственно-временная отдаленность часто позволяют глубже и отчетливее осознать то, что не замечаешь в суете повседневной жизни.

Моим научным руководителем Борис Георгиевич стал в сентябре 1971 года, когда в начале третьего курса я с двумя друзьями-

одного группниками, теперь уже докторами наук, работающими в Белоруссии и на Украине А. Нечухриным и С. Сияковым, пришел к Нему – декану историко-филологического факультета (кстати, последнему, ибо в 1974 г. факультет разделился на два самостоятельных). Мы безапелляционно заявили, что желаем работать только под Его началом, а не у назначенного нам согласно расписанию преподавателя. Мы понимали, что навлечем гнев Бориса Георгиевича и потому, что, соглашаясь руководить нами, он, в известной мере, нарушал педагогическую этику, и потому, что он тратил на нас свое драгоценное время. И на самом деле Борис Георгиевич рассердился. Однако Он согласился. Возможно, из-за нашего напора и открытости.

Мы получили темы – о разных аспектах методологических взглядов Г.С. Коммейджера, получили ксерокопии американского издания его книги и начали трудиться над докладами на весеннюю студенческую научную конференцию.

Выступить на таких конференциях было весьма почетно и ответственно. Мы докладывали на заседаниях кафедры в присутствии всех преподавателей во главе с Ним самим. И позднее, уже работая и общаясь с коллегами из других университетов и институтов, я не видел и не слышал, чтобы студенческие конференции были организованы таким образом, когда преподаватели, возглавляемые крупным ученым, не жалеют своего времени, проявляют искреннюю заинтересованность научным поиском студента. Именно поиск, даже связанный с аргументированной критикой столпов науки и классиков марксизма, поощрялся на этих конференциях.

Потом под руководством Бориса Георгиевича у меня была работа над курсовыми, дипломом, кандидатской и докторской диссертациями, наполненная человеческой поддержкой и помощью. И когда Он встал на мою защиту на партбюро факультета, разбиравшего мой доклад пятикурсника о соотношении ценностного подхода и партийности, содержащий положение о большей широте аксиологического отношения к прошлому по сравнению с партийной точкой зрения, и когда благодаря Борису Георгиевичу мне, проживавшему в 1995 г. по воле судьбы в другом государстве – на Украине, – удалось организовать защиту докторской диссертации в Томском университете.

Он учил бережному и аккуратному отношению к слову (например, будучи студентом, я вставил в свою работу показавшуюся мне красивой цитату «неокантовская методология - альфа и омега всей буржуазной историографии» – Борис Георгиевич просто указал, что это не так);

прививал навыки тщательного отношения к историографическим источникам: известны случаи, когда Борис Георгиевич кропотливо проверял ссылки в курсовых и дипломах нерадивых студентов. Но, пожалуй, самое главное, чему учил Борис Георгиевич, – мыслить. Нам, Его ученикам, запомнилась фраза Бориса Георгиевича при первой встрече с Ним как научным руководителем: «Ходите и думайте!».

По мере моего научного взросления расширялось и неформальное общение с Борисом Георгиевичем – я открывал ценителя юмора и хорошего анекдота, театра и литературы, знатока истории, человека, болезненно переживающего драматические повороты в жизни своей страны. Борис Георгиевич всегда был внимательным слушателем, открытым иному мнению, в том числе по близким ему научным вопросам. Вместе с тем Его мысли иногда заставляли изменить направление и структуру работы, способствовали тем самым обогащению ее содержания и усилению доказательности.

В беседах с Борисом Георгиевичем касались мы и работы преподавателя вуза. Как-то в начале 1990-х гг., когда я сам уже приобрел определенный опыт лектора вуза, мы говорили о том, каким критериям должна отвечать вузовская лекция. Оценивая наших университетских преподавателей, я критиковал одного из них за то, что, увлекшись рассказом о методике собственных научных исследований, он оставил незавершенным свой курс. На что Борис Георгиевич резонно возразил, что он раскрыл через читаемые лекции свою личность и что это – самое важное для преподавателя высшей школы.

С лекции самого Бориса Георгиевича началось мое знакомство с историко-филологическим факультетом Томского университета весной 1969-го г. на «дне открытых дверей». С Его лекции «Что такое история?» долгое время открывалась учеба в университете для историков-первокурсников. Личность Бориса Георгиевича через Его лекции оставила глубокий и плодотворный след у нескольких тысяч выпускников Томского университета.

В университете нас учили преподаватели, лекции которых отличались большей однозначно-прозрачной логикой, которые обладали большим ораторским искусством. Некоторым студентам лекции Бориса Георгиевича казались монотонными. В Его лекциях не было той методической строгости, связанной с требованиями постановки цели и задач, завершенности темы в отводимые академические часы.

Однозначности никогда не было в лекциях Бориса Георгиевича. Еще меньше ее стало в 1990-е годы. Но в них было то, что заставляло

студентов задуматься. Этому способствовала манера спокойного рассуждения, не навязывания своей точки зрения посредством восполнения пробелов в аргументации силой эмоциональной окраски речи, а убеждения слушателей системой доказательств, допускающей возможность уточнения своей позиции в процессе дискуссии с аудиторией. При этом на лекциях Бориса Георгиевича на размышления наталкивали не отдельные примеры, как у иных преподавателей, а целостное содержание его курсов, в своем итоге вполне завершенное.

С началом процесса «перестройки» интерес научной общественности страны и студентов к методологическим и историографическим вопросам исторической науки заметно упал. Однако в советское время лекции Бориса Георгиевича по методологии исторического познания и историографии всеобщей истории были подлинной интеллектуальной отдушиной в насаждаемой атмосфере схематизма и догматизма в преподавании гуманитарных наук.

Лекции Бориса Георгиевича по историографии никогда не являлись собой простого перечисления названий книг, которое обычно отталкивает студентов от подобного преподнесения историографии как специальной исторической дисциплины. Его лекции демонстрировали биение исторической мысли, которого так недоставало марксистской исторической науке. При этом, выявляя противоречия в воззрениях историков, Он всегда стремился показать внутреннюю логику построений ученых.

Историографический подход пронизывал и лекции Бориса Георгиевича по методологии истории. И широкое знакомство слушателей с разнообразием выдвинутых мировой исторической мыслью принципов и методов постижения прошлого человеческого общества подтачивало веру в марксистскую теорию как единственную и стоящую вне критики. Лекции Бориса Георгиевича дышали современностью и демонстрировали связь развития исторической науки и методологии истории с социально-политической жизнью общества. Безусловно, до середины 1980-х годов было невозможно, оставаясь преподавателем советского вуза, отказаться от положения о роли принципа партийности как базового в познании прошлого. И партийный подход, проявлявшийся в стремлении определить заинтересованность той или иной общественной группы в определенной интерпретации прошлого, выявить место дворянской и буржуазной историографии в исторической мысли XVIII–XIX вв., присутствовал в курсах Бориса Георгиевича.

Но, во-первых, проводимый Борисом Георгиевичем партийный подход был далек от примитивизма. Из Его уст студенты никогда не

слышали распространенного в советское время вплоть до Московского университета выражения «буржуазные фальсификаторы». Напротив, слушателям прививалась мысль о том, что к «буржуазным» ученым нельзя относиться как к недоумкам и поголовно врагам. Студенты проникались чувством пиетета перед крупными представителями западной историографии – А. Токвилем, Я. Буркхардтом, И. Дройзеном, А. Тойнби, М. Блоком, Ф. Броделем.

Во-вторых, связывая принцип партийности с коренными классовыми интересами пролетариата, Борис Георгиевич подчеркивал, что такие интересы необходимо определять на научно-теоретическом уровне, а не черпать из партийных документов.

Пожалуй, Борису Георгиевичу была присуща известная осторожность в суждениях, проявлявшаяся и на лекциях, и – особенно – в его научных трудах. Однако за этой осторожностью стояли взвешенность и основательность настоящего ученого, не способного в угоду конъюнктуре моментально менять свои позиции.

В отличие от многих отечественных историков, перевернувших свои теоретико-методологические позиции в девяностые годы, Борис Георгиевич не изменил уважительного отношения к марксизму как этапу развития исторической мысли, в известной мере обогатившему теорию исторического познания. Постоянно уточняя свои позиции, Борис Георгиевич продолжал отстаивать идею о существовании специфической исторической закономерности, хотя такая идея и переросла у него в концепцию альтернативности исторического процесса. И доньше Он надеется на способность исторической науки реализовать прогнозирующую функцию, искренне радуясь каждому сбывшемуся прогнозу своих коллег. Несмотря на потрясения и неурядицы современной действительности, Борис Георгиевич сохраняет гносеологический и социальный оптимизм, на который как на позитивную черту во взглядах западных и русских историков Он всегда обращал внимание на своих лекциях.

Вместе со своей студенческой группой я прослушал двухсеместровый спецкурс Бориса Георгиевича по теоретико-методологическим проблемам истории и три семестровых курса по истории западноевропейской исторической мысли: «Античная и средневековая историография», «Западноевропейская историческая мысль эпохи Просвещения», «Историческая мысль Западной Европы XIX в.».

В дальнейшем преподавательские интересы Бориса Георгиевича постепенно смещались к исследованию все более близкой к нам исторической мысли.

Борис Георгиевич расширяет чтение курса по западноевропейской историографии XIX века до двух семестров, читает специальный курс по немецкому историзму, наконец, в 1980 г. разрабатывает небольшой курс, состоящий из пяти лекций о тенденциях развития западноевропейской исторической мысли двадцатого века. С течением времени спецкурс по историографии XX века вытеснил у Бориса Георгиевича все другие курсы, расширившись до трехсеместрового. В итоге этот спецкурс воплотился в трехтомное издание «История исторической мысли XX века. Курс лекций» (Томск, 2001–2008).

Картина развития историографии, представленная Б.Г. Могильницким, значительно расширялась и углублялась. В историографический оборот была включена и американская, и русская историческая мысль. А анализ кризиса исторической науки стал предпосылкой для всестороннего исследования историографической революции второй половины XX века.

Нарисованная в трехтомнике картина, конечно, может быть дополнена другими деталями. Как-то на своей лекции, приводя пример «идеального типа» Макса Вебера, Борис Георгиевич сослался на собственный курс лекций. Вместе с тем, «идеально-типический» курс Бориса Георгиевича, раскрывающий подлинное биение исторической мысли, ее искание плодотворных новаторских идей, отличающийся оригинальностью и глубиной концептуального осмысления ее развития, – не имеет равного в отечественной историографии.

Борис Георгиевич продолжает свое исследование тенденций развития исторической мысли. Он работает над томом о XVIII веке. Здоровья Вам, Борис Георгиевич, довести Ваше издание до истоков исторического знания в античной Европе.

Рамазанов Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор; зав. кафедрой истории, политических и правовых учений Волжского гуманитарного института (филиал Волгоградского государственного университета); ramasergej@gmail.com

И. Е. Рудковская

ПЕРСОНИФИЦИРОВАННОЕ ВРЕМЯ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ПОЗДНЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В статье анализируется вариативность обращения к персонифицированному времени в историографической традиции позднего Просвещения. Автор исходит из необходимости компаративного анализа макронсторий, созданных в рамках англо-шотландской и российской историографических традиций для выявления специфики «овременивания» в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.

Ключевые слова: *персонифицированное время, историографическая компаративистика, позднее Просвещение.*

Проблемы исторического времени, темпоральной структуры человеческого опыта вообще и специфики темпорального опыта историка, темпоральности нарратива сегодня играют важную роль в дискуссионном поле истории, философии, антропологии¹. З.А. Чеканцева констатирует формирование новой трансдисциплинарной области исследований, назвав ее «антропологической историей времени или исторической антропологией времени»². Вопреки отчетливым стремлениям освободить категорию «время» от багажа ценностей, его редукции к хронологии в исторической науке XX в., ряд новаторских работ периода расцвета структурализма и семиотики, разграничивавших историческое и календарное время, подготовил важные изменения, позволившие на рубеже XX–XXI вв. проблематизировать идею всемирной истории, которая начала утверждаться в эпоху Просвещения³. Это актуализирует исследование тех практик «овременивания», которые в макроисториях позднего Просвещения подводили своеобразный итог историописанию эпохи.

Автор статьи, обращаясь к историографической компаративистике, предполагающей систематическое, проводимое по ряду значимых параметров сравнительное исследование итоговых текстов, представленных историками читателям, анализирует роль персонифицированного времени в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и в трудах его непосредственных предшественников, британских историков Д. Юма, В. Робертсона, Э. Гиббона и отечественного историографа М.М. Щербатова.

¹ Сыров. С. 36-51. Чеканцева. 2010. С. 66-78.

² Чеканцева. 2010. С. 69.

³ Там же. С. 69-76. Чеканцева. 2011. С. 55-56.

Под персонифицированным временем автор предлагает понимать «именное» время, т.е. выделявшиеся историками временные отрезки, соответствовавшие периоду максимального индивидуального влияния на развитие социума наиболее значимых лиц в истории. Без сомнения, на первый взгляд такой вариант «овременивания» представляется прямым следствием периодизации исторического процесса по граням и не вызывает особых вопросов, однако при компаративном анализе текстов, бросаются в глаза различия, которые напрямую не вытекают из тех установок, на которые, как на значимые образцы, ориентировались историки второй половины XVIII – начала XIX века. Автор полагает, что труды по истории, вышедшие в период позднего Просвещения, т.е. после публикации Энциклопедии, подводившей определенный итог историко-философским размышлениям целой эпохи, в режиме большого времени могут рассматриваться как одновременные. Представляется, что вариативность градации времени в пределах двух – максимум трех поколений историков, создававших свои труды в ситуации относительной малочисленности исторического сообщества и, в целом, низкой интенсивности научных дискуссий требует осмысления.

Уже Вольтер в «Истории Карла XII» упоминал «времена Гераклов и Тезеев»⁴, однако мифологичность персонажей не позволяет увидеть здесь реальные хронологические координаты. Его позиция в отношении персонифицируемого времени объемнее высвечивается в утверждении, что из «множества императоров римских, германских, московских, султанов, халифов, пап, королей, сколько таких, чьи имена достойны только украшать хронологические таблицы, где они указывают эпоху»⁵. Скептицизм Вольтера в отношении абсолютного большинства монархов обусловил, вероятно, и несколько ироничное отношение к персонифицированному времени, что, возможно, оказало больше влияния на старших представителей «Исторического триумvirата Британии» – Д. Юма и В. Робертсона, и российского историка М.М. Щербатова.

Д. Юм (1711–1776), стремясь дать не летопись, а аналитическую историю, выявляющую не только сиюминутные события, но и долговременные процессы, использовал в «Истории Англии» различные вариации фиксации времени, позволявшие ему отвлечься от конкретных дат и выйти на значимые обобщения. Он подчеркивал: «Но мы не будем пытаться охватить каждое переданное нам дело; и до конца царствования, когда события становились более памятными, мы не будем всегда соблюдать

⁴ Вольтер, б/г. С. 45.

⁵ Там же. С. 3-4.

строгий хронологический порядок в нашем нарративе»⁶. Здесь очевидно как сохранение периодизации по граням, так и стремление дать историю, а не хронику. Время в макроистории Юма неоднократно определялось в соответствии с правящей династией: «в течение саксонских времен», «в течение Англо-Саксонского периода», «в Саксонские времена»⁷. Точкой отсчета могли служить и рубежные события, формально не привязанные к тому или иному имени: «в период, предшествовавший Норманнскому завоеванию», «в период, непосредственно предшествовавший Завоеванию», «даже до периода Завоевания», «в течение нескольких столетий после Завоевания»⁸. Очевидно, что такая периодизация определялась событиями при Вильгельме Завоевателе, однако историк не считал возможным свести эпохальные изменения к действиям олицетворявшего эпоху героя. Он очень осторожно прибегал к персонафикации времени, быть может, учитывая ироническую позицию Вольтера и тщательно отбирая достойных героев: век Цезаря, Эдуарда Исповедника, Елизаветы⁹. Неоднократно, кроме того, им использовалось выражение «в его время», «его времени» применительно ко времени разных героев его «Истории»: Альберта, Канута, Генриха II, Генриха VIII, Франсиска I¹⁰. Хотя персонафицированное время не играло в его «Истории Англии» заметной роли, вполне вероятно, что на формирование традиции, проявившейся в макроисториях представителей следующих поколений историков позднего Просвещения, оказал факт введения (причем подряд) времени королей Этельреда и Этельстана («in King Ethelred's time», «in Athelstan's time») в столь неординарный, привлекавший особенное внимание читателей элемент итогового текста, как «Аппендикс I», рассматривавший специфику развития общества при саксонской династии¹¹.

Относительно редко персонафицируемое время использовалось и в работах В. Робертсона (1721–1793). В «Истории Шотландии» историк выделил период, начавшийся «со времен Вильяма Норманнского», в течение которого правильное престолонаследие редко обеспечивалось на протяжении трех следовавших друг за другом правлений¹². Этот вариант персонафикации времени нес в себе, очевидно, важную коммуникатив-

⁶ *Hume*. Vol. I. P. 526.

⁷ *Ibid*. P. 174, 186, 196, 297, 507, 522.

⁸ *Ibid*. P. 175, 184, 193, 218, 570.

⁹ *Ibid*. P. 3, 270. Vol. IV. P. 191. Следует отметить и выделение времени автора Глоссария, Г. Спелмана. – *Ibid*. Vol. I. P. 138.

¹⁰ *Ibid*. P. 131, 236, 397. Vol. III. P. 21.

¹¹ *Ibid*. Vol. I. P. 194-195.

¹² *Robertson*. The history of Scotland... Vol. II. P. 50.

ную функцию, позволив историку донести до каждого читателя представление о глубоких корнях анализируемой им проблемы. Но персонафикация времени для «Истории Шотландии» не характерна. Уделив особое внимание периодам малолетства королей (*minority*) и регенства (*regency*), которые, по Робертсону, сыграли чрезвычайно негативную роль в истории Шотландии, он, по сути, ввел дихотомию малолетств (регенств)¹³ и периодов правления королей¹⁴. «Именное» время, видимо, не вписывалось в эту конструкцию «овременивания». Поскольку основные события в «Истории Шотландии» разворачивались в период противостояния Елизаветы I и Марии Стюарт, сопровождавшего малолетство Якова VI, общее для главных героев его книги время, вероятно, не оставляло оснований для персонафикации.

В наиболее известном труде Робертсона, «Истории государства императора Карла V», реестр персонафицированного времени несколько расширился: «во времена Карла Великого», «со времен Карла VIII», «век Карла V», «во времена Карла V»¹⁵. Однако в этом труде в центре внимания историка, протестантского священника, находилось время Реформации, неслучайно среди «королевских» вариантов встречается время, названное по имени ее лидера: «со времен Лютера»¹⁶. Значимостью религиозных процессов было предопределено и выделение периода, начинающегося от «времен Апостольских»¹⁷, хотя в данном случае его название определялось деятельностью групповой, а не индивидуальной.

В «Истории Америки», последней макроистории Робертсона, персонафицированное время использовалось еще реже, вероятно, потому, что воссоздаваемая здесь эпоха, отчасти совпадавшая с периодами, исследованными в более ранних работах, характеризовалась им как век открытий («*age of discovery*»), начавшийся «со времен Колумба»¹⁸. Рассматривая предысторию великих открытий, историк выделил время Птолемея, после которого, по его мнению, ничего достойного не было сделано в плане развития географических знаний¹⁹. Анализируя успехи мореплавания, он обозначил в качестве отправной точки время Птолемея в Египте, однако в данном случае династический принцип вытеснил персональный²⁰.

¹³ Ibid. Vol. I. P. 33-38, 98. Vol. II. P. 238, 353, 376, 387, 409, 419. Vol. III. P. 106.

¹⁴ Ibid. Vol. I. P. 141. Vol. II. P. 19. Vol. III. P. 192.

¹⁵ Робертсон. Т. I. С. X, 297. Т. IV: 223, 240, 249, 257.

¹⁶ Там же. Т. IV. С. 249.

¹⁷ Там же. Т. I. С. 22.

¹⁸ Robertson. The history of America. Vol. I (VIII). P. 269; Vol. Vol. II. (IX). P. 345.

¹⁹ Ibid. Vol. I (VIII). P. 34.

²⁰ Ibid. Vol. I (VIII). P. 21.

Ключевые фигуры, определившие своей деятельностью целые эпохи и давшие времени свои имена, отбирались Робертсоном не только среди королевских фамилий, что вполне соответствовало вольтеровскому представлению о современных задачах истории, неслучайно Робертсон подчеркивал, что Вольтер часто светил ему в его розысканиях²¹.

В британской традиции позднего Просвещения максимум использования персонифицированного времени был достигнут в труде младшего представителя «Исторического Триумvirата Британии» Э. Гиббона (1737-1794) «История упадка и разрушения Римской империи». «Именное» время неоднократно выходило на уровень макроструктуры текста, т. е. вводилось в названия глав: «...во времена императора Деция», «...со времен Гераклия»²². Имена наиболее значимых правителей выстраиваются в целые временные ряды. Время Октавиана Августа, например, представлено в следующих вариациях: «со времен Нумы и до времен Августа», «во времена Августа», «со времен Августа», «От времен Августа до времен Александра Севера», «Со времен Августа до времен Диоклетиана», «во времена Августа и даже во времена Константина» и др.²³ Вариативно и время императора Константина: «во времена Константина», «времен Константина Великого», «в веке Константина», «Век великого Константина и его сыновей» и др.²⁴ Разнообразны варианты моделирования времени Цезаря и Адриана²⁵. Дали времени свое имя на страницах «Истории» Гиббона и другие правители Рима: Ромул, Сулла, Нерон, Домициан, Элиогабал, Траян, Александр Север, Деций, Клавдий, Юлиан, Марк Антонин²⁶. Античность представлена не только римскими правителями. Встречается время Перикла и Александра²⁷. Пополнили реестр персонифицированного времени византийские императоры, правители Востока: «Во времена Феодосия», «Со времен Осроя», «до времен Тамерлана» и др.²⁸ Касаясь средневековой истории, Гиббон выделял времена Карла Великого, Гуго Капета, Эдуарда III²⁹.

²¹ Робертсон. Т. I. С. 345-346.

²² Гиббон. Ч. I. Гл. I-III, IX. Ч. V. Гл. XLVIII. Ч. VI. Гл. LXVI.

²³ См. также: «времен Августа», «от времен Августа» и др. Там же. Ч. I. С. 68, 72, 79, 145, 224, 292, 335, 373. Ч. II. 182, 200, 250. Ч. VI. С. 39.

²⁴ Там же. Ч. I. С. 304, 400. Ч. II. С. 122, 123, 148, 165, 209, 218, 250, 257, 267. Ч. III. С. 55. Ч. VI. С. 39.

²⁵ Там же. Ч. I. С. 60, 243, 249, 259; Ч. I. С. 115. Ч. II. С. 77-78. Ч. IV. С. 115.

²⁶ Там же. Ч. I. С. 89, 94, 111, 145-146, 196, 219, 221, 274, 285. Ч. II. С. 45, 65, 77, 98, 347, 350. Ч. III. С. 23, 94.

²⁷ Там же. Ч. I. С. 233. Ч. II: 130.

²⁸ Там же. Ч. I: 97, 236. Ч. II: 219. 2004. Ч. VI: 28.

²⁹ Там же. Ч. I. С. 249. Ч. IV. С. 27. Ч. VII. С. 29, 32, 35.

Как и у его британских предшественников, в труде Гиббона использовался династический принцип периодизации: «не позднее века Антонинов», «от эпохи Антонинов до эпохи Феодосия» и т.д.³⁰

Гиббоном выделял и время представителей христианской церкви, чьи имена не всегда назывались: «во времена апостолов и первых их учеников», «во времена Христа, его апостолов и первых апостольских учеников» и др.³¹

Как и у Робертсона, у Гиббона фигурировало время Лютера³². Переоценка ценностей в эпоху Просвещения обусловила появление в его нарративе времен тех авторов, которые оставили свидетельства о минувшем в поэтических и исторических произведениях: время Гомера, Полибия, Дионисия Галикарнасского, Аппиана и др.³³

М.М. Щербатов (1733–1790), практически параллельно с Гиббоном создававший свою «Историю Российскую от древнейших времен», крайне редко прибегал к персонификации времени, подобно Юму и Робертсону. Им были выделены периоды, начинавшиеся «от времен Рюрика» и «со времен Витольда великаго князя Литовскаго»³⁴, он отметил происходившее «во время Царя *Феодора Иоанновича*» и «во время Царя Алексея Михайловича»³⁵. Кроме того, историк указал на время Дмитрия Донского и Ивана III в безымянных формулировках: «Во время сего Великаго Князя», «времен сего Князя», «времен сего Государя»³⁶. Трижды историк определял время в соответствии с прозвищем Лжедмитрия I: «до времени Разстриги», «во время Разстриги»³⁷.

Максимум использования «именного» времени в отечественной историографической традиции был достигнут в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (1766–1826). В персонификации исторического времени образцом для российского историка, без сомнения, стала макроистория Гиббона, а не труд его отечественного предшественника М.М. Щербатова. Время в «Истории» Карамзина маркировалось как российскими, так и зарубежными именами. Историк выделил времена Авраамовы, время персидского царя Кира, понтийского царя Митридата Евпа-

³⁰ См. так же: «в век Антонинов», «со времен Антонинов». *Там же*. Ч. I. С. 47, 77, 81, 91, 94, 98, 163, 187, 208, 266-267, 271. Ч. III. С. 80. Ч. VI. С. 45.

³¹ Там же. Ч. II. С. 29, 61, 122. Ч. III. С. 67.

³² Там же. Ч. I. С. 354.

³³ Там же. Ч. I. С. 60, 97, 192. Ч. IV. С. 35. Ч. VI. С. 19.

³⁴ *Щербатов*. Т. VI. Ч. I. С. 190. Т. V. Ч. III. С. 59.

³⁵ Там же. Т. VII. Ч. I. С. 94, 134.

³⁶ Там же. Т. IV. Ч. I. С. 236. Т. IV. Ч. II. С. 363, 365.

³⁷ либо «Розстриги». *Там же*. Т. VII. Ч. I. С. 16. Т. VII. Ч. II. С. 25, 107.

тора³⁸; рубежными становились события, происходившие «до времен Митридатовых» либо «за 100 лет до времен Кировых»³⁹.

Античное время было обозначено именами правителей Филиппа Македонского, римских императоров Августа, Нерона, Траяна, Адриана, Диоклетиана, Константина Великого, Феодосия Великого⁴⁰. Имена некоторых из них, как и у Гиббона, в «Истории» Карамзина создавали некую временную цепочку, идущую из отдаленного прошлого: «до времен Траяна», «век Траянов», «Траянова времени», «со времен Траяновых», «От времен Траяна до Всеслава» и др.⁴¹; «еще прежде времен Константина Великого», «от времен Константина Великого», «после времен Константина Великого» и др.⁴² Персонафикация времени затронула вождей гетов, готов, гуннов: «во время Царя своего, Беребиста Храбраго», «Со времен славнаго Германариха»; «во время Атиллы»⁴³. Отмечен и Карл Великий: «за долго до времен Карла Великого», «о временах Карла Великого», «со времен Карла Великого»⁴⁴. Византийские императоры также не остались без персонального времени: «со времен Юстиниановых», «гораздо ранее времен Ираклиевых», «в Ираклиево время», «со времен Императора Михаила», «Во время Императора Льва Македонского»⁴⁵; неоднократно упоминалось время Константина Багрянородного: «в Константиново время», «от времен Константиновых»; «от времен Константина VIII»⁴⁶.

Отмечено было и время английского короля Альфреда Великого, литовских правителей Гедимина и Витовта, молдавского господаря Стефана V, турецкого султана Баязета II, польских королей Стефана Батория и Сигизмунда III, французского короля Людовика XIV⁴⁷.

³⁸ Карамзин Т. И. С. Т. I. С. 3. Прим. к Т. I. С. 6.

³⁹ Там же. Кн. I. Т. I. С. 3.

⁴⁰ «со времен Филиппа Македонского»; «во время или Августа Кесаря, или Нерона или Атиллы», «времен Адриановых», «во время Диоклетианово», «от времен Феодосия Великого до седьмого века» и др. Там же. Кн. I. Т. I. С. 2, 6, 8, 18, 64. Прим. к Т. I. С. 5, 7-8, 11, 23, 43, 57, 76, 108. Прим. к Т. II. С. 17. Т. IV. С. 12. Кн. II. Т. VI. С. 143.

⁴¹ См. также: «во время Траяново». Там же. Кн. I. Т. I. С. 2, 8, 18, 64. Прим. к Т. I. С. 5, 7-8, 23.

⁴² См. также: «со времен Константина Великого». Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 11, 43, 76. Кн. II. Т. VI. С. 143.

⁴³ Там же. Кн. I. Т. I. С. 6, 10. Прим. к Т. III. С. 105.

⁴⁴ Там же. Кн. I. Т. I. С. 40, 142. Прим. к Т. I. С. 61.

⁴⁵ См. также: «гораздо ранее времен Ираклиевых». Там же. Кн. I. Т. I. С. 11, 31. Прим. к Т. I. С. 20, 32 (2). 76, 81.

⁴⁶ Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 85, 109 (2).

⁴⁷ «во время Английского короля Альфреда», «со времен Гедиминовых», «Со времен Витовта», «до времен Государа Молдавского, Стефана V», «от времен Баязета», «в Стефаново время», «в Сигизмундово время», «со времен Людовика XIV».

Персонификация не могла не коснуться и времени монгольских правителей – Чингисхана, Батыя, Берке, Джанибека, Мамай, Тохтамыш, Едигея⁴⁸. Чаще других Карамзиным упоминалось время Чингисхана и Батыя: «гораздо древнее времен Чингисхановых», «за несколько веков до времен Чингисхана», «времен Чингисовых» и др.⁴⁹; «время Батыево», «в злосчастныя времена Батыевы», «временам Батыевым»⁵⁰.

Персонификация времени в пределах российской государственности проведена более масштабно. Среди лидирующих – время Рюрика: «гораздо ранее времен Рюриковых», «прежде Рюриковых времен», «во времена Рюрика», «со времен Рюриковых», «со времен Рюрика до настоящего» и др.⁵¹ Неоднократно упоминалось время преемника Рюрика, князя Олега, имена киевских правителей Аскольда и Дира, княгини Ольги: «в Олегово время», «в Олеговы времена», «со времен Олеговых»⁵²; «со времен Аскольда и Дира», «во время Аскольда и Дира», «Аскольдова времени»⁵³; «до времен Ольгиных», «в Ольгино время», «от века Ольгина и Владимирова»⁵⁴. Очень значителен «реестр времен» Владимира Святославича: «до времен Владимировых», «ко временам Св. Владимира», «во времена Владимировы», «со времен Владимира» и др.⁵⁵ Не обойден и Ярослав Мудрый: «до времен Ярослава Великаго», «в Ярославово время», «от времен Ярослава», «времен Ярославовых», «со времен Ярослава

Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 52. Прим. к Т. IV. С. 58. Кн. II. Т. V. С. 176, 212. Т. VI. С. 147. Кн. III. Т. IX. С. 104. Т. X. С. 67, 162.

⁴⁸ «в Батыево время», «со времен Хана Берки», «во время Царя Тохтамышша», «гораздо древнее Эдигеевых времен», «времен Чанибековых», «около времен Мамаевых». Там же. Кн. I. Прим. к Т. IV. С. 91, 120. Кн. II. Т. V. С. 224. Прим. к Т. V. С. 11, 158.

⁴⁹ См. также: «во времена Чингисовы или его наследников». Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 19, 95. Кн. III. Т. IX. С. 228, 239.

⁵⁰ См. также: «Батыево время». Там же. Кн. I. Т. IV. С. 82. Кн. II. Т. V. С. 224. Там же. Кн. III. Т. IX. С. 121. Т. XII. С. 76.

⁵¹ См. также: «До времен Рюрика и Олега», «до времен Рюриковых», «времен Рюриковых», «Рюриковых времен», «от времен Рюрика». Там же. Кн. I. Т. I. С. 23, 31, 144, 148. Прим. к Т. I. С. 39, 48, 52, 72 (3), 135. Прим. к Т. II. С. 28. Т. III. С. 121. Т. IV. С. 109. Кн. III. Т. X. С. 131.

⁵² Там же. Кн. I. Т. I. С. 94, 125, 148, 150. Прим. к Т. I. С. 88. Т. II. С. 26. Прим. к Т. II. С. 30.

⁵³ Там же. Кн. I. Т. I. С. 78, 85. Прим. к Т. I. С. 119, 131.

⁵⁴ Там же. Кн. I. Т. I. С. 107, 150. Прим. к Т. I. С. 105. Кн. II. Т. VI. С. 121.

⁵⁵ См. также: «Владимирова времени», «во время Владимира Святого», «времена Владимировы», «Со времен Владимира Святого», «от века Ольгина и Владимирова», «ко временам Владимира и Ярослава»; «Со времен Владимира Святого до Георгия Долгорукаго», «от времен Св. Владимира до Феодоровых»⁵⁵. Там же. Кн. I. Т. I. С. 59, 66, 142, 151–152. Прим. к Т. I. С. 131, 135. Т. III. С. 21, 134. Прим. к Т. III. С. 104. Кн. II. Т. V. С. 172, 240. Т. VI. С. 121. Кн. III. Т. X. С. 68.

до самого Батяя» и др.⁵⁶ Неоднократно время маркировалось именами Владимира Мономаха, Андрея Боголюбского, Дмитрия Донского, Ивана Калиты: «Во времена Мономаховы», «Мономахово время», «со времен Владимира Мономаха»⁵⁷; «до времен Андрея Боголюбского», «после или во время Андрея Боголюбского», «со времен Андрея Боголюбского»⁵⁸; «до времен Донского», «во времена Дмитрия Донского», «со времен Донского»⁵⁹; «От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты»; «во время Иоанна Калиты», «со времен Ивана Калиты» и т.д.⁶⁰

Если добавить к вышеперечисленному «именное» время тех князей из династии Рюриковичей, которые упоминались реже, то перечень получается еще более представительным: «в Игоревое время», «до времен Святославовых», «времен Святополковых», «времен Всеволода I», «времен Всеволода III», «Романово время», «времен Александровых и Дмитриевых», «во время Михаила Тверского»; «со времен Симеона Гордого»; «со времен Василия Дмитриевича», «времен Василия Темного» и др.⁶¹

Среди правителей Московского царства особенно представительны ряды «именного» времени Ивана III («до времен Иоанна III», «в Иоанново время», «век Иоаннов», «со времен Иоанна III» и др.⁶²), Ивана IV

⁵⁶ См. также: «Ярославова времени», «Ярославова века», «Ярославовых времен», «со времен Ярослава до XIII века», «от времен Ярослава Великого до нашего сих грозных иноплеменников», «от времен Ярослава до XIV века». *Там же*. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 92, 137, 144. Т. II. С. 38. Прим. к Т. II. С. 41. Т. III. С. 118, 129. Прим. к Т. III. С. 99. Кн. II. Т. V. С. 215, 217, 234.

⁵⁷ См. также: «Владиминова времени». *Там же*. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 144. Т. II. С. 90. Т. III. С. 130. Кн. II. Т. V. С. 208.

⁵⁸ См. также: «от времен Андрея Боголюбского». *Там же*. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 127. Т. III. С. 123, 130. Прим. к Т. III. С. 70. Т. IV. С. 171. Кн. II. Т. V. С. 74. Прим. к Т. V. С. 163.

⁵⁹ См. также: «времен Донского», «времен Дмитрия», «Дмитриева времени», «во время Дмитрия Донского и сына его». *Там же*. Кн. I. Т. I. С. XIV. Т. IV. С. 104, 152. Кн. II. Т. V. С. 62, 66, 70. Прим. к Т. V. С. 52, 96, 167-168, 174. Кн. II. Т. VIII. С. 126. Прим. к Т. VIII. С. 31.

⁶⁰ См. также: «времен Иоанновых», «со времен Иоанновых». *Там же*. Кн. I. Т. IV. С. 133, 152. Кн. II. Т. V. С. 10, 73, 216-217. Т. VI. С. 85. Прим. к Т. VI. С. 79.

⁶¹ См. также: «со времен Святослава I», «века Святополкова», «времена Всеволода I или Святополка-Михаила», «Всеволодова времени», «Во время Дмитрия Александровича», «от времен Святаго Михаила Ярославича», «Симеонова времени» и др. *Там же*. Кн. I. Т. I. С. 72. Прим. к Т. I. С. 85, 125. Т. II. С. 86-87. Прим. к Т. II. С. 98. Т. III. С. 43, 71, 88, 105. Прим. к Т. III. С. 70. Т. IV. С. 26, 69, 93, 104, 149. Прим. к Т. IV. С. 58, 147, 177, 180. Кн. II. Т. V. С. 124, 213, 216-217, 230. Т. VI. С. 9, 61, 112.

⁶² См. также: «до самых времен Иоанна III», «Иоаннова времени», «Иоаннова века». *Там же*. Кн. I. Т. I. С. XVII. Кн. II. Т. V. С. 68. Прим. к Т. V. С. 44, 151. Т. VI. С. 58, 140, 211, 226. Прим. к Т. VI. С. 78-79, 85. Т. VII. С. 17, 21, 33. Т. VIII. С. 161. Кн. III. Т. IX. С. 163. Т. X. С. 45.

(«древнее времен Иоанновых, но не Батыевых», «в Иоанново время», «времен Иоанновых», «со времен Иоанновых», «от времен Иоанна до Годунова»⁶³) и Федора Иоанновича («ко временам Феодоровым или Годунова», ««во время Царя Феодора Иоанновича», «в Борисово и Феодорово время» и др.⁶⁴). Неоднократно упоминалось и о времени Василия III, Бориса Годунова: «времен Василия Иоанновича», «о временах Василия», «со времен В.К. Василия Иоанновича»⁶⁵; «в Борисово время», «Борисова времени», «Годунова времени»⁶⁶. Трижды, как и у Щербатова, фигурировало время Лжедмитрия I: «во время первого Лжедмитрия»; «Лжедмитриева времени», «со времен Разстриги»⁶⁷. Карамзин ввел в текст макроистории и тех царей из династии Романовых, чьи деяния оказались вне временных пределов «Истории государства Российского»: «времен Царя Михаила Феодоровича», «около времен Царя Алексия Михайловича», «не во времена Алексия Михайловича»; «во время Царя Феодора Алексеевича»⁶⁸; «до времен Петра Великаго»; «во времена Петра Великаго»⁶⁹.

Из политической элиты встречается «время» А. Адашева: «...а Бояре жалели о временах Адашевских», «во время Адашева»; «в счастливыя времена Князя Ивана Бельскаго и Адашева»⁷⁰; а также время представителей церкви: «в Антониево время», «еще до времен Ефремовых»; «времен Феогностовых», «во время Алексия Митрополита», со времен Митрополита Киприана», «во время Митрополита Варлаама», «Макариева времени», «...прежде Никона... века за четыре до времен его»⁷¹. Карам-

⁶³ См. также: «времен Иоанновых», «времени Иоаннова», «времена Иоанновы», «Иоаннова века», «о временах Грознаго», «о временах Иоанна Грознаго». Там же. Кн. II. Прим. к Т. VIII. С. 5-6, 75. Кн. III. Т. IX. С. 276. Прим. к Т. IX. С. 10, 20, 30, 34. Т. X. С. 17, 22, 39, 48, 73, 91, 138-139, 141 (2), 147, 149, 152, 158. Прим. к Т. X. С. 60. Т. XI. С. 9, 42, 125, 133, 147. Т. XII. С. 42.

⁶⁴ См. также: «Феодорово время», «в Феодорово время» «век Феодоров», «времен Феодоровых», «Феодорова времени» и др. Там же. Кн. II. Прим. к Т. VII. С. 65. Кн. III. Прим. к Т. IX. С. 174. Т. X. С. 68, 75, 139, 141, 143, 151, 154, 162. Прим. к Т. X. С. 29, 81. Т. XI. С. 34, 42, 52, 59, 69. Т. XII. С. 16, 149.

⁶⁵ Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 59. Кн. II. Т. VII. С. 139. Т. VIII. С. 131. Кн. III. Прим. к Т. IX. С. 160.

⁶⁶ Там же. Кн. III. Т. X. С. 151. Т. XI. С. 54, 87, 124. Прим. к Т. XI. С. 18, 28. Т. XII. С. 4-5, 16, 18, 50, 81.

⁶⁷ Там же. Кн. III. Т. XII. С. 9, 78, 149.

⁶⁸ Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 78. Прим. к Т. III. С. 93, 131. Кн. III. Прим. к Т. IX. С. 172.

⁶⁹ См. также: «до самых времен Петра Великаго». Там же. Кн. I. Т. I. С. XVI. Прим. к Т. IV. С. 61. Кн. II. Т. V. С. 42.

⁷⁰ Там же. Кн. III. Т. IX. С. 53, 158; Т. X. С. 14.

⁷¹ Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 67. Прим. к Т. II. С. 16, 66. Прим. к Т. III. С. 93. Прим. к Т. IV. С. 121. Кн. II. Т. V. С. 63. Т. VII. С. 100. Кн. III. Т. IX. С. 29.

зин выделил и те периоды, которые получили имена авторов научных трактатов, трудов по истории, летописей, записок, и т.д.: «во времена Гомеровы», «со времен Геродотовых», во время Плиния и Тацита, «в Страбоново время», «в Птолемеёво время»⁷²; им упоминалось время Константина и Мефодия⁷³, особенно часто – Несторово время⁷⁴, отмечено и «время Киннама», «Герберштейново время», «Витзенено время»⁷⁵.

Как и его предшественники, Карамзин умножал реестр «именного» времени, пропуская имя: «своего времени», «своего века» и т.д.⁷⁶

Столь очевидный количественный «взрыв» интереса Гиббона и Карамзина к «овремениванию» путем персонафикации, без сомнения, не может рассматриваться как некое последовательное продолжение или только гиперболизация отдельных решений Юма, Робертсона, Щербатова. Речь шла о совершенно ином подходе, придании персонафицированному времени принципиально иных функций, о введении его в текст макроисторий в новом качестве. Известно, что историки позднего Просвещения остро осознавали необходимость обновления прежних канонов, определявших специфику введения фактора времени в историческое исследование. Компаративный анализ вариантов, помещенных в пространство исследуемых нарративов позднего Просвещения, позволяет утверждать, что к излету Просвещения именно персонафицированное время стало одним из важнейших вариантов преодоления традиции погодной записи событий, наряду с выведением обобщающих глав из хронологической канвы нарративов, выстраивавшихся преимущественно на традиции анналов (летописей)⁷⁷.

⁷² См. также: «В Тацитово время», «Во время Плиния и Тацита»; «еще прежде Страбоновых времен», «во время Страбоново». Там же. Кн. I. Т. I. С. 40. Прим. к Т. I. С. 7, 10-11, 65, 122.

⁷³ Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 68.

⁷⁴ Там же. Кн. I. Т. I. С. 20, 75, 77, 101, 119, 126, 132. Прим. к Т. I. С. 22, 105, 118, 131. Т. II. С. 14. Прим. к Т. III. С. 94.

⁷⁵ Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 22, 45. Кн. III. Прим. к Т. IX. С. 156.

⁷⁶ Там же. Кн. I. Т. I. С. 71, 141. Прим. к Т. I. С. 6, 8, 24, 35, 40, 52, 66, 85, 98, 112, 123 (2), 127, 137, 142. Т. II. С. 112. Прим. к Т. II. С. 104. Прим. к Т. III. С. 62. Т. IV. С. 77, 148. Прим. к Т. IV. С. 53, 120, 143. Кн. II. Прим. к Т. V. С. 47, 123. Т. VI. С. 49, 213. Кн. III. Т. X. С. 73, 148, 152. Т. XI. С. 134, 175. Т. XII. С. 3-4, 101.

⁷⁷ О сходстве анналов и летописей писал еще А.-Л. Шлецер, особо выделяя такой характерный (в работах позднего Просвещения еще не вполне утраченный) признак, как наличие «пустых лет» (*Шлецер*. С. 259). В недавнем исследовании Т.В. Гимона глава «Анналы и летописи» посвящена сравнительному анализу этих источников (*Гиμων*. С. 68-170), где, в частности, автором выделены признаки анналов, вполне соответствующие и специфике летописей (С. 84-85).

«Именное» время использовалось Гиббоном и Карамзиным в качестве точки отсчета значимых процессов, фиксировавшей как ретроспективу, так и перспективу их развития, связь времен. Особенно отчетливо стремление подчеркнуть взаимосвязанность разных эпох в связи с правлением императора Константина: «Еще за несколько веков до Константина», «Со времен Комода до царствования Константина», «Во времена Константина и Юстиниана», «Со времен Константина до времен Хлодвига и Теодориха» и др.⁷⁸ Гиббон использовал персонификацию времени при сопоставлении тех или иных периодов по самым разным поводам: высказывая свои мысли о завоеваниях, он сослался на период «со времен Константина до времен Плантагенетов»; объяснил воздействием деспотизма и суеверия переход Сирии от процветания («Со времен Давида и до времен Гераклия») к опустошению; выделил период «со времен Эдуарда III по настоящее время», характеризуя историю рода Куртенэ⁷⁹. Он соединял разнесенные во времени эпохи для опровержения позиций, основанных скорее на баснях, нежели на доводах рассудка⁸⁰. Время с царствования Августа до времен Александра Севера определялось как тот период, когда империя знала только внутренних врагов, варвары еще не беспокоили империю сколько-нибудь заметно⁸¹. Столетия, разделявшие времена Августа и времена Диоклетиана характеризовались им как период традиционной бесцеремонности в отношениях между императором и гражданами Рима, которая сменилась далее введением множества формальностей, не допускавших отныне подданных к священной особе императора⁸². Вывод историка о том, что между временами Комода и Константина «можно насчитать до ста губернаторов, которые, с различным успехом, поднимали знамя мятежа⁸³, также позволял выделить специфику и временные характеристики переломного периода в истории империи. Что же касается эпохи, отграниченной именами Константина, Хлодвига и Теодориха, то ее особенностью Гиббон считал тесную связь мирских интересов римлян и варваров с богословскими спорами по поводу учения Ария⁸⁴.

⁷⁸ Гиббон. Ч. II. С. 123, 148, 257, 267.

⁷⁹ Там же. Ч. III. С. 80. Ч. VI. С. 28. Ч. VII. С. 35.

⁸⁰ Не без иронии он отмечал, например, опровергая явно преувеличенные сведения, что «нет никакого основания думать, чтобы в век Антонинов страна была менее населена, чем в век Ромула». Там же. Ч. I. С. 94.

⁸¹ Там же. Ч. I. С. 224.

⁸² Там же. Ч. I. С. 373-374.

⁸³ Там же. Ч. II. С. 148.

⁸⁴ Там же. Ч. II. С. 267.

Фиксируя произошедшие со времен Римской империи изменения или проводя параллели с той эпохой, историк также прибегал к использованию «именного» времени. Он полагал, что жестокосердие римских императоров со времен Комода и Каракаллы «большую часть происходило от страха», и лишь Юстиниан ««находил наслаждение в страданиях своих подданных»⁸⁵. Касаясь проблемы плодородия почв, он признал, что благоприятные перемены появились «благодаря труду десяти столетий, протекших со времен Карла Великого»; характеризуя крепость, которую не смогли взять войска персидского монарха Сапора, он отметил, что она считалась неприступной «до времен Тамерлана», а восстание в Галлии он уподобил тому, что вспыхнуло «во времена Лютера» и т.д.⁸⁶

Карамзин перед описанием Смуты подчеркнуто выделил периоды, обозначившие начало, складывание и конец эпохи династии Рюриковичей: «от времен Св. Владимира до Феодоровых» Россия, по его словам, не искала чести иметь патриарха; «от времен Рюриковых до Феодоровых» не было и «трона упраздненного, конца племени Державного»; «от времен Олеговых до Феодоровых» Россия отличалась похвальной терпимостью и т.д.⁸⁷ Характеризуя специфику правления, полномочия княжеской власти на Руси перед нашествием монголов, Карамзин заметил, подчеркивая одновременно и взаимосвязь эпох, и их специфику: «Между тем древний устав Рюриковых времен не был отменен»⁸⁸. Имя Батыея, обозначив начало монгольского периода, помогло Карамзину охарактеризовать и период Смуты: «Россия могла тогда завидовать временам Батыевым»⁸⁹. Особенно заметно стремление показать взаимосвязь разных эпох при сопоставлении вариантов презентации времени, представленного фигурами Ивана IV и его сына Федора Ивановича, не случайно в обобщающей гл. IV десятого тома историк анализировал Феодорово время в постоянном сопоставлении с временем Иоанновым.

Персонафицированное время в том варианте, который предложили Э. Гиббон и Н.М. Карамзин, позволяло ставить и решать значимые просветительские задачи, предъявляя особые требования к читателю, предполагая его знакомство с хронологией как римской, так и всемирной истории, свободную ориентацию в ней.

Использование «именного» времени помогало авторам вести диалог о Добре и Зле, выражать свою этическую позицию. Ссылки на яркие фи-

⁸⁵ Там же. Ч. V. С. 190.

⁸⁶ Там же. Ч. I. С. 249, 354. Ч. II. С. 219.

⁸⁷ Карамзин. Кн. III. Т. X. С. 68, 75, 162.

⁸⁸ Там же. Кн. I. Т. III. С. 121.

⁸⁹ Там же. Кн. III. Т. XII. С. 76.

гуры из прошлого (пусть отчасти и мифологизированного) вызывали в памяти позитивный или негативный образ определенного времени. Согласно Гиббону, период, прошедший со времен Нумы и до времен Августа, был отмечен тем, что роль главного первосвященника исполнялась одним из самых достойных сенаторов, тогда как затем она была соединена со званием императора⁹⁰. Стремясь донести до читателей контраст между разнесенными во времени эпохами, Карамзин выделял «благословенный век Траянов» и, напротив, «бедственные времена Всеволода I или Святополка-Михаила»⁹¹. Он отчетливо противопоставлял лучшие времена и ненавистные времена Иоанновы, счастливый век Феодоров – губительному Иоаннову веку, жестокость Годунова признавал достойной времен Иоанновых⁹². Нельзя не видеть в этих строках также стремления обосновать те мысли об истории, которые Карамзин высказал еще в Предисловии, подчеркнув, что история мирит гражданина «с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках»⁹³.

Проводившаяся историками аналитика позволяла донести до читателя присущую историкам-просветителям убежденность в предопределенности исторических процессов множеством факторов, в том числе и личного характера, давала возможность уйти от схематизма и упрощения в воссоздании истории. Имена политиков и священнослужителей, философов и историков становились олицетворением времени, накладывая на время печать не только политической, но и духовной, интеллектуальной элитарности, расширявшие для читателей перспективы собственного роста, индивидуальной самореализации.

Компаративный анализ макроисторий, созданных в британской и российской историографических традиций второй половины XVIII – первой четверти XIX вв., позволяет говорить о том, что активизация использования персонифицированного времени на излете позднего Просвещения определялась как исследовательскими, так и просветительскими задачами авторов и напрямую не связана со средневековой традицией определения времени по именам правителей. Излет Просвещения стал своего рода звездным часом персонифицированного времени, когда определилась и новая парадигма презентации времени, и вы-

⁹⁰ Гиббон. Ч. II. С. 250.

⁹¹ Там же. Кн. I. Т. I. С. 2. Т. III. С. 43.

⁹² Карамзин. Там же. Кн. III. Т. X. С. 17, 22, 141. Прим к Т. X. С. 60, 91.

⁹³ Там же. Кн. I. Т. I. С. IX. Эти строки Карамзина, вероятно, внутренне связаны с позицией Ш. Монтескье, считавшего своеобразной сверхзадачей дать людям возможность почувствовать себя счастливыми «во всякой стране, при всяком правительстве и на всяком занимаемом ими посту». Монтескье. С. 160.

рос читатель, способный ее воспринимать, удерживая в памяти хронологию разных периодов истории, без чего та аналитика, которую предлагали историографы этого периода, просто не могла быть понята. Представление о неразрывном единстве исследовательских и просветительских задач исторических нарративов, определявшее специфику мышления историков той эпохи, не удержится в сциентистской традиции следующих поколений историков, обусловив угасание столь ярко вспыхнувшей, но так недолго просуществовавшей традиции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вольтер Ф.* История Карла XII, короля шведского. СПб., б/г.
- Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. СПб.: Ч. I-II. 1993; Ч. III. 2008; Ч. IV. 2006. Ч. V-VII. 2004.
- Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. – М.: Фонд Содействия Образованию и Науке. 2011.
- История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л.: «Наука». 1978.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Книга I-IV. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. М.: «Книга». 1988-1989.
- Монтескье Ш.* О духе законов// Избранные произведения. М.: Госиздат. 1955. С. 157–733.
- Сыров В.Н.* Введение в философию истории: Своеобразие исторической мысли. М.: Водолей Publishers. 2006. – 248 с.
- Робертсон В.* История государственования императора Карла V. Т. I-IV. М. 1839.
- Чеканцева З.А.* Время историка. // Образы времени и исторические представления: Россия–Восток–Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Кругъ», 2010. С. 66-78.
- Чеканцева З.А.* «Нарративное» время историка. // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: УРСС, 2011. С. 55-74.
- Шлецер А.-Л.* Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудвиком Шлецером. Ч. I. СПб., 1809.
12. *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Санкт-Петербург. Т. I. 1794; Т. II. 1805. Т. III. 1774. Т. IV. Ч. I. 1781. Ч. II. 1783. Ч. III. 1784. Т. V. Ч. I. 1786. Ч. II-IV. 1789. Т. VI. Ч. I-II. 1790. Т. VII. Ч. I. 1790. Ч. II-III. 1791.
- Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. Vol. I-VI. L. 1830.
- Robertson W.* The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I-III. // Robertson W. The works of W. Robertson in twelve volums. Vol. I-III. Edinburgh–London. 1819.
- Robertson W.* The history of America. Vol. I-IV. // Robertson W. The works... Vol. VIII–XI. - Edinburgh-London. 1819.

Рудковская Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета; iri-rudkovskaya@yandex.ru

Е. С. КИРСАНОВА

ЛИЧНОСТЬ ИСТОРИКА НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ МНЕНИЙ О СТАРЫХ И НОВЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСТВА Т. Н. ГРАНОВСКОГО

На основе анализа взглядов на творчество Т.Н. Грановского двух крупнейших представителей русского историзма Б.Н. Чичерина и В.И. Герье освещается вопрос о вкладе историка в развитие русской исторической науки, подчеркиваются некоторые характерные черты его историко-теоретических взглядов.

Ключевые слова: философия, историческая наука, естествознание, идеализм, религия, этика, историзм.

Процессы пересмотра и переосмысления всей панорамы развития исторической науки, идущие в современной российской историографии, содержат в себе как усвоение новых методов и подходов, сложившихся в западноевропейской исторической мысли, так и активизирующееся использование опыта отечественных предшественников. Ее важной чертой является, по мысли Б.Г. Могильницкого, «...осознание явственно проступающей за сполохами разрывов, коими было столь богато минувшее столетие, исторической преемственности»¹.

В результате наблюдающегося доминирования культурологического подхода исследовательское внимание все более фокусируется на человеке, его персональной истории, что привело к настоящему «биографическому буму» в современной историографии. При этом историческая биография, ориентированная на конкретного индивида, не ограничивается повествованием о его жизненном, но выступает как средство познания социокультурной реальности², личности, включенной в эту реальность, и в том числе личности ученого, являющегося единственным творцом идей, мыслей, методов, текстов, словом всего того, что составляет предмет исследования историка исторической науки. Отметим, что историческая биография при всех ее модификациях в творческом арсенале исследователя, остается именно исторической, создается на основании метода историзма с его требованием учета специфики времени, места протекания событий в жизни индивида, т.е. реализуем в самом распространенном среди исследователей варианте.

В условиях формирующегося нового образа исторической науки с неизбежным переписыванием истории, в том числе и самой науки, может происходить и происходит вольное или невольное нарушение

¹ Могильницкий. 2008. С.529.

² См.: Ретина. 2011. С. 289-290.

принципов историзма, что не способствует пониманию историографического процесса во всей его сложности и многообразии. Это, в частности, находит выражение в полном применении современной системы оценок деятельности ученого к трудам эпохи зарождения исторической науки в России и отчасти способствует занижению ее реальных достижений и вклада в отечественную интеллектуальную культуру.

Сказанное в полной мере относится к оценке творчества Тимофея Николаевича Грановского, которое оказалось в фокусе внимания исследователей в связи с юбилейными датами (в 2005 г. исполнилось 150 лет со дня смерти историка, в прошедшем 2013 г. отмечалось 200-летие со дня его рождения), когда наряду с признанием его заслуг перед отечественной исторической наукой прослеживается воспроизведение старой дилеммы: Грановский – самостоятельный мыслитель, ученый или талантливый педагог, просветитель, популяризатор уже сформулированных и высказанных ранее другими мыслителями идей³. Эта дилемма, сложившаяся едва ли не сразу же после смерти Грановского, опиралась на проявившееся еще при жизни историка неоднозначное отношение к его творчеству и общественной деятельности.

Поэтому, несмотря на значительное количество публикаций, посвященных исследованию творчества Т.Н. Грановского, нельзя не согласиться с мыслью Б.Н. Чичерина о том, что: «Даже при самом искреннем желании отдать ему должную справедливость, многое в нем остается непонятным...»⁴, и эта мысль остается актуальной и спустя более ста лет с момента ее высказывания. Эта непонятность, обозначившаяся уже в XIX столетии, проявляется не только в противоречивых оценках научного вклада Грановского, в факте признания или непризнания его самостоятельным ученым или только просветителем и талантливым популяризатором европейской исторической науки, а также и в оценке его историко-теоретических воззрений. И дело не в том, что противоречивой, мятущейся была личность историка. Напротив все, пишущие о нем отмечают гармоничность, уравновешенность его натуры. Дело, очевидно, в самих исследователях, в том, с какими целями и задачами они приступают к исследованию творчества Грановского.

Исследователи досоветского, советского и постсоветского времени практически единодушны в том, что представители разных научных направлений и общественно-политических лагерей старались доказать свою связь и преемственность с его идеями, «вычитывая» в его текстах,

³См. например: *Свешников*. 2006. С. 69-81; *Лантвева*. 2013. С. 47-60.

⁴ *Чичерин*. 1897. С. 2.

поступках то, что резонировало с их собственными представлениями об исторической науке, политическом развитии России, о роли и месте России в мире. Так, например, либералы видели в нем предтечу либерализма, демократически настроенные исследователи, а затем и советские историки, подчеркивали в творчестве Грановского демократические и материалистические тенденции, что нашло выражение в сформировавшейся устойчивой, сохранившейся до настоящего времени, традиции видеть в творчестве Грановского конца 1840-х – начала 1850-х гг. «поворот» к позитивизму»⁵. Причем эти характеристики высказывались в то время, когда системного исследования творчества Т.Н. Грановского не было осуществлено, как, несмотря на ряд серьезных работ об отдельных сторонах его творчества, нет и поныне. К тому же осмысление «его вклада в теорию исторического процесса», является «едва ли не маргинальной» линией в изучении творчества Т.Н. Грановского⁶. Проблема «Грановский как ученый и педагог» в зависимости от того, как решают ее историки, неизбежно ставит и другую проблему «Кого и чему он научил?», и будучи решенной в отрицательном смысле вызывает вопросы уже о времени зарождения исторической науки в России, ее статусе, профессионализме историков первой половины XIX столетия и, наконец, вопрос о формировании традиций в русской исторической науке. Неслучайно по этому поводу в новейшей историографической литературе о Грановском обозначилась полемика⁷.

В этой связи, думается, стоит присмотреться еще к одному варианту интерпретации творческого и жизненного пути историка, который пока еще не являлся предметом исследовательского интереса, что и позволит посмотреть на его творчество под отличающимся от обозначенных выше подходов углом зрения.

Содержанием этих интерпретаций, предпринятых уже во второй половине XIX в. и в начале XX в., был анализ творчества Грановского, в котором идеализм историка и его интерес к жизни духа в истории народов и личности рассматривались не как то, что с необходимостью должно быть преодолено и преодолевалось в ходе прогрессивной эволюции взглядов историка к материалистическому мировоззрению, но как самостоятельная сознательная позиция, сложившаяся в процессе освоения им философии и истории, позиция, которую он отстаивал, в том числе и в полемике с друзьями, не разделявшими его взглядов.

⁵ См. например: *Виппер*. 1905. С. 186-187. *Гутнова, Асиновская*. 1986. С. 341-342; *Левандовский*. 1990.

⁶ *Мягков*. 2006. С. 35.

⁷ См.: *Иванова, Мягков*. 2013. С. 174-175.

В ходе этого анализа решалась и другая задача – «...опровергнуть *ложные суждения* (о Грановском. – Е.К.) прежде, чем они могли установиться...»⁸. Этот анализ содержится в работах учеников Грановского, считавших себя продолжателями традиций, заложенных учителем в науке и общественной деятельности. Речь будет идти прежде всего о Владимире Ивановиче Герье (1837–1919) и Борисе Николаевиче Чичерине (1828–1904), выдающихся представителях русского идеалистического историзма. Выводы, к которым эти исследователи приходят в своих оценках творчества Грановского, могут внести существенный вклад в продолжающийся «спор о Грановском».

Надо отметить, что каждый из них имел собственную историю общения с Грановским. Если В.И. Герье едва успел застать профессора на кафедре Московского университета, прослушав лишь несколько лекций, на основании чего современники скептически оценивали его заявления об ученичестве, то Б.Н. Чичерин, в поступлении которого в университет Грановский принимал самое деятельное участие (он давал частные уроки будущему студенту) – признанный и один из самых талантливых, по словам самого Грановского, его учеников, находился в длительных дружеских отношениях с ним. И Чичерин, и Герье посвятили свои первые значительные научные труды памяти учителя.

Обращение названных ученых к творчеству Грановского не исчерпывается юбилеями историка, но проходит как некая константа собственного жизненного пути каждого из них и их творчества. Чичерин, по признанию исследователей его творчества, вдохновлялся образом Грановского всю жизнь. Так, например, издавая свое главное философское произведение «Наука и религия» (1879), он находит нужным сделать посвящение А.В. Станкевичу, другу и автору биографии Грановского, изданной в 1869 г. «...во имя дорогих нам воспоминаний», таким образом, хотя бы и косвенно, в очередной раз отдавая дань памяти учителя. Герье откликается на эту биографию обстоятельной рецензией в том же 1869 г., где помимо высокой оценки этого произведения намечает контуры создания собственной биографии Грановского, что было реализовано ученым в 1914 г.

Анализируя творчество Грановского, оба исследователя опирались на собственные впечатления, на анализ текстов Грановского (диссертации историка, опубликованные к тому времени курсы его лекций, переписка, историографические работы) и на исследования о нем, с авторами которых они то солидаризировались, то (чаще) полемизировали.

⁸ Герье. 1869. С. 425.

Таким образом, начинает оформляться академическая традиция в осмыслении творчества Грановского.

Работая в разных жанрах (Герье создает интеллектуальную биографию Грановского, Чичерин пишет статью о его философско-исторических воззрениях, говорит о нем в мемуарах), они, по существу, едины в стремлении, выражаясь словами Чичерина, «...восстановить истинное его значение... как мыслителя и научного деятеля»⁹. Обращает на себя внимание определенный параллелизм в оценках и выводах, к которым приходят эти исследователи, что не отменяет ни самостоятельности, ни своеобразия исследовательской манеры каждого из них. Философский очерк Чичерина и историческое исследование Герье, дополняя друг друга, способствуют возникновению целостного образа ученого, педагога и общественного деятеля в глазах читателя.

Стоит подчеркнуть, что важным условием «восстановления» истинного значения Грановского является, по мнению и Чичерина, и Герье, необходимость обращения к социокультурному контексту как своего времени, так и времени, в которое жил и творил Грановский. Для понимания же эпохи 1840-х гг. важным является как наличие философского образования у исследователя, которого у многих из тех, кто говорил и писал о Грановском в конце века, учитывая упадок философии в России в это время, не было, так и учет той необыкновенной роли философии, которую она играла в интеллектуальной культуре 1840-х гг. Это обстоятельство подмечает Б.Н. Чичерин, откликаясь на работу Ветринского о Грановском, и видит в нем главный недостаток его работы – автор не проявил философского образования, а без него, «нет возможности правильно оценить ту умственную атмосферу, из которой вышел Грановский, и которая наложила печать на всю его деятельность»¹⁰.

Убеждение в тесной связи между философией и историей было характерно для 1840-х гг.: «Гегель кружил всем головы», – вспоминал С.М. Соловьев¹¹, и Грановский, как он сам признавался в письме к другу, чувствовал «необходимость философии». Как отмечает Чичерин, именно «...серьезное изучение философии дало ему ту ширину мысли, ту возвышенность взглядов, без которых нет истинного понимания истории». Только человек, продолжает он, «получивший серьезное философское образование, способен оценить идеи, руководящие историческим развитием человечества, постигнуть их преемственность и связь, а

⁹ Чичерин. 1897. С. 2.

¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹ Соловьев. С. 268.

равно их значение для общественной жизни. Самое понятие о развитии только при этом свете получает свой истинный смысл. История перестает быть случайной игрой событий или фаталистическим произведением механических сил; она становится раскрытием человеческого духа во всей его многосторонности и глубине»¹². Кроме того философское образование спасало Грановского от чрезмерного увлечения какой-то одной из философских доктрин, «от односторонности» и сообщало его взглядам критичность и самостоятельность в суждениях о событиях интеллектуальной и общественной жизни, «мой скептицизм», как называл эту черту сам Грановский, отмечаемую и его друзьями.

Герье, солидаризируясь с идеями, высказанными Чичериным, утверждает: «Интерес Грановского к философской стороне своего предмета сохранялся у него до конца жизни и выражался в общих введениях, которые он обычно предпосылал каждому курсу». Ему особенно запомнилась одна лекция (и это была последняя в жизни Грановского лекция, подчеркивает он), «которая заключала в себе необыкновенно живую прочувствованную характеристику Гердера <...>. Так объяснить значение Гердера могла только родственная ему натура»¹³.

Но, подчеркивает Герье, от философии истории как независимой от истории области знания, и от ее метода логических умозаключений, сложившихся без учета реальных исторических событий и навязываемых исторической науке, Грановский решительно отказывается. Здесь надо подчеркнуть, что отталкиваясь от этого факта отказа от философии истории, о чем Грановский заявляет в университетской речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории» (1852), историографы видят решительный поворот к позитивизму. Однако Герье так не считал. Он, констатируя эволюцию во взглядах историка, анализируя тексты Грановского, выявляет «философскую подоплеку» в его работах и приходит к выводу, что Грановский, не отказывается ни от философии, ни от философии истории. Он отказывается от известных философий истории и выдвигает свою, главным содержанием которой является этика.

Оставаясь по Чичерину, «истинным историком, соединявшим философское образование с обширной ученостью», Грановский демонстрирует свою философию истории, которая «утрачивает... отвлеченный метафизический характер», приданный ей Гегелем, «и вступает в область этики, становится могущественным и влиятельным ее органом»¹⁴.

¹² Чичерин. 1897. С. 3.

¹³ Герье. 1869. С. 431.

¹⁴ Герье. 1914. С. 66.

В чем суть этой философски и исторически обоснованной этики, становится ясно из дальнейших рассуждений Герье. Грановский отказывается от того мнения, которого он прежде держался под влиянием Гегеля, что история никогда и никому не приносит практической пользы, что ни один народ не воспользовался ее уроками. «Я сам говорил то же <...>. А между тем всякий день современной истории доказывает могущество и влияние уроков истории. В этом теперь мое твердое убеждение», – говорил Грановский¹⁵, история раскрывает деятельность человеческого духа и дает нравственную силу, чего не могут сделать науки естественные и это делает ее великой наукой, а историк обязан быть глашатаем тех нравственных законов и уроков, которые открывает история.

Эта мысль, по убеждению Герье, «...становится, так сказать осью, около которой вращаются все мысли нашего историка – директивой, которую он дает своим слушателя...». Сказать, чтобы философия истории, развиваемая Грановским, этим самым вступала на совершенно новый путь, нельзя. Уже до Гегеля, у Гердера она шла по этому пути. Уже Гердер выставлял как цель истории человечества достижение им полной человечности (Humanität). Грановский сам сделался миссионером такой этики. Это «миссионерство» проявлялось у него иногда в поучениях, но чаще всего – в эмоциональных выступлениях, в его умении воздействовать на своих юных слушателей не только словом, но и своим примером и, наконец, в его общественной деятельности¹⁶.

Онтологическим основанием этики Грановского выступает его религиозность, которая исследователями либо игнорируется, либо ей не придают должного значения. Для Чичерина же и для Герье этот факт очень важен, так как, опираясь на него, они решительно отстаивают идеализм Грановского и неприятие им материализма.

По мнению Чичерина, Грановскому были свойственны «те глубочайшие стремления, которые связывают его с верховным источником всякой жизни и всякого блага»¹⁷. Именно это обстоятельство, как представляется, и сообщало ту «глубину и возвышенность», «гуманность» историческому мирозерцанию Грановского, о которых пишут его современники. Люди 1890-х гг. считали эти понятия «неопределенными», «расплывчатыми», «романтическими». Тем не менее, именно обладание этими качествами «...и делало его (Грановского. – Е.К.) способным быть историком, для которого первое условие состоит в сочувственном

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. также: Чичерин. 1929. С. 41-45.

¹⁷ Чичерин. 1897. С. 6.

понимании всех сторон человеческого духа и в особенности тех, которые играют такую выдающуюся роль, как религия»¹⁸. Оба историка солидарны в том, что вопреки достаточно распространенному среди материалистически настроенной молодежи конца 1890-х годов мнению, религиозность Грановского была не проявлением его пассивности или результатом внешнего внушения, а потребностью его натуры.

Герье аргументирует эти рассуждения, приводя примеры из жизни Грановского, из его общения с близкими людьми. «Человек, который так глубоко верил в разумность мироздания и в силу духа, – пишет он, – не мог отрицать его там, где вера в него всего важнее для человека, в индивидуальном бытии»¹⁹. Герье напоминает известный и из воспоминаний А.И. Герцена спор о бессмертии души, спор, состоявшийся между ним и Грановским, в ходе которого Герцен заявил о непризнании бессмертия души, сославшись на точку зрения науки, выводы которой обязательны для всех. Дискуссия закончилась ссорой и явилась толчком к окончанию их дружбы с Грановским. Тогда «Грановский заявил, что лично бессмертие ему необходимо и просил никогда не говорить с ним об этом. Они поняли это как начало разрыва». Комментируя этот широко известный историографам факт, Герье считает, что он имеет гораздо большее значение для русской жизни, чем просто окончание «одной дружбы», а знаменует «собой новый раскол в русском обществе, раскол более глубокий, чем распря между “славянофилами” и “западниками”. Мы присутствуем при возникновении новых течений русской жизни в сторону – идеализма, который олицетворял собой Грановский, и материализма, которому отдался Герцен... (курсив Герье – Е.К.)»²⁰.

Кроме внутренней потребности вера в бессмертие поддерживалась у Грановского, по словам Герье, примером людей, которых он особенно уважал. «Для меня, – говорил Грановский А.В. Станкевичу, своему будущему биографу, – относительно подобных вопросов важны мнения замечательных людей. Для меня это отдельные огоньки, из которых в будущем загорятся новые верования для человечества. Я знаю, в настоящее время человечество будто успокоилось на счет подобных вопросов, но ведь это ничего не значит: оно успокаивалось уже не раз»²¹. Грановскому было не по душе резкое отрицание религии или глумление над религиозными убеждениями других. Это проявляется в его университетских курсах, распространяясь даже на отрицателей языческой религии.

¹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹ Герье. 1869. С. 437.

²⁰ Герье. 1914. С. 50.

²¹ Там же. С. 42.

Рассуждения Герье и приводимые им важные для характеристики личности Грановского факты надо учитывать, исходя из той роли, которую, Герье отводил и философии, и религии в выработке исторического метода, находящегося, по его мнению, в тесной взаимосвязи с мировоззрением ученого. Взгляды Герье на значение философии и религии для историка, органически встроенные в его понимание природы исторической науки, ее специфики и значения личности исследователя в процессе исторического исследования, в частности, в ходе таких процедур, как понимание источника, интерпретация его, связаны с его убеждением в том, что истина в исторической науке имеет нравственные основания, и она может быть доступна только ученому, обладающему мировоззрением, проникнутым духом вневременных *нравственных ценностей*. Изучение философии и религии Герье считал самым надежным способом овладения этими ценностями²². Личная же религиозность, по его мнению, являясь основанием нравственности, не может быть помехой в высказывании новых идей, совершении открытий и в то же время способна удерживать исследователей от крайних выводов, могущих вытекать из их открытий; это может быть своеобразный религиозный такт, как, например, у Декарта, или трезвая практическая религиозность Ньютона. Поэтому и религиозность Грановского, выступая у него проявлением именно идеализма, не умаляла его достоинств как ученого.

Отношение Грановского к естественным наукам и понимание их роли в развитии науки исторической также вызывает противоречивые оценки исследователей, о чем уже шла речь выше. Они основываются на известной университетской речи Грановского «О современном состоянии и значении всеобщей истории» (1852). По мнению же Чичерина, Грановский относился и к естественным наукам с точки зрения историка. Целя достижения последних, он видел в них, прежде всего, вспомогательное средство для истории. И действительно, пишет Чичерин, изумительные успехи естествознания в новейшее время ровно ничего не дали для истории, что и неудивительно, так как к истории неприменимы ни математика, ни опытные изыскания. Самые методы и способы исследования тут совершенно иные, <...> область ее совершенно другая, ибо история есть царство духа, который носит в себе неведомые материалистически-механическому мирозерцанию мерила и цели. Чрезмерное же увлечение естественными науками может повредить историку, так как ведет к «материалистическому реализму», на почве которого «нет ни понимания истории, ни нравственных начал, ни даже признания челове-

²² См. об этом: *Кирсанова*. 2008. С. 293-298.

ческой свободы, которая отрицается во имя всеобщего детерминизма». Для Грановского же «свобода воли была неотъемлемой и неискоренимой принадлежностью человеческой души, а свобода воли составляет источник всякой свободы, на ней основываются все истинно человеческие отношения: внутренняя свобода составляет условие всякой нравственности»²³. Грановский видел в свободе первое и необходимое условие всякого разумного общежития и всякой науки, и всякого просвещения. Без ее признания, добавляет Чичерин, нет причины, «...почему бы с человеком не позволено было обращаться, как с вьючным скотом».

Следовательно, заключает Чичерин, Грановский не мог допустить подчинение истории чисто-механическим процессам, этому препятствовал его идеализм, человечность и либерализм.

Герье, рассматривая вопрос об отношении Грановского к естественным наукам и понимании их роли в развитии исторической науки, обращает внимание на то, что, говоря о необходимости для истории выхода на обширное поприще естественных наук, Грановский, «как будто для того, чтобы предостеречь свою аудиторию от неверного толкования этих слов, то есть от смешения истории с естественными науками, в этой же речи упрекает Монтескье за то, что он доводил «мысль о влиянии географических условий, климата... на судьбу народов до такой крайности, что принес ей в жертву самостоятельную деятельность духа»²⁴. «В этом все дело!», – торжествующе восклицает Герье. Грановский не отказывается от признания в истории «самостоятельной деятельности духа» и в этой связи формулирует свой взгляд на историю в следующих словах: «У истории две стороны: в одной является нам свободное творчество духа человеческого, в другой – независимые от него, данные природою условия его деятельности» С этой точки зрения он требовал для истории нового метода, который «должен возникнуть из внимательного изучения фактов мира духовного и природы в их взаимодействии»²⁵. Подчеркнем, что задача, которую поставил перед историками Грановский в 1852 г., решением которой занималось не одно поколение историков, не утратила своей актуальности и в настоящее время.

Продолжая рассуждения Чичерина о свободе и либерализме, Герье подчеркивает, что любовь к свободе не затемнила в глазах Грановского значения власти для целей общественной судьбы человека. Герье, который ко времени написания биографии Грановского пережил уже опыт

²³ См.: Чичерин. 1897. С. 8-12.

²⁴ Герье. 1914. С. 61.

²⁵ Там же: С. 61; Грановский. 1900. С. 26.

первой русской революции 1905 года, сопровождающее ее насилие, «самоограничение» русского самодержавия, зарождение политических партий в России и продолжающуюся борьбу партий, но уже за власть, по его убеждению, а не ради идеи свободы, считает необходимым обратить внимание на отношении Грановского к монархической идее, на понимание им идеи государства. Размышляя об этом, Герье опирается на докторскую диссертацию Грановского «Аббат Сугерий», мысли историка о монархии в его «Записке к учебнику всеобщей истории», письма. Таким образом, им маркируется позиция Грановского в понимании исторической роли монархии как результат серьезной работы, продуманная позиция, которой он руководствовался в своей преподавательской деятельности и высказывал ее в общении с учениками, а не как на некий дипломатический реверанс в сторону власти.

Вот на что обращает внимание Герье в первую очередь. Работа Грановского над диссертацией пришлась на то время, когда во Франции развернулась революция 1848 года, в ходе которой была предпринята попытка заменить вековую монархию республикой, а Грановский, работая в архивах монастыря св. Дионисия, изучал по древней хронике, как аббат этого монастыря, Сугерий, положил начало французской монархии и ее торжеству над феодальной анархией. Для Герье это совпадение представляется символическим, имевшим свои последствия, потому что спустя несколько лет при составлении программы учебника по всеобщей истории Грановский указывает на то, что *монархическая* (курсив Герье. — *Е.К.*) форма правления в историческом развитии оценена и объяснена неудовлетворительно. Причем, указывает Грановский, в этом отношении грешат как писатели либеральной школы, так и составители учебников, враждебных либерализму. В большей части из них, продолжает Грановский не видно живое и глубокое понимание монархического начала <...>. Монархическое начало лежит в основании всех великих явлений русской истории; <...> оно есть корень, из которого выросла наша государственная жизнь, наше политическое значение в Европе, и дело науки и преподавания показать, что русское самодержавие много отличается от тех форм, в которые монархическая идея облекалась в других странах». При этом надо заметить, что подчеркивается и своеобразие проявления монархического начала в истории России: «Между тем как развитие западных народов совершалось во многих отношениях не только независимо от монархического начала, но даже наперекор ему, у нас самодержавие наложило свою печать на все важные явления русской жизни...»²⁶.

²⁶ Грановский. 1900. С. 591.

Герье считает, что признание Грановским великой исторической роли монархии в России и глубоко верная характеристика ее, важные сами по себе, должны прояснить вопрос об отношении Грановского увлечению демократической пропагандой в его время. Герье акцентирует внимание на идеях, высказанных Грановским еще до революции 1848 г., в полемической статье (1847) против романтического культа массы со стороны славянофилов. Тогда Грановский писал: «Массы, как природа, бессмысленно жестоки, или бессмысленно добродушны. Они косятся под тяжестью исторических и естественных определений, от которых освобождается мыслью только отдельная личность. В этом разложении масс мыслью заключается процесс истории»²⁷. Задача истории, продолжает и выделяет цитату Герье, – нравственная, просвещенная, независимая от роковых определений *личность* и сообразная требованиям такой личности общество» (курсив Герье. – Е.К.). Таким образом, Герье подчеркивает, что, несмотря на сочувствие народу и желая его освобождения, Грановский был далек от его идеализации.

Историк не оставляет без внимания и вопрос о научном значении докторской диссертации Грановского: «В ней из груды фактов добывается творческая политическая мысль, обессмертившая Сугерия – государственное единство под управлением монарха вместо феодальной анархии». Следующая важная мысль, которую обосновывает Грановский в своем исследовании, заключается, по мнению Герье в том, что «королевская власть... выступает, как высшая общественная власть, призванная поддерживать в пользу всех и против всех справедливость и порядок, и дальше изображает эволюцию монархического, государственного начала в союзе с национальным. «Таким образом, у читателя воочию вырастает при Лудовике VI Капетингская монархия и с нею и в ней *образуется французская национальность* (курсив Герье. – Е.К.)»²⁸. Это исследование, заключает Герье в противовес недобросовестным критикам труда Грановского, не только важный вклад в современную ему науку – оно надолго сохранит свое классическое значение. Следует добавить, что и современному непредвзятому взгляду на это *первое* в отечественной медиевистике сочинение заметна и основательная источниковедческая база сочинения, серьезная критика источников, историографические работы, с авторами которых Грановский спорит, усматривая в качестве недостатков слабое использование ими источников и необоснованность выводов. Среди них и современные Грановскому французские историки

²⁷ Там же. С. 445.

²⁸ Герье. 1914. Р. 22-24.

Тьерри, Гизо, и историки XVII века. Так что, не нарушая принципов историзма, трудно не согласиться с выводом биографа Грановского об образцовости и значительности этого сочинения. Кроме того, немаловажным является и то обстоятельство, что создатели государственной школы в российской историографии К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев были слушателями Грановского, общались с ним и вне студенческих аудиторий, входили в его близкое окружение, впитывали его идеи, обсуждали, как, например, Чичерин, свои научные планы и идеи.

Подведем итог сказанному. На основании анализа работ В.И. Герье и Б.Н.Чичерина, посвященных творчеству Т.Н. Грановского, можно говорить об одной из первых реконструкций философско-исторической концепции Грановского. В процессе этой реконструкции авторы обращают внимание, прежде всего, не на то, чего он не сделал («не успел», «не написал», недопонял», «не дорос», «не создал школу») и прочие «не»), а на то, что было реально сделано этим человеком, который действительно во многом был первым и, как всякий талантливый первопроходец, сумел проявить свои способности во многих областях. Своей уникальной интеллектуальной позицией, несводимой нацело ни к одному из популярных течений, он пробуждал в своих слушателях и современниках критическое мышление и исследовательский интерес. Нельзя согласиться с мнением, возникшим в XIX в. и воспроизводимым сегодня, согласно которому Грановский не высказал ни одной оригинальной мысли и лишь воспроизводил уже сказанное кем-то. Благодаря анализу, проделанному Герье и Чичериним, со всей очевидностью выступает тот факт, что взгляды Грановского не являются не содержащей в себе ничего оригинального калькой западных идей в сфере политики и науки. Напротив, его представления являются результатом глубокой рефлексии в отношении трудов западных коллег и их переосмысления в контексте современной Грановскому российской реальности. Что не могло не сыграть особой роли в формировании российской исторической науки и, как это ни парадоксально, именно русистики. Хочется вновь подчеркнуть тот факт, что история России читалась студентам и до Грановского, но именно из числа слушателей профессора всеобщей истории Грановского вышли будущие творцы русской государственной школы.

Характеристики, наблюдения, суждения о личности и деятельности Грановского, представленные в работах его учеников, о которых шла речь выше, являются существенным вкладом в создание целостного образа Грановского, который начинает оформляться в современной отечественной историографии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Герье В.И.* Т.Н. Грановский в биографическом очерке А. Станкевича // «Вестник Европы». 1869. № 5. С. 424-440.
- Герье В.И.* Т.Н. Грановский: В память 100-летнего юбилея его рождения. М., 1914. 74 с.
- Грановский Т.Н.* Сочинения. Четвертое издание. М.1900. 659 с.
- Соловьев С.М.* Мои записки для детей моих, если можно и для других // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1983. 440 с.
- Чичерин Б.Н.* Несколько слов о философско-исторических воззрениях Грановского // Вопросы философии и психологии 1897. Кн. 36. С. 1-13.
- Чичерин Б.Н.* Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. М. 1929. 278 с.

Литература

- Виппер Р.* Общественно- исторические взгляды Грановского // Мир божий. 1905. Ноябрь.
- Гутнова Е.В., Асиновская С.А.* Грановский как историк // Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 336-362.
- Иванова Т.Н., Мязгов Г.П.* Школа В.И. Герье: Основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 165-185.
- Кирсанова Е.С.* Консервативный либерал в русской историографии. Жизнь и историческое мировоззрение В.И. Герье. Северск, 2003. 209 с.
- Кирсанова Е.С.* Проблема сущности религии и философии и их значение для историка в осмыслении В.И. Герье // История идей и воспитание историей. Владимир Иванович Герье / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008. 352с. С. 287-298.
- Латтева Л.П.* В.И. Герье и его оценка современных университетов Германии // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 47–60.
- Левандовский А.А.* Время Грановского. М., 1990.
- Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XXвека: Курс лекций. Вып. III: Историографическая революция. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. –554 с.
- Мязгов Г.П.* Всеобщая история Т.Н. Грановского: научные и идейные горизонты // Тимофей Николаевич Грановский. Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 29-42.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Круг, 2011. – 560 с.
- Свейников А.В.* Миф о Грановском. Попытка дискурсивного анализа // Тимофей Николаевич Грановский. Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 69-81.

Кирсанова Екатерина Семеновна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Северского технологического института (Филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»); zavkir@mail.ru.

О. И. ИВОНИНА

СУДЬБА СВОБОДЫ ПРОБЛЕМА СМЫСЛА И НАПРАВЛЕННОСТИ ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Г.П. ФЕДОТОВА

В статье прослеживается эволюция историософской концепции выдающегося представителя исторической науки русской эмиграции Г.П. Федотова. Показана взаимосвязь его оценок развития русской и европейской истории с исследовательскими традициями и проблематикой христианского историзма XIX в. Сделан вывод о методологическом новаторстве творчества историка русской культуры, обусловленном опытом переживания мировых войн и революций, интуицией «заката Европы» и формирования новой эпохи всемирной истории.

Ключевые слова: *Георгий Петрович Федотов, историческая наука Русского зарубежья, междисциплинарный синтез, историография «русской идеи».*

Обращение современных исследователей к наследию русского христианского историзма вызвано разными обстоятельствами и мотивами. Сходство идейно-политического и исторического контекста возникновения этого течения отечественной общественной мысли начала XIX века с переходным состоянием России рубежа XX–XXI вв. объединило историков разных поколений и школ в общем диалоге о прошлом, настоящем и будущем России. Существенный вклад в изучение проблематики историков «русской идеи» внесли представители Томской историографической школы под руководством Б.Г. Могильницкого¹.

Своеобразие научного дискурса авторов «русской идеи» объясняет интерес к их творчеству сторонников методологического синтеза, преодолевающего барьеры дисциплинарной ограниченности². В последние десятилетия усилился интерес томских исследователей к проблематике и персоналиям исторической науки Русского зарубежья в лице Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, Л.П. Карсавина, И.А. Ильина³.

В данной статье предпринимается попытка проследить эволюцию исторической концепции Г.П. Федотова как мыслителя Русского зару-

¹ Могильницкий. 1969; 1978; 1989; 2001; 2003; 2008; Могильницкий, Николаева. 2012.

² К новому пониманию человека...; Историческая наука и историческое сознание...; Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы...; Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории...; Николаева. 2010.

³ Хмылев. 1971; Бочаров. 2002; Ширко. 2002; Полухин. 2007; Нечухрин. 1993; Рамазанов. 1995; Ивонина. 2002; Гаман. 2008.

бежъя, стремившегося к постижению философии русской истории и культуры методами христианского историзма.

Георгий Петрович Федотов (1886–1951) – один из плеяды мыслителей русского зарубежья, стремившийся к постижению философии русской истории и культуры методами христианского историзма. Методология автора, с одной стороны, продолжала традиции государственной школы С.М. Соловьева – Б.Н. Чичерина, с другой – была свидетельством эвристической значимости и пределов интердисциплинарного синтеза, свойственного мыслителям русского религиозного Ренессанса. Исторический дискурс Г.П. Федотова демонстрировал ресурсные возможности исторической компаративистики, герменевтики, культурной антропологии и истории ментальности, отражая поворот отечественной науки к новому пониманию предмета и методов исторического исследования.

Тяготение к историческому синтезу сформировалось Федотова – студента историко-филологическом факультета Петербургского университета под воздействием, его учителей: знатока античной культуры Ф.Ф. Зелинского, профессора философии Н.О. Лосского, профессоров русской истории С.Ф. Платонова, А.С. Лаппо-Данилевского, М.И. Туган-Барановского, исследователя новой истории Н.И. Кареева и, в особенности, медиевиста И.М. Гревса.

Иван Михайлович Гревс, не только блестящий специалист, но и талантливый педагог, возвращал самые противоречивые дарования, среди которых – наряду с Г.П. Федотовым и Л.П. Карсавиным – Н.П. Анциферов и В.В. Вейдле, С.И. Штейн и О.А. Добиаш-Рождественская. Всех их объединяла приверженность исследовательской методе и мировоззренческой позиции учителя. По воспоминанию Анциферова, «Иван Михайлович стремился, по завету Тацита, излагать историю *sine ira et studio*. Но его беспристрастие было ограничено глубоким и горячим моральным чувством. Его особенно привлекали духовно прекрасные личности, во всяком случае, те, кто был носителем (или искателем) правды... Иван Михайлович не соглашался с тем, что исторические процессы “слепы” и “безличны”. Он стремился воссоздавать отдельные человеческие образы, которые выражали собою те или другие стороны исторического процесса, различные эпохи, разнообразные культуры. А поскольку история есть биография рода человеческого, постольку эти образы отдельных людей назывались Иваном Михайловичем “образами человечества”»⁴.

Достойное применение метода индивидуализации культурно-исторических феноменов Федотов продемонстрировал уже в своей первой науч-

⁴ Анциферов. 1992. С. 168-169.

ной работе «Исповедь» бл. Августина как источник для его биографии и для истории культуры эпохи», удостоенной золотой медали Ученого совета университета и высокой похвалы учителя. В своей рецензии Гревс отмечал новизну поставленных Федотовым задач – «представить не только индивидуального человека, но и человека вообще: сам опыт обобщенного изображения человека в его природе и в его идеале является ценною характеристикой типичной культуры в лице одного из лучших ее гениев»⁵.

Органичное сочетание логики, поэтики, аксиологии и психологии в исследовательском арсенале Федотова свидетельствовало о высоком уровне отечественной медиевистики, предвосхитившей многие методологические открытия западноевропейской историографии XX века. Не случайно ранние работы Федотова были опубликованы на страницах издающегося в Москве и Петербурге журнала «Анналы», опередившего своего французского собрата почти на четверть века как в провозглашении базовых принципов историософии, так и в формировании новой проблематики исторических исследований.

Опыт изучения средневековой религиозности повлиял и на мировоззренческие позиции Г.П. Федотова, предопределив его «возвращение к христианству». С одной стороны, пафос религиозного возрождения, охвативший российскую интеллигенцию в годы революций и гражданской войны, был проявлением ее исконного радикализма и жертвенности: чуждаясь церкви господствующей, представители интеллектуальной элиты устремились в церковь гонимую, стремясь к ее обновлению на началах свободы и соборности. Свое обращение в христианство в 1919 г. сам Федотов и его единомышленники считали результатом экзистенциального выбора русской интеллигенции на рубеже эпох. В ситуации личной и творческой опустошенности, угрозы собственной смерти и предчувствия гибели России в лихолетье войн и революций церковь казалась единственным «спасением побежденных» от отчаяния, символом «нетленной красоты в окружающем мире уродства и насилия»⁶.

С другой стороны, участие Федотова в многочисленных христианских кружках и братствах 1919–1924 гг. было отражением его личных надежд на способность русской православной церкви стать силой творческого обновления русской жизни на путях «свободы духа». Освобожденная от союза с государственной властью, новая церковь должна была, по мнению мыслителя, соединить правду социализма и правду христианства, трагически разорванные революцией.

⁵ Гревс. 1911. С. 357.

⁶ Федотова. 1988. С. XI.

В Париже Федотов откликается на предложение своего сокурсника по семинару Гревса и сотоварища по религиозному братству «Христос и Свобода» С.С. Безобразова стать преподавателем Свято-Сергиевского богословского института. Г.П. Федотова и его коллег по богословскому институту – С. Булгакова, Г. Флоровского, В. Зеньковского, И. Ильина, К. Мочульского – объединяло желание послужить будущей России сохранением ее духовного наследия. Общим мотивом педагогической и общественно-политической деятельности в эмиграции было стремление к преображению хаоса русской социальной и духовной жизни в упорядоченный космос. Христианство с его духом аскезы и внутренней дисциплины и социализм с его идеалом хозяйственной организации представлялись Федотову двумя созидательными историческими силами, способными организовать новый гуманистический порядок⁷. Новый социальный проект виделся реализуемым в активной жизненной позиции интеллектуала. Такую позицию демонстрировал сам Федотов, участвуя в Русском студенческом христианском движении (РСХД), организации «Православное дело» и многочисленных религиозных объединениях. Возникшие как миссионерские организации, они постепенно превратились в союз единомышленников, стремящихся найти христианские решения актуальных социально-политических и мировоззренческих проблем.

В обстановке непрекращающейся борьбы различных течений эмиграции вокруг «русской идеи» Федотов создает школу «русского дела» – строительства новой православной русской культуры. Основные черты этого религиозно-культурного проекта получили отражение на страницах созданного им совместно в И.И. Бунаковым-Фундаминским и Ф.А. Степуном журнала «Новый Град: философский, религиозный и культурный обзор». В первом номере Федотов так определял задачи издания: «Признание свободы личности отделяет нас от большинства т.н. пореволюционных течений русской политической мысли, с которыми нас роднит понимание политического кризиса и воля к новой организации жизни... Мы должны быть с теми, кто готов бороться, готов странствовать – не в пустыню, а к Новому Граду, который должен быть построен нашими руками, из старых камней, но по новым зодческим планам»⁸. Метафизические рассуждения новоградцев имели вполне конкретный адрес и предмет анализа – Россию в ее прошлом и будущем, национальном и вселенском. Позже, в брошюре «Зачем мы здесь?» Федотов прямо указывал на то, что единственное оправдание и признание русской эмиграции – в том, чтобы

⁷ Федотов. 1934.

⁸ Федотов. 1952. С. 374-375.

«стать голосом всех молчащих там», чтобы восстановить целостность русского духа, осуществить дистилляцию духовной эссенции и стать живой связью между вчерашним и завтрашним днем России»⁹.

Полифония «Нового Града» была объединена общей темой судьбы России, размышлениями над альтернативами ее истории и духовной культуры. «Новый Град» искал Россию Христа за внешней личиной России Ксеркса. Это предопределило и общность авторского подхода к российской феноменологии – Россию Христа можно было увидеть только глазами православного верующего в нее. Поиск сокровенного лица России отразился во всех последующих трудах Г.П. Федотова: «Святые Древней Руси», «Стихи духовные», «И есть и будет», «Русское религиозное сознание», «Сокровища русской духовности».

Идейное богатство русского мыслителя дополнялось его блестящим литературным стилем, позволившим опубликовать сотни очерков, эссе, полемических заметок и аналитических статей в самых разных органах русской эмиграции: евразийских «Верстах», бердяевском «Пути», «Новой России» Керенского, эсеровском «За свободу» и т.д. По воспоминаниям М.В. Вишняка, «автор сразу привлек к себе внимание блеском пера, большой эрудицией, часто рискованными историческими аналогиями, оригинальными парадоксами, страстной эмоциональностью. Богданов-Федотов [литературный псевдоним автора – *О.И.*] начал с того, что рассчитался со всеми: с народниками и марксистами, реакционерами и анти-большевиками – демократами, с русским народом и его интеллигенцией... Сам автор ратовал за всеобщее просвещение светом Христовым... за прояснение особого призвания России»¹⁰.

Глава «Герцена нашего времени», «первого публициста эмиграции» позволила Г.П. Федотову акцентировать внимание широкой общественности на проблемах войны и революции, культурного декаданса Европы, эволюции постреволюционной России, «сталинокрапии», историко-культурной идентичности советского человека и природе нового российского патриотизма.

В творчестве Г.П. Федотова проблема христианского понимания истории занимает особое место. Как и многие религиозные модернисты, практиковавшие утонченную рефлексию над религией, сущность христианского взгляда на историю русский мыслитель усматривал в *эсхатологизме* – философии прекращения исторического времени и перехода в вечное Царство Божие. Такое понимание исторического развития

⁹ Федотов Г.П. 1935. С.439-440.

¹⁰ Вишняк М.В. 1957. с. 250

представлялось автору чрезвычайно глубоким, позволяющим подняться над тупиковой оппозицией прогресса–регресса, при помощи которой обычно осмысливалась история.

Федотов не мог примириться с бердяевской идеей «неудачи», «трагедии всемирной истории», с мыслью о забвении потомками подвигов человеческого духа и сердца. С другой стороны, как чуткий исследователь он не мог не видеть того, что безжалостное и равнодушное историческое время нивелирует все достижения человечества, отбрасывая их в небытие прошлого. Эсхатология истолковывалась русским автором в духе глубочайшей христианской интуиции восстановления и преображения человеческого творчества. Федотов различал две версии эсхатологического видения истории – *пассивно-пессимистическую и активно-деятельностную*. Первая, рожденная ужасом осознания запредельности Бога и богооставленности человека, проявлялась в фатализме сознания и социальной индифферентности. Вторая модель эсхатологического видения истории порождает иное отношение к пророчествам Апокалипсиса – как предупреждению и обращенному к человечеству призыву спасти мир посредством единения (соборности) и творческого преображения культуры. Активное понимание эсхатологии истории объединяет Г.П. Федотова с Н.А. Бердяевым и Н.Ф. Федоровым, приобретая характер жизненного императива – «живи так, как если бы ты должен был умереть сегодня, и одновременно так, как если бы ты был бессмертен; работай так, как будто история никогда не кончится, и в то же время так, как если бы она кончилась сегодня»¹¹.

Такое понимание места человека в процессе исторического движения к идеалу Царства Божьего сделало центральными категориями историософии Федотова понятие свободы исторического субъекта. Человек не является пассивной игрушкой в руках космических сил, так как способен сделать выбор между покорным ожиданием конца и деятельным приготовлением к религиозному преображению мира. Постоянство ситуации выбора делает свободного человека творцом своей истории.

Подобно Бердяеву, Федотов считал творчество высшим проявлением свободы в человеческой истории, которое позволяет человеческому сознанию выйти за пределы очевидного и обыденного, подготавливая его встречу с Абсолютом. Многообразие человеческого творчества демонстрирует разную интенсивность богопознания разными участниками этого процесса, порождая разнообразие духовного опыта. Другой стороной и одновременно результатом творчества является реакция че-

¹¹ Новый Град. 1952. С. 326.

ловека на божественное откровение. По устоявшейся традиции, это отражение Бога в творческой стихии человеческого сознания Федотов называет *теофанией* – богоявлением. Символом теофании для русского мыслителя всегда было чудо праздника Пятидесятницы, когда огненные языки Святого Духа через апостолов обратились к людям на разных наречиях, делая замысел Творца постижимым для всех его творений. Творчество *объединяет человеческую историю в единый всемирный процесс*, всем этапам которого присуще вдохновение Святого Духа.

Федотов был противником идеи поступательной направленности исторического процесса. Такой философии истории он противопоставлял концепцию истории, где главным действующим фактором является свобода, а, значит, финал истории остается открытым, а само *историческое развитие – альтернативным*. Признавая альтернативный характер истории, отражающей грехи и подвиги человечества, Федотов считал смыслом человеческой истории создание подлинно христианской культуры. Подобно другим авторам русского религиозного Возрождения, он полагал творческие способности не только Божьим даром, но и человеческим, точнее богочеловеческим делом. Именно в христианской культуре, по его мнению, человечеству возвращаются, «воскресшие и преображенные, плоды всех человеческих усилий, творческих подвигов, которые были погублены трагедией смертного времени. Ничто подлинно ценное в этом мире не пропадает. Культура воскресает, подобно истлевшему телу во славе. ...Эта мысль примиряет с трагедией во времени и может вдохновить на подвиг не только личный, но и социальный»¹².

Таким образом, квинтэссенцией христианской историософии Федотова было понимание человеческой истории как всемирного процесса манифестации свободы человека. Свободное творчество представлялось русскому мыслителю в контексте извечного выбора между культурой и варварством, универсализмом и национализмом, приближением к божественным идеалам и отпадением от них.

В эмиграции исследовательские интересы Федотова смещаются от медиевистики к проблематике российской истории. На этом новом проблемном поле он стремился найти свое место – как в тематическом, так и в методологическом плане. Как большинство русских религиозных историков, он солидаризировался с замыслом «философской истории России», стремившейся найти объяснение исторической эмпирии в предельных метафизических категориях. Позднее Федотов писал, что трагедия русской революции сделала чрезвычайно актуальным такой под-

¹² Федотов. 1952. С. 46.

ход к изучению отечественной истории, который позволяет осуществить пересмотр западнической и славянофильской традиций, освободиться от исторических предрассудков, сосредоточиться на философском изучении русского исторического процесса.

Кредо Федотова как исследователя философии русской культуры основывалось на *отождествлении исторического процесса с историей духовной культуры*. Предметом изучения историка должны стать, по его мнению, не столько социально-политические процессы, сколько история сознания, интеллектуальная история разных эпох и народов.

Федотов придавал особое значение теме «герои и героическое в истории». Манифестация духа в деятельности исторической личности во многом, по мнению мыслителя, определяет ход мировых событий. Федотов считал недопустимым преуменьшать значение личной ответственности в истории: «...бывают годы в жизни народов, годы кризисов, распутий, когда чаша личной ответственности начинает перетягивать работу бессознательных исторических сил. В русской революции только два человека сыграли роковую, решающую роль, не сводимую к типическим факторам, к воздействию групп. Эти два человека – Николай II и Ленин. Первый спустил революцию, второй направил ее по своему пути»¹³.

Сознавая свою идейную близость либеральному этатизму С.М. Соловьева и Б.Н. Чичерина, Г.П. Федотов был убежден в том, что *культура зарождается, существует и реализуется в искусственной атмосфере государства, а не в натурализме народной жизни*. Как полагал Г.П. Федотов, «плоть России есть государство русское».

Русская и всемирная истории одинаково осмысливаются автором при помощи категории свободы. Применительно к русской истории христианская свобода обозначается Федотова состоянием «соборности», которая, в свою очередь, является важнейшей составляющей авторской конструкции «лица России».

Существенным элементом историко-культурной концепции Федотова является его последовательная *критика национально-религиозного мессианства*. Федотов полагал, что в христианском мире не может быть народов-мессий, спасающих человечество. Каждый народ, спасая себя, участвует в общем спасении – имеет свое, хотя и неравное по дарам и значению призвание-миссию. Со всей категоричностью он утверждал, что «мессианская идея – ветхозаветная-реакционная – не имеет права на бытие в христианстве. В православии особенно раскрывается идея хри-

¹³ Федотов. 1991(6). т. 1. С. 172.

стианского призвания всех народов и их соборного единства, исключаяющего подчинение: и Риму, и Царьграду, и Москве»¹⁴.

Автор был солидарен со старшими славянофилами, которые, как он полагал, никогда не говорили о мессианской роли России в среде христианских народов. В концепции русской истории Федотова, равно как и в его концепции всемирной истории, основной была проблема свободы. Однако, применительно к русской истории, проблема свободы выступала, скорее *метафизикой русской истории* сравнительно с *эмпирическим* анализом ее эволюции в западных обществах. Он, как и большинство русских либеральных авторов, преобразовал знаменитый герценовский вопрос «Кто виноват?» в иной – «Почему не дается нам свобода?». Ответ на него он формулировал средствами исторического знания. Культурологическая компаративистика при этом становилась средством социального прогноза. Федотов исходил из предположения об альтернативности социального процесса, в котором обязательно присутствуют несколько возможных вариантов развития, хотя реализуется только один. Историческое знание должно исследовать возможность *альтернативного развития* России на путях свободы человеческой личности. По мысли Федотова, перспективы свободы в России зависели от точности культурной идентификации страны. Исследователь отмечал: «Ответить на вопрос о судьбе свободы в России почти то же, что решить, принадлежит ли Россия к кругу народов западной культуры; до такой степени понятие этой культуры и свободы совпадают в своем объеме»¹⁵.

Исследуя историю России, Г.П. Федотов выступал как последовательный «западник», усматривая в свободе исключительно западное качество общественной жизни. Вместе с тем, его «западничество» носит своеобразные черты как методологического, так и мировоззренческого характера. В отличие от традиционного для русского «западничества» рационалистического мировоззрения, историк придерживался православных воззрений для оценки прошлого и будущего России. По мысли Федотова, ключ к разгадке русской истории – постижение ее глубинных, фундаментальных составляющих, не меняющихся во времени, но реализующихся с большей или меньшей полнотой в разные периоды истории. Таким образом, главным предметом его историко-культурных исследований выступает «лицо России», «русская идея», определяемая в соответствии с традицией Вл.С. Соловьева как Божий замысел о России, заданный в вечности. Использование таких метаисторических кон-

¹⁴ Федотов. 1991 (6). Т. 1, С. 284.

¹⁵ Федотов. 1991(6). Т. 2, С. 277.

струкций, как «лицо России», позволяло Федотову изменить акцентировку оценки русской истории. Если ортодоксальный «западник» видел в ней несоответствие высоким образцам культуры, то Федотов усматривал в тех же фактах нереализованные возможности России.

Недостатком рационалистического «западничества» Г.П. Федотов считал его гиперкритицизм в отношении русской истории. Он отмечал: «Западническое содержание идеалов, как левой, так и либеральной общестственности, при хронической борьбе с государственной властью приводило к болезни антинационализма. Все, что было связано с государственной мощью России, с ее мировыми или имперскими задачами, было взято под подозрение, разлагалось ядом скептицизма. За правительством и монархией объектом ненависти становилась уже сама Россия: русское государство, русская нация»¹⁶. Несогласие Федотова с односторонним критицизмом «западников» определялось его методологической концепцией – представлением об альтернативности русского исторического процесса. Русская история рассматривалась им как противоборство *двух культурно-антропологических тенденций – ориентализации и вестернизации*. Пожалуй, никто из русских историков не выразил с такой полнотой, как это сделал Федотов, *представления о России как потенциально-западной стране, подвергающейся насильственной ориентализации и ответной революционной вестернизации*.

Восток и Запад – не столько географические, сколько культурологические понятия. Под «Востоком» Федотов понимал специфику сознания народов передней Азии, создавших особый духовный мир, противоположный либертарно-антропоцентрическому сознанию народов запада Европы. Ориентальные тенденции отождествлялись историком с порабощением личности, а вестернизаторские – с ее освобождением.

Федотов полагал, что русская история, будучи столкновением глобальных альтернатив, всегда демонстрировала преобладание ориентальных тенденций своего исторического развития и деформированность процессов вестернизации. В свою очередь, альтернативность русской истории определялась как внешними, так и внутренними факторами. К внешним факторам историк относил географическое положение страны на периферии Востока и Запада, обусловившее постоянное и противоречивое влияние на нее соседних социокультурных образований. Отношения в историко-культурном треугольнике «Восток–Россия–Запад» приобретали с течением времени различные конфигурации. Федотов насчитывал четыре этапа взаимодействия страны с великими культурны-

¹⁶ Федотов. 1991 (б). Т. 1. С. 145.

ми общностями. Он писал: «...сперва в Киеве мы видим Русь свободно воспринимающей культурные воздействия Византии, Запада и Востока. Время монгольского ига есть время искусственной изоляции и мучительного выбора между Западом и Востоком (Литва и Орда). Москва представляется государством и обществом существенно восточного типа, который, однако же, скоро (в XVII веке) начинает искать сближения с Западом. Новая эпоха – от Петра до Ленина – представляет, разумеется, торжество западной цивилизации на территории Российской Империи»¹⁷.

Принципиальным для авторской концепции философии русской культуры является тезис о сходстве «стартовых» условий развития христианской культуры Руси и Запада в эпоху Раннего Средневековья. Их объединяли первичная катехизация народов, равно «варварских» по своей исторической памяти; свобода церкви и социальная активность клира. Однако благодаря тому, что Русь получила доступ к античному наследию через посредничество Византии, его освоение русским сознанием привело к иным результатам в сравнении с остальной Европой. По существу, освоить античное наследие России не удалось. Язык античной культуры оказался невостребованным, так как был заменен славянской письменностью и русская православная литургия велась на церковнославянском. Запад же оказался наследником античности, поскольку латынь осталась языком богослужения. Русская история и в этом отношении – история упущенных возможностей: «...и мы могли бы читать Гомера, философствовать с Платоном, вернуться вместе с греческой христианской мыслью к самым истокам эллинского духа и получить как дар научную традицию древности. Провидение судило иначе»¹⁸.

Антропологическое истолкование христианской доктрины в Киевской Руси существенно отличалось от византийского и, в отличие от последнего, благоприятствовало свободе человека. Киевская Русь поняла вновь принятую веру не только как призыв к личному благочестию, но и как требование устройства общества на началах справедливости и милосердия. При этом древнерусское христианское было свободно от крайностей восточного аскетизма.

Созданные христианством предпосылки свободного развития общества Древней Руси оказались менее реализованными, чем в Западной Европе. В отличие от средневекового Запада, на Руси понятие прав личности и политических свобод не получило юридического закрепления. Приоритет общего права как средства ограничения самовласти князей

¹⁷ Федотов. 1991 (6). Т. 2. С. 278.

¹⁸ Федотов. 1994. С. 74.

над формально-юридическими средствами такового Федотов объяснял в духе либерального этатизма. Полагая, что дефицит государственности столь же губителен для свободы, как и гипертрофия государственной власти, историк видел несчастье Древней Руси в отсутствии политического единства, что и предопределило ее превращение в рабу монголов.

Подобно многим либеральным историкам-«западникам», Федотов усматривал в монгольском завоевании и последующем возникновении Московского царства проявление глубокой ориентализации страны. По утверждению историка, в «московской земле вводились татарские порядки в управлении, суде, сборе дани. Не извне, а изнутри татарская стихия овладевала душой Руси, проникая в плоть и кровь»¹⁹.

Победа ориентальной альтернативы в русском социальном процессе привела к смене типа религиозности. В XVI в. русское православие сформировалось в том виде, в каком оно сохранилось и в XX в. – как религия обрядоверия, ритуализм. Богословская и даже догматическая стороны религии казались русскому обществу XVI века второстепенными. Именно в это время христианство превращается в религию священной материи: икон, мошей, святой воды, ладана, просвир и куличей. Религиозная обрядовость закрепила жесткий характер мер социального регулирования: «...это ритуализм, но ритуализм страшно требовательный и морально эффективный. В своем обряде, как еврей в законе, москвич находит опору для жизненного подвига»²⁰.

Ложная теократия Москвы как «Третьего Рима» создала репрессивный механизм управления и была внутренне враждебна христианству: «моральная тяжесть принимает черты антихристианские: беспощадности к падшим и раздавленным, жестокости к ослабевшим и провинившимся. “Москва слезам не верит”. В XVII в. неверных жен зарывают в землю, фальшивомонетчикам заливают горло свинцом. В ту пору и на Западе уголовное право достигло пределов бесчеловечности. Но там это было обусловлено антихристианским духом Возрождения; на Руси – бесчеловечием византийско-осифлянского идеала»²¹.

Для Федотова особый интерес представляло не только христианское сознание политической и духовной элиты, но и бытовое, массовое понимание христианства, определявшее поведение народа в целом. По его мнению, массовое религиозное сознание отличали как неполнота понимания христианской истины, так и актуальность языческих глубин

¹⁹ Федотов. 1991(б). Т. 2. С. 282.

²⁰ Федотов. 1991(б). Т. 2. С. 285.

²¹ Федотов. 1991(б). Т. 2. С. 268.

массовой психики. Он полагал, что русские лучше всех других культурных народов сохранили природные, дохристианские основы народной души. На дне величайших созданий русского слова открывается нечто общее с примитивом народного фольклора. В народной религиозности проявилась тенденция, свойственная восточному монофизитству, что сказалось на христологических и тринитарных воззрениях низов. Так, «анализ народной Троицы приводит нас к неожиданному выводу: в ней за троичным именем скрывается скорее основная религиозная двоица – мужского и женского божественных начал – Христа и Богоматери»²².

В целом религиозность русских демонстрировала сильную ориентальную составляющую – переживание удаленности, трансцендентности Бога. В народной религиозности обесценивалось настоящее и будущее, терялась ценность человеческой активности.

Федотов отмечал: «...незадачливая в богословии, скоро позабывшая греческую выучку, Древняя Русь из всех богословских тем облюбовала себе одну: эсхатологическую»²³. В атмосфере переживания далекого от человека и жестокого Бога возник «религиозный национализм» русских: представление о богоизбранности и мессианском характере единственного этноса – носителя вечной божественной правды. Провозглашением доктрины «Москва – III Рим» церковная организация на Руси утратила дистанцию по отношению к задачам государства, поскольку само государство стало сакральным орудием божественного избранничества, оплотом подлинной веры. Религиозный национализм обосновывал не только приоритет государства над личностью, но и антиинтеллектуализм русского сознания: «Православная Русь в своей духовной жизни явила миру высокий образец христианского подвижничества. В своем религиозном искусстве она обнаружила несомненную гениальность. Она сумела создать могучее государство, о которое разбились враждебные волны и с Запада и с Востока. Одного не имела Русь: культуры, мысли. В этой области она не пожелала учиться у греков, не подняла факел, брошенный погибшей Византией, и осталась в младенческой поре сознания»²⁴.

По мнению Федотова, победа ориентальных тенденций в сознании и быте Московского государства не смогла полностью исключить развития свободы в России. Но сама реализовать потенциал универсальной христианской культуры и предоставить своим гражданам политические права и свободы Россия не могла.

²² Федотов. 1991 (а). С. 32.

²³ Федотов. 1990 (б). С. 88.

²⁴ Федотов. 1996. Т. 2. С. 151.

Эпоха Нового времени, которую историк считал манифестацией свободы человека, началась в России под воздействием западной культуры. Петербургский период продемонстрировал превосходство вестернизации над ориентальной составляющей русского исторического процесса, так как именно государство и элита российского общества стали ее носителями. Процесс российской вестернизации развивался противоречиво. Современные социокультурные институты сосуществовали с восточными порядками Московии: европеизированный уклад эксплуатировал традиционную социальную организацию и даже ужесточал ее. Федотов отмечал: «Крепостная неволя крестьянства на Руси сделалась повсеместной в то самое время, когда она отмирала на Западе, и не переставала отягощаться до конца XVIII столетия, превратившись в чистое рабство. Весь процесс исторического развития на Руси стал обратным западноевропейскому: это было развитие от свободы к рабству. Рабство диктовалось не капризом властителей, а новым национальным заданием: создания Империи на скудном экономическом базисе»²⁵.

Двухсотлетний опыт вестернизации России подчинялся, по мнению историка, определенной закономерности. Автор полагал «общим печальным законом новейшей русской жизни» то, что ей «приходится дважды проходить основные фазы европейской истории: первый раз отраженно, синхронистически, второй – внутренне и органически – столетием позже»²⁶. Таким образом, два цикла российской вестернизации различались характером *инкорпорации* и степенью *избыточности* западных социальных технологий для традиционного общества.

Завершение первичного цикла вестернизации Федотов относит к 1830–40-м гг., когда русская образованная элита стала соответствовать европейским образовательным стандартам и ориентироваться в содержании европейской духовной культуры. Первый этап европеизации принес не столько положительные социальные приобретения, сколько разрушение традиционных ценностей и делегитимацию социальной структуры. Русский человек утратил чувство значимости социальной дистанции между общественными группами, что вкупе с традиционным антиинтеллектуализмом русских способствовало *аномии* русского сознания. Федотов писал: «Первое прикосновение московской души к западной культуре почти всегда скидывается нигилизмом; разрушение старых устоев опережает положительные плоды воспитания. Человек, потерявший веру в Бога и царя, утрачивает и все основы личной и социальной этики»²⁷.

²⁵ Федотов. 1991(б). Т. 2. С. 284.

²⁶ Федотов. 1991(б). Т. 1. С. 243.

²⁷ Федотов. 1991(б). Т. 2. С. 296.

Статус современной культуры России был противоречивым, а ее будущее – неопределенным. С одной стороны, ее существование было искусственным и защищалось только государством – Империя была «почвой» беспочвенной западной культуры. С другой стороны, эта культура была условием выживания отвергавшей ее страны. Федотов считал неизбежными радикальные методы вестернизации, применявшиеся государством. Он писал: «В просвещении был весь смысл Империи как новой формы власти. Рождение Империи в муках петровской революции предопределило ее идею властного и насильственного насаждения западной культуры на Руси. Без опасной прививки чужой культуры, и при этом в героических дозах, старая московская государственность стояла перед неизбежной гибелью»²⁸.

Последующие неудачи российской европеизации были связаны, по мысли Федотова, с отказом Империи от культурного творчества, способного открыть российской элите новые горизонты самореализации. Не случайно А.С. Пушкин был «певцом Империи и свободы». С 30-х гг. XIX в. пропорционально истощению творческого потенциала власти угасала вера народа в непогрешимость и силу государства. Трагедию русской культуры Федотов объяснял действием многих факторов, в том числе «уходом» интеллектуальной элиты из государственной в частную жизнь. Эта «дезэтатизация» дворянства по своим роковым последствиям для государства была аналогична процессу секуляризации культуры. Государство не хотело допустить в России политической либерализации, которая, как показал опыт Западной Европы, является необходимым результатом роста культуры. Таким образом, встав во враждебные отношения к культуре, Империя изменила своему предназначению и деформировала процесс вестернизации. Федотов отмечал: «Впав в неизлечимую болезнь мракобесия, монархия не только подрывала технические силы России, губя мощь ее армий, но и создала мучительный разрыв с тем классом, для которого культура – нравственный закон и материальное условие жизни. Тем самым, Империя утратила провиденциально-определенное право на существование, ибо «бытие народов и государств оправдывается только творимой ими культурой. Русская культура оправдывала Империю Российскую. Пушкин, Толстой, Достоевский были венценосцами русского народа. Правительство маленьких александров и николаев дерзнуло вступить в трусливую, мелкую войну с великой культурой, возглавляемой исполинами духа»²⁹.

²⁸ Федотов. 1991(б). Т. 1. С. 130.

²⁹ Федотов. 1991(б). Т. 1. С. 143.

Провиденциально определенная задача России – создание классической культуры – не была понята и воспринималась массами как насильственный и ничем не оправданный путь развития, поскольку распространение образования может быть результатом целенаправленной политики государства, а отнюдь не органичным процессом саморазвития общества. Однако мобилизация масс авангардными элитами способствует усилению социального напряжения. Как полагал Федотов, «порыв личности к свету, к солнцу, к свободе неизбежно создает надрыв, если не разрыв ее связей со средой, с материнским лоном народа. Неизбежна драма непонимания, отчуждения, борьбы. Народ идет за духовными вождями против воли, упираясь, – всякий народ, хотя бы и высококультурный»³⁰.

Своеобразие российской ситуации виделось автору в том, что сама культурная элита оказалась разделенной по отношению к продуктам интеллектуального творчества. Странники «высокой» культуры, избыточной и недоступной пониманию широких масс, столкнулись с теми, кто требовал прагматически ориентированной и массовой культуры. По существу, «маскультура» предполагала исчезновение своего источника – свободы творчества – в результате ее замены репродуктивно-потребительским отношением к культуре как таковой: «Народная школа была созданием интеллигенции, ее гордостью. Академия наук казалась роскошью, излишеством. Звание народного учителя и было самым почетным в России. Звание профессора было – и осталось – почти бранным словом»³¹. Идеологи «маскультуры» сформировали у населения ложный стереотип высокообразованного представителя культурной элиты как привилегированной касты и ненужного обществу балласта.

Энтузиастами «маскультуры» были политические радикалы-социалисты. Провозглашенная ими идея социальных и политических преобразований не включала представлений о ценности свободы индивида. Человек мыслился подчиненным неким сверхчеловеческим сущностям и растворенным в них. Подобная антропология культуры свидетельствовала об ориентальном характере массового сознания, оставшегося религиозным, несмотря на победу секуляризации. Русские социалисты «весьма мало ценили свободу. Они искали, прежде всего, чему поклониться, т.е. чему пожертвовать свободой: народу, пролетариату или готовой системе светской теологии. В их верующем, самоотреченном отношении к жизни была большая моральная правда. С этим новым историческим образованием – русской интеллигенцией – проби-

³⁰ Федотов. 1991(б). Т. 2. С. 214.

³¹ Федотов. 1991(б). Т. 2. С. 213.

лось наружу глубокое народное наследие русского кенотического христианства. Но вместе со всеми его пороками и недостатками, нечувствительность к свободе и к миру культурных гуманистических ценностей составляет обратную сторону русского религиозного наследия»³².

Революционеры оказались той силой, которая актуализировала архаические ориентальные слои русского сознания. Как полагал Федотов, «в отрицании государственно-культурного идеала ренессанса (Петра) русское народничество бессознательно выражало отношение к нему русской религиозной души»³³. Причем именно социалисты возглавили сопротивление вестернизации. Их лидерство проявилось в дискредитации института частной собственности в массовом сознании. Преобладание социальных сил, выступающих против главного атрибута европейского общества, нарушило доминанту вестернизаторской тенденции.

Тоталитарная революция Октября 1917 г. не реализовала ориентальной тенденции русского развития как исключительной или даже доминирующей. Советская Россия сохранила модернизаторский вектор развития. Альтернативой развития стала не столько дихотомия вестернизации и ориентализации, сколько оппозиция деформированной и органической вестернизации. Деформированная вестернизация страны предполагает отсутствие в ней «высокой» культуры и приоритет «масскультуры». Федотов считал, что «самый страшный враг культуры в России – не фанатизм, а тьма, даже не просто тьма, а тьма, мнящая себя просвещением, суевие цивилизации, поднявшее руку на культуру»³⁴.

Таким образом, русский исторический процесс показывал свой неизменно транзитивный характер. Только вектор этого перехода стал иным: «выражаясь в общепринятых терминах, в России развивается и имеет обеспеченное будущее цивилизация, а не культура»³⁵.

В последние годы жизни Г.П. Федотова его концепция всемирной истории не может быть рассмотрена отдельно от «русской темы». Точнее было бы сказать, что понимание мировой истории после событий 1917 года невозможно без осмысления новейшей российской истории. Ось отношений «Запад – Россия (СССР)» становится для автора смыслообразующим стержнем мирового исторического процесса.

«Русская тема» Федотова требует особого внимания, поскольку разрабатывалась под воздействием личного опыта и никогда не отличалась академически беспристрастным изложением. Личный жизненный опыт

³² Федотов. 1990(а). С. 230.

³³ Федотов. 1991(б). Т. 2. С. 225.

³⁴ Федотов. 1991(б). Т. 2. С. 210.

³⁵ Федотов. 1991(б). Т. 2. С. 208.

Федотова, обогащенный не только событиями Второй мировой войны, но и начавшейся «холодной войной», остался неизвестным или не получил должного осмысления у других историков русской эмиграции, а потому его работы, посвященные русской истории, можно считать итоговыми для целого направления исследователей, именуемых «западниками».

События Второй мировой войны усилили в русском авторе интуицию всемирности истории. Последние работы Федотова о русской истории свидетельствуют о принятии им идеи «биполярного мира» и атлантизма, за которыми просматривается идея глобального государства.

Федотов использовал шпенглеровскую схему противоположности культуры и цивилизации для описания существа современного глобального сообщества. Мир XX века представлялся историку враждебным культуре, проникнутым стремлением к рационализации жизни и торжеству технократии, чуждым бескорыстно идеалистическому духу культуры. В таком мире уже нет локальных культур, в которых живет «душа» того или иного народа. Поглощение разнообразных культур универсальными стандартами цивилизации наглядно демонстрирует современная история Запада. Федотов полагал, что «европейские культуры уже перестали быть национальными в смысле романтиков. Научно-технический и социальный рационализм XIX века убил остатки выращенных средневеком и связанных с почвой национальных культур»³⁶.

Современные культуры подчиняются законам и стандартам цивилизации. Эра цивилизации совпадает с эпохой империализма. Мир империализма приходит на смену взаимодействию национальных суверенных государств, возникших в Новое время на развалинах христианского политического универсализма. Федотов отмечал: «XIX век, начавшийся эрой освободительного национализма, заканчивается борьбой империализмов. Дети и внуки гарибальдийцев завоевывают Ливию и Абиссинию, тщатся поработить славян. Едва объединившаяся Германия возобновляет свой забытый с XV столетия *Drang nach Osten*. Франция и Англия уже успели создать себе колониальные Империи. Но все Империи лишь этапы на пути к единой Империи, которая должна поглотить их всех. Вопрос лишь в том, кто будет ее строить и на каких основах»³⁷. По мнению Федотова, органичной для европейских культур была бы империя англосаксонских народов – *Rax Americana*: «Англосаксонский мир, расселившийся по всем частям света, плюс истощенная войной Европа, которая может быть теперь только придатком к нему, – вот первые

³⁶ Федотов. 1991(б). Т. 2. С. 208.

³⁷ Федотов. 1991 (б). Т. 2. С. 248.

очертания будущего отечества. Культурно и духовно это все та же Европа, то есть предел распространения былой греко-римской и христианской культуры, еще поныне живых и живительных в своем наследии»³⁸.

Rex Americana – сфера цивилизации, но она не столько враждебна культуре, сколько равнодушна к ней. Однако, в оценке грядущего американского миропорядка Федотов далек от его идеализации. Атлантическая империя значима для него не сама по себе, а лишь как пространство новой объединительной идеи, способной предотвратить угрозу войны и социальных потрясений, преодолеть моральный кризис современной культуры. Таким образом, создание атлантической империи усилиями США и Великобритании отождествляется Федотовым с перспективой активно-эсхатологического преображения истории.

Возможная победа советской империи ассоциируется у Федотова с противоположным, пассивно-эсхатологическим выходом из истории. Советский коммунизм рассматривался им не столько как оппозиция Западу, сколько как деформированный, тоталитарный вариант индустриальной цивилизации. Он считал, что с распространением коммунистической системы по всему миру произойдет «истребление высших классов и всех носителей культуры, дышавших воздухом свободы и не желавших от него отказаться... Постепенное (а может быть и быстрое) заглушение всех высших сфер культуры за счет технического знания». Однако СССР, этот деградировавший осколок западного мира, не сможет обеспечить соответствующий требованиям современной цивилизации научно-технический уровень развития и утратит историческую динамику, присущую Новому времени. Господство Советской империи, по его мнению, вернет человечество к временам «нового варварства»³⁹. Итак, коммунизм и атлантизм – варианты одного, западного пути развития, различающиеся степенью оптимальности для религиозных судеб человечества.

Идеология «атлантизма», которая увлекла Федотова в последние годы жизни, сопровождалась ревизией ряда мировоззренческих постулатов его историософии. В работах послевоенного периода он уже не считал Империю адекватной политической формой выражения русской классической культуры. В новой авторской трактовке Российская Империя представляла не носителем модернизации страны, а сгустком иррациональной жажды власти и мирового господства, лишенной творческого смысла: «Имперское сознание питалось не столько интересами государства – тем менее народа, – сколько похотью власти: пафосом неравенства,

³⁸ Федотов. 1991 (б). Т. 2. С. 240.

³⁹ Федотов. 1991 (б). Т. 2. С. 312-313.

радостью унижения, насилия над слабыми. Этот языческий комплекс для России XIX века означал кричащее противоречие между политикой государства и заветами ее духовных вождей. Русская литература была совестью мира, а государство пугалом для свободы народов. Потеря Империи есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик»⁴⁰. Имперская государственность ставилась автором в жесткую оппозицию русской культуре.

Разрушение советско-российской империи должно быть оплачено дорогой ценой, которая, надеялся Федотов, останется незамеченной для ее нищего населения. Он прогнозировал: «Россия потеряет донецкий уголь, бакинскую нефть – но Франция, Германия и столько народов никогда нефти не имели. Она обеднеет, но только потенциально, потому что та нищета, в которой она живет при коммунистической системе, уйдет в прошлое»⁴¹. Потеря Империи будет способствовать внутренней концентрации духовной энергии народа, его христианскому преобразованию: «...освобожденная от военных и полицейских забот, Россия сможет вернуться к своим внутренним проблемам – к построению выстраданной страшными муками свободной социальной демократии»⁴².

Концепция русской истории Г.П. Федотова обозначила не только эвристические возможности и границы его историко-культурной компаративистики христианского историзма, но и своеобразный синтез его социально-политических интенций: свободы и прогресса, социализма и христианского либерализма. В работах Г.П. Федотова «западничество» переформатировалось в «атлантизм», резко и точно обозначив новый ракурс его историко-культурных исследований – уяснение национального и вселенского смысла «русской идеи» в контексте глобальной истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

Анциферов М.П. Из дум о былом. М., 1992.

Бочаров А.В. Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты. Дисс... канд. ист. Наук. Томск, 2002.

Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington. 1957.

Гаман Л.А. Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли. Дисс... докт. ист. наук, Томск, 2008.

Гревс И.М. Рецензия на «Исповедь» Бл. Августина как источник для его биографии и для истории культуры эпохи // Отчет о состоянии и деятельности императорского Санкт-Петербургского университета за 1910 год. СПб., 1911.

Историческая наука и историческое сознание. Томск: ТГУ, 2000.

К новому пониманию человека в истории. Томск: ТГУ, 1994.

⁴⁰ Федотов. 1991 (6). Т. 2. С. 237.

⁴¹ Федотов. 1991 (6). Т. 2. С. 326.

⁴² Федотов. 1991 (6). Т. 2. С. 327.

- Ивонина О.И.* Проблема направленности исторического процесса в русской христианской исторической мысли XIX – первой половины XX века. Дисс... докт. ист. наук, Томск, 2002.
- Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. М.: ИВИ РАН, 2004.
- Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. Томск: ТГУ, 2002.
- Мозильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX – начала 1900-х гг. Томск: ТГУ, 1969.
- Мозильницкий Б.Г.* О природе исторического познания. Томск: ТГУ, 1978.
- Мозильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. Вып. I: Кризис историзма. Томск: ТГУ, 2001; Вып. II: Становление "новой исторической науки". Томск: ТГУ, 2003; Вып. III: Историографическая революция. Томск: ТГУ, 2008.
- Мозильницкий Б.Г., Николаева И.Ю.* Методологические ресурсы новой интеллектуальной истории в свете текущего этапа историографической революции // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, РГГУ. 2012.
- Нечухрин А.Н.* Смена парадигм в российской историографии всеобщей истории (80-е гг. XIX в. – 1917г.). Дисс... докт. ист. наук, Томск, 1993.
- Николаева И.Ю.* Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск: ТГУ, 2010.
- Новый Град:* Сб.ст. Нью-Йорк, 1952.
- Полухин А.Н.* Историческая концепция П.Н. Савицкого: теоретико-методологический аспект. Дисс... канд. ист. наук, Томск, 2007.
- Рамазанов С.П.* Методологический кризис в российской историографии начала XX века: сущность и основные этапы. Дисс... докт. ист. наук, Томск, 1995.
- Федотов Г.П.* Зачем мы здесь? // Современные записки. 1935. № 58.
- Федотов Г.П.* Идея России и формы ее раскрытия (Ответ на анкету Пореволюционного клуба) // Новый Град. 1934. № 8.
- Федотов Г.П.* Св.Филипп, митрополит Московский. М., 1991. (а)
- Федотов Г.П.* Новый Град // Новый Град: Сб. ст. Нью-Йорк, 1952.
- Федотов Г.П.* О национальном покаянии // Новый Град. 1933. № 6.
- Федотов Г.П.* О святости, интеллигенции и большевизме. СПб., 1994.
- Федотов Г.П.* Потерянный писатель А.И.Герцен (1812 – 1870) // Вопросы литературы. 1990. №2. (а)
- Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1990. (б)
- Федотов Г.П.* Собрание сочинений: В 12 т. СПб., 1996. т.2.
- Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. СПб., 1991. т.1-2. (б)
- Федотова Е.Н.* Георгий Петрович Федотов // Федотов Г.П. Лицо России. Paris, 1988.
- Хмылев Л.Н.* Методологические аспекты кризиса русской либеральной историографии. Дисс... канд. ист. наук, Томск, 1971.
- Ширко К.Н.* Н.А. Бердяев о природе российской цивилизации. Дисс... канд. ист. наук, Томск, 2002.

Ивонина Ольга Ивановна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета; ivonina@ngs.ru.

Л. А. ГАМАН

Ф. А. СТЕПУН О I МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В статье рассмотрены представления русского религиозного мыслителя Ф. А. Степуна (1884–1965) о I Мировой войне. Анализируется его основанная на синтезе религиозно-философского и научного подходов исследовательская стратегия, которая позволила ему отразить семантическую сложность войны как социального феномена, имеющего как эмпирическое, так и метафизическое измерение. Особое внимание уделено антропологическому измерению войны в интерпретации Степуна.

Ключевые слова: I Мировая война, религиозная философия истории, армия, тыл, менталитет.

Фёдор Августович Степун (1884–1965) – яркий представитель русской мысли XX века. Высокоодаренный исследователь, обладающий широким кругом научных интересов, автор многочисленных работ, большей частью центрированных на руссиеведческой проблематике, он внес большой вклад в развитие русской культуры. В богатейшем творческом наследии Степуна важное место занимает проблема войны. Устойчивость интереса к этой проблеме в немалой степени определялась его непосредственным участием в I Мировой войне в действующей армии в качестве прапорщика-артиллериста, дослужившегося за годы войны до чина поручика. Он также был вдумчивым наблюдателем многих других военных конфликтов XX века, включая II Мировую войну.

Несмотря на интерес исследователей к творческому наследию Степуна, в России проявившийся в постсоветский период¹, его историко-религиозные представления о войне изучены недостаточно. В этой связи представляется актуальным обращение к этой части его наследия, в первую очередь, к его размышлениям, посвященным осмыслению I Мировой войны. В качестве основных источников выступают работы Степуна: «Из писем прапорщика-артиллериста», «Бывшее и несбывшееся», «Мысли о России» и другие.

Исходной точкой размышлений Ф.А. Степуна о войне являлась его глубокая убежденность во всеобъемлющем характере христианства как «некоей абсолютной истины», пронизывающей все уровни бытия. Формулируя свою фундаментальную теоретико-методологическую установку, он писал: «Метафизика не противоположна истории. И Вечное

¹ Ермичев. 1999. С. 393-409; Кантор. 2008. С. 3-39; Гаман. 2010. С. 92-94; Киселев. 2014. С. 89-125.

становится на земле через временное. Весь смысл исторического процесса в осуществлении на земле сверхисторического – Абсолютного»². По его убеждению, лишь легитимация внутренней связи «абсолютного» и «исторического», осложнённой множеством опосредований, придает историческому процессу онтологический смысл, без признания которого история как реальность особого порядка утрачивает своё значение.

Примененный к изучению войны, этот историко-религиозный подход способствовал выявлению ее смысловых уровней, сложно связанных с сакральными началами. При этом приоритетное внимание Степун уделит антропологическому измерению войны; он был убежден в том, что глубоко исследовать историческое событие «возможно только как процесс в человеческих душах, а не в виде орнаментально стилизованного описания действительности»³. Присмотримся к размышлениям Степуна о полисемантической природе войны.

В книге «Из записок прапорщика-артиллериста», одной из лучших книг о I Мировой войне, Степун, позиционируя себя как «ее величайшего противника и ненавистника», тем не менее, поставил вопрос о смысле войны и ее ценности⁴. Он подчеркивал: «...война есть ни что иное, как открыто сказанная правда о той невероятной лжи, в которой жили мирные народы культурнейшей Европы»⁵. Конечно, подразумевалась ложь секуляризованной культуры, породившей мещанство как духовный феномен, потребительскую психологию, преобладание ценностей прагматизма и утилитаризма. Война воспринималась как напоминание христианскому человечеству о необходимости преображения мира; именно в этом Степун усматривал ее основной смысл. Было бы большим упрощением интерпретировать такие представления, как оправдание или тем более одобрение войны. Более того, Степун однозначно заявлял: «Нельзя же действительно быть христианами и во имя Христа убивать христиан!»⁶. Тем не менее, он был убежден, что феномен войны нельзя рассматривать *вне* христианства уже потому, что восприятие войны как зла стало возможным лишь на христианской почве⁷. На христианской же почве она начинает восприниматься в качестве «греха человечества», изживание которого только и придает смысл войне как социальному феномену⁸.

² Степун. 2009 (а). С. 407.

³ Степун. 2012. С. 345.

⁴ Степун. 2000 (б). С. 116.

⁵ Там же. С. 179.

⁶ Там же. С. 70.

⁷ Степун. 2009 (б). С. 516.

⁸ Там же. С. 516.

Степун допускал идею священной войны, невысказанную вне признания надличностных целей и ценностей: «...для того, чтобы осуществлялась такая священная война, в ее основе должны быть нерушимы следующие два условия: во-первых, идея, во имя которой люди приносят в жертву свои всегда и во всяком случае драгоценные жизни, должна быть действительно Божественной идеей, а не человеческой выдумкой, а во-вторых, каждый – исключения абсолютно не допустимы – кто несет свою жизнь к священному жертвеннику, должен быть безусловно охвачен и проникнут, более – должен быть всецело, во всем своем бытии и существе, убит и заново рожден этой идеей»⁹.

Однако I Мировая война, несмотря на ее глубоко трагический характер, несмотря на вызванный ею первоначально всплеск патриотизма и жертвенности, очень мало соответствовала священной войне. Уже в первые месяцы войны Степун увидел ее негативные стороны, обусловленные «полной неподготовленностью России к войне»¹⁰ и «полным бессилием... монархии защищать национальное дело России»¹¹. В действующей армии «отвратительными», по его выражению, были «угнетающая забитость серых солдатских масс», «бесконечное хамство некоторых 'благородий'», «блистательная глупость блестящих генералов»¹². На занятых русскими войсками территориях в Галиции и Венгрии безобразными он назвал проявления мародерства и антисемитизма, что, по его наблюдению, особенно откровенно практиковалось казаками¹³.

Оказавшись в ноябре 1915 г. в тылу в Евангелическом полевом лазарете под Москвой в связи со случайным переломом ноги, Степун столкнулся с иными по характеру отрицательными сторонами войны: «беспросветное хамство русской государственной власти»¹⁴, равнодушное отношение к раненым, взяточничество. Он резюмировал: «Одни успешно устраиваются, нагло ловчатся, открыто откупаются, другие беспомощно бьются в тупиках смерти и ужаса»¹⁵. Вся горечь его вывода особенно оттеняется свойственным Степуну в тот период восприятием войны преимущественно в «образе физической смерти»¹⁶. Это, в частности, нашло отражение на страницах книги «Из записок прапорщика-

⁹ Степун. 2000 (б). С. 68.

¹⁰ Степун. 2000 (а). С. 284.

¹¹ Степун. 2009 (а). С. 328.

¹² Степун. 2000 (б). С. 10.

¹³ Там же. С. 75-76.

¹⁴ Там же. С. 139.

¹⁵ Там же. С. 120.

¹⁶ Там же. С. 183.

артиллериста» в натуралистических картинах смерти, изображенных с большой художественной силой. Переживаемый на войне опыт постоянной близости к смерти по-особому оттенял и тыловую отвлеченность образованного российского общества в вопросах войны, обусловленную непониманием истинного положения дел на фронте.

Степун предпринял попытку отразить сложную палитру взаимоотношений на фронте. Вразрез с бытовавшими в тылу идеалистическими представлениями о настроениях солдат, он писал: «...подавляющее большинство воюет только потому, что попытка избежать верной смерти в бою ведет прямым путем к неминуемой смерти по суду через повешение»¹⁷. Такую мотивацию он не считал предосудительной и квалифицировал ее как проявление реалистичности и критичности русского солдата. Эти же качества он усмотрел и в отрицательном отношении солдат к добровольцам, пополнявшим действующую армию: «Добровольцев они презирают, потому что добровольцы пришли... “зря”, потому что они ничего «настоящего» все равно делать не могут... потому, наконец, что добровольцы эти бежали от того глубоко чтимого солдатами священного, полезного и посильного им домашнего труда, который после их побега остался несвершенным в полях и в хозяйствах»¹⁸. Гражданская неподготовленность большинства русских солдат к войне, тем не менее, не рассматривалась Степуном как препятствие к выполнению воинского долга.

На рубеже 1914–1915 гг. Степун обратил внимание на рост критических настроений среди солдат, находившихся на передовой, их ожидания «с часу на час правды и замирения»¹⁹. Пожалуй, в числе первых он указал на сложную природу солдатской тяги к замирению. В ее составе он усматривал не только «шкурнически-бунтарский аспект», но и «по существу праведную тоску русского народа по замирению»²⁰. В исторической перспективе игнорирование этого последнего аспекта Временным правительством, по убеждению Степуна, стало одной из главных причин поражения Февральской революции. Дальнейшие неудачи русской армии лишь усилили критические настроения солдатских масс. К осени 1916 г. в психологии армии, по наблюдению Степуна, произошел еще более серьезный сдвиг: солдаты начали проявлять готовность к самовольному уходу с боевых позиций; в некоторых частях стало возможным открытое обсуждение убийства офицеров²¹.

¹⁷ Там же. С. 69.

¹⁸ Там же. С. 75.

¹⁹ Там же. С. 78.

²⁰ *Степун*. 2000 (а). С. 349.

²¹ *Степун*. 2000 (б). С. 141.

Глубоко проникая на основе собственных наблюдений в народную психологию, Степун убеждался в мотивационной сложности поведения русского солдата. Обратной стороной вынужденного отбывания воинской службы он считал стихийный народный патриотизм, немислимый, по его убеждению, вне глубокой веры народа, пусть и неосознаваемой, в религиозную метафизику войны. Стержнем русского патриотизма являлась вера в незыблемость России, в то, что «Бог Россию не выдаст». Эта вера, по убеждению Степуна, являлась характерной как для солдата царской армии, так впоследствии и для солдата Красной Армии, несмотря на атеистическую риторику и фразеологию, столь характерную для советского периода российской истории. Бессознательное переживание мистики войны выражалось в свойственной офицеру и солдату вере в судьбу, в то, что «война с того света пришла», что определяло как ее «покорное приятие, так и героизм», и дух «добровольческого самопожертвования»²².

Несомненно, в своем анализе Степун коснулся некой устойчивой черты народного восприятия войны. В высшей степени интересно в этой связи описанное Виктором Астафьевым психологическое состояние одного из героев посвященного Великой Отечественной войне романа «Прокляты и убиты» – советского солдата-призывника Лешки Шестакова: «Покорность судьбе овладела им. Сам по себе он уже ничего не значит, себе не принадлежит – есть дела и вещи важнее его махонькой персоны. Есть буря, есть поток, в которые он вовлечен... может, и умереть придется вместе с этой все захлестнувшей усталой массой...»²³. Сходные суждения религиозного философа и писателя, имевших опыт непосредственного участия в боевых действиях, служат весомым свидетельством устойчивости ментального уровня исторического сознания, о чем убедительно пишет Б.Г. Могильницкий²⁴.

Переживание мистики войны придавало воинской доблести и героизму особую онтологическую глубину и смысл, поскольку они переводились в измерение «диалога с вечностью». Лишь в таком ключе, подчеркивал Степун, становилось возможным приближение к пониманию «древнего восторга боя», не сводимого ни к патриотизму, ни к ненависти к врагу²⁵. Причем, эта глубина определялась не только стоянием перед смертью (в этом случае война, по мнению мыслителя, не отличалась бы от смертоносной эпидемии), но и необходимостью лишать жизни себе подобных: «...сущность войны не в том, что на войне

²² Степун. 2000 (а). С. 271.

²³ Астафьев. 2007. С. 30.

²⁴ Могильницкий. 2000. С. 34-67.

²⁵ Степун. 2000 (а). С. 286.

люди учащенно *умирают*, иначе она ничем не отличалась бы от эпидемии, а в том, что на ней люди беспрерывно *убивают* друг друга (курсив Степуна. – Л.Г.)»²⁶. Коснувшись основного нравственного противоречия войны, особенно сложного для христианского сознания, Степун пришел к выводу, что лишь переживание убийства на войне в русле христианской категории «греха» позволяет принять войну в ее трагической глубине. Вне религиозного переживания вынужденного лишения жизни ближнего, пусть и врага, резюмировал он, «война перестает быть человеческой войной и становится нечеловеческой бойней»²⁷.

По мысли Степуна, размывание мистики войны, ослабление в сознании современного человечества «трагического ощущения жизни» таило большие опасности для исторического бытия народа. Достаточно отметить две из них, парадоксально связанные между собой: эскалация социальной агрессии в обществе и снижение сопротивляемости народа внешней опасности. Разложение русской армии, широкое распространение в ней «духа уныния» и пораженческих настроений, политизация армейской жизни – все это в немалой степени было обусловлено размыванием мистики войны: «Дух добровольческого самопожертвования явно отлетал от армии, даже геройство становилось расчетливым. Менялось это все потому, что война уже никем не ощущалась судьбою, от которой уйти нельзя и прятаться постыдно»²⁸.

Особо подчеркнем: ускоренное размывание мистики войны стало составной частью трансформации природы войны в условиях техногенной цивилизации XX в. Для Степуна начало применения оружия массового уничтожения ознаменовало наступление периода предельного обесчелочения войны как социального феномена. Вспоминая опыт переживания газовой атаки в 1917 г., он писал в своих мемуарах: «После газовой атаки в батарее все почувствовали, что война перешла последнюю черту, что отныне ей все позволено и ничего не свято»²⁹.

Степун уделил большое внимание анализу таких социально-психологических феноменов, как «фронтовое братство», прочность которого закреплялась «боевым крещением»³⁰, и «привязанность к фронту»³¹. Фронтовое братство воспринималось им как одна из наиболее прочных форм социальной солидарности. Он был убежден, что не критичная экс-

²⁶ Степун. 2000 (б). С. 174.

²⁷ Степун. 2009 (б). С. 518.

²⁸ Степун. 2000 (а). С. 301.

²⁹ Там же. С. 304.

³⁰ Степун. 2000 (б). С. 170.

³¹ Там же. С. 115.

траполяция социальных противоречий на армию затмевала «древнюю правду армии», упрощала сложную систему взаимоотношений, исторически сложившуюся в дореволюционной российской армии. Он полагал, что «сверхпартийная, боевая жизнь» и равенство солдат и офицеров перед смертью порождали особый контекст взаимодействия, ведущая тональность которого определялась близостью к вечности. И так пояснял свою точку: «...дело в том, что фронт перекладывает ось нашей жизни из положения горизонтального в вертикальное»³². В данном суждении Степуна содержится прообраз его любимой метафоры, сформулированной позднее: «от быта через событие к бытию»³³. Впоследствии с ее помощью он стремился отразить масштабность и смысловую глубину значительных исторических событий, таких, например, как Русская революция 1917 года. В обращенности к вечности, к метафизическому уровню бытия, ему виделась главная ценность войны, а позднее и революции.

До настоящего времени научный интерес представляют размышления Степуна об особенностях менталитетов воюющих народов, что напрямую влияло на содержание и стилистику их фронтовой и тыловой жизни. Причем, касаясь проблемы ментальных особенностей народов, он особо подчеркивал необходимость учитывать диалектическое единство позитивных и негативных их составляющих. К числу позитивных свойств русского человека Степун относил его целостность, его глубокую связь «с ценностями абсолютного религиозного порядка», позднее определенную им как «первичность, настоящность» русского человека. Наличие в русском менталитете этой черты дало ему основание для такого полемического по своему характеру утверждения: «...варварство русского мужика много ближе к подлинным высотам культуры, чем среднеинтеллигентская образованность», при условии сохранения его религиозности³⁴.

Неоднозначно Степун воспринимал специфическое отношение русского солдата к организации собственной безопасности. Наблюдения за этой стороной жизни в условиях боевых действий привели его к неутешительному выводу о беспечности по отношению к своей, а нередко и к чужой жизни. «Непонятно, – подчеркивал он, – почему так зря идут на свою погибель русские люди: минутами кажется, что это глупая лень, минутами – что это великая покорность обреченных»³⁵.

Немало критических замечаний он высказал в отношении неоднозначной по своим последствиям склонности русского человека к «им-

³² Там же.

³³ *Степун*. 2000 (а). С. 518.

³⁴ Там же. С. 156.

³⁵ *Степун*. 2000 (б). С. 98.

провизаторскому дилетантизму»³⁶ в разных сферах социального взаимодействия. Свидетельствующая о внутренней свободе русского человека, эта склонность на отрицательном полюсе, по убеждению Степуна, стала одной из главных причин низкого уровня подготовленности русской армии к войне. Особую же обеспокоенность у него вызывала такая черта русского менталитета как «конкретный морализм», определивший немало особенностей отечественной культуры. Его суть можно выразить так: то, что недопустимо по отношению к ближнему, к его личности и имуществу, вполне допустимо по отношению к обезличенным началам, например, государству и государственной собственности³⁷.

Среди основных характеристик немецкого народа Степун выделял такие качества, как «педантичность», «аккуратность», «профессиональная ограниченность и тупая методичность»³⁸. Он не сомневался в том, что «разумная принципиальность»³⁹, свойственная немцам, способствовала формированию гораздо более жесткого стиля их социального поведения. Все обозначенные характеристики в своей совокупности, в большей или меньшей степени, коррелировались с таким ключевым качеством немецкого народа, как «деловой прагматизм», определявший высокий уровень его организованности в военное и мирное время. Причем, по мысли ученого, это имело неоднозначные следствия для самой Германии. Так, одной из причин ее поражения в I Мировой войне он считал контрпродуктивную позицию немецкого генерального штаба, «переоценившего начала метода, порядка и долга и недооценившего начала импровизации, случая и вдохновения»⁴⁰.

Степун обратил внимание на принципиально разное восприятие войны религиозным сознанием русского и немецкого народов: «Истари чтя святых воинов, Россия никогда не считала воинов, как таковых, за святых», а в протестантской Германии широкое распространение получил «древнегерманский идеал воинской доблести»⁴¹, в отличие от свойственного русскому религиозному сознанию восприятия войны как вынужденного зла. Отмеченный Степуном вслед за Максом Шелером «религиозно-исповеднический милитаризм» немцев стал важным источником военных инициатив Германии в первой половине XX века.

³⁶ Степун. 2000 (а). С. 269.

³⁷ Степун. 2000 (б). С. 156.

³⁸ Там же. С. 133.

³⁹ Степун. 2000 (а). С. 273.

⁴⁰ Степун. 2009 (а). С. 411.

⁴¹ Степун. 2000 (а). С. 371.

Отметим, что сравнительно-исторический анализ менталитетов русского и немецкого народов не означал в интерпретации Степуна противопоставления Германии и России. В отличие от Н.А. Бердяева, который рассматривал Германию в годы войны как исторического врага России, Степун находил глубокую близость германского и русского народов, подчеркивая объединяющую их приверженность религиозному началу: «Сродство обеих наций заключается в том, что Россия, так же как и Германия, определена в своем духовном облике и в своих жизненных судьбах ценностями абсолютного религиозного порядка»⁴². Вывод Степуна о глубоком внутреннем духовном сходстве двух народов, при несомненных их внешних различиях, стал одним из его главных методологических принципов в изучении Германии и России в дальнейшем. Уверенность исследователя в его правильности не поколебали ни советский большевизм, ни германский национал-социализм.

В годы I Мировой войны Степун заострил внимание и на значении для судеб мировой культуры реактуализации архетипа «свой – чужой» в условиях техногенной цивилизации, породившей не только оружие массового уничтожения, но и изощренные коммуникационные технологии, расширяющие возможности манипуляции массовым сознанием. В частности, увеличилось возможности создания и распространения негативных стереотипов о народе-противнике в целом, что в режиме долгого времени несет угрозу существованию культуры как таковой. Схожую обеспокоенность высказывал Бердяев, писавший об опасности закрепления «блокового мышления» в мире по окончании II Мировой войны⁴³.

Таким образом, исследовательская стратегия Степуна, основанная на синтезе христианского и научного подходов, позволила ему отразить природу этого социального феномена, крайне сложного для понимания вне признания трагического характера исторического процесса. В войне явственно обнаруживается бесконечная сложность природы человека, как центрального ее субъекта во всех его взлетах и падениях; одновременно с этим в войне зарождался замысел «о новом гармоничном человеке»⁴⁴. Зададимся вопросом: не здесь ли следует искать истоки «новгородских» антропологических поисков Степуна? Так или иначе, своим вниманием к антропологическому измерению войны мыслитель обогатил существовавшие в то время научные представления о природе войны; не утратили они своей актуальности и в настоящее время.

⁴² Степун. 2000 (б). С. 135-136.

⁴³ Бердяев. 1953. № 32. С. 271-280.

⁴⁴ Степун. 2000 (б). С. 107.

Признание смысла войны и ее ценности позволило христианскому мыслителю переживать поражение России в I Мировой войне конструктивно. В отличие от многих своих современников, он полагал, что выпавшие на долю России испытания и перенесенные русским народом страдания обогатили духовный опыт страны, и что при должном учете полученного в войне и вызванной ею революции опыта Россия способна выйти на новый уровень развития. В этой связи он писал: «Наша внешняя неудача может быть нами еще превращена во внутреннюю удачу. Для этого необходимо только одно — ощутить в пронесшейся над нами грозе и бури откровение Вечности»⁴⁵.

Размышления Степуна, ученого и христианского мыслителя, о войне могут способствовать не только расширению представлений о природе былых войн, но и более глубокому пониманию многочисленных военных конфликтов современности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя. 2000 (а). 651 с.
- Степун Ф.* (Н. Лугин) Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей. 2000 (б).
- Степун Ф.А.* Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма / Пер. с нем. Г. Снежинской, Е. Крепак и Л. Маркевич. СПб.: Владимир Даль, 2012. 479 с.
- Степун Ф.А.* Мысли о России // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. Вступ. ст., сост. и комм. В.К. Кантора. М.: Астрель, 2009 (а). С. 253-501.
- Степун Ф.А.* Христианство и политика // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. М.: Астрель, 2009 (б). С. 502-534.
- Астафьев В.* Прокляты и убиты: Роман. М.: Эксмо. 2007. 832 с.
- Бердяев Н.А.* Третий исход // Новый журнал. 1953. № 32. С. 271-280.
- Гаман Л.А.* Русская религиозно-философская мысль о войне: взгляд Ф.А. Степуна // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Выпуск 9 (99). С. 92-94.
- Ермичев А.* Ф.А. Степун. Очерк жизни // Степун Ф. Портреты / Сост. и послесловие А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ. 1990. С. 393-409.
- Кантор В.К.* Ф.А. Степун: русский философ в эпоху безумия разума // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения / Вступ. ст., сост. и комм. В.К. Кантора. М.: Астрель, 2009. С. 3-39.
- Киселев А.Ф.* С верой в Россию: Духовные искания Федора Степуна. М.: Дрофа, 2014. 364 с.
- Могильницкий Б.Г.* Историческое познание и историческое сознание (К постановке вопроса) // Историческая наука и историческое познание. Томск: Изд-во Том. ннта, 2000. С. 34-67.
- Гаман Лидия Александровна*, доктор исторических наук, зав. кафедрой гуманитарных и социальных наук Северского технологического института (Филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»); *GamanL@yandex.ru*.

⁴⁵ *Степун Ф.А.* Мысли о России. 2009. С. 355.

Н. М. МОРОЗОВ

ПРИНЦИПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье рассмотрены принципы холизма, психологизма, историзма и связанные с ними научные проблемы, в сумме конкретизирующие подход к историческому познанию локальной цивилизации как целого и в её контексте – пониманию цивилизационной специфики социальных структур.

Ключевые слова: локальная цивилизация, цивилизационный подход, теория локальной цивилизации, принцип холизма, принцип психологизма, принцип историзма.

Проблема комплектации методологического аппарата принципами, в совокупности оптимальными для исследования той или иной темы, по существу, неисчерпаема, является дискуссионной и постоянно будируется научным сообществом¹. Способы её решения и уровень обоснованности диагностируются с помощью экспертизы мобилизуемого аналитического ресурса (инструментария индивидуальной творческой лаборатории) на предмет соответствия общепринятым в данное время стандартам научности и сложившимся теоретическим предпочтениям, перспективы получения дополнительных возможностей приближения к ясному изложению и исчерпывающему обоснованию собственной модели понимания/объяснения прошлого, анализа и использования накопленного исторического знания, введения в оборот новых фактов.

Всё сказанное в полной мере относится к отечественной практике изучения в течение последней четверти века феномена локальной цивилизации (кстати, наполненной нередко острыми, непродолжительными, но так и не законченными дискуссиями о смыслах понятий, составивших название данной статьи), которую сопровождал поиск составляющих логичного для данной области знаний цивилизационного подхода². Заметим, что и в настоящее время представления о перечне его принципов у многих специалистов остаются смутными, опирающимися на рассуждения философов и культурологов о базовых ценностях населения.

Ещё в конце 1980-х гг. на одном из «круглых столов» Л.Б. Алаев³, предлагая своё видение конфигурации анализа исторической системности

¹ См.: Николаева. 2010; Рамазанов. 2013; Репина. 2010 и др.

² См.: Барз. 1993; Книжников. 1999; Коваль. 1996. С. 6–21; Ковальченко. 1995. С. 78–79; Могильницкий. 2012. С. 42; Панфилова. 1993. С. 89; Радугин. 2004. С. 14–20; Сенявский. 2002. С. 59–69; Следзевский. 2002. С. 21–28 и др.

³ Формации. 1989. С. 37.

в координатах: по оси времени (этапы, формации), по оси пространства (культуры, цивилизации, особые пути развития), обозначил ставшее затем популярным разделение таким способом сфер между формационным и цивилизационным подходами⁴. К началу 2000-х годов было расширено понимание принципа системности установкой на допустимость множества описаний структуры цивилизации и декларацией таких её признаков, как многообразие, многоуровневость, многоплановость, масштабность (В.Ф. Шаповалов)⁵, многофакторность (Г.А. Гизатуллина, К.В. Хвостова)⁶, многомерность (В.Ж. Келле, А.В. Лубский)⁷. Включая в методологический аппарат указанные категории, учёные не преследовали цель отойти от их общесоциологических смыслов, раскрывавших, по мнению Ю.А. Полякова, содержание «исторического процесса как комплексного, отражающего многослойность всех существующих человеческих обществ (кроме первобытного) и множественность влияющих на него локальных и всеобщих, постоянных и преходящих факторов»⁸.

Впрочем, подавляющее большинство отечественных историков, особенно работавших по региональной тематике, явно и не выражало заинтересованности в том, чтобы дополнить цивилизационной аналитикой доминирующую в их творчестве стратегию, базирующуюся на принципах позитивизма, марксизма и классической рациональности, и причина верности им заключалась не только в незавершённой смене поколений исследователей, состоянии теоретической подготовки научных кадров и влиянии прочих факторов, питающих консервативное отношение к ранее накопленному методологическому опыту. Указанные подходы сохраняют свою продуктивность (и пока удовлетворяют образовательные запросы массового читателя) в условиях выполнения чрезвычайно объёмного социального заказа со стороны общества в написании истории многочисленных регионов и ещё большего числа социальных институтов, раскрывающей преимущественно политико-экономические аспекты динамики сфер жизнедеятельности, узнаваемые обыденным сознанием. К тому же на реализацию этого заказа направлены усилия наличествующей сравнительно немногочисленной группы профессионалов, защитившихся, в большинстве своём, по специальности 07.00.02, ориентированной на изучение истории государства как системообразующего фактора в российском обществе, обречённой периодически (в связи с очердным измене-

⁴ Кондаков. 2011. С. 14–23; Философия. 1999. С. 201.

⁵ Шаповалов. 2001. С. 20.

⁶ Гизатуллина. 2001. С. 55; Хвостова. 2006. С. 95.

⁷ Келле. 2002. С. 40; Лубский. 2004.

⁸ Поляков. 2003. С. 5.

нием политической обстановки в стране и ослаблением (усилением) цензуры) возвращаться к корректировке ранее уже описанных событий.

Тем не менее на рубеже XX–XXI вв. антропологический и лингвистический повороты, затронувшие исторические науки, способствовали постановке проблемы «человек в обществе», обнажившей наличие более глубоких, чем экономическая предопределённость, истоков особенного в социальном мышлении и поведении личности и социальных групп, а также различий в психологии больших масс, в своё время разделивших народы по цивилизациям. Не учитывать данный фактор не может исследователь, осознающий ограниченные репрезентативные возможности «лежащих на поверхности» причинно-следственных связей.

В современной историографии уже имеются добротные работы с анализом идей в области исторического знания о локальной цивилизации, высказанных зарубежными и русскими мыслителями⁹. В то же время в научном сообществе, хорошо знакомом с концепциями Н.Я. Данилевского, А.Дж. Тойнби, О. Шпенглера, П.А. Сорокина и других классиков, ещё не определена группа исходных утверждений, на основании которых можно в теоретическом плане корректно объяснить цивилизационную специфику исторических событий и явлений. Поставим задачу рассмотреть некоторые принципы и связанные с ними научные проблемы, выявленные в ходе изучения накопленного методологического опыта и маркирующие, как полагаем, цивилизационный подход.

В эпистемологии принципы рассматриваются как базовые понятия, определяющие «принятые в науке коренные способы подхода к изучению исследуемого ею материала»¹⁰, в согласованном состоянии образующие основание, из которого выводятся все остальные умозаключения. Они, по существу, намечают вектор исследования и ориентируют на выбор параметров научности, с помощью которых, как думает тот или иной автор, можно решить поставленные задачи и достичь намеченной цели. Так, **принцип холизма** способствует формированию представлений о пространстве цивилизации как целостности, свойства которой не должны сводиться к свойствам составляющих его структур (элементов) и связей, но в их понимании, должно непременно присутствовать ощущение целого как контекста¹¹. Он санкционирует конструирование модели интерпретации размерности предмета исследования при наличии в литературе множества суждений о возможных составля-

⁹ См.: Емельянов-Лукьянчиков. 2008; Ионов. 2007; Могильницкий. 2001. С. 31–49, 92–144; Могильницкий. 2003. С. 6–110; Свистунов. 2005. С. 37–70 и др.

¹⁰ Шейджен. 2001. С. 18, 20.

¹¹ Хут. 2010. С. 35.

ющих её компонентах. В этой связи, чтобы избежать эклектики, важно определиться с критериями, по которым встреченные идеи можно отнести к конкурирующим или комплементарным.

Сказанное непосредственно относится к проблемному полю цивилизационного знания, разделённому между двумя взаимоисключающими стратегиями. Современные последователи одной из них (А.М. Ковалёв, Л.Г. Олех и др.)¹² в духе традиции французских мыслителей Нового времени видели в цивилизации стадию, фазу, этап развития или способ существования общества. Новизна точек зрения указанных авторов заключалась в попытках обогатить формационную аналитику элементами культурологической, но в содержательном плане по-прежнему отмечалась детерминация материальными факторами и приоритетами государства, поэтому цивилизационное измерение истории больше напоминало характерное для советской историографии историко-социологическое.

Указанная стратегия была усвоена учёными, которые, говоря словами И.Н. Ионова «пытались воспроизвести в концепции цивилизаций формационную стадиальную схему или воспроизводили привычное деление исторического мира по принципу Запад – Восток (читай: развитие – застой, общее – особенное, системное – несистемное и тому подобное)»¹³. На отсутствие формальных критериев выделения цивилизационных стадий указывал Ю.Н. Мельников¹⁴. Авторы, по его мнению, активно использовали «территорию» других аналитических моделей истории: формационной, модернизационной, всемирно-исторической, мир-системной. В таком «рамочном» положении цивилизационный контекст, обслуживая «чужие» проблемные поля, терял самостоятельное познавательное значение, был избыточным. По существу, речь шла о том или ином этапе развития социальных технологий, о которых писал А.И. Ракитов¹⁵, гарантировавших в определённый период стабильность общества.

Другую стратегию развивали сторонники взглядов, например, на Россию или Западную Европу, как на локальные цивилизации, существующие в виде целостного социального организма с полным жизненным циклом «зарождение – расцвет – упадок», полагавшие в основу разрабатываемых концепций идеи о консолидирующей роли опреде-

¹² См.: Ковалёв. 2003; Олех. 1994 и др.

¹³ Ионов. 1994. С. 185.

¹⁴ Мельников. 2005. С. 36.

¹⁵ Согласно А.И. Ракитову, в широком философском смысле технологии, характерные для определённого отрезка истории, представляют собой динамичную, иерархически построенную, полиструктурную, культурно и социально обусловленную функционирующую систему (Ракитов. 1992. С. 7).

лённого сочетания факторов: конфессионального, территориального, социокультурного, природно-климатического, этнического, событийного, институционального и т.д. В работах В.И. Большакова, А.В. Лубско-го, О.А. Платонова¹⁶ и многих других подчёркивалось влияние традиций и ментальных структур на формирование тех особенностей во всех сферах жизнедеятельности общества, которые его выделяют в ряду остальных, аналогичных по масштабу, как правило, не совпадающих с границами одного государства.

Категория пространства в широком значении как форма существования материи, проявляющаяся в свойстве объектов иметь отношения¹⁷, «как протяжённость и порядок сосуществования материальных объектов»¹⁸, является одной из ключевых в осмыслении локальной цивилизации как целого и предполагает опору на понимание её системы в строго определенном качестве, которая не может упрощённо рассматриваться вместилищем всех известных разнопорядковых социальных структур.

Несомненно, постижение целого для исследователя всегда будет горизонтом желаемого, заявляемой, но практически нереализуемой целью, к которой следует стремиться в условиях извилистого пути и неисчерпаемости процесса познания. Возможность избежать долгих блужданий по лабиринтам исторических смыслов и тупикам, сложившимся в семантике цивилизационного знания, появляется вместе с чётким определением ряда понятий («локальная цивилизация», «цивилизационный подход, «теория локальной цивилизации»), которые бесспорно являются базовыми. Допущение двусмысленности, несоразмерности смысловых элементов в их дефинициях ведёт к незавершённости авторской концепции или хуже того, проникновению в последующие умозаключения ложных посылов.

Выйти на адекватное понимание масштаба пространства локальной цивилизации позволяет методика построения её определения в классическом варианте через ближайшие родовидовые отличия, дающие более точные соотношения понятий по объёму. Методика отражает известную максиму, что «вообще всякая наука стремится к тому, чтобы скомпоновать всю совокупность своих понятий в единую систему, составленную из нескольких последовательно нисходящих родовидовых ярусов: самые фундаментальные понятия разветвляются на некоторое число видов, те в свою очередь дробятся на подвиды и так далее»¹⁹.

¹⁶ См.: Большаков. 1999; Лубский. 2004; Платонов. 2010 и др.

¹⁷ Дука. 2001. С. 80.

¹⁸ Философия. 2002. С. 235.

¹⁹ Попов. 1999. С. 24.

В отечественной историографии с начала 1970-х сложилась традиция различать пространства по жизненным сферам, как, например, географическое, биологическое, этническое, классовое, геополитическое, культурное, биосферное и многие другие, имеющие свои свойства. Поиск изначальной природы особенного в социальной практике народов позволил некоторым исследователям небезосновательно рассматривать этническое пространство в качестве ядра социального²⁰ и выделить его предельный размер – суперэтнос²¹. Если руководствоваться указанной выше методикой, то в иерархии социальных систем верхним родовидовым уровнем следует считать человечество вообще. Имея в виду, что для составления дефиниции локальной цивилизации эти идеи являются необходимым, но недостаточным условием, но порцию дополнительного обоснования мы получим при рассмотрении следующих принципов, определим её как часть человечества, проживающую в пространстве и во времени суперэтноса, объединённую комплементарными многовековыми традициями в социальном мышлении и самоорганизации.

В представленной дефиниции ключевое понятие приобретает самостоятельное познавательное значение и «работает» в собственном проблемном поле. Так, конкретизация социального мышления показывает, что на следующем нисходящем уровне представители когнитивных наук различают его типы – религиозное, экономическое, политическое, обыденное, научное, эстетическое, культурно-символическое, психический склад этноса и др. синтезирующие в духовной сфере уникальный опыт поколений. А в историко-социологических знаниях традиции самоорганизации связываются с формами расселения людей, технологическими укладами, способами производства, моделями государственного и иного управления, социальным строем и бытовым укладом. В их пространственно-временных конфигурациях материализовывались общие черты и особенные свойства каждой из локальных

²⁰ Гумилёв. 2007. С. 44; Кибасова. 2004. С. 48.

²¹ Современные представления о феномене суперэтноса получены с помощью географического подхода Л.Н. Гумилёва, согласно которому – это «этническая система, состоящая из нескольких этносов, возникших одновременно в одном ландшафтном регионе, проявляющаяся в истории как мозаичная целостность», и культурно-исторического подхода Э.Т. Майбороды, определяющей суперэтнос в виде системы этносов, возникающей на основе государственно-политических и культурологических факторов, ведущей к появлению двойного идентификационного самосознания, что закрепляется в самоназвании (этнониме). «Суперэтнос как системное образование соответствует ряду критериев, присущих сложной системе: функциональность, целостность, эмерджентность, автономность существования, объективность границ, интегрированность». (Гумилёв. 2001. С. 546; Майборода. 1998. С. 11).

цивилизаций, которые в целом небезуспешно обнаруживали отечественные и зарубежные учёные. В этой связи цивилизационный подход выступает методологическим направлением (стратегией), обеспечивающим изучение процессов формирования и функционирования в рамках пространства и времени суперэтноса комплементарных многовековых традиций в социальном мышлении и самоорганизации.

Предложенная интерпретация принципа холизма (как и других, ниже приведённых) и связанные с ним проблемы способствуют осознанию важности ещё одной из них – выбора эпистемологической основы исследования. Данная методологическая компонента помогает следовать сложившимся теоретическим предпочтениям и может служить относительно надёжным инструментом обнаружения элементов эклектики, определяемой с помощью концепции В.С. Стёпина о формах и контексте взаимодействия элементов знаний, характерных для классического, неклассического и нео-(пост)классического типов рациональности²². На их основе в начале 2000-х гг. были сформулированы соответствующие комплексы базовых утверждений об отношениях между объектом и субъектом познания, смысле(ах) истины, классифицированы способы познания окружающего мира и другие параметры научности²³.

Каждый последующий, качественно новый тип рациональности не просто сменяет предыдущий, но также включает его элементы. Отчасти указанной эпистемологической преемственностью можно объяснить связь между тенденциями в эволюции цивилизационного знания и переходами от доминирования одного типа научной рациональности к доминированию другого в указанной выше последовательности. На примере историографических источников её выделил И.Н. Ионов, заключивший, что и «в отечественной теории истории взаимодействуют сейчас не просто теория формаций и различные версии теории цивилизаций, а теории, принадлежащие к различным по своей природе и задачам формам знания: классической науке (теория формаций и позитивистский вариант теории цивилизаций), неклассической науке (теория цивилизаций школы «Анналов», за исключением ее «четвертого поколения»), и родственная ей часть культурологии), а также элементы исторических теорий постнеклассической науки»²⁴.

В поисках методологического инструментария для изучения свойств цивилизационного общества как целого, исследователь неизбежно обратит внимание на возможности нео-(пост) классической модели историче-

²² См.: Стёпин. 1999.

²³ См.: Лубский. 2004(а).

²⁴ Ионов. 1997. С. 133.

ского познания, которая, по мнению О.Г. Дуки, зарождается в междисциплинарном пространстве и ориентирована на синтез комплементарных естественнонаучных и социально-гуманитарных концепций, в совокупности выражающих многообразие предметных подходов²⁵. Как нам представляется, формационный, модернизационный, цивилизационный, ментальный и др. аналитические ресурсы должны работать в диалогическом режиме, и эти методологически важные каркасы образуют теоретическую основу для приближения к корректной интерпретации феномена локальной цивилизации. Об этом писал В.В. Согрин²⁶, одним из первых указавших на проблему необходимости не противопоставления указанных подходов друг другу, но напротив, синкретичного использования, без чего невозможен путь к историческому синтезу, а стало быть, продолжая его мысль – и к построению теории локальной цивилизации.

Принцип психологизма побуждает выявлять специфику экзистенциальных представлений людей о мире и о себе, обусловленных менталитетом, верой, мировоззрением, ориентирует на усвоение общего и особенного в социокультурных портретах локальных цивилизаций.

В социальной психологии считается доказанным, что в разные периоды жизни в связи с адаптацией к меняющейся окружающей среде корректируются свойства психики человека, предопределяющие, в свою очередь, установки мышления и поведения²⁷. В развитие этой идеи, идей В. Дильтея придать психологизму статус важнейшего принципа методологии гуманитарных наук и П.Н. Милюкова, определявшего психологию человека конечной основной клеткой исторического анализа²⁸, в современных социогуманитарных науках ставится вопрос о ментальном изменении истории как методе исторического познания²⁹.

Осознание необходимости в данном принципе приходит по мере того, как учёный открывает для себя эвристический потенциал историко-психологического знания, каждый раз напоминающего о себе, если поставлена цель выявить нюансы духовной атмосферы изучаемого периода, настроения масс и мотивы поступков, которые далеко не всегда представляли собой следствие материальных причин. Впрочем, сущность последних не выводится из самой себя, но в истоках обнаруживает психологическую субстанцию. Или, как точнее выразился Ю.П. Малинин, «психология ...сопричастна всем формам жизни и их эволюции.

²⁵ Дука. 2001. С. 143–153.

²⁶ Согрин. 1998. С. 124.

²⁷ См.: Сикевич. 2005. С. 14–107.

²⁸ Философия. 1999. С. 94.

²⁹ Зубкова. 1995. С. 154; Розин. 2010. С. 33–41.

Поэтому исторический синтез, то есть синтез исторических знаний, возможен благодаря тщательному, всестороннему изучению именно социальной психологии, поскольку она представляет собой ту стихию, где в наиболее концентрированном виде соединились все особенности той или иной цивилизации»³⁰.

Одной из проблем, сопряжённых с указанным принципом, является определение сущности этнического менталитета в структурно-содержательном плане (и это при отсутствии дефиниции, общепризнанной научным сообществом), поиск и изучение его проявлений во всех сферах жизнедеятельности. Вместе с тем в этой нише знания, отличающейся разнообразием подходов, всё больше сторонников приобретает продуктивный, на наш взгляд, опыт локализации менталитета в архетипических образах, относимых психологами к области врождённого коллективного бессознательного³¹. Последние, по их убеждению, обуславливают специфику многочисленных коммуникативных каналов, структуры и внутреннего содержания, в первую очередь этнической среды как ядра социальной системы общества, изначально представляющей собой результат психологической адаптации населения к историческим событиям и другим внешним и внутренним факторам в пределах общей для проживания территории с особыми свойствами биосферы.

В отечественной историографии имеются единичные случаи систематизации архетипических образов в структуре менталитета на примере русских³². Правомерность такого опыта была подтверждена проведённой нами на основе историографических источников экспертизы смыслов концепции о мобилизационном типе развития и идеи державности, по результатам которой был сделан вывод о том, что сформировавшиеся в период становления и подъёма российской цивилизации тенденция доминирования мобилизационного типа развития общества и духовная практика идеализации государственной власти в контексте державности, сохранившиеся к началу XXI в. и осмысленные историка-

³⁰ *Малинин*. 2000. С. 4–5.

³¹ См.: *Васильева*. 2002. С. 26–33; *Вьюнов*. 2005; *Захаров*. 2008. С. 117–132 и др. О границах функционирования бессознательного и осознанного лаконично высказался А.Э. Воскобойников, утверждавший, что «бессознательное нацелено на обеспечение сохранения психического, а сознание – на изменение разнообразных свойств и процессов, характеризующих жизнь человека на психическом и социокультурном уровнях» (*Воскобойников*. 1997. С. 141–142). С одной стороны, постоянно идёт процесс вытеснения коллективных переживаний в глубины бессознательного, с другой – ощущается обратное влияние бессознательного на сферу осознанного.

³² *Лубский*. 2004; *Морозов*. 2014. С. 221–246.

ми, являются признаками проявления одноимённых архетипических образов коллективного бессознательного³³.

Можно предположить, что свойства локальной цивилизации как целого идентифицируются в структуре менталитета титульного этноса. В публицистике понятие «титульный этнос» приобрело «налёт» национально избыточно ориентированной характеристики в связи с его отождествлением с частью населения (народом), национальность которого определяет официальное наименование государства. Однако, как показывает история, титульный этнос, как и религия, выполняет функцию консолидации народов в суперэтническую целостность³⁴. С утратой им по каким-либо причинам указанной функции суперэтнос (а следовательно и локальная цивилизация) кардинально трансформируется.

Проблему составляет путаница в терминах, используемых для конструирования историко-психологического контекста (разграничение смыслов или наоборот их отождествление), которая может возникнуть вследствие нечёткой позиции в отношении родственных понятий «менталитет» и «ментальность». Последнее получило глубокое обоснование в трудах А.Я. Гуревича, согласно которому ментальность – не только социально-психологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать, способы выражения повседневного облика коллективного сознания, не отрефлексированного и не систематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей и теоретиков, но и метод историко-психологической реконструкции субъектов истории, решающий первую проблему любого исторического исследования – построение предварительной рабочей модели ментальности рассматриваемой эпохи, на фундаменте которой возможно рассмотрение собственно темы³⁵. Иначе говоря, ментальность социальной группы представляет собой иерархически упорядоченную систему сходных неосознаваемых мыслительных и поведенческих автоматизмов с исторически меняющимися смыслами деятельности, проявляющуюся у её членов благодаря сходству защитных механизмов, приобретённых в условиях специфики общей среды жизнедеятельности: территориальной, профессиональной или конфессиональной, выступающей видовым признаком ментальности.

Принцип историзма нацеливает на учёт взаимосвязи между возрастом локальной цивилизации и качественными характеристиками присущих ей в конкретный период социальных отношений. Он фокуси-

³³ Там же. С. 284–381.

³⁴ *Майборода*. 1998. С. 17, 19–20.

³⁵ *Гуревич*. 1989. С. 115; 1993. С. 20.

рует внимание на неоднородности человечества, при взгляде на которое, образно представленным Л.Б. Алаевым, «с высоты спутника и рассматривая его историю в масштабе тысячелетий, мы можем зафиксировать поступательное движение по вполне определённым этапам. Спускаясь ниже, мы видим разнообразные движения отдельных культур и цивилизаций, вписывающиеся в общемировой процесс или же направляющиеся в обратном направлении. Спускаясь ещё ниже, мы видим траектории движения отдельных обществ, социумов – совершенно уникальные, никто не может повторить траекторию другого. Каждый социум, чтобы не исчезнуть, должен избрать некий свой путь приспособления к мировой ситуации: сочетать свою идентичность с вызовами других социумов и цивилизаций»³⁶.

Изучение локальной цивилизации в параметрах времени предполагает поиск синхронных и асинхронных длительностей взаимосвязанных процессов и явлений, указывающих на динамику её жизнедеятельности. При этом важно сделать правильный выбор масштаба шкалы для измерения времени изучаемой системы, при несоответствии с которым понимание её свойств как целостности деформируется. В случае искусственного занижения значений шкалы (распространённый пример – абсолютизация хронологии истории государства) центр внимания исследователя неизменно перемещается на составляющие временные (политические, экономические и другие) потоки, упуская видение целого. В случае завышения – искомое целое растворяется в планетарной системности (пример – идеи о ноосферной цивилизации).

Методологическое значение приобретают рассуждения О.Г. Дуки о выборе типа исследовательской оптики, согласно которому линейная модель соответствует наблюдению за объектом с очень большого расстояния, затем по мере приближения становится очевидным волнообразный характер исторического процесса, обосновывающий переход к представлениям о спиралевидной модели развития и цикличности времени существования цивилизации. Следующее приближение позволяет фиксировать характер движения отдельных сфер в виде синхронных спиралей, и в последнем приближении актуализируется синергетическая модель развития, обосновывающая индивидуальную конфигурацию траектории движения социумов и их структур, вызванную наличием неупорядоченных, стохастических переходных периодов³⁷. Тезис И.А. Петровой о том, что психофизиологическая природа человека есть субстрат

³⁶ Алаев. 2012. С. 15–16.

³⁷ Дука. 2001. С. 190–191.

формирования представлений о времени³⁸, характеризует истоки, в первую очередь, этнического времени, которое у неё позиционировалось в качестве ядра социальной темпоральности. Приведённые выше рассуждения подводят к мысли о наличии тесной взаимосвязи между контурами времени локальной цивилизации и её организующего суперэтноса, т.е. соотносимыми по масштабу системностями, вторая из которых выступает в качестве биосоциальной основы первой.

В разрезе тематики локальной цивилизации принцип историзма обречён работать в режиме изучения фаз жизненного цикла суперэтноса, внутри которых существует взаимосвязь потоков этнического и других типов социального времени с учётом смены императивов в отношении общества к индивиду, сформулированных Л.Н. Гумилёвым³⁹, а также изменчивости религиозных, идеологических, научных, эстетических и иных установок поколений, и влияния ментальных структур.

Таким образом, рассмотренные выше принципы, а именно: холизма, психологизма, историзма, а также решение связанных с ними научных проблем в сумме конкретизируют подход к историческому познанию локальной цивилизации как целого и в её контексте – пониманию цивилизационной специфики составляющих социальных структур. Они представляют собой программный уровень методологической стратегии, обуславливают её комплектацию технологиями, приёмами исследования и аналитическими ресурсами других подходов для решения поставленных задач, способствуют дальнейшей кристаллизации знаний о локальной цивилизации в соответствующую теорию. Последняя представляется нам в виде совокупности концепций, сфокусированных на неоклассической интерпретации проблемы менталитета титульного этноса в истории общества, раскрывающих её (локальной цивилизации) сущность на основе принципов цивилизационного подхода.

³⁸ Петрова. 2000. С. 7.

³⁹ Расшировка смыслов императивов позволяет говорить о полном цикле эволюции общественных настроений, который на примере истории России зарождался одновременно с атмосферой культивирования патриотической доминанты в поведении ещё не осознающей себя личности (главная идея фазы подъёма – «общественный долг»), впоследствии уступившей место возвышению её гражданской значимости и созданию кумиров (идея акматической фазы – «сила и натиск»), за которыми следовало разочарование широких масс в прежних идеалах (фаза надлома), и постепенный переход от ориентации на созидание к мотивам непосредственной выгоды и пренебрежения долгу (идея инерционной фазы – «Правила и Закон»). В фазе обскурации (ведущий императив – «никому ничего не надо») «исчезает сама возможность сохранения этнической доминанты». (Гумилёв. 2007. С. 288–289, 464).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алаев Л.Б.* Мировой исторический процесс: единство в многообразии // Многофакторный подход к изучению истории как проблема методологии: круглый стол в Московском государственном областном университете. М.: МГОУ, 2012. С. 8–16.
- Барз М.А.* Цивилизационный подход к истории: Дань конъюнктуре или требование науки? // Цивилизации. М.: «Наука», 1993. Вып. 2. С. 8–18.
- Большаков В.И.* Грани русской цивилизации. М.: [б. и.], 1999. 384 с.
- Васильева К.К.* Менталитет: онто-этнологическое измерение: (На примере бурятского этноса). М.: Русский мир, 2002. 199 с.
- Воскобойников А.Э.* Бессознательное и сознательное в духовном мире человека: дис. ... д-ра филос. наук. М., 1997. 339 с.
- Вьюнов Ю.А.* Русский культурный архетип. Страноведение России: учебное пособие. М.: Наука: Флинта, 2005. 480 с.
- Гизатуллина Г.А.* Сравнительный анализ формационной и цивилизационной концепции (философско-методологический аспект): дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2001. 132 с.
- Гумилёв Л.Н.* От Руси до России: очерки этнической истории. М.: Айрис–Пресс, 2007. 320 с.
- Гумилёв Л.Н.* Струна истории. Лекции по этнологии. М.: Айрис-пресс, 2007. 608 с.
- Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2001. 560 с.
- Гуревич А.Я.* От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: Наука, 1993. С. 16–29.
- Гуревич А.Я.* Смерть как проблема исторической антропологии // Одиссей. Человек в истории. 1989. М.: Наука, 1989. С. 114–135.
- Дука О.Г.* Эпистемологический анализ теорий и концепций исторического развития с позиций вероятностно-смыслового подхода (на примере российской историографии). Омск: Изд-во ОмГАУ, 2001. 223 с.
- Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Иерархия радуги: русская цивилизация в наследии К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского, О.А. Шпенглера, А.Дж. Тойнби. М.: Рус. мирь, 2008. 694 с.
- Захаров В.К.* О некоторых архетипах российской цивилизации // Общество. Государство. Политика. 2008. № 1. С. 117–132.
- Зубкова Е.Ю., Куртиянов А.И.* Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 153–160.
- Ионов И.Н.* Рецензия. Л.И. Рейснер. Цивилизация и способ общения. М.: «Восточная литература», 1993. 307 с. // Восток. 1994. № 2. С. 185–187.
- Ионов И.Н.* Теория цивилизаций и эволюция научного знания // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 118–135.
- Ионов И.Н.* Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М.: Наука, 2007. 499 с.
- Келле В.Ж.* Проблема многомерности в методологии социально-исторического познания // Проблемы исторического познания / Отв. ред. К.В. Хвостова. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 28–41.
- Кибасова Г.П.* Этническое пространство России: социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2004. 55 с.

- Книжников Н.Н.* Особенности цивилизационного подхода к определению типологии культурно-исторического: автореф. дис. ... канд. культурологии. Нижневартовск, 1999. 24 с.
- Ковальёв А.М.* Промышленная цивилизация и судьба России: Идеи, размышления, гипотезы. М.: Изд-во «ЧеРо», 2003. 396 с.
- Коваль Б.И.* К вопросу о методологии цивилизационного анализа // Цивилизационные исследования / Отв. ред. Б.И. Коваль. М.: Ин-т Лат. Америки, 1996. С. 6–21.
- Ковальченко И.Д.* Многомерность исторического развития. Типология, периодизация, цивилизационный подход // Свободная мысль. 1995. № 10. С. 77–88.
- Кондаков И.В. Соколов К.Б., Хренов Н.А.* Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 1024 с.
- Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2004(а). 340 с.
- Лубский А.В.* Россия как цивилизация: многомерный конструкт исследования. [Электронный ресурс] // Гуманитарный ежегодник. № 3 (ч. 1). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 2004. URL: <http://ippk.edu.mhost.ru/content/view/161/34/>.
- Майборода Э.Т.* Феномен суперэтноса: Философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 1998. 29 с.
- Малинин Ю.П.* Общественно-политическая жизнь позднесредневековой Франции XIV–XV века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. 326 с.
- Мельников Ю.Н.* Циклическое развитие общественных систем в России. Ульяновск: Симбирская книга, 2005. 224 с.
- Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. I: Кризис историзма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 206 с.; Вып. II: Становление «новой исторической науки». Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 178 с.
- Могильницкий Б.Г.* Формационный и цивилизационный подходы в изучении истории: антагонизмы или союзники? // Многофакторный подход к изучению истории как проблема методологии: круглый стол в Московском государственном областном университете. М.: Изд-во МГОУ, 2012. С. 38–45.
- Морозов Н.М.* Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. Кемерово: Изд-во «Практика», 2014. 401 с.
- Николаева И.Ю.* Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Изд. 2-е, доп. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 410 с.
- Олех Л.Г.* Принцип цивилизованности в историко-социологическом познании. Новосибирск: Новосибирский ун-т, 1994. 116 с.
- Панфилова Т.В.* «Формационный» и «цивилизационный» подходы: возможности и ограниченность // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 84–97.
- Петрова И.А.* Особенности цивилизационного развития России в этническом времени: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2000. 49 с.
- Платонов О.А.* Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М.: Алгоритм, 2010. 944 с.
- Поляков Ю.А.* Как отразить многомерность истории // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 3–8.
- Попов Ю.П.* Логика. Часть 1. Владивосток: ДГУ, 1999. 98 с.

- Радугин А.А. Формационный и цивилизационный подходы в историческом познании // История России. Россия в мировой цивилизации. Курс лекций / Под ред. А.А. Радугина. М.: Библионика, 2004. С. 14–20.
- Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 3–15.
- Рамазанов С.П. О принципе дополнительности в историческом познании // Диалог со временем. 2013. № 43. С. 24–29.
- Ретина Л.П. Теоретические новации в современной историографии // Харьківський історіографічний збірник. 2010. Вип. 10. С. 10–40.
- Розин В.М. Смысл русской ментальности и духовности // Философские науки. 2010. № 3. С. 33–41.
- Свистунов М.Н. Российская цивилизация и православие: диалектика их взаимоотношений и перспективы развития: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005. 306 с.
- Сенявский А.С. Цивилизационный подход к российской истории: теоретико-методологические аспекты // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения / Отв. ред. А.С. Сенявский; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2002. С. 59–69.
- Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное: социологический и социально-психологический аспекты. СПб.: Питер, 2005. 267 с.
- Следзевский И.В. Особенности и возможности цивилизационного подхода // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения / Отв. ред. А.С. Сенявский; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2002. С. 21–28.
- Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Ответственные науки и современность. 1998. № 4. С. 124–134.
- Стёпин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: «Прогресс-традиция», 1999. 475 с.
- Хвостова К.В. Механизмы воспроизводства цивилизаций // Цивилизации. Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2006. С. 92–104.
- Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 522 с.
- Философия: Учебник / Под ред. проф. О.А. Митрошенкова. М.: Гардарики, 2002. 655 с.
- Философия истории: Учеб. пособие / Под ред. проф. А.С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. 432 с.
- Формации или цивилизации? (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 34–59.
- Шаповалов В.Ф. Россиеведение: учебное пособие для вузов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 576 с.
- Шеуджен Э.А. Введение в методологию научного исследования. Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. 35 с.
- Морозов Николай Михайлович**, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири Института экологии человека СО РАН; open.777@mail.ru

Т. И. Зайцева

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье анализируются гендерные отношения правящей элиты Германии и Франции эпохи средних веков. В сравнительном плане рассматриваются оценки, даваемые отечественными и зарубежными исследователями, во-первых, политическому значению брачных практик правящей элиты, а во-вторых, социально-политической роли женщин-правительниц двух стран. Показано, что изменения в области двух названных сфер тесно связываются историками с эволюцией исторической ситуации на протяжении раннего и классического Средневековья.

Ключевые слова: гендерные отношения, правящая элита, Франция, Германия, средние века, историография.

В рамках изучения взаимоотношений полов в среде правящей элиты Германии и Франции эпохи Средневековья исследователи наиболее часто обращаются, во-первых, к вопросу о политическом значении брачных практик; и, во-вторых, к роли женщин-правительниц в общественно-политической жизни. В ходе анализа этих двух сюжетов важной исследовательской проблемой становится поиск связи поведения правящей элиты в гендерной сфере с общеисторическим контекстом.

Особенно отчетливо влияние социально-политического контекста прослеживается в матримониальной политике правящей элиты. Многие исследователи считают, что брак являлся именно политическим мероприятием и своего рода фундаментом политической структуры на протяжении всего периода Средневековья и раннего Нового времени¹. Указанная тенденция была заложена еще в эпоху раннего Средневековья, в отношении которого некоторые историки выделяют предварительную, так называемую «патримониальную» фазу развития института власти. Как пишет Н.А. Хачатурян, на данном этапе происходило конституирование династий, формирование вместе с клиентелой и вассалами неких общностей вокруг глав таких семей. Последние какое-то время по необходимости были озабочены не столько проблемой завоевания политической власти, сколько тем, чтобы консолидировать свои династии и утвердить их преимущественные позиции среди других семейств².

Эта цель лежала в основе такого аспекта брачной политики, как принесение женщинами своим супругам корон тех или иных земель,

¹ *Bonnefin, Bonnefin.* 1987. P. 296; *Wunder.* 2002. S. 16; *Дюби.* 2009; С. 256.

² *Хачатурян.* 2008. С. 231.

важных внешнеполитических связей, других символических капиталов. В немецком социокультурном пространстве примером этого рода служит, в частности, второй брак Оттона I (936–973) с одной из самых ярких женских фигур данного периода Адельгейдой. Состоявшая в первом браке с королем Италии Адельгейда обеспечила своему новому супругу корону этого государства. Как считал Н.Ф. Колесницкий, в рамках активного интереса немецких правителей к северо-итальянскому региону, данный союз стал важным способом закрепления в нем. Историк также вскрыл политическую подоплеку других брачных союзов: первой женой Оттона I была сестра английского короля, с которой были связаны планы сближения с Плантагенетами против французов; супругой Оттона II (973–983) стала византийская принцесса, благодаря браку с которой ожидалось получение земель в Южной Италии (правда, так и не предоставленных), а на практике произошло значительное улучшение взаимоотношений двух имперских образований³.

Убедительно показана тесная связь публичной и домашней сферы, усиленное внимание к матримониальной политике в раннесредневековой Франции. Хотя власть была по преимуществу мужской, связанной с военной функцией и ленным правом, в то же время, женщины выступали в политическом пространстве как важные посредники, медиаторы. Поиск знатных невест и борьба за наследниц были одним из основных стержней, вокруг которого концентрировалась политика. В браке осуществлялась передача матерями детям своей благородной крови, с которой смешивалась кровь их высокородных отцов. Поэтому особую роль наряду с передаваемыми через женщину правами на власть и имущественными (в первую очередь земельными) правами приобретало ее происхождение. Территориальные владения, властные права, политические связи, как и знатность происхождения женщины («кровь») в их меняющемся соотношении сливались воедино⁴.

Французский историк Ф. Лот ссылается в качестве иллюстрации указанной тенденции на прецедент с претендовавшим на корону дядей последнего правителя из династии Каролингов, Карлом Лотарингским, которого не допустили к трону, в том числе, из-за заключенного им неравного брака: Карл был женат на дочери субвассала будущего родоначальника новой династии Гуго Капета (989-996). Именно в связи с этим Капету удалось взойти на престол. Автор цитирует риторическую речь реймского архиепископа Адальберона, сыгравшего не последнюю роль

³ Колесницкий. 1977. С. 39–40, 45–47, 172.

⁴ Дюби. 2001. С. 10–11, 153 и др.; Стукалова. 2001. С. 68–69, 78.

в выдвижении этого правителя, на ассамблее перед герцогами: «Какими достоинствами обладает Карл, ...который потерял голову настолько, что посмел... жениться на неровне, женщине из сословия вассалов?», «Как могущественный герцог стерпит, что женщина из семьи его слуг станет королевой и будет властвовать над ним?»⁵.

Как отмечают исследователи, супругами французской династии Капетингов становились дочери, сестры, бывшие жены правителей крупных земельных анклавов, представителей знатных родов; но для утверждения законности власти и преемственности династий особенно успешным считалось заключение брака с женщинами из рода Каролингов. Так, женой самого Гуго Капета стала сестра герцога Аквитании Аделаида де Пуату, являвшаяся потомком Карла Великого, что стало важным аргументом в борьбе против Карла Лотарингского. Одна из жен сына и наследника Гуго Капета Роберта II Благочестивого (996–1031), происходившая из рода графов Анжуйских, также была причастна к Каролингам⁶.

Проблема взаимосвязи социально-политической жизни и матримониальных практик в период классического Средневековья в Германии неоднократно рассматривалась в историографии на примере фигуры императора Фридриха II Штауфена (1212–1250). Череда браков этого неординарного человека выступила как действенный политический инструмент в поисках власти и земли в «мировом» масштабе. Первой супругой Фридриха, на которой он женился, едва достигнув совершеннолетия, была Констанция Арагонская. Посредством брака с ней императору удалось закрепить полученные от матери права на Сицилийское королевство. Вторая жена Фридриха, Изабелла де Бриенн, была наследницей полуэфмерного Иерусалимского королевства, корону которого он получил в результате этого брака. По мнению многих ученых, несмотря на формальность иерусалимской короны, ее приобретение стало важным шагом для императора, развязав ему руки в Восточном Средиземноморье⁷.

Рассматривается в научной литературе и третий брак этого правителя. После смерти Изабеллы, во время своего недолгого периода пребывания в Германии в поисках политических союзников, Фридрих заключил брак с сестрой английского короля Генриха III Плантагенета. Особенно отмечается необычайная пышность и свадебного посольства, и самих торжеств по поводу самого бракосочетания, что подчеркивало

⁵ Лот. 2001. С. 167. См. также: Дюби. 2001. С. 36.

⁶ Лот. 2001. С. 248; Фавтье. 2001. С. 111 и др.

⁷ См., например: Колесницкий. 1977. С. 166; Воскобойников. 2008. С. 183; Герштейн. 2008. С. 305, 316.

значение заключаемого союза, призванного обеспечить императору необходимую внешнеполитическую поддержку⁸.

По отношению к Франции эпохи классического Средневековья, в условиях развернувшегося в этой стране процесса государственного строительства, исследователи отмечают сохранение остроты династического вопроса, а, следовательно, и значимости матримониальной политики, определявшей модели заключения браков. Большим успехом Капетингов в этот период стала женитьба Людовика VII (1137–1180) на Адели Шампанской, в союзе с которой родился Филипп II Август (1180–1223), а также брак самого Филиппа с Изабеллой д'Эно. Обе женщины принадлежали к числу потомков Каролингов, и ребенок Филиппа и Изабеллы, будущий Людовик VIII, нес в себе благородную кровь Каролингов уже по двум линиям. В ряду супругов Капетингов в этот период не случайно оказываются такие знаковые для французского политического пространства фигуры, как герцогиня Аквитанская, наследная графиня Шампани, племянница графа Фландрии и пр.⁹

Как было отмечено выше, помимо изучения политических аспектов заключения брачных союзов представителей правящей элиты, популярными в медиевистике являются сюжеты, связанные с отношением женщин-правительниц к политической власти, их присутствием в так называемой «публичной» сфере. Так, в истории немецкой правящей элиты внимание исследователей привлекают биографии и деятельность императриц раннего Средневековья, отличавшихся высокой политической активностью, базировавшейся на значительных социальных капиталах, которыми они нередко обладали в названную эпоху¹⁰. В их числе особенно выделяется императрица Адельгейда. Обширный комплекс земель и властных прав, который эта правительница принесла своему супругу, стал для нее самой особым ресурсом власти¹¹. Другой фигурой, привлекающей интерес историков, является жена Оттона II Феофания, византийская принцесса, за которой стояла символическая (и не только) сила Ромейской империи, что предопределило активную политическую позицию этой правительницы.¹²

Ю.Е. Арнаутова показала, что жены и матери правителей Оттоновской династии – супруга Генриха I (919–936) Матильда, уже упоминавшаяся Адельгейда и Феофания имели широкую сферу деятельности и

⁸ Колесницкий. 1977. С. 172; Воскобойников. 2008. С. 70, 246; Витке. 2008. S. 290.

⁹ Фавтье. 2001. С. 40, 73, 78; Дюби. 2001. С. 233-234 и др.

¹⁰ См. об этом, напр.: Еппен. 1985. S. 73, 209; Graf. 2000. S. 1.

¹¹ См.: Репина. 2006. С. 183. См. также: Балакин. 2004. С. 98.

¹² См., напр.: Колесницкий. 1977. С. 46; Балакин. 2004. С. 183, 242 и др.

прерогативы не только в приватной, но и в публичной области. Опираясь на жизнеописания этих королей, исследовательница приводит примеры их участия в ожесточенной политической борьбе, показывая, как через призму изображения агиографами служения религиозному долгу, проступают весьма прозаические мероприятия и интриги¹³.

Э. Эннен обращается к фактам опекуновства Адельгейды и Феофании над сыновьями и внуком, считая их своеобразными опытами женского правления и отмечая присущую этим женщинам чрезвычайную и вполне грамотную политическую активность¹⁴. Ф. Лот анализирует влияние этих двух императриц на смену правящей династии во Франции и приход к власти Капетингов. По его мнению, Адельгейда и Феофания преследовали в данной ситуации собственные цели, стремясь пресечь намерения законного наследника Каролингов Карла Лотарингского аннексировать Лотарингию, часть которой он держал в качестве лена от Империи¹⁵. Н.Ф. Колесницкий указывал на еще один случай женского правления – попечительство над Германским королевством тетки Оттона III (983–1000), аббатисы Матильды, во время его итальянского похода, наделенной венценосным племянником титулом патриции¹⁶.

Во второй половине раннего Средневековья условия и возможности для активной и успешной деятельности женщин из правящей элиты во властном пространстве Империи изменились и перестали быть особенно благоприятными. Об этом, по мнению ряда авторов, свидетельствует судьба вдовы Генриха III (1028–1056) и матери Генриха IV (1056–1105) Агнессы де Пуату. После смерти мужа Агнесса стала регентшей при малолетнем сыне. Однако в 1062 г. крупные землевладельцы сумели отстранить ее от власти и назначили нового регента из своей среды. Э. Эннен полагала, что это событие явилось своего рода аномалией в рамках традиций активного и достаточно успешного политического участия немецких правительниц; тогда как Н.Ф. Колесницкий считал неудачу Агнессы (имевшей не менее значительные социальные капиталы, чем упомянутые выше ее знаменитые предшественницы) индикатором усиления знати и начала общего перелома в политической ситуации и расстановке сил в стране, что затем скажется в полной мере на истории правления самого Генриха IV¹⁷.

¹³ Арнаутова. 2001. С. 58.

¹⁴ Эннен. 1985. S. 63–64, 230.

¹⁵ Лот. 2001. С. 165. Об этом также см.: Балакин. 2004. С. 245.

¹⁶ Колесницкий. 1977. С. 47.

¹⁷ Там же. С. 88; Эннен. 1985. S. 72, 230.

Рассматривая вопрос о влиянии женщин-правительниц на политику в раннесредневековой Франции, Р. Фавтье изучил деятельность матери Филиппа I (1060–1108) Анны Русской, которая после смерти мужа девять лет исполняла функции регентши и утратила их только вместе со вторым замужеством; а также негласную, но весьма активную политическую роль жены Филиппа Берtrandy де Монфор. Историк отметил, что именно интриги Берtrandy и ее попытки отстранения от власти пасынка – наследника престола спровоцировали весьма напряженные отношения последнего с отцом¹⁸.

В классическое Средневековье жены немецких правителей не потеряли полностью своего высокого статуса и инструментов влияния. Так, императрица Беатриса, вторая жена Фридриха I Барбароссы (1152–1190) и наследница графства Бургундского, короновалась вместе с Фридрихом одной короной¹⁹. Немецкий медиевист В. Паравичини считает этот брак одним из важнейших союзов классического Средневековья²⁰. Беатриса отправилась с мужем в крестовый поход, вмешиваясь в его действия и оказывая на них определенное влияние. Фридрих даже был вынужден во время осады Милана отослать супругу из лагеря, чтобы она не сдерживала его активность.

Исследователей привлекает также фигура императрицы Констанции Норманнской, жены Генриха VI (1190–1197) и матери Фридриха II. Констанция, принесла Генриху права на сицилийскую корону, сама даже не стала короноваться в своих наследственных владениях. Зато овдовев, она взяла на себя ответственность самостоятельного правления в Сицилийском государстве, полностью сменив советников и направление политики²¹. Впрочем, по мнению некоторых историков, немецкие правительницы XII–XIII вв. уже не обладали столь широкими возможностями распоряжаться своими символическими и материальными ресурсами, как императрицы раннего Средневековья. Как показал Н.Ф. Колесницкий, ни Беатриса, ни Констанция, при всей их относительной активности и самостоятельности, не имели тех властных прерогатив, которые были, например, у жен Оттонов Адельгейды или Феофании. И регентство Констанции Норманнской в самой Германии при несовершеннолетнем сыне оказалось весьма кратковременным²².

¹⁸ Фавтье. 2001. С. 74.

¹⁹ Колесницкий. 1977. С. 123.

²⁰ Paravicini. 1999. S. 58.

²¹ Воскобойников. 2006. С. 294; Герштейн. 2008. С. 303–304; Норвич. 2005. С. 321–322, 343–344.

²² Колесницкий. 1977. С. 155–156.

Напротив, в отношении Франции зрелого Средневековья исследователи отмечают более активное, чем в предшествующую эпоху, участие женщин в политической жизни страны, которое, в силу сложившихся культурных традиций, приняло известную и ранее форму регентства королевы-матери, осуществляемого в случаях отсутствия по той или иной причине взрослого дееспособного правителя-мужчины. В частности, внимание историков привлекает мать Филиппа II Адель Шампанская, которая во время крестового похода короля замещала его совместно с архиепископом Реймса. Однако наиболее популярной фигурой является мать Людовика IX Святого Бланка Кастильская. В ряду заслуг этой правительницы Р. Фавтье называет подавление после смерти мужа мятежа феодалов, когда Людовику было всего двенадцать лет; самостоятельное восстановление порядка в стране; несколько лет опекунства при несовершеннолетнем сыне и затем влияние на уже взрослого короля (так, она вторично стала регентшей, когда Людовик IX находился в своем первом крестовом походе)²³. По мнению Ж. Ле Гоффа, мать Людовика Святого в политике действовала скорее как мужчина, ее даже называли женщиной-«вираго»²⁴.

Исследователи связывают достижение королевой-матерью столь значительного положения в средневековом государстве как с самим укреплением власти династии, так и с крестоносным движением, потребовавшим личного участия правителей в военных мероприятиях далеко за пределами страны²⁵. Свою роль сыграло вызванное влиянием рыцарских традиций общее возвышение женщин из среды элиты, а также личности самих женщин, бравших в свои руки бразды власти²⁶. Ж. Ле Гофф отмечал прекрасное понимание той же Бланкой Кастильской механизмов политического управления²⁷.

Наконец, в немалой степени внимание исследователей привлекает связанная с политической сферой сторона деятельности средневековых правительниц, которая может быть объединена понятием «святая» жизнь. Проанализировав латинскую агиографию X века, Ю.Е. Арнаутова пришла к выводу, что значительная часть женщин-святых происходила из среды средней знати, но нередко это жены Каролингов и – немецкие королевы²⁸. Историки обращаются к фигурам императриц

²³ Фавтье. 2001. С. 79, 88.

²⁴ Ле Гофф. 2001. С. 536.

²⁵ Дюби. 2001. С. 317; Фавтье. 2001. С. 46.

²⁶ Дюби. 1990. С. 92, 96.

²⁷ Ле Гофф. 2001. С. 540. См. об этом также: Ретина. 2006. С. 183–184.

²⁸ Арнаутова. 2001.

раннего Средневековья, официально канонизированных Римом – жене Генриха I Матильде, насильственно отправленной сыновьями в монастырь и прославившейся там своими благочестивыми деяниями; к религиозной деятельности супруги Оттона I Адельгейды в зрелые годы, подробно описанной ее биографом Одилоном; жене Генриха II (1002–1024) Кунигунде, обретшей святость вместе со своим мужем²⁹.

Исследования показывают, что, в отличие от Германии, в ранне-средневековой Франции ресурс святости женщины-правительницы, открывающий достаточно широкие политические возможности, оказался мало задействованным. Согласно Ж. Дюби религиозность, являвшаяся важной чертой личностной идентичности средневековых правительниц, была присуща и женам первых Капетингов: например, первая жена Филиппа I Берта, оставшаяся долгое время бездетной, много молилась – и именно за это, как полагали ее современники, в итоге была вознаграждена наследником. В то же время фигур, отличавшихся столь выдающимся благочестием, чтобы быть причисленным к святым, среди французских королей этого периода не было³⁰.

С учетом значительного изменения исторической ситуации в Германии XII–XIII вв. внимание исследователей обращается к другому уровню политической жизни. В частности, О.Г. Эксле пишет о ландграфине Елизавете Тюрингской (1207–1231), которая снискала широкую известность особым благочестием и страданиями (после смерти мужа она вместе с детьми испытала гонения со стороны его матери и брата), а также своей богоугодной деятельностью³¹. Было показано, что культ святой Елизаветы получил чрезвычайное распространение как внутри³², так и за пределами Германии; Ж. Ле Гофф, например, отмечает, что во Франции ее чрезвычайно почитала Бланка Кастильская³³.

Рассматривая вопрос о религиозности представительниц французской правящей элиты классического Средневековья на примере семейства Людовика IX Святого, Ле Гофф отмечает, что, несмотря на немалую роль в формировании особого благочестия Людовика воспитания матери, Бланки Кастильской, она сама не только родила своему мужу двенадцать детей, но и во вдовстве предпочла преимущественно заниматься вопросами политического управления и даже не напоминает идеальную святую. Матерью пятнадцати детей стала жена Людовика

²⁹ *Ennen*. 1985. S. 67; *Эксле*. 2007. С. 197; *Арнаутова*. 2001. С. 57–59, 61–62.

³⁰ *Дюби*. 2001. С. 161.

³¹ *Эксле*. 2007. С. 87–88; 193–196, 232.

³² См. об этом коллективную монографию: *Elisabeth von Thüringen...* 2008.

³³ *Ле Гофф*. 2001. С. 211.

Маргарита, которая, как и ее свекровь, пыталась (правда со значительно меньшим успехом) участвовать в политике³⁴.

Зато, по мнению французского ученого, модели святой отвечает сестра Людовика IX Изабелла, которая отказалась от брака и, хотя и осталась без пострига, вела жизнь, близкую монашеской. Изабелла участвовала в программе основания монастырей и церквей, разработанной ее венценосным братом. Характерно, что во Франции в эту эпоху была предпринята попытка, оказавшаяся неудачной, создать королевский культ святых принцесс; но речь не шла о канонизации непосредственно жен или вдов правителей³⁵.

Подводя итог обзору существующих в историографии подходов и оценок гендерных отношений в среде немецкой и французской правящей элиты эпохи Средневековья, вернемся к тезису о том, что преимущественное внимание исследователей обращено на политическое значение матримониальной практики и деятельность правительниц в сфере политики и религии. Брак рассматривается как один из важнейших фундаментов политической структуры средневековых государств. Как гендерные взаимоотношения в среде правящей элиты, так и общественно-политическая роль женщин-правительниц тесно связываются с историческим контекстом (ослаблением верховной власти во второй половине раннего Средневековья в Германии, необходимостью подтверждения прав королевской династии во Франции и пр.).

Внимание германистов в первую очередь привлекают фигуры знаменитых императриц раннего Средневековья Адельгейды, Феофании, Агнессы де Пуату, классического периода – Беатрисы и Констанции Нормандской. Среди французских королей такими популярными фигурами стали Бертранда де Монфор и Анна Русская, Адель Шампанская и Бланка Кастильская соответственно для раннего и классического Средневековья. Этих правительниц объединяет как наличие солидных символических (социальных и политических) капиталов, так и их чрезвычайно активная роль в политической («мужской») сфере.

В то же время, имеются и отличия – как при сравнении выводов историков относительно двух стран на протяжении одних и тех же периодов, так и при сопоставлении ситуации в эпоху раннего и зрелого Средневековья. В частности, речь идет о специфике политической роли немецких императриц и французских королей на протяжении раннего Средневековья или о ее существенном сужении для немецких прави-

³⁴ Там же. С. 552, 554.

³⁵ Там же. С. 211, 551.

тельниц в условиях эволюции политической сферы в Германии при переходе к эпохе Штауфенов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bonnefin A., Bonnefin E.* La monarchie français. 987–1789: Constitution, lois fondamentales. P.: France-Empire, 1987.
- Bumke J.* Höfische Kultur: Literatur und Gesellschaft im hohen Mittelalter. München: Dt. Taschenbuch Verl., 2008.
- Elisabeth von Thüringen und die neue Frömmigkeit in Europa. / Hrsg. Ch. Bertelsmeier-Kierst. (Kulturgeschichtliche Beiträge zum Mittelalter und der frühen Neuzeit; 1). F.-a.-M. [u.a.]: Lang, 2008.
- Ennen E.* Frauen im Mittelalter. München: Beck, 1985.
- Graf K.* Künigunde, Erzherzogin von Osterreich und Herzogin von Bayern-München (1465–1520) – Eine Biographie. Inaug.-Diss. Mannheim, 2000.
- Paravicini W.* Die ritterlich-höfische Kultur des Mittelalters. (Enzyklopädie deutscher Geschichte, 32). München: Oldenbourg, 1999.
- Wunder H.* Dynastie und Herrschaftssicherung: Geschlechter und Geschlecht // Dynastie und Herrschaftssicherung in der Frühen Neuzeit: Geschlechter und Geschlecht. / Hrsg. H. Wunder. Berlin: Duncker und Humblot, 2002.
- Арнаутова Ю.Е.* Женщина в «культуре мужчин»: брак, любовь, телесная красота глазами агнографов X века // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 1. М.: ИВИ РАН, 2001.
- Балакин В.Д.* Творцы священной Римской империи. М.: Молодая гвардия, 2004.
- Воскобойников О.С.* Душа мира: Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200–1250). М.: РОССПЭН, 2008.
- Воскобойников О.С.* Достоинства целебных источников на Флегрейских полях, или культура тела при дворе Фридриха II. // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2006.
- Герштейн А.Б.* Традиции и новаторство в императорской идее Фридриха II Гогенштауфена // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2008.
- Дюби Ж.* Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. / Пер. с франц. Е.Ю. Симакова // Одиссей. Человек в истории. 1990. Личность и общество. М.: Наука, 1990.
- Дюби Ж.* История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987–1460 / Пер. с франц. Г.А. Абрамова, В.А. Павлова. М.: Международные отношения, 2001.
- Дюби Ж.* Женщины при дворе. // История женщин на Западе: в 5 т. Т. 2: Молчание средних веков / Под ред. К. Клапиш-Зубер, пер. с англ. Н.Л. Пушкаревой. СПб.: Алетейя, 2009.
- Колесницкий Н.Ф.* «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М.: Наука, 1977.
- Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / Пер. с фр. В.И. Матузовой; коммент. Д.Э. Харитоновича. М.: Ладомир, 2001.
- Лот Ф.* Последние Каролинги. / Пер. с фр. Ю.Ю. Дягилевой. СПб.: Евразия, 2001.
- Норвич Дж.* Расцвет и закат Сицилийского королевства. Нормандцы в Сицилии: 1130–1194 / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2005.

- Репина Л.П.* Гендерная иерархия и «власть женщин»: индивидуальный опыт в социальном контексте // Теория и методология гендерных исследований: Сб. материалов / Сост. Н.Ю. Фетисова: в 2 ч. Ч. 1. М.: ИВИ РАН, 2006.
- Стукалова Т.Ю.* Французский королевский двор при Филиппе I и Людовике VI (1060–1137) // Двор монарха в средневековой Европе: явление модель среда / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. Вып. I. М.-СПб.: Алетейя, 2001. С. 68–69, 78.
- Фавтье Р.* Капетинги и Франция. Роль династии в создании государства / Пер. с франц. Г.Ф. Цыбулько. СПб.: Евразия, 2001.
- Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008.
- Эксле О.Г.* Действительность и знания. Очерки социальной истории Средневековья. / Пер. с нем. Ю. Арнаутовой. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Зайцева Татьяна Игоревна***, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории Томского государственного педагогического университета; zaytsevati@mail.ru.

Н. В. КАРНАЧУК

НОВОСТИ О РОЖДЕНИИ ЧУДОВИЩ И АНГЛИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – XVII ВЕКА

Статья посвящена анализу английских площадных текстов XVI–XVII вв. о рождении чудовищ, выявлению специфики этих текстов в сравнении с более элитарными книгами на сходную тему: памфлетами и проповедями. Показана эволюция этого жанра и связь ее с некоторыми установками общественного сознания.

Ключевые слова: Англия XVI–XVII вв., площадная литература, площадная баллада.

Предания о монстрах, рождающихся по соседству или обитающих в далеких, неведомых землях, можно обнаружить практически на любом этапе существования цивилизации. И, как верно замечено, «мы создаем своих чудовищ сообразно нашим представлениям о том, что такое человек»¹. Иными словами, чудовища, о которых рассказывают – и облик их, и происхождение, и послание, которое содержится в их странном виде, – непосредственно связаны с обществом, создающим и принимающим рассказ о чудовище, переплетены с присущими этому обществу понятиями о норме и чудовищности. Серьезные подвижки в религиозных, властных, гендерных кодах, социальные и экономические кризисы неизбежно акцентируют понятие «нормального» и «правильного», обычно создавая у современников ощущение, что норма находится под угрозой. Неудивительно, что в такие периоды сюжеты о чудесном и чудовищном становятся особенно популярными и впитывают в себя отголоски проблем и тревог общества. Что вызывало наибольший интерес современников в рамках этих историй, как расставлялись в них акценты, как изменялись во времени эти акценты – ответ на эти вопросы всегда может пролить дополнительный свет на эволюцию общественного сознания.

В данной статье внимание сосредоточено лишь на одном сюжете, связанном с чудовищными и чудесными явлениями: на сообщениях о рождении младенца-монстра (в отдельных случаях – не человеческого ребенка, а приплода свиньи, коровы или овцы), необычный облик которого заставлял видеть в нем нечто знаковое и пророческое. Достаточно узки географические и хронологические рамки исследования: это английские сочинения о младенцах-монстрах, создававшиеся на протяжении 1562–

¹ Block. 2012. С. XXXVI.

1700 г. Это период от первого всплеска популярности данной темы до момента, когда интерес к «монстрам» значительно ослабел, а для образованной публики почти полностью изменил свой смысл, из сакрального явления превратившись в естественноисторическое.

Кроме того, границы обозначенного периода обусловлены временем расцвета площадной литературы, которая, прежде всего, и анализируется в статье. Середина XVI в. была отмечена значительным ростом количества площадных листов и баллад и появлением первых документов, позволяющих хотя бы до некоторой степени проследить их распространение: прежде всего, Реестра компании книгоиздателей. А к концу XVII в., несмотря на видимое процветание жанра площадной баллады, кардинально изменилась его целевая аудитория. В эпоху Елизаветы Тюдор и первых Стюартов площадной лист и баллада являлись предшественниками газет и покупались как беднейшими горожанами и даже крестьянами, так и представителями элиты. К исходу XVII в. потребителями баллад были уже исключительно социальные низы². Отказ более зажиточной и образованной публики от чтения баллад, перенос их внимания на появившиеся периодические издания, происходили постепенно. В 1622 г. вышли первые «Куранты», но вплоть до 1641 г. в них запрещались публикации о событиях внутри страны³. К таким новостям относились и сообщения о чудесном. Постепенно, в эпоху революции и гражданской войны, английские новости, прежде всего военные, стали достоянием периодики, но лишь в 1665 г. появилась настоящая «Лондонская газета». К этому моменту площадная литература была полностью оттеснена в рамки низкопробной литературы для черни⁴.

Возвращаясь к узости тематических рамок работы, отмечу, что это результат осознанного выбора. На настоящее время в исторической науке уже существует ряд работ, анализирующих наиболее рельефные особенности отношения европейца раннего Нового времени к чудовищным созданиям, работ, привлекающих не только английские, но и континентальные источники⁵. В них, прежде всего, подчеркивается, что рост интереса к чудесным знакам – необычным природным явлениям и появлению странных существ – обострился на рубеже Средневековья и Нового времени, но этот интерес к чудесному сосуществовал с процессом «расколдовывания мира». Интеллектуальная мысль мало-помалу

² Карначук. 2011.

³ Алябьева. 2004. С. 85.

⁴ Wurzbach. 1990. С. 8.

⁵ См.: Bates. 2005; Marvels, Monsters, and Miracles...; Niccoli. 1990; Wilson. 1993.

переходила от трактовки рождения уroda как Божьего послания, которое является ответом на прегрешения родителей и всего христианского мира, и которое может и должно быть расшифровано людьми, к пониманию его как причуды природы, проявления ее безграничных возможностей. Изучение этой причуды расценивалось как в высшей степени полезное для исследования самой природы и стало одной из постоянных тем в периодических изданиях нарождающихся научных обществ⁶. С научным дискурсом соседствовал религиозно-моралистический, сохранявший и даже развивший трактовку появления уroda как прямого знака от Бога: отмечается, что сторонниками протестантизма этот мотив использовался значительно активнее и дольше, чем католиками. Показано также, что, как в ученой, так и в площадной литературе сакральное значение рожденного «чудовища» сочеталось с дотошным интересом к деталям внешнего его вида и поведения, а небесный замысел его появления соседствовал с прозаическими причинами, такими как недоношенность плода или болезни родителей. Эти общие черты, с незначительными вариациями, можно проследить в литературе Италии, Германии и Швейцарии, а чуть позднее – также Англии и Франции.

Однако при масштабном подходе скрадывается ряд деталей и оттенков смыслов, присущих литературе отдельных регионов и различных жанров: обозначая сходные черты, немецкой, итальянской и английской, медицинской, религиозно-полемиической и площадной литературы о новорожденных монстрах, мы с трудом различаем черты уникальные. В этой статье мне хотелось бы показать более тонкую механику зарождения, распространения и изменения нарратива о появлении на свет чудовищного младенца в пользовавшейся массовым спросом английской площадной литературе второй половины XVI–XVII вв.

Помимо этого, в имеющихся исследованиях о появлении «монстров» основное внимание обращалось на те изменения, которые происходили во взглядах образованных слоев: медиков, профессиональных литераторов, людей церкви⁷; площадная же литература использовалась как дополнительная к медицинским, философским, религиозным и литературным произведениям, а не как самостоятельный пласт текстов, обладающих только им присущими особенностями и тенденциями развития.

В отличие от медицинских и философских трудов, площадная литература не была отягощена подробностями длительной традиции «монстроведения» от Плиния Старшего и св. Августина и до Лютера, она реаги-

⁶ Bates. 2005. С. 95-103.

⁷ Bates. 2005; Williams. 2011; Crawford. 2005; Беггер. 2004.

рвала, в первую очередь, на новейшие события и стремилась именно их изобразить детально и совместить с запросами читателей. Площадная литература в период своего расцвета обращалась к широчайшему в социальном, гендерном и возрастном плане кругу читателей, в отличие от напечатанного текста проповеди или религиозного памфлета-книги, прежде всего востребованного благочестивым и в достаточной мере образованным и зажиточным покупателем, и обозначала наиболее массовые интересы, тревоги и ожидания общества. Кроме всего прочего, сюжеты о чудесных рождениях в площадной литературе тиражировались в значительных количествах, что дает возможность сделать выводы о повторяющихся мотивах, сюжетных и лексических предпочтениях не одного, а десятков авторов. Основными видами площадной литературы были баллада и памфлет на одну страницу, который представлял собой единственный лист с гравюрой и прозаическим, небольшим по объему, текстом.

Итак, в эпоху раннего Нового времени европейские страны переживали заметный бум популярности историй о рождении чудовищных младенцев, который начался в середине XV в. и продлился более полутора сотен лет, по временам усиливаясь или ослабевая. Этот бум оставил массу свидетельств о себе в серьезной философской, медицинской и богословской литературе, отозвался в произведениях Рабле, Монтеня, Лютера, Джироламо Кардано и Амбруаза Паре, а также сильно затронул пласт дешевой и популярной, полемической и новостной литературы⁸.

В Англии интерес к этой теме проявился значительно позже, чем в германских землях или государствах Италии. Первыми, дошедшими до нас, свидетельствами его проникновения на территорию страны, являются площадной лист 1531 г. о рождении в Либенхэме ребенка с двумя телами и одной головой, лист-памфлет 1552 г. о рождении сросшихся близнецов в Миддлтон Стоуни, близ Оксфорда⁹, а также книга английского изгнанника, протестанта Джона Понета «Краткий трактат о политической власти и истинном повиновении, которым подданные обязаны своим королям и иным светским властям». В своем труде, написанном в Швейцарии, но распространявшемся и на родине, Понет привел список рождений чудовищ в Англии за 1552-56 гг.¹⁰.

Без сомнения, рассказы о рождении чудовищ на континенте доходили до английской публики и ранее, в первой половине XVI столетия, и не только в рамках медицинских трактатов, написанных на латыни. Ранняя

⁸ Niccoli. 1990; Cheng, 2012; Williams. 2011.

⁹ О памфлете 1531 г. см.: Purkiss. 2005. С. 164; памфлет 1552 г.: Коллекция Британского музея.

¹⁰ См. Brammall. 1996. С. 9.

литература протестантизма активно задействовала истории чудовищных рождений для атаки на католическую церковь. Pamфлет Лютера и Меланхтона 1523 г., «*Deutung der czwo grewlichen Figuren, Bapstesels czu Rom und Munchkalbs zu Freijberg ijnn Meijsszen funden*» с гравюрами и рассказом о рождении чудовищного «теленка-монаха» и «осла-папы» был переведен на английский и имел хождение в стране¹¹. Кроме того, достигали английского читателя и популярные с конца XV в. в Италии и германских землях сборники сообщений о чудесах и пророчествах, включавшие в себя истории о рождении младенцев-чудовищ. И все же тема, видимо, не вызывала большого интереса широкой публики вплоть до 1562 г., который даже современники отметили названием «год чудовищ».

Исследователи, отмечая всплеск публикаций о чудовищных рождениях в Англии, довольно приблизительно указывают, что он «нарастает в 1550–1570 гг.», и объясняют это ростом экономического и социального напряжения в указанные годы¹². Связь социальной тревожности и темы чудовищных рождений, с ее богатым пророческим и апокалипсическим зарядом, неоспорима, и другие схожие явления подтверждают наличие в обществе в начале 1560-х отчетливого, осознанного чувства тревожности и общих ожиданий «последних дней». Судя по записям в Реестре компании книгоиздателей, в этот год появился целый ряд баллад, призывающих к покаянию, а также баллада «Генеалогия Антихриста»¹³; одновременно росло число королевских указов о запретах на дорогую и пышную одежду¹⁴. Последнее немаловажно, поскольку указы об ограничении роскоши были в значительной степени связаны со стремлением уменьшить проницаемость барьеров между различными социальными статусами, поддержав, таким образом, традиционную властную и гендерную иерархию, которая, с точки зрения современников, находилась под угрозой¹⁵. Общая неустойчивость экономической ситуации, связанная с недородами и ростом числа бездомных и нуждающихся, порождала заметную тревогу в обществе, которая выплескивалась в массовую площадную литературу.

Но зарождение и колебания собственно темы рождения чудовищ можно проследить гораздо четче. Эта тема, судя по всему, почти не востребованная в массовой литературе до 1562 г., по какой-то причине (возможно, ею стала особенно оживленная реакция современников на

¹¹ Историю создания и распространения памфлета см. *Andersson*, 1986. С. 123-132, а также *Park and Daston*, 1981. С. 25-28.

¹² *Brammall*. 1996. С. 8.

¹³ A transcript of the Registers of the Company of Stationers... С. 75.

¹⁴ *Crawford*. 2005. С. 36.

¹⁵ См. об этом: *Карначук*. 2008.

опубликование первого листа с памфлетом о рождении монстра) становится остро популярной. В Реестре компании книгоиздателей, куда вносились все данные об оплате печатниками лицензий за издаваемую ими продукцию, одна за другой появились четыре баллады от трех разных печатников, повествующие о рождении чудовищных младенцев или деформированных поросят¹⁶. Две другие баллады о рождении чудовищ, относящиеся к 1562 г. и дошедшие до наших дней, не отмечены в Реестрах¹⁷. Последний факт не является чем-то удивительным: на протяжении всей второй половины XVI в. нарушения законов об обязательном лицензировании печатной продукции были постоянным явлением.

Современники в письмах, дневниках и исторических хрониках отметили появление многих удивительно деформированных поросят и младенцев, причем иногда мы встречаем косвенные указания на случаи, не нашедшие отражения в известных нам площадных текстах. Так, принесенный в Лондон напоказ публике в апреле 1562 года поросенок «с огромными рюшами вокруг шеи, указанием на огромные рюши, которые носят как мужчины, так и женщины», описанный Генри Мачином в дневнике, не упомянут ни в одной из известных нам баллад¹⁸. Историки Джон Ховард и Джон Стоу упоминают в своих хрониках удивительных детей, поросят, телят и ягнят, появившихся на свет в 1562 г.¹⁹

Таким образом, тема становится достоянием самых широких слоев населения и задает моду на ближайшие несколько лет: насколько известно, шесть баллад и листов появились в 1562 г., две баллады в 1564 г., одна баллада и один площадной листок в 1565 г., три баллады в 1566 г., и еще одна баллада – в 1558 г. После этого взлета наступает довольно долгое затишье: с 1569 по 1576 гг. можно найти следы всего одной баллады про рождение монстра, хотя текст ее и не сохранился. В конце 1570-х гг., в течение трех лет, опубликованы сразу пять сообщений о новорожденных чудовищах, сопровождающиеся призывами к покаянию. Впоследствии подобных пиков не возникает, хотя иногда, раз в семь-десять лет, появляются единичные сообщения о рождении монстров. По числу наименований тема чудовищ не может соперничать, например, с гораздо более популярной темой преступления и казни преступника. В то же время баллады о рождении чудовищ появляются чаще, чем площадные

¹⁶ A transcript of the Registers of the Company of Stationers... С. 75, 85в.

¹⁷ A mervaylous strange deformed swine // A collection of seventy-nine black-letter ballads... С. 186-188; The true reporte of the forme and shape of a monstrous childe, borne at Much Horkesleye // Ibid. С. 27-29.

¹⁸ Machin, 1848.

¹⁹ Stow. 1592. С. 1096; Crawford. 2005. С. 39.

тексты о судах за колдовство. И, как справедливо заметил А. Бэйтс, баллады о чудовищах – единственный вид площадной литературы, где мы встречаемся, пускай косвенно, с темой физической деформации и заболевания: ни вспышки эпидемий, ни иные медицинские казусы никогда не становились центральной темой площадного текста²⁰.

Сюжет о рождении чудовищного дитяти не исчезает из площадной литературы и, в качестве нарратива, из общественного сознания, обрастает целым рядом коннотаций и аллюзий, новые события того же плана вызывают ожидаемый, хотя и не повышенный интерес и спрос. И, как будет показано ниже, на протяжении XVI–XVII вв., при всей осязаемости сложившейся традиции, детали сюжета, эмоциональный настрой и смысловое наполнение этих историй не остались неизменными.

Необходимо также обратить внимание на различие во времени популярности данной темы в разных видах печатной продукции – этот факт до сих пор не привлекал специального внимания историков. Большинство исследователей, исходя из собственных задач, чаще всего объединяет многостраничные памфлеты, площадные листы и баллады, но при детальном изучении такой подход оказывается спорным, как по причине хронологических несовпадений, так и силу того, что многие смысловые акценты в историях о чудовищах заметно отличаются в текстах разного формата. Конечно, не следует забывать то, что сближает разные жанры, а именно: и обширный трактат, и баллада возникали нередко по следам одного и того же реального случая. Баллады и листы обычно появлялись как моментальная реакция на происшествие: многие листки от события, описанного в них, отделяют всего несколько дней или недель. Можно проследить и прямую связь текстов: порой случаи, описанные в балладах, впоследствии попадали и в обширные книжки-компиляции или поучительные памфлеты. Случалось и обратное: сюжет баллады заимствовался из недавно опубликованной книги.

И, тем не менее, памфлеты-книги, повествующие о рождении чудовищ, начали издаваться в Англии со значительным запозданием относительно появления листов-однодневок. Первый памфлет по теме: «*A most strange and true discourse of the wonderfull judgement of God*» выходит в 1600 г., почти на сорок лет позже первой баллады²¹. С этого момента и до середины XVII в. было опубликовано одиннадцать памфлетов, главной темой которых являлось рождение на свет монстра, причем наиболее часто они появлялись в 1613–1617 гг., а затем – в 1642–1654 гг. Все извест-

²⁰ Bates. 2005. С. 45.

²¹ Crawford. 2005. С. 64.

ные нам памфлеты принадлежат перу протестантов, обычно – священников, и связаны с обострением религиозной и политической полемики в стране, в то время как баллады и листки, не реагируя так заметно на обострения межконфессиональной борьбы, провоцируются тревожностью, связанной с общими социально-экономическими трудностями.

Напрашивается вопрос: не были ли площадные сообщения о новорожденных монстрах всего лишь прилежной хроникой реальных событий? Не объяснялось ли зарождение моды на баллады о чудовищах рождением деформированных младенцев? Однако, по всей видимости, появления уродца самого по себе было недостаточно, чтобы подтолкнуть размах рассказов и сообщений о нем. Косвенно на это указывает весьма выборочное использование патологических рождений площадной литературой. А. Бэйтс указывает, что более трети случаев уродств, о которых сообщается в литературе XVI–XVII вв., составляют сросшиеся телами близнецы, в то время как, согласно современной медицинской статистике, этот тип уродств встречается относительно редко в сравнении с другими видами деформаций плода²². С другой стороны, в годы после казни Карла I появилось несколько баллад о рождении безголовых младенцев – деформация, которая не была ни разу зафиксирована до 1642 г.²³ Таким образом, не всякий уродливый младенец или поросенок оставлял по себе след в площадной литературе, а лишь тот, чей облик и время рождения в наибольшей степени отвечали тревогам и запросам современников. Площадной текст, как и любой другой, структурировал реальность в соответствии с представлениями автора и аудитории о значимом и пугающем.

В то же время, новорожденные чудовища в большинстве случаев не изобретались авторами баллад и памфлетов. Во-первых, ряд этих рождений и похорон умерших «монстров» можно проследить по церковно-приходским книгам²⁴. Во-вторых, на это косвенно указывает география мест чудовищных рождений. Часть чудовищ, о которых идет речь в площадной литературе, родилась внутри страны, а часть – за пределами Англии, но лишь в период первого острого интереса к теме с большим перевесом преобладают «отечественные» чудовища над зарубежными. Наоборот, когда в 1630-е гг. тема перестает быть исключительно тревожной и приобретает некоторые черты развлекательной литературы, большинство листов и баллад о чудовищах – это истории заморских диковинных рождений, имевших место в Женеве, Нидерландах или Италии.

²² Bates. 2005. С. 20-22.

²³ Crawford. 2005. С. 114-115.

²⁴ Crawford. 2005. С. 89.

Что же касается рождений чудовищных существ внутри страны, то они разнесены по ее территории гораздо ровнее, чем, например, места возбуждения ведовских процессов. Монстров производили на свет в большей части графств Англии, как в торговых городах, так и в глухих местечках, и такого рода события лишь немногим чаще фиксируются в экономически и социально мобильных регионах востока и юга (Лондон и его окрестности, Плимут, Суссекс, Кент). Монстры рождались и на севере, в Нортумберленде, и в Ланкашире и в Йоркшире, а также в центральных и западных графствах. Рискну высказать предположение, что для баллады и площадного листка – но не для проповеди и памфлета – местная «привязка» имела меньше значения, чем сам факт появления монстра. Памфлеты и проповеди, как показала Джулия Кроуфорд, часто были завязаны на конфликты локального уровня, в них нередко отражался конфессиональный конфликт, общественное порицание аморального поведения отдельных его членов или желание местных властей совладать с бродяжничеством и появлением пришлых бедняков²⁵. Площадная литература превращала рождение чудовища в историю «для всех», универсализируя ее основную посылку.

И эта посылка, как и спектр эмоций, которые она призвана была пробудить в читателях, не оставались неизменными в течение полутора веков. Общее направление эволюции отношения к монстрам в обществе указывалось еще в статье К. Парк и Л. Дастон, в рамках постулированного П. Берком отделения культуры образованной элиты от простонародной: «В ранние годы Реформации тенденция считать монстров чудесами – ужасными знаками Божьего гнева, зависящими целиком и полностью от Его воли – была почти универсальна. К концу семнадцатого века только наиболее простонародные виды литературы – баллады, площадные листы и случайные религиозные памфлеты относились к монстрам по-прежнему. Для образованных мирян, полных Бэкониянского энтузиазма, а тем более для профессионального ученого 1700 года, ассоциация чудовищ с религией была лишь еще одним проявлением народного суеверия и невежества»²⁶.

В работе, посвященной анализу текстов о монстрах в английской литературе, Дж. Кроуфорд высказывает мнение, что в произведениях на эту тему ощутимо стремление протестантски настроенных авторов и издателей реформировать общественную мораль и способствовать закреплению в сознании читателей идей Реформации. Одновременно, по

²⁵ *Crawford*. 2005. С. 139-142.

²⁶ *Park and Daston*, 1981. С. 24.

мнению исследовательницы, эта литература проникнута мизогинистским настроением, которое просматривается как в личной греховности женщины-матери и ее вине в рождении монстра, так и в нападках авторов в первую очередь на женские пороки, особенно гордыню, болтливость и тщеславие, выражающееся в желании неумеренно наряжаться²⁷.

Но вдохновленное работами П. Берка представление о реформировании культуры низов всегда таило в себе опасность чрезмерно линейного подхода, при котором «низовая», площадная и массовая литература является малоподвижным и достаточно пассивным объектом изменений, в большей или меньшей степени принимающим навязанные «сверху» смыслы. Между тем, ни сами границы между площадной и ученой культурой не были непроницаемы, ни «низовая» культура не пребывала в неподвижности, как, на примере английского общества раннего Нового времени, показали работы А. Фокса, Б. Кэппа, Д. Кресси и других исследователей²⁸. В частности, выводы этих авторов подтверждает и анализ площадной литературы, посвященной рождению чудовищных младенцев.

Когда мы обращаемся к ранней площадной литературе, то нелегко однозначно ответить на вопрос, что важнее для авторов баллады и площадного листка: дать предельно четкое и детальное описание удивительного новорожденного или подчеркнуть религиозный и моральный смысл его рождения. Внешний вид и смысл Божьего послания в глазах современников были тесно взаимосвязаны: отсутствие головы могло указывать на «обезглавленность» страны, раздираемой гражданской войной, складки кожи вокруг шеи осуждали моду на рюши и т.д. Однако часто – и именно в площадной литературе – детализация облика не несла в себе никакой дополнительной символической нагрузки.

Практически всегда лист или баллада сопровождалась рисунком, и эти рисунки стремились к точности воспроизведения, хотя, как доказывает А. Бэйтс, и представляли обычно даже мертворожденных младенцев живыми и более взрослыми, чем на самом деле²⁹. В этом отношении баллады о чудовищных рождениях стоят особняком во всем комплексе площадных баллад Англии, поскольку одни и те же гравюры к балладам и памфлетам обычно использовались многократно. Так, изображения одной и той же дамы или кавалера сопровождают различные любовные баллады, один и тот же кавалер может оказаться над текстом баллады о

²⁷ Crawford. 2005. С. 11-16.

²⁸ Cressy. 1997; Fox. 2000; Capp. 2003.

²⁹ Bates. 2005. С. 29-30.

предсмертном наставлении отца сыну и над балладой о расставании влюбленных³⁰. Чудовищные же младенцы изображались вполне индивидуально, и их вид соответствовал описанию, данному в тексте памфлета или в обширном прозаическом заголовке баллады. В этом смысле, безусловно, оправдано замечание Бэйтса о том, что чудовищные младенцы раннего Нового времени не являются аллегорией, в отличие от рас монстров, которыми средневековая мысль населяла отдаленные края земли, а подчеркнуто реалистичны и индивидуальны³¹.

Столь же точным и откровенным является словесное описание чудовища, в котором указывается точное количество конечностей, ушей, глаз, ртов и т.д. и их расположение на теле, включая такие подробности, как вид половых органов (или их отсутствие), незаросшие отверстия в теле, вид кожи и волос. Эти описания придают площадному тексту вид точной и свежей информации, по всей видимости, востребованной покупателями, и это является в английской площадной литературе одной из старейших и наиболее характерных черт – она проявилась уже в листе-памфлете 1531 г. и все еще прослеживалась в балладах 1660-х годов.

При этом символическое значение деталей внешнего облика может получить трактовку в тексте, но может быть и полностью опущено. Четкая связь деталей физического облика и связанного с ними духовного поучения прослеживается без исключения во всех книгах-памфлетах, но присутствует менее чем в половине площадных листов 1560–1600 гг. Баллада склонна рассматривать рождение уродка как знак от Бога в целом, но детализацией не злоупотребляет, если какая-то гипертрофированная деталь специально не провоцирует определенную ассоциацию. Наиболее популярная из этих ассоциаций – складки кожи, напоминающие рюши или другие части модного костюма. В трех из известных нам площадных листах этого периода можно обнаружить сравнения такого рода³².

Площадная баллада или листок стремились подчеркнуть достоверность события, поэтому всегда обеспечивали читателя сведениями о том, где произошло событие и кем были родители младенца. Наиболее детально баллада XVI века считала нужным указывать место: так, не всегда мы знаем имена родителей, но город или местечко, где младенец появился на свет, указано непременно. Далее, указывались причастные

³⁰ *Wurzbach*. 1990. С. 10.

³¹ *Bates*. 2005. С. 7.

³² The true reporte of the forme and shape of a monstrous childe, borne at Much Horkesleye // A collection... С. 27-29; The true Discription of a Childe with Ruffes, borne in the parish of Micheham, in the countie of Surrey // *Ibid*. С. 242-245; A most strange and trew ballad of a monstrous child borne in Southampton // *The Shirburn ballads...* С. 293-295.

к событиям лица: владелец хозяйства, если родилось удивительное животное, отец – его имя и род занятий – если родился ребенок. Имя матери встречается значительно реже, обычно она упоминалась после мужа, только как «жена имярек». В балладе 1656 г. о ребенке из Стони Стратфорда, несмотря на то, что мать его была незамужней, ее имя не сообщалось, зато назван отец, Ричард Сотерн, который успел исчезнуть из города до рождения ребенка³³. Из десяти дошедших до нас баллад о рождении чудовищ с 1562 по 1602 год имя матери названо в трех, имя отца – в семи. В двух-трех случаях сообщалось о крещении родившегося живым «монстра» и о том, каким именем его нарекли. Это, в свою очередь, показывает, насколько пограничным был статус рожденного: в тексте памфлета или баллады он преимущественно называется *monster*, либо *monstrous child*, что не мешает рассматривать его одновременно и как человека, душа которого нуждается в спасении через крещение. Более того, в некоторых случаях он обретает черты обычного ребенка: может быть указано, что, несмотря на уродство других частей тела, «у него веселое лицо», и что он уже научился есть кашу³⁴. Чудовищная свинья точно так же остается свиньей – ест овощи, хлеб, траву и «прочее, что придется» и вполне здорова, несмотря на густую, как у барана, шерсть и когти на передних ногах³⁵.

Прозаический листок, а также прозаическое заглавие или послесловие к балладе кратко представляли факты, касающиеся рождения монстра, в балладе же, как правило, давался обширный эмоциональный комментарий к событию. В XVI в. этот комментарий был посвящен преимущественно изумлению, смешанному с трепетом перед неоспоримостью явленного во плоти знака Божьего неудовольствия. Нередко озвучивается мнение, что истории о новорожденных чудовищах являются признаком гендерной тревожности эпохи, олицетворяют для современников угрозу хаоса в социальной и гендерной иерархии и достаточно отчетливо направлены против женщин. Анализ площадной литературы заставляет с некоторой осторожностью относиться к утверждению, что тексты о рождении чудовищ несут выраженный мизогинистический смысл.

Как уже упоминалось, имя матери и ее роль в рождении чудовища как в площадных листках, так и в балладах, являются второстепенными деталями. Подразумевают ли эти тексты ее имплицитную вину: личную или как представительницы женского пола? И, если на то пошло, явля-

³³ The true fourme and shape of a monstrous Chylde...

³⁴ The true reporte of the forme and shape of a monstrous childe, borne at Much Horkesleye... С. 29.

³⁵ A mervaylous strange deformed swine. С. 188.

ется ли знак Божий обличением прежде всего греха родителей или предназначен для исправления всего рода человеческого? Медицинские трактаты того времени признавали и допускали, наряду с естественными причинами, прегрешения родителей, прежде всего, в сексуальной сфере. Амбруаз Паре писал в середине 1570-х, в своем трактате «О монстрах и чудесах»: «Определенно, часто эти чудовищные и удивительные существа происходят от суда Бога, который позволяет отцам и матерям производить на свет подобные мерзости из-за беспорядка, с которым они совершали соитие, как похотливые животные, ведомые своими аппетитами, без уважения ко времени или другим законам, установленным Богом или Природой»³⁶. Книги-памфлеты также акцентировали виновность родителей: зачатие ребенка вне брака, инцест, даже «праздность» – бродяжничество родителей – могли быть поняты как причина гнева Господа³⁷. Одновременно с личной греховностью родителей, объектом «послания» мог быть весь народ, например, англичане³⁸.

Однако площадные тексты дают несколько иную картину. Из 11 сохранившихся баллад и листков 1552-1602 гг. лишь в трех балладах можно обнаружить указания на виновность родителей, в двух случаях это грех матери. В одной из наиболее ранних баллад рождение монстра объясняется тем, что его родители состояли в браке с другими людьми, а монстра зачали, вступив в плотскую связь еще до того, как поженились между собой, хоть родился он уже в супружестве³⁹. Автор баллады «The true fourme and shape of a monstrous Chylde whiche was borne in Stony Stratforde» упоминает, что сросшиеся телами девочки родились вне брака, но никак не комментирует этот факт, будучи всецело заинтересован профетическим значением появления на свет чудовищного младенца⁴⁰. И лишь в третьем случае мы встречаем знакомый по другим видам текстов сюжет: Маргарет Мир, которая вела распутный образ жизни, родила внебрачного и, предсказуемо, чудовищного ребенка⁴¹.

С другой стороны, в нескольких балладах поднималась тема греха родителей, но авторы не разделяли этой идеи. Так, автор баллады «The true discription of two monstrous Chyldren Borne at Herne in Kent», большую часть текста, повествующего о рождении сиамских близнецов, по-

³⁶ Цит. по *Bates*. 2005. С. 16.

³⁷ *Strange newes out of Kent*. 1609.

³⁸ *Brammall*. 1996. С. 11.

³⁹ *The true reporte of the forme and shape of a monstrous childe...* С. 29.

⁴⁰ *The true fourme and shape of a monstrous Chylde...*

⁴¹ *The forme and shape of a monstrous Child, borne at Maydstone in Kent, the xxiiij. of October, 1568 // A collection...* С. 194-195.

свящает рассуждению о том, что подобные знаки посылаются вовсе не для того, чтобы указать на скрытый грех родителей (как, насколько известно автору, полагают многие). Это знак для всех людей, ниспосланный для того, чтобы они не обольщались мирскими благами и не судили других, а молились, прося простить их грехи и изменяли к лучшему собственную жизнь. Свою точку зрения автор подкрепляет ссылками на евангелия от Луки и от Иоанна⁴². Автор другой баллады поддерживает это мнение, а тех, кто считает виновными родителей, сравнивает с фарисеями: «Но гордые, хвастливые фарисеи / Обличат родителей / И рассудят, с отвратительной злобой, / Что жизнь их нечиста. / Нет-нет, урок этот – нам всем, / Каждый день нарушающим закон / Быть может, в большей степени, чем чудища, / Которым Господь дал родиться»⁴³. Даже заглавие этой баллады подчеркивает тот факт, что в данном случае монстр – «законнорожденный». В балладе о чудовищном младенце из Чичестера указано, что его родители, мясник Винсент и его жена, «оба честного и тихого поведения, у них были раньше дети естественных пропорций, а этот был выношен полное время»⁴⁴. Судя по этому замечанию, автор баллады видит три возможных причины появления уроды (не оспаривая того, что прежде всего это Божий знак): грех родителей, физическое отсутствие возможности иметь нормальных детей и проблемы во время беременности. Далее он указывает, что все эти три причины в данном случае не объясняют события, «не работают». Добавим, что четыре сохранившихся площадных текста того же периода о рождении «чудовищных» свиней полностью совпадают по структуре, эмоциональному тону и выводам с балладами о младенцах, но, естественно, никак не могут указывать на грехи родительницы.

Таким образом, площадные тексты признают теоретически возможность духовной вины родителей в порождении чудовища и то, что вера в это широко распространена, но сами не склонны отдавать этой версии предпочтение. Преимущественная виновность матери, женщины, в рождении монстра также не акцентирована. Сравняя прохладное отношение площадной литературы к теме «греха родителей» с развернутыми описаниями этих грехов в памфлетах, нетрудно заметить, насколько сильно протестантское рвение меняет цвета в палитре, по которой мы судим об общественном мнении той эпохи.

⁴² The true discription of two monstrous Chyldeyn Borne at Herne in Kent...

⁴³ The true discription of two monstrous children, lawfully begotten betwene George Steuens and Margerie his wyfe, and borne in the parish of Swanburne // A collection... С. 218.

⁴⁴ A discription of a monstrous Chyldey borne at Chychester in Sussex, the xxiii. daye of May // A collection... С. 201.

Другой, предположительно антифеминистический аспект, обычно связывают с неоднократным осуждением Богом через появляющихся по Его воле чудовищ роскошной и модной одежды, прежде всего, кружевных рюшей. Однако здесь уместно напомнить, что рюши представляли собой деталь не только женского, но и мужского костюма эпохи, и лишь одна баллада раннего периода прямо связывает их с женским платьем: «И ты, о Англия, чей женский пол / Слишком часто ходит в рюшах...»⁴⁵. Одновременно другая баллада обвиняет в ношении рюшей оба пола и ополчается в равной степени на мужские и женские моды (сообщая, среди прочего, о рождении теленка с «рюшами» и «штанами» из складок кожи): «...И в рюшах, так что зритель с трудом отличит на вид / Их от телят, их мода посрамлена. / Видя его (теленка – *Н.К.*) мы видим наши слишком широкие штаны / И избыток ткани там, где желанна естественная форма»⁴⁶. Также встречаются и укоризны по поводу моды, обращенные исключительно к мужчинам. Описывая очередного монстра, автор подчеркивает: «Вдоль шеи его и плеч / Вились черные завитые пряди волос / Совсем как те локоны, что многие мужчины / Сейчас носят на головах»⁴⁷.

Таким образом, и в ранней балладе отсутствует выраженный антиженский подтекст, более того, авторы явно предпочитают обличать грехи всех полов и возрастов без изъятия и всех призывают к отказу от греха: «Будь ты жадный богач, нуждающийся бедняк, / И молодой человек, и девица, и замужня жена!»⁴⁸. Не отрицая существовавшей напряженности в гендерной сфере, следует заметить, что английская площадная литература, как в балладах о монстрах, так и в других темах, не была склонна к мизогинии.

Следует отметить еще одну характерную деталь раннего площадного текста о чудовищах: в нем практически не отводилось места личной драме. Судьба и переживания ребенка, его родителей, принимавшей роды повитухи, соседей и свидетелей рождения не упоминались. Основной пафос этих текстов заключался в том, что рождение подобного существа является одним из последних знаков, свидетельствующих о гневе Господа и о его милости, поскольку он предупреждает людей и дает им шанс принести покаяние и изменить свой образ жизни к лучшему. «...и если мы не преинем так поступить / И совершенно раскаться / Он, без сомненья, нас утешит / И души наши успокоит»⁴⁹.

⁴⁵ The true Discription of a Childe with Ruffes... // A collection... С. 245.

⁴⁶ The true reporte of the forme and shape of a monstrous childe... // Ibid. С. 29.

⁴⁷ A most strange and trew ballad of a monstrous child... // The Shirburn ballads. С. 294.

⁴⁸ A mervaylous strange deformed swine // A collection... С. 188.

⁴⁹ The Shape of ii monsters, MDLxii // A collection... С. 46.

Ни один известный нам текст не рассматривает рождение чудовищного младенца как знак неизбежности небесной кары. Одновременно с попыткой вселить тревогу – а в текстах часто повторяются слова *dread, fear, God's wrath*, – присутствует и менее гнетущая интонация: удивление перед чудесами господними, обилие производных от *marvel, wonder, strange*.

При большом сходстве основных мотивов, в некоторых балладах отчетливо слышны индивидуальные авторские интонации. Анонимный автор баллады «A mervaylous straunge deformed Swyne», обыгрывая тот факт, что свинья поросла густой овечьей шерстью, вновь и вновь обращается к метафоре «волки в овечьей шкуре», сперва обвиняя человечество в неискреннем, показном уважении к слову божьему, а потом переходя на вполне светскую почву. Он обличает изменников и предателей страны и королевы, на вид чистых, как агнцы, но черных душой⁵⁰. Хотя в других балладах мы не найдем столь явно озвученных прогосударственных мотивов, но, безусловно, авторы ранней площадной баллады весьма широко понимали сферу моральных улучшений, к которой зывало рождение чудовищного младенца. Покаяние, отказ от стяжательства, любовь к ближнему, познание слова Божия, возвращение от праздности к труду, верность монарху, переход от роскоши и модных аксессуаров к скромной одежде, воздержанность на язык – вот неполный перечень того, чего требовали ранние площадные тексты от читателей.

Тон площадных листков и баллад XVI века о рождении чудовищ всегда оставался серьезным. Даже менее пророческие, но и сходные по многим признакам с балладами о монстрах, описания чудовищных рыб (обычно, видимо, китов), изловленных в море и доставленных в Англию, хоть и призывали не столько к покаянию, сколько к изумлению чудесами Божьими, описывая гигантские челюсти и брюхо, все же никогда не превращались в шуточные. Чудеса и чудовища принадлежали Богу, сакральность этой темы ясно ощущалась на протяжении всего XVI века.

В полном соответствии с этой серьезностью, в указанный период еще очень слабо заметна тенденция превращать монстров в центральных лиц платных шоу, какими они стали ко второй половине XVII в. – и удивляли заезжих иностранцев в качестве английской национальной особенности⁵¹. Но первые шаги в этом направлении уже были сделаны: чудовищные рыбы и свиньи специально привозились на рынки и в большие города, чтобы стать поучительным и, без сомнения, развлека-

⁵⁰ A mervaylous strange deformed swine // A collection... С. 186-188.

⁵¹ Semonin. 1996. С. 70.

тельным зрелищем⁵². Единственный из известных нам текстов указывает на то, что и чудовищный ребенок стал объектом показа. «Ребенок с рюшами» из Сэррея, девочка, как сообщалось в прозаическом послесловии к балладе, была живой и здоровой в десятидневном возрасте, и ее можно было увидеть Саутуорке⁵³.

В более поздних площадных текстах о рождении чудовищ, редко, но регулярно появлявшихся в 1610–1630 гг., начинают происходить существенные изменения. Эти тексты уже ощутимо связаны с книгами-памфлетами, которые также начинают появляться в указанный период, и заимствуют из них некоторые, ранее не проявлявшиеся черты. В большинстве своем они посвящены новостям о рождениях монстров за пределами страны и уже не претендуют на точность и истинность сообщаемых фактов: из них исчезает обязательное указание места действия, а если оно названо, при перепечатывании баллады может случайно измениться. Так, в 1609–1628 гг. в разных издательских домах несколько раз переиздается баллада о рождении двухголового монстра в Женеве – или Иене⁵⁴. Имена родителей чудовища также перестают встречаться, уступая место социальным маркерам: «жена богатого купца» «дитя богатых родителей».

Внешний вид монстра по-прежнему вызывает живейший интерес, однако порой приобретает тот же аллегорически-неправдоподобный вид, какой свойственен книгам-памфлетам на сходную тему. Ребенок, рожденный женевской гордой купчихой, появился на свет не только с двумя головами, но в одной руке держал зеркало, как обличение тщеславия своей матери, в другой – розгу, памятку об ожидающем ее наказании, на шее у чудовища оказались рюши, а на ногах – туфли с модными розетками⁵⁵. В этих текстах проявляется вся риторика проповеди или книги-памфлета о женских грехах, ранее отсутствовавшая, причем именно женщин призывают к покаянию: «Английские изящные, прекрасные дамы, / Взгляните на падение гордыни. / Распутницы, оставьте грех / Пусть Бог станет вам поводырем⁵⁶. Авторы площадной баллады в поисках сюжетов, обращаются к памфлетам и широко заимствуют оттуда, как видим, не только сюжеты, но и морально-религиозные обвинительные установки. Возмож-

⁵² A Moste true and marveilous straunge wonder, the lyke hath seldom ben seene, of. XVII. Monstrous fishes, taken in Suffolke, at Downham bridge...

⁵³ The true Discripcion of a Childe with Ruffes... // A collection... С. 245.

⁵⁴ Prides fall: or a warning to all English women by a example of the strang monster, borne of late in Germany by a proude marchant's wife in the city of Geneva, 1609 // The Shirburn ballads... С. 134-139.

⁵⁵ Prides fall... С. 136-137.

⁵⁶ Prides fall... С. 134.

но, и рост напряжения в стране в годы правления первых Стюартов сыграл свою роль в изменении духовного климата, уменьшив его толерантность к предполагаемым нарушениям гендерной иерархии, склонив его к жестким моральным нормам, предлагаемым пресвитерианами.

Параллельно с рядом обличительных баллад возникает другой ряд, где, напротив, тема рождения чудовища оказалась в сильной мере «снижена», из сакральной превращаясь в анекдотическую. Площадные тексты, повествующие о чудовище, начали приобретать в одних случаях черты шутильной баллады, в других – практически рекламного проспекта, и в обоих вариантах осознание живущего среди людей монстра как знака от Бога заметно ослаблялось. Таков целый ряд баллад на английском языке или латыни, посвященный «гастролям» в Англии сиамских близнецов из Италии. Речь шла о братьях, сросшихся на уровне груди, причем один из них, Лазарус Колоредо, развивался нормально, второй, Иоанн Батист, задержался в развитии на младенческом уровне⁵⁷. Лазарус Колоредо, до того, как появиться в Англии, зарабатывал на жизнь, демонстрируя себя и брата в Италии, Германии и Нидерландах. В Англии он произвел большой фурор, получил официальное разрешение на свои выступления, предстал перед королем, а потом еще несколько лет гастролировал по городам страны. Есть предположение, что баллады о себе он писал (или заказывал написать) сам, чтобы расширять круг посетителей⁵⁸. Это предположение звучит довольно убедительно, поскольку баллады о братьях Колоредо явно отличаются от других английских баллад о чудовищах. Характерно, что даже слово «чудовище» в них отсутствует, замененное на «диво» (*wonder*). В этих текстах нет ни малейшего намека на то, что сросшиеся близнецы являются неким знаком или символом, абсолютно отсутствуют попытки морализаторства. Содержание баллад сводится к подробному описанию «божьего чуда», причем тон его дружелюбен, Лазарус назван «джентльменом» и «приятным человеком». И, разумеется, баллады извещают о том, что диво находится в Англии, в Лондоне, и призывает поглядеть на него. «Монстр» XVI века в этих текстах уже превращается в удивительный на вид, но вполне «земной» объект любопытства: баллады дают ответы на вопросы о том, как ест второй, малый близнец, чувствует ли он боль, вместе ли болеют братья?

Однако, не одни только баллады о братьях Колоредо десакрализируют человека-монстра, несколько других площадных текстов также выказывают эту особенность периода 1610-1630 гг. К примеру, баллада

⁵⁷ *Historia AEnigmatica de gemellis Genoe connatis...*; The two inseparable brothers. ...

⁵⁸ *Bates*. 2005. С. 150.

«A monstrous shape, or a shapeless monster»⁵⁹, единственная сохранившаяся из пяти различных баллад, посвященных одному и тому же сюжету – приезду в Англию из Нидерландов «монстра» с телом женщины и головой свиньи, несмотря на пугающее название, написана в легком, шутовском тоне. Основу ее составляет веселое перечисление достоинств девицы: стройная фигура, лилейные руки, приятные манеры, а также богатое приданое в виде денег, скота и полей – и сожаление, что она все еще не нашла себе жениха: ведь вместо лица у нее свиная морда.

Таким образом, площадная литература в первой трети XVII в. значительно лишается прежнего, серьезного и душеспасительного тона, теперь читателя привлекает не столько скрытое послание небес, сколько диковинка сама по себе, и это настроение подчеркивается тем, что чудовища теперь не рождаются по соседству, они прибывают в страну во взрослом виде из далеких мест. В лексическом плане характерной новинкой является многократное употребление слова «восхищение» (*admiration*), отсутствовавшего в ранних балладах на эту тему. Новое отношение авторов (и, вероятно, покупателей) площадных текстов к чудовищам представляет собой скорее смесь изумления и восхищения, чем страха и раздумья о собственных моральных недостатках. Неслучайно именно в этот период демонстрация уродов становится неизменным атрибутом рынков и ярмарок, включая знаменитую Варфоломеевскую ярмарку.

Интересно отметить, что, перейдя черту, отделяющую серьезную тему от смеховой, сама форма баллады о чудовище становится шаблоном, который годен для шутовских и сатирических произведений. Так, в 1643 г., в разгар гражданской войны, была отпечатана промонархическая баллада «A strange Sight to be seen at Westminster»⁶⁰. Она построена по всем законам жанра: называет место события, указывает на то, что подобного чудовища еще не видано было в Англии, подробно описывает рожденного монстра: безголового, однако с рогами, множеством ушей, ртов и рук, в которых оно сжимает пики и мушкеты. Существо полно злобы и пороков, не боится ничего на свете, кроме кавалеров, прожило уже три года и является порождением Дьявола, своего отца и Сити, вскормившего его. Автор приглашает всех посмотреть на это диво, потому что «оно уж еле дышит и, того гляди, скоро помрет». В данном случае мы видим, как политическая сатира использует сюжет о рождении чудовища как обертку, легко распознаваемую читателем.

⁵⁹ A Pepysian Garland. 1922. С. 451-454.

⁶⁰ A strange Sight to be seen at Westminster...

Как известно, в период с 1648 по 1653 год издание баллад было запрещено, наравне с театральными представлениями и прочими видами увеселений, а возобновившийся во второй половине 1650-х гг. поток площадной литературы отличает все более сильное дистанцирование авторов баллад от той аудитории, для которой они сочиняли. Баллада все в меньшей степени является попыткой автора разделить свои взгляды с читателем, и все заметнее стремится развлекать и поучать менее образованных и обеспеченных соотечественников.

Во многом рассказ о чудовищах сохраняет видимость прежней канвы: сообщает о месте рождения младенца, его родителях (теперь имя матери упоминается столь же часто, как имя отца), описывает внешний вид младенца и призывает читателя избегать грехов и чистосердечно раскаиваться. Но внутренние метаморфозы текста обширны. Так, практически во всех балладах о чудовищах 1660-90 гг. значительное место занимает описание переживаний тех, кто присутствовал при событии: родителей, повитух, соседей. Баллада «Natures Wonder?» (1664) сообщает: «Все женщины были испуганы / При таком устрашающем зрелище / Также и повитуха была в смятении / Когда оно появилось на свет. / Но больше всех слабая мать / В ее горестной боли / Долго не могла вымолвить ни слова / Так она скорбела. / Два дня и две ночи прожил монстр / В ужасных страданиях. / Родители печалились и горевали / И соседи приходили посмотреть»⁶¹. Далее в этой же балладе указывается, что ребенок был анатомирован хирургом, а после забальзамирован и выставлен для показа в Лондоне, причем и в родительском доме, и позже, многочисленные посетители хотели увидеть его за деньги и в первый же день его отец, бедный человек, получил 20 фунтов от «достопочтенных персон». Переходя в разряд удивительных, но персонализированных и «частных» казусов, рождение монстра перестает, по сути, быть общезначимым событием.

Чувствительная история, сочетающаяся со ставшей привычной демонстративностью, доминирует в новом стиле сочинения баллады о рождении чудовища. Обязательное же – и столь животрепещущие в конце XVI в. – стремление разгадать суть явленного Богом знака – низведено до достаточно краткого и обтекаемого призыва к покаянию. Авторы баллад не пытаются указывать на наиболее отвратительные, с их точки зрения, грехи, требующие срочного исправления: тщеславие, праздность, измена, равнодушие к духовному поучению, что было свойственно ранней площадной балладе. Это еще раз показывает, что баллада конца XVII в. – действительный результат «реформы нравов»:

⁶¹ Natures Wonder? // University of Glasgow Library.

она не является актуальной и тревожной темой для самих авторов, но создается профессионалами на потребу низшим социальным стратам общества и сознательно наполняется смыслами, которые образованная элита не разделяет, но считает подходящими для данного случая.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- A collection of seventy-nine black-letter ballads and broadsides printed in the reign of Queen Elizabeth, between the years 1559 and 1597, comp. by Joseph Lilly. L.: Chiswick Press. 1867. – 319 с.
- Historia AEnigmatica de gemellis Genoe connatis // Коллекция Британского музея, [Электр. ресурс] http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=3052293&partId=1&searchText=1862,1009.239&page=1.
- Machin H.* The diary of Henry Machyn. L.: J.B Nichols & Son, 1848. 464 p. Электр. ресурс: British History Online - <http://www.british-history.ac.uk/source.aspx?pubid=324>.
- A Moste true and marvelous straunge wonder, the lyke hath seldom ben seene, of XVII. Monstrous fishes, taken in Suffolke, at Downham brydge // Huntington Library Britwell 18306 • 32270 [Электр. ресурс] <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32270/image>.
- Natures Wonder? // University of Glasgow Library Euing 237 • 31785 [Электр. ресурс] <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/31785/image>.
- A Pepysian Garland. Black-letter broadside ballads of the years 1595-1639 / Ed. by Hyder E. Rollins. Cambridge: Harvard University Press. 1922. – 475 с.
- The Shirburn ballads, 1585–1616. Ed. by A. Clark. Oxford: Clarendon Press, 1907. 380 с.
- Stow John.* The Annales of England. L. 1592.
- Strange newes out of Kent, of a monstrous and misshapen child, borne in Olde sandwich, upon the 10. of Julie, last, the like (for strangenes) hath never beene seene. L.: T.C. for W. Barley. 1609. – 54 с.
- A strange Sight to be seen at Westminster // Huntington Library Miscellaneous 123914 • 32196. [Электр. ресурс] <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32196/image>.
- A transcript of the Registers of the Company of Stationers of London, 1554-1640. Vol. 1. Ed. by Edward Arber. L., 1875. – 596 с.
- The true fourme and shape of a monsterous Chyld whiche was borne in Stony Stratforde, in North Hamptonshire // Huntington Library Britwell 18293 • 32225. [Электр. ресурс] <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32225/image>.
- The true discription of two monsterous Chyldren Borne at Herne in Kent. The. xxvii. daie of Auguste In the yere our of Lorde // Huntington Library Britwell 18316 • 32404 [Электр. ресурс] <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32404/image>.
- The two inseparable brothers / OR / A true and strange description of a Gentleman (an Italian / by birth) about seventene yeeres of age, who hath an imperfect (yet living) / Brother, growing out of his side // <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/30865/citation>.

Литература

- Andersson C.* Popular imagery in German Reformation broadsheets // Printing and culture in the Renaissance / Ed. by G.P. Tyson and S.S. Wygonheim. Newark: University of Delaware Press. 1986. – С. 120-150.

- Block John Freedman.* Foreword // The Ashgate research companion to monsters and the monstrous. Ed. by Asa Simon Mittman and Peter J. Dendale. Ashgate Publishing Limited. 2012. – С. XXV-XXXIX.
- Bates A.W.* Emblematic monsters. Unnatural conceptions and deformed births in Early Modern Europe. Amsterdam, N.Y.: Rodopi. 2005. – 323 с.
- Brammall Kathryn M.* Monstrous Metamorphosis: Nature, Morality and the Rhetoric of Monstrosity in Tudor England // Sixteenth Century Journal. Vol. 27. № 1. 1996. С. 3-21.
- Capp B.* When Gossips Meet: Women, Family, and Neighbourhood in Early Modern England. Oxford: Oxford University Press. 2003. – 408 p.
- Cheng, Sandra.* The Cult of the Monstrous: Caricature, Physiognomy, and Monsters in Early Modern Italy // Preternature: Critical and Historical Studies on the Preternatural. 2012. Vol. 1. No. 2. – С. 197-231.
- Crawford, Julie.* Marvelous Protestantism. Monstrous births in Post-Reformation England. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. 2005. – 270 с.
- Cressy D.* Birth, Marriage, and Death: Ritual, Religion, and the Life Cycle in Tudor and Stuart England. Oxford: Oxford University Press. 1997. – 664 p.
- Fox, Adam.* Oral and literate culture in England, 1500–1700. Oxford: Oxford University Press, 2000. 497 с.
- Marvels, Monsters, and Miracles: Studies in the Medieval and Early Modern Imaginations /* Ed. by Timothy S. Jones and David A. Sprunger. Western Michigan Univ. 2002. 306 с.
- Niccoli, Otavia.* Prophecy and people in Renaissance Italy. Transl. from Italian Lydia G. Cochraine. Princeton: Princeton University Press, 1990. 208 с.
- Park, Katharine and Daston, Lorraine J.* The study of monsters in sixteenth- and seventeenth-century France and England // Past & Present, No. 92. 1981. С. 20-54.
- Purkiss, Diane.* Literature, Gender and Politics during the English Civil War. Cambridge: Cambridge University Press. 2005. 300 с.
- Semonin, Paul.* Monsters in the Marketplace: The Exhibition of Human Oddities in early Modern England // Freakery: general Spectacles of the extraordinary Body / Ed. by Rosemarie Garland Thompson. N.Y.: N.Y. Press. 1996. С. 69-81.
- Wilson, Dudley.* Signs and Portents: Monstrous Births from the Middle Ages to the Enlightenment. N.Y.: Routledge. 1993. 232 с.
- Williams Wes.* Monsters and their meanings in Early Modern culture. Mighty magic. Oxford: Oxford University Press. 2011. 345 с.
- Wurzbach, Natasha.* The rise of the English street ballad, 1550–1650. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. 372 с.
- Алябьева Л.* Литературная профессия в Англии в XVI–XIX веках. М.: Новое литературное обозрение. 2004. 400 с.
- Бергер Е.* «Нехорошо, что монстры живут среди нас» (Амбруаз Паре о причинах врождённых аномалий) // Средние века. 2004. № 65. С. 147-165.
- Карначук Н.В.* «Штаны и рюши» или Что может рассказать символика костюма о гендерной напряженности в семье и социуме Англии конца XVI – начала XVII вв. // Адам & Ева. М.. 2006. С. 141-160.
- Карначук Н.В.* Площадная английская баллада XVI–XVII вв.. Текст как исторический источник // Диалог со временем. 2012. № 45. С. 237-250.

Карначук Наталия Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры английской филологии Томского государственного ун-та; karnach2005@yandex.ru.

О. Н. МУХИН

ЦАРЬ-РЕФОРМАТОР И ЕГО «НЕПОТРЕБНЫЙ СЫН» ПРОБЛЕМА ОТЦОВ И ДЕТЕЙ В МОНАРШИХ СЕМЬЯХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

В статье рассматривается конфликт Петра I и царевича Алексея. Использование междисциплинарных технологий и активное привлечение историко-сравнительного материала позволяют автору уточнить представления о причинах и степени нетипичности этого конфликта, анализируемого в контексте переходных процессов, протекавших в раннее Новое время в сфере представлений о семье и детстве.

Ключевые слова: *Пётр I, история детства, раннее Новое время, историческая психология, междисциплинарный подход.*

Гибель царевича Алексея, старшего сына Петра I, произвела огромное впечатление на современников и продолжает будоражить воображение россиян уже триста лет, являясь одним из основных поводов для обвинений первого императора в жестокости (недаром клеймо отцеубийц несут еще двое правителей, вместе с Петром составляющих типологическую триаду ошельмованных тиранов – Иван Грозный и Иосиф Сталин). Однако, при всем трагизме этой истории, она, как и многие другие факты биографии Петра, окрашена в преувеличенно эмоциональные тона, мешающие ее верной оценке. Попробуем критически присмотреться к конфликту царя-реформатора и его «непотребного сына» в контексте проблемы взаимоотношения отцов и детей в монарших семьях раннего Нового времени.

Алексей, родившийся 18 февраля 1690 г., был первым из трех детей Петра от Евдокии Фёдоровны (урожденной Лопухиной) (помимо него царица родила еще двух сыновей – Александра и Павла, но оба умерли в младенчестве). Отец исполнил все положенные ритуалы в связи с рождением сына: 19 февраля вместе с братом Иваном совершил торжественный выход к молебствию в Успенский собор, после чего принимал поздравления патриарха и духовенства; затем угощал в Передней палате дворца думных и ближних людей фряжским вином, а московское дворянство, стрельцких полковников, дьяков и гостей – водкой. По традиции были объявлены пожалования в бояре дяде Петра, ближнему стольнику Мартемьяну Кирилловичу Нарышкину, и дяде Евдокии окольничему Петру Меньшому Абрамовичу Лопухину¹.

¹ Богословский. 2005. С. 84.

Однако М.М. Богословский, на основании дневника П. Гордона, делает вывод, что «рождение сына было для семнадцатилетнего Петра событием безразличным, совсем его не захватившим», так как вечером того же дня он вызвал к себе генерала, пробывшего с царем всю ночь, а на другой день уехал из Москвы на обед к Л.К. Нарышкину в Фили, откуда вернулся только 21 февраля². Правда, насколько нам известно, поначалу отец относился к первенцу достаточно тепло и не отказывался от исполнения положенных обязанностей. Так, 17 марта следующего 1691 г. было отпраздновано обычным порядком тезоименитство царевича; государи-соправители Пётр и Иван Алексеевичи были у обедни в Алексеевском монастыре, а затем в Передней палате происходило пожалование поздравителей³. По возвращении из-за границы в 1698 г. Пётр, не желавший видеть жену, захал взглянуть на сына, и только после этого отправился к своей любовнице Анне Монс⁴.

Понять, насколько нетипично поступал молодой царь во всех случаях, которые можно расценить как проявления безразличия, сложно. Конечно, Алексей Михайлович не уезжал из столицы в первые дни после рождения Петра, но у него вообще было меньше интересов вне стен Кремля, чем у неугомонного сына. Неизвестно, сколько времени ежедневно тратил на сына Тишайший, и какое место занимали его занятия с детьми в ряду обязанностей правителя⁵. Стиль отношений обитателей Кремля, далекий от семейной идиллии в современном понимании, охарактеризовал И.Е. Забелин: «...если даже государь посылал кого-либо к царице и к детям спросить о здоровье или “для какого иного дела”, то и в таком случае посланные, по словам Котошихина, “обсылались чрез боярынь, а сами не ходили без обсылки”. То же самое наблюдалось и со стороны царицы»⁶. В дальнейшем Пётр особо не вникал в нюансы воспи-

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 105.

⁴ *Корб.* Дневник путешествия в Московское государство... С. 87.

⁵ В нашем распоряжении есть лишь сообщения о привлечении Тишайшим маленького сына к представительским функциям. Пётр постоянно упоминается в числе лиц царской семьи, отправлявшихся в походы по монастырям и храмам в Москве и за городом и в подмосковные резиденции (Воробьево, Измайлово, Преображенское, Коломенское). Первое упоминание относится к октябрю 1673 г., когда Алексей Михайлович с семьей отправился к Троице (*Богословский.* 2005. С. 19). Цели таких выездов были как религиозные, так и «потешные». Еще одна из форм церемониала: в ходе празднования своих именин в 1675 г. царевич сам благодарил боярина Б.М. Хитрово за присланные от отца яства: «и государь царевич жаловал за то боярина и оружничего Богдана Матвеевича водкою и подачами с кубки и с чарки» (Там же. С. 25).

⁶ *Забелин.* 1990. С. 325-326. Г.К. Котошихин, посвятивший одну из глав своего сочинения рождению царских детей, описывает лишь парадную сторону этого со-

тания сына. Однако он старался назначить ему «передовых» учителей (сначала М. Нейгебауера, затем барона Гюйсена), стремился привлекать его к царской (по его собственным понятиям) деятельности, устроил престижный и политически выгодный брак. Вряд ли большинство европейских монархов того времени, как и предшественники Петра на российском престоле, уделяли своим отпрыскам больше внимания. Не стоит оценивать родительские качества царя-реформатора с современной точки зрения: Н.Л. Пушкарева отмечает, что на Руси XVI–XVII вв. представления о воспитании отцами сыновей предполагали изрядную строгость (особенно это проявляется в «Домострое»). Иные идеи появляются в это время в церковно-учительной литературе в связи с темой материнского воспитания и его методов: матери бить детей не полагалось. Исследовательница иллюстрирует это гендерное различие поговоркой: «Дети балуются от маткиного блинца, а разумнеют от батькиного дубца»⁷. По словам Е.В. Анисимова, Пётр исходил из тогдашней педагогической концепции принуждения – назначил сыну содержание, определил воспитателей и учителей, утвердил программу обучения и занялся своими делами, думая, что, в случае чего, страх наказания поправит дело⁸.

Где же берет начало разлад? В историографии сложилось устойчивое представление о «дурном влиянии», оказываемом на Алексея его матерью, настраивавшей его против отца, либо сознательно, из-за неприятия его нововведений⁹, либо неосознанно, испытывая и выказывая неприязнь к иноземцам, отвлекавшим Петра от семейных обязанностей (и в том числе к его любовнице Анне Монс)¹⁰.

Так или иначе, разлад между родителями, окончившийся изгнанием матери в монастырь, не мог не подействовать отрицательно на детскую психику. Психологический аспект проблемы выразил Н.И. Павленко: «Ребенок рос под противоположными влияниями, в нем постепенно формировалось стремление угодить обоим родителям, отчего в его характере возникали такие пороки, как лживость, лицемерие, двуличие»¹¹. Этот вы-

бытия, обставленного большим количеством публичных церемоний (*Котошихин*. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 25).

⁷ Пушкарева. 1997. С. 75. Между прочим, сам Пётр в своем ультиматуме сыну вспоминал, что неоднократно бивал его (См.: Павленко. 2008. С. 67).

⁸ Анисимов. 1989. С. 440.

⁹ См., например: Устрялов. 1859. С. 11. Правда, М.П. Погодин возражал, что Евдокия не могла влиять на сына в пользу старины и ненависти петровской деятельности, так как Пётр тогда еще особых новшеств не вводил, да и вряд ли она способна была понимать различие между стариной и новизной (*Погодин*. 1996. С. 419-420).

¹⁰ Соловьев. 1991. С. 105.

¹¹ Павленко. 2008. С. 14.

вод вполне согласуется с положениями психологической науки. По словам Э. Эриксона, детское супер-эго, которое бывает очень безжалостно, может развить глубокие регрессии и стойкие обиды при наблюдении несоответствия поведения родителей выдвигаемым ими самими нормам. Это порождает ненависть к таким родителям, подозрительность и способность изворачиваться¹². В данном случае проблема еще сложнее: Алексей в раннем детстве не мог, конечно, решить для себя, кто из родителей прав, однако сама нездоровая атмосфера, порожденная конфликтом между двумя самыми близкими для него людьми, не могла не деформировать психику ребенка, заставляя его пытаться соответствовать двум разным «правдам». Со временем царевич стал все более отдаляться от отца, делая выбор в пользу матери. Этому способствовали разные факторы. Попробуем разобраться, какие именно.

Наблюдатели отмечали в царевиче наличие вполне перспективных задатков¹³. Не стоит утверждать, что эти два человека – отец и сын – были абсолютно разными людьми. Скорее можно сказать, что Алексей – это Пётр со знаком «минус». Очень многие штрихи в образе жизни и поведении царевича напоминают облик его великого отца. Алексей рос без отцовского присмотра, при матери (до девяти лет), брошенной мужем, занятым играми, делами и любовницами, в атмосфере неприязни к деятельности Петра. Не лишенный природного ума, он, однако, не перенял отцовской неумной жадности действий. Несмотря на «правильность» воспитания, круг общения Алексея напоминает «антихристовы сборища» Петра – члены «компании» царевича имели далеко не православные прозвища «Ад», «Сатана», «Молох»¹⁴. Одним из главных пороков Алексея и его окружения являлось пьянство, свойственное и царю-реформатору. Отец помимо воли сына женил его, руководствуясь собственными соображениями – то же самое когда-то произошло и с Петром. Имея жену, принцессу Вольфенбюттельскую, Алексей завел любовницу – крепостную «девку» своего учителя Н. Вяземского Ефросинью. Несмотря на все своеобразие личности Петра при таком сопоставлении напрашивается вывод о некоей преемственности¹⁵. То есть, при всех проблемах во взаимоотношениях, отец оставался, скорей всего на бессознательном уровне, образцом для царевича (сходный набор качеств можно обнаружить и у

¹² Эриксон. 2000. С. 249.

¹³ См.: Бруин. Путешествия в Московию. С. 94; Шотландец в России... С. 223.

¹⁴ Буганов. 1989. С. 151.

¹⁵ Царевич сам указывал на сходство ситуации в последнем случае: «Ведайте себе, что я на ней (Ефросинье. – О.М.) женюсь: ведь-де и батюшка таковым же образом учинил» (Погодин. 1996. С. 451).

последующих российских монархов мужского пола – Петра II и Петра III, причем именно в «ухудшенной» версии царевича Алексея).

Нельзя утверждать и то, что Алексей Петрович испытывал однозначное отвращение ко всему западному – недаром он предпочел бежать от отца в Европу. Если оторваться от сугубо официальной «пропетровской» позиции, наиболее адекватной кажется характеристика царевича, данная С.М. Соловьевым, называвшим его «образованным, передовым русским человеком XVII века», то есть более похожим не на отца, но на деда Алексея Михайловича или дядю Фёдора Алексеевича. Таким образом, «отец опередил сына!»¹⁶.

И действительно, царевич Алексей просто был типичным представителем русской традиции (в ее «изводе» конца XVII в., испытавшем значительное западное влияние, опосредованное малороссами), а отсутствовавшие у него черты даются только отдельным личностям, потому и называемым великими. Конечно, стоит учитывать и явственные различия в темпераменте между с очевидностью холерико-сангвиническим типом Петра и холерико-меланхолическим¹⁷ Алексея.

Судя по всему, по крайней мере до 1713 г. отношения между отцом и сыном были вполне нормальными¹⁸. Все это время Алексей Петрович выполнял, вполне сносно, хотя и не без нареканий, ответственные поручения: руководство подготовкой Москвы к обороне от шведов, заготовка припасов для войска или набор рекрутов. Пётр, заставляя сына заниматься делами, фактически следовал принятым в традиционном обществе представлениям о формах воспитания детей, согласно которым их следовало помещать в пространство практической деятельности за пределами родного дома. Сочетание такого обучения с домашним или школьным «интеллектуальным» образованием отражало переходный характер эпохи в восприятии детства. Ф. Арьес отмечал, что в XVII в., параллельно со все более возраставшей ролью школ, обучение в людях «не стояло на месте и совершенствовалось»¹⁹, уйдет же со сцены эта практика к концу XVIII в. (по крайней мере для зажиточных слоев)²⁰.

¹⁶ Соловьев. 1991. С. 105.

¹⁷ Интересно, что А.П. Чехов характеризовал как холерико-меланхоликов «девятью девятью процентов славянофилов». По его язвительному замечанию, к такому типу относятся «непризнанный поэт, непризнанный *pater patriae* (Отец Отечества), непризнанный Юпитер и Демосфен... и т. д. Рогатый муж. Вообще всякий крикливый, но не сильный» (Чехов. Темпераменты (по последним выводам науки)).

¹⁸ На это указывает М.П. Погодин (Погодин. 1996. С. 426).

¹⁹ Арьес. 1999. С. 380.

²⁰ Там же. С. 404.

Царевич, судя по всему, тяготился этой нагрузкой, что понятно: царским отпрыскам ранее опыт, навязываемый Петром своему наследнику, не был свойственен. В Европе практический подход в обучении (в сочетании с «книжным») в раннее Новое время ценился и в монарших семьях, однако петровская версия носила отпечаток оригинальности. Имея привычку вникать во все сферы государственной и военной деятельности, снизу доверху, он и от сына требовал пока наработки не столько навыков монарха, сколько администратора. Примерно в том же возрасте, в котором Алексей Петрович исполнял обязанности интенданта, Людовик XIV, согласно замыслам Мазарини, ежедневно выслушивал доклады государственных секретарей первому министру, присутствовал на заседаниях Государственного совета, а в последние годы жизни кардинала даже председательствовал на них²¹. Но, хотя и в авторской трактовке, Пётр все же следовал магистральной тенденции того времени.

Д.И. Мамычева отмечает, что в это время «проективная ценность детства, осознание его не только в качестве настоящего, но, прежде всего, будущего, задает направленность социальных проектов, основной смысл которых сводится к стремлению целенаправленно формировать наиболее востребованные для общества качества и способности. Вышеуказанная позиция получает воплощение в моделях воспитания, где определяющей становится идея создания организованного, подконтрольного, топологически обособленного пространства. По всей видимости, этим отчасти прагматическим подходом объясняется отмечаемое исследователями стремление свести к минимуму возможность для детей быть предоставленным самим себе...»²². В случае царевича Алексея следует сделать лишь одну поправку: отец воспитывал в нем качества и способности, важные лично для него (хотя, как и в отношении самого себя, он воспринимал их как необходимые в первую очередь для служения Отечеству).

Подтверждением того, что царь видел Алексея своим преемником, является факт женитьбы последнего в 1711 г. на принцессе Вольфен-

²¹ *Блюш.* С. 157. Конечно, следует учитывать различие ситуаций: Алексей выросл при правящем отце, тогда как Людовик сам был монархом.

²² *Мамычева.* 2013. С. 94. Здесь отразились общие процессы трансформации новоевропейского мировоззрения – утверждение представлений о господстве разума над природой. Особая роль в этой доктрине отводилась монархам, призванным упорядочивать политическое, социальное, экономическое и культурное пространство (*Раев.* 1990. С. 38-40). В случае Петра такие установки должны были привести, и привели, к взрывному эффекту, будучи помножены на гиперактивный темперамент, а также на и без того чрезвычайную роль монарха в российском обществе. Стремясь утвердиться в качестве Учителя своего народа (см.: *Мухин.* 2012), царь-реформатор не мог не оказывать жесткое регулятивное давление и на собственного сына.

бюттельской, родственнице германского императора²³. Гневное письмо, в котором Пётр угрожает сыну лишением прав на престол и перечисляет все его проступки²⁴, было передано царевичу вскоре после рождения у него сына, Петра Алексеевича и за день до появления на свет цесаревича Петра Петровича (т.е. осенью 1715 г.), причем М.П. Погодин считает, что письмо было написано задним числом и на самом деле являлась реакцией на появление царского внука²⁵.

Создается впечатление (и на это обращали внимание ряд исследователей), что отцовские чувства Петра подвергались прессингу со стороны лиц, заинтересованных в устранении царевича Алексея от наследования престола²⁶. Подозрение падает на царицу Екатерину и А.Д. Меншикова²⁷. Впервые об этом заявил во время следствия сам Алексей Петрович, передававший свои слова, сказанные австрийскому канцлеру Шёнборну: «Отец был добр ко мне; когда у меня пошли дети и жена умерла, то все пошло дурно, особенно когда явилась новая царица и родила сына; она с князем Меншиковым постоянно раздражала отца против меня, оба люди злые, безбожные, бессовестные»²⁸.

Напротив, С.М. Соловьев предполагал, что наблюдая в сыне «отвращение к отцовскому делу», Пётр обязательно должен был прийти к мысли о необходимости устранения Алексея как главной помехи сохранения собственных достижений. «Другим людям, которым выгодно было отстранение Алексея, было не нужно и опасно пытаться укреплять эту мысль, ибо укрепление шло необходимо, само собою, надобно было только оставить дело его естественному течению; вмешательством можно было только повредить себе, ибо Пётр по своей проницательности мог сейчас увидеть, что другие делают тут свое дело»²⁹. Историк подчеркивал, что «цель Екатерины Алексеевны состояла в том, чтоб заискать все-

²³ Погодин. 1996. С. 426.

²⁴ См.: Соловьев. 1991. С. 136-137.

²⁵ Погодин. 1996. С. 432.

²⁶ Конечно, это не значит, что причин недовольства у самого Петра не было. В «Докладе о России» датского посланника Г. Грунда, завершеном в 1710 г., говорится, что «в России распространено мнение, согласно которому царевич никогда не полюбит смелых замыслов государя отца и вызванных ими перемен, а всем приказаниям царя следует, согласно правилам русских, лишь из сыновнего послушания, по природе же своей любя единенную жизнь по образу деда и прародителей, которые никогда сами не командовали своими армиями и общались преимущественно с духовенством» (Грунд. Доклад о России. С. 131-132).

²⁷ Этой версии придерживался, в частности, М.П. Погодин (1996. С. 431).

²⁸ Цит. по: Соловьев. 1991. С. 149.

²⁹ Соловьев. 1991. С. 128.

общее расположение, стараясь услуживать всем, быть ко всем “доброю”; добра была она и к пасынку, которому не могла выставить соперника в собственном сыне»³⁰. С.М. Соловьев считал, что «ссора и без них (Екатерины и Меншикова. – *О.М.*) стала необходимостью по возвращении Алексея из-за границы (в 1712 г. – *О.М.*), при первом сопоставлении отца с сыном в правительственной деятельности»³¹. То, что царица была добра к пасынку, как будто подтверждал сам царевич в разговоре с Б.И. Куракиным. На вопрос князя: «Добра к тебе мачеха?», Алексей отвечал: «Добра». Однако титулованный дипломат тут же заметил: «Покамест у ней сына нет, то к тебе добра; а как у ней сын будет, не такова будет»³².

Но помимо того, что Екатерина вполне могла занимать двуличную позицию в таком щекотливом деле, как обеспечение будущего не только российского престола, но и ее собственных детей, в правительственной деятельности, по выражению С.М. Соловьева, поводы для сопоставления имелись и ранее, как было сказано выше. Более того, историк отчасти противоречил сам себе, когда отмечал, что «царевич мог считать своими друзьями почти всех родовитых людей, ибо они смотрели на него как на человека, *при котором не будет Меншикова* (выделено мной. – *О.М.*) с товарищами»³³. Соответственно, у светлейшего, который официально числился воспитателем царевича, не могло не быть предубеждения против своего воспитанника. Современный исследователь В.Ж. Нурғалиев, опираясь на психологический принцип деятельностного опосредования, предлагает, изучая отношения между Петром и Алексеем, обращать внимание именно на то, кто был заинтересован в их использовании³⁴. Если предположить, что Меншиков имел следующий мотив деятельности (под которой в данном случае понимается интрига) – достижение и удержание любой ценой высокого положения, которое давало возможность обогащения и заставляло окружающих забывать то прошлое, которого он стыдился, то главной целью на этом пути становилось устранение важнейшей помехи – Алексея³⁵. Для достижения этой цели «светлейшему» следовало укрепить доверие Петра к себе и не допустить любой ценой к престолу Алексея. Такие цели определили две стратегии деятельности (интриг): воздействие на Петра

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 126.

³³ Там же.

³⁴ *Нурғалиев*. 1990. С. 145.

³⁵ Пётр как-то сказал Меншикову: «Данилович! Покуда я жив, потоль и ты, а без меня не дадут тебе много жить» (Там же. С. 147).

и на Алексея. Воздействие на Петра оказывалось посредством внушения ему мысли о необходимости отрешения Алексея от наследства (здесь его поддерживала с теми же целями Екатерина)³⁶. Что же касается воздействия на царевича, то сам Алексей считал, что Меншиков нарочно спаивал его. Судя по тому, что наследника бесшумно окружали малопривлекательные и далекие от новационных процессов люди (наподобие его наставника Никифора Вяземского), можно предположить, что подозрения против князя имеют основания.

Так или иначе, но вполне в соответствии с версией М.П. Погодина и С.М. Соловьева, мы можем проследить формирование отчетливой идеи о несоответствии Алексея качествам наследника в голове Петра около 1713 г., что выразилось в подготовке и введении в 1714 г. указа о единонаследии³⁷. То, что этот указ связан с предполагаемой судьбой царевича, было очевидно уже современникам³⁸.

Датский посланник Вестфален незадолго до бегства царевича за границу, зафиксировал весьма характерные высказывания Петра по вопросу престолонаследия: «...у царя Давида было много сыновей, но так как он не нашел в старших тех качеств, которыми необходимо было обладать царям Израиля, то подчинил их всех самому младшему, которого избрал себе преемником, и Бог одобрил его выбор, хотя должен был бы обвинить его в нарушении права первородства, которое издавна высоко чтили евреи. Если гангрена начнется в этом пальце (тут царь заставил меня [т.е. Вестфалена] прикоснуться к кончику его большого пальца), то не буду ли я вынужден, несмотря на то что это часть моего тела, велеть его отрезать, а не сделав этого, не стану ли собственным убийцею?»³⁹.

Зная, чем закончилось дело несчастного царевича, мы вполне можем признать эту выразительную речь Петра программной. Она позволяет нам понять психологическую подоплеку этого конфликта. Поставленный

³⁶ Там же.

³⁷ П. Пекарский отмечает, что в том же 1714 г. Гюйссен по заданию Петра составил справку о праве первородства в европейских странах (*Пекарский*. 1862. С. 101). При этом следует все же учитывать, что вряд ли это был резкий поворот – недовольство должно было накапливаться исподволь, может быть, годами. Подтверждение этому можно найти у того же П. Пекарского: впервые Пётр заинтересовался проблемой престолонаследия и майората еще в 1699 г., как следует из письма к нему Я.В. Брюса: «Милостивейший государь! По твоему государскому писанию к Адаму Вейду, послал я к тебе, государь, краткое описание законов (или правил) шкоцких, английских и французских о наследниках (или первых сынах)» (Там же. С. 292). Незадолго до этого царь отправил в монастырь Евдокию Фёдоровну.

³⁸ См., напр., письмо царского посланника от 1715 г. (*Погодин*. 1996. С. 434).

³⁹ Цит. по: *Бушкович*. 2008. С. 354.

отцом в ситуацию жесткого и, можно сказать, невозможного выбора⁴⁰, Алексей при помощи нескольких сочувствующих лиц бежал за границу, к германскому императору. Казалось бы, речь идет о решительном действии, за которым должны были последовать другие. Однако дальнейшее его поведение свидетельствует о том, что это был скорее способ уйти от решения, своего рода запоздалый (царевичу было двадцать пять лет) мораторий (в терминологии Э. Эриксона⁴¹). Слезно умоляя императора об убежище, Алексей вскоре оказался в отдаленном тирольском замке Эренберг вместе со своей возлюбленной Ефросиньей, где жил на полном обеспечении, однако лишенный свободы передвижения и общения, как своего рода почетный пленник. Показания царевича во время следствия достаточно противоречивы. Сквозным мотивом кажется его стремление оказаться в деревне вместе с Ефросиньей (от престола Алексей согласился отречься в пользу новорожденного брата Петра Петровича еще до бегства), однако с надеждой на изменение ситуации в будущем, после отцовской смерти. Самые страшные признания или были сделаны самим царевичем под пыткой, или прозвучали из уст его любовницы, так что есть подозрение, что она то ли вступила в соглашение со следователями, то ли еще ранее была в сговоре с теми, кто хотел скомпрометировать Алексея в глазах отца⁴², так что доверять им следует с осторожностью.

Правда, П. Бушкович отмечает, что утверждения Алексея о его пассивном ожидании естественной смерти царя «противоречило его волнение при известии от Плейера (императорского посланника. – *О.М.*), что в русском корпусе в Мекленбурге ожидается бунт»⁴³. Бушко-

⁴⁰ Во втором роковом письме сыну Пётр предлагал: «или отмени свой нрав и нелцемерно удостой себя наследником, или будь монах» (*Соловьев*. 1991. С. 140).

⁴¹ Мораторий – психологическая стадия между детством и взрослостью, «между моралью, уже усвоенной, и этикой, которую еще предстоит развить» (*Эриксон*. 2000. С. 251). Речь идет о психологическом защитном механизме, позволяющем отсрочить вступление во взрослость с ее все возрастающей ответственностью.

⁴² Такую версию впервые высказал французский консул в Петербурге Виллардо в его донесении, процитированном Н.И. Павленко. Историк критически отнесся к этому сообщению, не подтверждаемому источниками, хотя и признает, что Ефросинья сыграла свою роль в возвращении царевича на родину (*Павленко*. 1994. С. 397-398). Е.В. Анисимов, напротив, считает возможным, что именно Ефросинья уговорила Алексея вернуться, работая на П.А. Толстого, который занимался розысками беглеца, так как она единственная в этом деле избежала пыток и вообще вполне успешно выкрутилась из сложных обстоятельств (*Анисимов*. 1989. С. 447). Интересно, что Меншиков, зная о планируемом царевичем отъезде за рубеж, якобы к отцу, находившемуся в это время в Дании, посоветовал ему взять Ефросинью с собой (так, по крайней мере, передавал сам Алексей Кикину). См.: *Соловьев*. 1991. С. 146).

⁴³ *Бушкович*. 2008. С. 417.

вич пишет: «очевидно, что если бы в 1717 г. в русской армии в Мекленбурге действительно вспыхнул бунт, а Алексей к нему примкнул бы или его возглавил, то он выступил бы против своего отца, который был еще жив. Далее, Пётр не знал точно, о чем именно Алексей вел переговоры с имперским двором или со Швецией, но ни в одном случае не шла речь о том, чтобы дожидаться смерти русского царя. Планы, стоявшие за этими разговорами, подразумевали, что армия, следующая или из владений Габсбургов, или из Швеции, не встретит большого сопротивления ни со стороны корпуса Боура в Польше, ни со стороны войск князя Михаила Голицына в Финляндии». И делает вывод: «Свидетельства по делу показывают, что его [Петра] сын надеялся на скорое восстание, которое хотел использовать в своих интересах, если даже не возглавить, и что такое восстание было бы направлено против самого царя, а не против Меншикова как регента после смерти Петра»⁴⁴. Представляется, в этой версии слишком много «если». Прямого противоречия с показаниями Алексея здесь нет: в случае бунта он вполне мог бы, оставаясь знаменем движения, ожидать его окончания как зритель⁴⁵.

Итак, рассматривая конфликт Петра и Алексея, следует помнить, что царевич был сыном от первой, нелюбимой жены царя-реформатора, которого он, в силу специфики монарших семей, воспринимал, скорее, как политическую фигуру, нежели как свое дитя. Базовое недоверие (термин Э. Эриксона) порождало в Петре повышенный уровень подозрительности и бессознательного страха за свой властный статус, что было не редкостью в семьях правителей. Он вполне терпимо относился к единственному сыну до того, как прочно связал себя с Екатериной. Вскоре после этого и начинается охлаждение, что наталкивает на мысль о влиянии Меншикова и новой царицы, провоцировавшем и без того имевшую место тревогу царя за будущность своих преобразований. Рождение сына Екатериной ставило Петра перед выбором: он мог, как Алексей Михайлович (или Людовик XIV) спокойно относиться к прибавлению отпрысков от разных женщин, либо попытаться взять процесс под свой жесткий

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Австрийские власти, наблюдавшие царевича во время пребывания в пределах империи, отмечали его слабость и непостоянство: не хотел жениться на кронпринцессе – женился; объявлял решительно, что не поверит в отцово прощение – поверил, что не вернется, пока жив, в Россию – вернулся (*Погодин*. 1996. С. 451). Когда Алексея везли домой, в Россию, австрийский вице-канцлер Шёнборн писал императору: «...В царских владениях мы могли бы кое-чего добиться, то есть поддержать какие-нибудь восстания, но должен информировать Ваше императорское величество о том, что этот царевич не имеет ни достаточной отваги, ни ума, чтобы из оных [восстаний] извлечь реальную надежду или пользу» (Цит. по: *Бушкович*. 2008. С. 369).

контроль. Его разговор с Вестфаленом наглядно продемонстрировал предпочтения Царя-Демиурга: он не мог потерпеть, чтобы в его планы вмешивалась «природа», что вполне вписывалось в мировоззрение Петра и наступавшего века Просвещения. О том, что все события не были до конца просчитаны царем, испытывавшим противоречивые сомнения в ходе этого конфликта, свидетельствуют тексты его писем сыну в 1715 г. потребовав в первом письме «перевоспитания» («или неллицемерно удостоить себя наследником...») или отречения от престола, и получив формальное согласие Алексея на последнее, Пётр далее снова призывает царевича подумать как следует, как будто не ожидал именно такого ответа, или, что вернее, подозревал в неискренности («что же приносишь клятву, тому верить невозможно для вышеписанного жестокосердия. К тому ж и Давидово слово: всяк человек ложь»⁴⁶; тем более что поводы для сомнения были – А. Кикин, один из сторонников царевича, советуя ему согласиться на постриг, заявлял: «Ведь клубук не прибит к голове гвоздем, можно его и снять»⁴⁷). Поведение Петра предстает нелогичным: если поставить себя на место вопрошаемого, то весьма сложно понять, как же ответить «правильно»? С.М. Соловьев прямо пишет, что выбор Алексея в пользу монашества царя не устраивал⁴⁸. Видимо, Пётр ждал, что сын «изменит нрав», однако представить себе такую возможность во взрослом, сформировавшемся человеке весьма сложно. Или, что более вероятно, отец провоцировал наследника (скорей всего, бессознательно) на действия, которые бы позволили легитимизировать в глазах подданных его отстранение от наследования престола.

Своим бегством Алексей явно помог отцу принять решение. Далее царь поступал с сыном как с предателем интересов Отечества. Здесь мы видим принципиальную разницу между Иваном Грозным и Петром. Если первый оказался в прямом смысле сыноубийцей, хотя, согласно современному уголовному праву, его преступление классифицировалось бы как «непредумышленное», то второй подверг сына весьма представительному суду за государственное преступление, которое расценивалось бы таковым для любого другого его подданного, продемонстрировав тем самым высшую форму беспристрастия – в рамках создаваемого им образа Отца Отечества Пётр просто не мог поступить иначе. Показательно, что народ скорее понял бы его в случае прощения беглеца, и никак не мог простить ему гибели царевича, что лишний раз доказывает, что Пётр

⁴⁶ Устрялов. 1859. С. 157.

⁴⁷ Устрялов. 1859. С. 157. Конечно, Пётр об этих словах узнал только на следствии, но наверняка и сам мог догадываться о такой возможности.

⁴⁸ Соловьев. 1991. С. 140.

создавался с высшим идеалом правителя, а не с мнением окружающих⁴⁹. Однако нельзя сбрасывать со счетов и бессознательные мотивы – стремление обезопасить себя от соперника, которые и были рационализированы в рамках концепции «служения Отечеству»⁵⁰.

О том, что наследник вполне мог восприниматься правящим монархом как соперник или как живое напоминание о преходящем характере власти и могущества, свидетельствует пример английского короля Георга I, современника Петра, который ненавидел своего сына: «Стоило появиться принцу Уэльскому, как его лицо багровело, а глаза бешено сверкали. Король не упускал случая задеть или унижить наследника резкими оскорбительными замечаниями. Такое отношение вызывало у принца ответные приступы ярости, но ему оставалось только ждать»⁵¹. Георг даже отнял у принца детей, а ему самому запретил являться ко двору (точно так же поступила российская императрица Екатерина II со своим сыном Павлом Петровичем, удалив его в загородные резиденции и руководя воспитанием Александра Павловича)⁵².

⁴⁹ Подобное отношение подданных весьма характерно, и лишний раз свидетельствует о глубоком укоренении авторитарных установок в российской ментальности. Недаром одним из подтверждений чудовищных наклонностей И.В. Сталина до сих пор считается отказ вождя обменять своего сына, попавшего в плен к немцам, на нацистского генерала, хотя этот поступок скорее должен был свидетельствовать не о жестокости, но о принципиальности руководителя государства (конечно, это не перечеркивает иных, с очевидностью страшных, черт диктатора). При этом показательно и то, что в народе активно распространялся слух о том, что Пётр либо самостоятельно убил сына, либо приказал сделать это своим приближенным. Интересно, как бы реагировали подданные, если бы казнь, к которой был приговорен царевич, действительно состоялась? Показательно, что иностранные наблюдатели, напротив, положительно отзывались о придании делу царевича официального характера. Так, голландский резидент де Би писал: «его величество следует в этом печальном деле весьма похвальной методе, оставляя, как монарх, исследовать и обсудить все действия публично, на основании законов и правосудия, дабы весь мир узнал страшные и преступные замыслы его сына и необходимость, которая заставила его величество так действовать» (Цит. по: *Павленко*. 2008. С. 218).

⁵⁰ Из письма Петра сыну: «Я за свое отечество и за людей жизни не жалел и не жалею, то как могу тебя негодного пожалеть» (Цит. по: *Соловьев*. 1990. С. 571).

⁵¹ *Масси*. 1996. С. 221-222.

⁵² Не стоит забывать и об одной из версий причин конфликта Ивана Грозного со своим старшим сыном – проявлении последним политической активности, подержанной частью элиты. Царевич якобы требовал дать ему войско для спасения Пскова от Стефана Батория. Б.Н. Флоря отмечает, что в передаваемых современниками вариантах этой истории сквозит общий мотив – осуждение Иваном Ивановичем трусости отца, отказывавшегося встать во главе воинства (но, возможно, проблема заключалась еще и в том, что, помимо желания самого наследника, об этом просили, согласно Павлу Одерборну, бояре и дворяне, что свидетельствовало о не-

Весьма серьезное давление со стороны отцов на своих сыновей в монарших семьях, по-видимому, проблема довольно распространенная (как, впрочем, и в среде рядовых представителей традиционных обществ). При этом европейская ситуация значительно отличалась от российской. Специфика феодальных отношений в странах Западной Европы заключалась в том, что сыновья королей с весьма раннего возраста становились не просто «приживалами» при родителях, но в той или иной степени самостоятельными владельцами, причем в таковом качестве они подчинялись королю не как «старшему в семье», но как вассалы сюзерену со всеми вытекающими нормами и взаимными обязательствами. Соответственно, «патриархальная» власть отца как главы рода была значительно меньшей⁵³. Такой стиль отношений стал одним из «кирпичиков» единой нефиксированной установки (в терминологии школы Д. Узнадзе), характеризующей большей толерантностью и подавлением агрессии, работавшей и после завершения процесса централизации (недаром все королевские сыновья в европейских государствах и в Новое время носили высокие титулы, как правило герцогов и графов тех или иных земель).

Московский период истории России, когда закладываются основы ее имперского пути, не знал политической или хотя бы экономической самостоятельности царских отпрысков, как, впрочем, и любых, самых знатных представителей общества, не сформировавшего в законченной форме аристократического этоса. Уже в середине XVI в., с исчезновением уделов, царские сыновья превращаются «просто» в царевичей без какой-либо иной титулатуры. Г.К. Котошихин пишет, что царским сыновьям, не являвшимся наследниками, могли даваться владения для «прокормления», при этом подчеркивая, что «царств Казанского и Астраханского и Сибирского, и государств Владимирского, Новгородского и Псковского давати опасаются, понеже чрез великую силу достал пер-

которой популярности царевича в среде элиты) (Флоря. 2003. С. 373). Интересно, что И.А. Толчев, подвергающий сомнению факт убийства Иваном IV своего сына, считает, что царь должен был увидеть «добрый для себя знак» в популярности своего сына у подданных, и «было бы крайне удивительным, если б Иван IV видел в собственном сыне-наследнике конкурента за престол» (Толчев. 2013. С. 90). Безусловно, такое мнение противоречит историческим реалиям самых разных стран и истории отношений Петра I с царевичем Алексеем. По такой логике Пётр также должен был радоваться наличию большого числа сторонников у своего сына среди элиты, а вовсе не устраивать по этому поводу следствие.

⁵³ Характерный пример можно увидеть уже в XII в. в «Анжуйской империи», дающей нам представление о двух традициях одновременно – французской и английской. Речь идет о более чем сложных отношениях Генриха II Английского с его сыном Ричардом Львиное Сердце (См.: *Добиаи-Рождественская*. 1991. С. 26-27).

вый царь под свое владение и привел в совокупление; а как бы то дано было, и тогда б они брату своему царю ни в чем не послушны были, а дети б их от них разлучились и стали б жить своим государством, а не послушенством, или б похотели быть у которого иного потентата в подданстве, и от того б приходило до великой смуты»⁵⁴.

Характерно и то, что сходные конфликты различными монархами решались по-разному. Если Пётр демонстрирует более «цивилизованную» форму решения проблемы «отцов и детей» по сравнению с Иваном Грозным, то в Европе мы можем увидеть еще более «цивилизованный» вариант. История, сходная с трагедией Петра и царевича Алексея, произошла в семье прусского короля Фридриха Вильгельма I. Вследствие специфического заболевания – порфирии – он мог совершенно внезапно вспылить на детей, и его супруге приходилось прятать их в своих комнатах. Особенно доставалось наследнику, Фридриху (будущему королю Фридриху II Великому). Но дело не только в заболевании. Сын не устраивал отца по своим наклонностям: больше, чем война, его интересовали музыка, философия, танцы. Монарх, видимо, обладавший способностью к самокритике, однажды сказал сыну: «Если бы мой отец обращался со мной так же, как я с тобой, я бы этого не потерпел – или убил бы себя, или сбежал»⁵⁵. В 1730 г., восемнадцати лет от роду, Фридрих действительно бежал, как и царевич Алексей, за границу – в Англию. Его быстро изловили, и король обошелся с сыном и его товарищем, генеральским сыном Гансом-Германом фон Катте, как с дезертирами: их бросили в тюрьму, и приговорили к казни. Однако ситуация оказалась совсем иной, нежели в России: суд отказался судить кронпринца, равно как и Военный совет. Однажды утром принца подвели к окну, чтобы он увидел, как его друга фон Катте вывели в тюремный двор и обезглавили ударом сабли⁵⁶. Сам наследник отделался лишь ссылкой⁵⁷. Немалую роль в спасении принца сыграло и внешнее дипломатическое давление со стороны разных

⁵⁴ *Котошихин*. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 26.

⁵⁵ Цит. по: *Масси*. 1996. С. 446.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Так как эта история произошла уже после смерти Петра, единственный аналог, который вспоминали европейские наблюдатели в связи с судьбой Алексея Петровича – Дон Карлос, сын испанского короля Филиппа II, который, будучи во враждебных отношениях с отцом, намеревался бежать в Нидерланды, но был схвачен, посажен в тюрьму и, не дождавшись судебного процесса, запланированного Филиппом, умер при не совсем ясных обстоятельствах, точно так же как и русский «принц» (Ср. в письме де Би: «От времени заговора Дон Карлоса, сына Филиппа II, короля Испанского, христианский мир не видел ничего подобного этому событию...») (Цит. по: *Павленко*. 2008. С. 218)).

европейских дворов. Так что этот пример особенно показательно оттеняет повышенную авторитарность российского самодержавия, имевшего возможность как принудить собственную аристократию выполнить свою, пусть самую суровую волю⁵⁸, так и пренебречь международным осуждением (ведь царевич Алексей благодаря браку с принцессой Вольфенбюттельской стал родственником германского императора, так что венский двор принимал участие в его судьбе)⁵⁹.

Заметим и такой интересный момент: в отличие от прусского «коллеги», который, хотя и страдал тяжелым недугом, но осознавал жесткость своей позиции по отношению к сыну, Пётр был склонен бессознательно маскировать ее государственными интересами, что говорит о более глубоко укорененных психологических проблемах российского монарха. Хотя и в случае Фридриха Вильгельма этих проблем было предостаточно – несмотря на процитированную проговорку о собственной жестокости, он все же был готов отправить сына на эшафот, но в том то и дело, что прусский король мог подавить свою агрессию под влиянием внешних факторов, Пётр же не обращал на них внимания, так как имел возможность не обращать – в силу специфики отечественного социокультурного ландшафта.

Характерно, что в российском обществе с его закрытостью и авторитарностью выбор между кровнородственными и общественными/государственными интересами вставал не так уж редко, причем не только перед монархами, но и перед более простыми людьми. Относительно незадолго до так потрясшего современников и потомков дела царевича Алексея, в правление Алексея Михайловича похожая история

⁵⁸ Под актом, осуждавшим на казнь царевича Алексея, поставили подписи все высшие лица тогдашней России, включая и тех, кто ему сочувствовал – и это при том, что формально Пётр своей воли не изъявлял, оставив решение судьям, которым предложил не обращать внимания на статус обвиняемого.

⁵⁹ При этом Пётр все же предпринимал усилия для оправдания своего поступка в глазах европейских дворов. Так, барон фон Лоос, польский посланник при русском дворе, в своем донесении королю Августу из Москвы от 25 февраля 1718 г. передавал слова П.П. Шафирова, сказанные им при вручении дипломату манифеста о лишении Алексея престола, «что одной из важных причин, побудивших Царя решиться на это, между прочим, была та мысль, что после смерти Царя союзникам и друзьям его пришлось бы очень плохо от такого преемника, как Царевич, который не замедлил бы бросить их тотчас по вступлении на престол; в виду всех этих причин Царь льстит себя надеждою, что Ваше Величество одобрите меру, принятую Царем и будете способствовать к поддержанию на престоле России нового преемника, если Богу будет угодно отозвать его, т.е. Царя» (Дипломатические материалы сборного содержания... 1887. С. 72). Разница в том, что Фридрих Вильгельм I вынужден был внять нашему извне, Пётр же стремился навязать сторонним наблюдателям свою версию происходящего.

случилась в семье его знаменитого «канцлера» Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нашёкина. В 1660 г., в разгар русско-польской войны, его сын Воин Афанасьевич бежал к полякам, прихватив с собой дипломатические документы и казну. Как и в случае с царевичем Алексеем, это происшествие выходило за рамки семейной трагедии: Воин был доверенным лицом при своем отце, да и сам Алексей Михайлович принимал его у себя «тайно <...> не по одно время», и потому беглец знал многие государственные секреты. Царь поставил безутешного отца перед тяжелым выбором: «промышлять» о возвращении сына, используя денежные посулы (до 10 тысяч рублей), если же из этого ничего не выйдет, то извести изменника (причем последняя мера могла быть пущена в ход лишь с ведома отца). И в этой ситуации Афанасий Лаврентьевич дал свое согласие на убийство сына, отказавшись от денег: «О сыне печали у меня нет и его не жаль, а жаль дела»⁶⁰. Правда, все окончилось благополучно – получив послание царя о прощении, Воин вернулся в Россию в 1665 г., но поведение его отца весьма показательно. Точно также важен и стиль поведения Тишайшего, легко забывшего о мести и наказании. Пётр крайне болезненно относился к предательству, что проявлялось в самых разных обстоятельствах его жизни.

Возникает вопрос: чего больше в отношениях царя-реформатора и его наследника – типичного или особенного? Сохранилось немало свидетельств очевидцев, демонстрирующих большую симпатию Петра к маленьким детям на разных этапах его жизни. Так, например, будучи в Дрездене в 1698 г., на обратном пути в Москву, на одном из пиров, устроенных в его честь Анной-Софией, матерью Августа II, царь «был очень весел, ласкал, целовал маленького кур-принца, будущего короля Августа III...»⁶¹. Также Пётр вел себя и с восьмилетним французским королем Людовиком XV в 1717 г. Согласно «Журналу путешествия во Францию», который вел кто-то из приближенных царя, тот, когда к нему приехал король, встретив его у кареты, обнял Людовика с нежностью и взял за руку. При разговоре «выражения его величества царя были столь трогательны, что все едва не прослезилось». Провожая маленького короля, Пётр опять взял его за руку и поцеловал⁶².

Но наиболее убедительно, конечно, отношение Петра к собственным детям, рожденным ему «Катеринушкой», которых он, судя по всему, искренне любил, причем как сыновей, которые, правда, рано умирали, так

⁶⁰ Андреев. 2006. С. 425.

⁶¹ Богословский. 2007. С. 501.

⁶² Журнал путешествия во Францию... 1822. С. 160-162.

и дочерей. Можно привести характерное письмо Петра к Анне и Елизавете от 17 мая 1722 г., отправленное из Коломны в Москву: «Аннушка и Лизенька, здравствуйте. Мы с матерью слава Богу здоровы и сего моменту идем в путь свой (речь идет о Персидском походе. – *О.М.*), дай Боже вас паки в радости видеть. А когда будете в Питербурхе, тогда большую сестру Натальюшку (младшая дочь Петра и Екатерины, умершая почти сразу после отца в возрасте шести лет. – *О.М.*) и внучат поцелуйте за нас»⁶³. И таких писем сохранилось много⁶⁴. Дети все время находились в центре внимания как тех лиц, для кого это была основная обязанность⁶⁵, так и государственных служащих весьма высокого ранга⁶⁶.

Пётр обожал своего второго наследника – Петра Петровича, которых родители ласково называли «Шишечкой». В переписке царские при-

⁶³ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Оп. 1. Кн. 15. Л. 75 об.

⁶⁴ Интересно, что в этой переписке, как видно из приведенного примера, часто присутствуют вполне ласковые слова в отношении внуков – сына и дочери «непотребного» Алексея. Следующее письмо от 17 мая 1722 г., адресованное Зейкеру, семейному учителю Нарышкиных, показывает, что Пётр проявлял заботу о Петре Алексеевиче (будущем императоре Петре II): «Понеже время приспело учить внука нашего, того ради ведав ваше искусство в таком деле и добрую вашу совесть, определяем вас к тому, которое дело начни з Богом сей осени, а именно в октябре или в первых ноября, конечно» (РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Оп. 1. Кн. 15. Л. 76 об.).

⁶⁵ Ср. письмо «мамы» Авдотьи Екатерине из Санкт-Петербурга от 8 октября 1722 г., в котором она поздравляет государыню с приближающимся днем тезоименитства и сообщает, что «их высочества дражайшие ваши дети милостивейшие мои Государыни Цесаревны обретаются помощью Божию в добром здравии...» (Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II, оп. 4, ч 1, кн. 59. Л. 1177-1177 об.).

⁶⁶ Характерно, что сановники сообщали о здоровье и благополучии августейших детей не только их родителям, но и друг другу. Так, столичный генерал-полицмейстер Девиер писал Меншикову 9 августа 1722 г. о прогулке одной из цесаревен и царских внуков: «Их императорское высочество и великий князь с сестрицею каким образом с неделю гуляли в Катерингофе и в прочих сих местах. Первое следовали водою в Катерингоф июля 31 числа и там начевав, приехали в Питергоф и были трои сутки и кашкадов и фантанов смотрели которья тако действовали изрядно что против прежняго гораздо лутче. Потом оттуда сухим путем шествовали в Ранибом (Ораниенбаум. – *О.М.*) и там начевав ночь, были в Котлин острове и в гавани гуляли и фамилию Ивана Михайловича (так в петровском окружении шутиливо называли флот. – *О.М.*) видели и про здоровье ся пили. И потом поехали в Стрелину мызу и там начевали и наутрее поехали в Катерингоф и начевали и на другой день в Питербурх прибыли благополучно...» (РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II, оп. 4, ч. 1, кн. 60. Л. 582-582 об.). Чуть ранее, 6 августа о том же писал светлейшей княгине Дарье Михайловне Меншиковой и ее сестре Варваре их брат Иван Арсеньев (См.: РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II, оп. 4, ч. 1, кн. 60. Л. 588-588 об.). В данном случае обращения к названным адресатам обусловлено тем, что Меншикову как генерал-губернатору Санкт-Петербурга поручалась забота о царских детях.

ближенные, явно чтобы угодить августейшему родителю, часто называли цесаревича «хозяином Петербурга»⁶⁷. Однако ранняя смерть маленького наследника, не дожившего и до пяти лет, не дает возможности сравнить отношение отца к нему и к Алексею (напомню, нет свидетельств плохого отношения царя к последнему в детстве). Если бы «Шишечка» дорос до возраста потенциального соперничества, все могло измениться⁶⁸.

Таким образом, отношения Петра к детям, сложные и многогранные, отражали, во-первых, противоречивость и комбинаторность его собственной идентичности, выстроенной из элементов различных традиций (отечественных и западных, элитарных и «демократических»), к тому же не перестававшей меняться и «достраиваться» на протяжении всей его жизни, а во-вторых, переходный характер времени, одной из черт которого являлось изменение отношения к детям, сопровождавшееся отходом от стандартов пренебрежения к ним и формированием «ребенкоцентрированной» семьи⁶⁹. Пётр застал эти процессы в самом разгаре, когда средневековые формы семьи и детства еще не ушли в прошлое, но все активнее в высшие слои общества проникают представления об особом статусе детства, связанные с идеями заботы о физическом и психическом здоровье подрастающего поколения.

Конечно, помимо социокультурных черт эпохи на семейную жизнь Петра влияли и субъективные обстоятельства (безусловно, те и другие

⁶⁷ Ср., например, письмо царю Девиера от 11 июля 1718 г.: «Всемиловнейший Царь Государь. Всеподданнейше доношу вашему величеству Меншой хазиян санктпитебургской Государь царевич слава Богу в добром здоровье, и во всем есть лехче перед прежним, к тому же непрестанно упоминает и изволит всегда говорить папа и мама ау нету, для того что ваше величество давно невидит» (РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II, оп. 3, ч. 2. Кн. 36. Л. 18). А вот письмо А.Д. Меншикова от 15 января 1718 г.: «...Их высочества вашего величества дражайшие дети как Государь царевич, мой премилостивейший Государь хозяин, так и царевны Государыни во всяком добром и здравом пребывают состоянии...» (Там же. Л. 671). Характерно, что детям Петра от Екатерины был присвоено, задолго до принятия им самим титула императора, именование «цесаревич» и «цесаревна», в отличие от царевича Алексея. Детей последнего именовали «по-старинке» «великий князь» и «великая княжна».

⁶⁸ Еще М.П. Погодин, подчеркивая иррациональность мотивов поведения Петра в деле царевича Алексея, отмечал, что и Пётр Петрович, и Пётр Алексеевич (сын царевича Алексея) могли стать врагами дела преобразований (Погодин. 1996. С. 454).

⁶⁹ Ф. Арьес указывал на наличие в XVII в. двух позиций: сторонников «сюсюкания» и моралистов, выступавших за более строгое воспитание (Арьес. 1999. С. 138-140). В XVIII в. их взгляды синтезируются и породят современную версию отношения к детям, сочетающую представления о необходимости нежности, внимания и воспитания, направленного на формирование «человека порядочного и здравомыслящего» (Там же. С. 141-142).

тно связаны). Он был привязан к детям, которых родила ему Екатерина. Однако взаимоотношения его со старшим сыном и наследником царевичем Алексеем оказались трагическими. И дело не только в том, что тот был сыном от первой, нелюбимой жены Евдокии. Важным фактором разлада стала сама обстановка быстрых и радикальных перемен, осуществлявшихся царем-реформатором, к которой оказался неготовым его наследник. Кроме того, есть, видимо, некоторая закономерность в жестких отношениях монархов со своими сыновьями, которых они зачастую воспринимали как соперников во властном поле. Однако отцеубийцами в Новое время зарекомендовали себя только российские цари – Иван Грозный и Пётр. Помимо психологической нестандартности обоих государей это объясняется авторитарным характером властных отношений. Дело в том, что в Европе принцы являлись политическими фигурами, пусть подчиненными королю, так как имели в своем владении большие земельные богатства (кроме того, их матери происходили из монарших родов соседних государств). В России царские отпрыски, как и жены и все остальные россияне, были в полном распоряжении самодержца.

При этом между Иваном и Петром наблюдается характерная разница: первый собственными руками нанес роковой удар своему сыну в приступе аффективной злобы, тогда как Пётр, демонстрировавший большие успехи на пути приращения рациональности, подверг непослушного сына публичному осуждению на основе закона⁷⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2006. 638 с.
- Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 496 с.
- Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
- Блюш Ф.* Людовик XIV / пер. с фр. Л.Д. Тарасенковой, О.Д. Тарасенкова; науч. ред. В.Н. Малов. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
- Богословский М.М.* Пётр I: Материалы для биографии: в 5 т. М.: ЗАО Центролиграф, 2007. Т. 2: Первое заграничное путешествие. Часть I и часть II. 9 марта 1697 – 25 августа 1698 г. 703 с.
- Богословский М.М.* Пётр Великий: Материалы для биографии: в 6 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт; подгот. текста А.В. Мельникова. М.: Наука, 2005. Т. 1: Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 – 9 марта 1697. 535 с.

⁷⁰ Пример Дона Карлоса в данном случае весьма показателен. Хотя он был современником Ивана Ивановича, сына Грозного, его судьба сходна с судьбой царевича Алексея, жившего на полтора столетия позже. То есть в Европе процессы оцивилизации (в понимании Н. Элиаса), важнейшей характеристикой которых является подавление аффектов и утверждение рациональности поведения, опережали таковые в России и других незападных обществах.

- Бруин К. де. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев / подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю.А. Лимонова; ред. Л.Л. Решетникова. Л.: Лениздат, 1989. С. 17-188.
- Буганов В.И. Пётр Великий и его время. М.: Наука, 1989. 192 с.
- Бушкович П. Пётр Великий: Борьба за власть (1671–1725) / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой; под ред. Д.М. Буланина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 544 с.
- Грунд Г. Доклад о России в 1705–1710 годах / пер., статья и коммент. Ю.Н. Беспятых. М.; СПб.: Ин-т российской истории РАН, 1992. 250 с.
- Дипломатические материалы сборного содержания, относящиеся к царствованию Петра Великого // Сборник Императорского русского исторического общества. 1877. Т. 20. С. 1–78.
- Добиаш-Рождественская О.А. Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце / послесл. Б.С. Кагановича. М.: Наука. Глав. ред. восточной литературы, 1991. 110 с.
- Журнал путешествия во Францию и пребывания в Париже Петра Великого в 1716 г. // Отечественные записки. 1822. № 31. С. 145–166.
- Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях: в 3 кн. / сост., вступ. статья и прим. А.Н. Сахарова. М.: Книга, 1990. Кн. 1: Государев двор, или дворец. 416 с.
- Корб И. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гварриента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. М., 1997. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.). С. 21–258.
- Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.). С. 9–146.
- Мамычева Д.И. Детство – метаморфозы культурного взгляда. Таганрог: Б. и, 2013. 148 с.
- Масси Р.К. Пётр Великий: в 3 т. / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой; общ. ред. Н.Ф. Роговской. Смоленск: Русич, 1996. Т. 3. 480 с.
- Мухин О.Н. Пётр I – Царь-Учитель (истоки и смысл образа) // Материалы VIII международной научно-практической конференции «Дни науки – 2012». 27 февраля – 5 марта 2012. Прага: Publishing House «Education and Science» s.r.o., 2012. С. 75–77.
- Нургалиев В.Ж. Историко-психологический анализ межличностных отношений Петра I и царевича Алексея // Стили мышления и поведения в истории мировой культуры / отв. ред. М.В. Дмитриев. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 142–157.
- Павленко Н.И. Пётр Великий. М.: Мысль, 1994. 591 с.
- Павленко Н.И. Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008. 299 с.
- Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом: в 2 т. СПб.: Издание Товарищества «Общественная польза», 1862. Т. 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. 579 с.
- Погодин М.П. Суд над царевичем Алексеем Петровичем // Непотребный сын. Дело царевича Алексея Петровича / сост. Р.И. Беккин. СПб.: Лениздат, 1996. С. 416–461.
- Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Научно-изд. центр «Ладомир», 1997. 381 с.

- Раев М.* Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи / пер. с фр. Я. Горбаневского и Н. Дужековой, предисл. М. Геллера. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. 304 с.
- РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Оп. 1, кн. 15.
- РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II. Оп. 3, ч. 2. Кн. 36.
- РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II. Оп. 4, ч. 1. Кн. 59.
- РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II. Оп. 4, ч. 1. Кн. 60.
- Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России / сост. и вступ. ст. С.С. Дмитриева; комм. С.С. Дмитриева и Л.П. Дойниковой. М.: Правда, 1990. С. 414-583.
- Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 кн. / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев, коммент. А.М. Сахаров. М.: Мысль, 1991. Кн. 9: История России с древнейших времен. Т. 17-18. 671 с.
- Толчев И. А.* Преступление, которого не было? О трагической судьбе сына Ивана Грозного // Традиционные общества: неизвестное прошлое: Материалы IX Международной научно-практической конференции 6-7 мая 2013 года. Челябинск: Изд-во ЗАО «Цицера», 2013. С. 87-94.
- Устрялов Н.* История царствования Петра Великаго: в 6 т. СПб.: Типография II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1859. Т. 6: Царевич Алексей Петрович. 640 с.
- Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 2003. 403 с.
- Чехов А.П.* Темпераменты (по последним выводам науки) [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. Электрон. дан. [Б. м., 1996-2014]. URL: <http://www.library.ru/text/45/p.1/index.html>.
- Шотландец в России: (Из «Мемуаров Питера Генри Брюса, эскайдра, офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, содержащие известия о его путешествиях по Германии, России, Татарии, Турции, Вест-Индии...») / ввод. ст., пер. и коммент. С.В. Ефимова и Н.Ю. Павловой // Ораниенбаумские чтения / отв. ред. С. В. Ефимов. СПб.: ТЕССА, 2001. Вып. 1: Эпоха Петра Великого. С. 203-237.
- Эриксон Э.* Детство и общество / пер., науч. ред. А.А. Алексеев. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Речь, 2000. 416 с.
- Мухин Олег Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета; himan1@rambler.ru

О. Э. ТЕРЕХОВ

МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И МОДЕРНОМ ИДЕОЛОГИЯ «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ

В статье анализируется проблема соотношения традиции и модерна в «консервативной революции». Автор отмечает, что синтез традиционных и модернистских идеологических элементов в «консервативной революции» был обусловлен необходимостью разработки динамичной идеологической и мировоззренческой модели, которая бы соответствовала историческим реалиям и условиям эволюции германского консерватизма в период существования Веймарской республики.

Ключевые слова: «консервативная революция», традиция, модерн, Веймарская республика.

«Кого и что мы можем назвать консервативным в Веймарской республике?» – таким вопросом начинает свою монографию, посвященную эволюции германского консерватизма в Веймарской республике, современный немецкий историк Р. фон Буше¹. Вопрос, поставленный Буше, отнюдь не риторический, как может показаться на первый взгляд. Основываясь на фундаментальных достижениях германской гуманитарной мысли второй половины XX века в исследовании немецкого консерватизма в Веймарской Германии, Буше констатирует, что до настоящего времени удовлетворительного ответа на этот вопрос так и не получено.

Действительно, консерватизм в Веймарской республике представляет собой чрезвычайно пестрый конгломерат идеологических течений и политических партий и группировок от умеренно-консервативных (партия Центра) до праворадикальных (национал-социализм). Несмотря на множество точек соприкосновения между разными консервативными направлениями, дать какое-либо обобщающее определение этого феномена немецкой духовной и политической жизни 1920-х - начала 1930-х гг. едва ли представляется возможным. И хотя германские историки неоднократно предпринимали попытки, и порой небезуспешные, выявить характерно-типологические черты консерватизма в Веймарской Германии, они, тем не менее, четко дифференцировали его различные течения.

Пожалуй, наиболее ярким образцом неоднородности консервативного движения в Веймарской республике стала «консервативная револю-

¹ Bussche R. von. 1998. S. 1.

ция», которая была, с одной стороны, одним из ведущих течений «веймарского консерватизма», а с другой – достаточно противоречивым интеллектуальным образованием. Современная гуманитарная мысль, говоря о существенных характеристиках «консервативной революции», обычно выделяет следующие ее основные черты: опора на традицию, национализм, коллективизм, неприятие рационализма, материализма, космополитизма, антилиберализм, противопоставление немецкого народного духа и немецкой культуры ценностям западной цивилизации, поиск особого пути исторического развития Германии в русле «немецкого (прусского) социализма», идею корпоративного государства, бескомпромиссную борьбу против Веймарской республики, принятие достижений современной техники и методов политической борьбы. Идеалом для «консервативных революционеров» было национально-авторитарное государство корпоративного типа, но с развитым институтом частной собственности и высоким техническим оснащением экономики. Учреждение такого государства они стремились достичь революционным, а не эволюционным путем. Эти черты делали «консервативную революцию» родственной национал-социализму – другому, более радикальному течению германского консерватизма периода Веймарской республики. К числу видных протагонистов «консервативной революции» относят: Артура Мёллера ван ден Брука, Освальда Шпенглера, Эрнста Юнгера, Карла Шмитта, Эдгара Юлиуса Юнга, Ганса Церера, Эрнста Никиша и ряд других деятелей немецкого консерватизма в Веймарской республике.

Генетическая дихотомия идеологии «консервативной революции» заключалась в том, что, с одной стороны, «консервативные революционеры» выступали за сохранение национальной политической мифологии, с другой – понимали, что удержать ее в рамках добуржуазных традиций невозможно. Они отвергали парламентский путь достижения своих целей и ратовали за революционное преобразование окружающей их постылой действительности Веймара. Им грезились новая, истинно «немецкая революция», которая возродит Германию.

«Консервативные революционеры» были вынуждены обратиться к вербально-когнитивным категориям модерна, чтобы донести свои идеи до масс. Буше назвал этот процесс политизацией аполитичных. По его мнению, основу мировоззренческой и идеологической позиции консерваторов составляла их вера в возможность существования аполитичного общественного порядка, в котором политика была бы изгнана из бытия или отдана в руки государства и его руководящей элиты². Такой подход

² Bussche R. von. 1998. S. 18.

консерваторов к пониманию политического свидетельствует, по мнению Буше, об изначальной иррациональной сущности их мировоззренческих, идеологических и политических установок. Таким образом, согласно Буше, в германском консерватизме после 1918 года происходит политизация иррациональности, которая была вызвана объективными условиями исторического развития Германии. Консерваторы в Веймарской республике были вынуждены выработать новые методы идеологической и политической борьбы с целью восстановления мифа об аполитичном обществе и утраченной аполитичной гармонии кайзеровского рейха.

На такое, казалось бы, немислимое сочетание традиционализма и модернизма в идеологии «консервативной революции» неоднократно указывали исследователи данной проблематики. Основоположник академической традиции исследования «консервативной революции» А. Молер, который во время написания своей фундаментальной работы еще находился в русле категориального аппарата германского консерватизма первой половины XX века, тем не менее, отмечал ее прочную связь с традициями идеологического и политического модерна. Известное определение Молера гласит: «Консервативная революция» – это процесс, имеющий европейский характер, который еще не завершен, но начало которого следует относить к Великой Французской революции. «Консервативная революция» – это контрреволюция, направленная против идей Великой Французской революции и в целом XIX столетия»³.

Следует отметить, что постмолеровская историография «консервативной революции» 1950–1970-х гг. довольно осторожно продвигалась по пути выявления и признания модернистских элементов в витиеватых идеологических конструкциях «консервативных революционеров». Так, например, К. Клемперер, хотя и разделил германских консерваторов в Веймарской республике на «старых» и «новых», избегал использовать термин «консервативная революция», считая, что он не отражает того феномена, который за ним скрывается. Клемперер, как и Молер, выводит духовные истоки «консервативной революции» из идейно-политических течений XIX века. Кризис немецкого консерватизма, который, в конечном счете, привел его к духовной и политической капитуляции перед фашизмом, наметился еще в середине XIX в⁴. Как консерваторы начала XIX в. были детьми Французской революции, так и немецкие неоконсерваторы в Веймарской республике стали детьми Ноябрьской революции⁵.

³ Mohler A. 1950. S. 19.

⁴ Klemperer K. von. 1962. S. 40.

⁵ Klemperer K. von. 1962. S. 84.

Неоконсервативное движение возникло в Веймарской Германии на волне дальнейшей радикализации немецкого консерватизма, которая придала ему экстремистские формы.

Двойственную оценку соотношения традиции и модерна в идеологии «консервативной революции» дает Ф. Штерн. С одной стороны, он утверждает, что «выражение консервативная революция, в том смысле, в каком оно употребляется в этой книге, означает идеологическую атаку на модерн, на целый комплекс идей и учреждений, в которых осуществляется наша либеральная, светская индустриальная цивилизация»⁶. С другой – убежден, что «консервативная революция» была порождением кризиса процесса модернизации Германии, а ее начало следует искать в деятельности идеологов фёлькише, Лагарда и Лангбена. Наивысшей точки своего развития идеология «консервативной революции» достигла в годы Веймарской республики в творчестве Мёллера ван ден Брука.

Один из ведущих либеральных политологов послевоенной Германии К. Зонтхаймер анализирует идеологию «консервативной революции» в совокупности основных идеологом немецких правых в Веймарской республике, к числу которых относит: процесс политизации иррациональности, антилиберальную государственную мысль, ожидание будущего «вождя» немецкого народа, миф о новом рейхе. В такой трактовке «консервативная революция» представляла как конфликт между «старым» консерватизмом и неоконсерватизмом, в основе которого лежало новое чувство жизни и истории в русле послевоенного национализма. Она была направлена против либерально-демократических ценностей Запада⁷.

Крупнейший французский специалист в области изучения немецкой «консервативной революции» Л. Дюпё определял ее как идеологию «новых правых» в Веймарской республике. Она возникла не случайно, а явилась логическим продолжением идеалистической и националистической критики эпохи, распространенной среди интеллектуалов вильгельмовской Германии⁸. В мировоззрении «консервативных революционеров» смешались черты универсальной европейской контрреволюции и специфически немецкого образа мысли. Идеология «консервативной революции» перенесла традиционный немецкий политический романтизм на почву агрессивного антирационализма, который сознательно противопоставлял себя духовному наследию Просвещения⁹.

⁶ Stern F.R. 1963. S. 7.

⁷ «Эта революция – радикальная революция, она говорила решительное нет либерально-демократической эпохе», – утверждал Зонтхаймер. Stern F.R. 1963. S. 120.

⁸ Dupoux L. 1985. S. 18.

⁹ Dupoux L. 1985. S. 19.

В работах 1980–1990-х гг. Дюпё не изменил свою достаточно критичную точку зрения на сущность «консервативной революции», но рассматривал ее в контексте теории модернизации. Он пришел к выводу, что «консервативная революция» была культурной реакцией немецкого консерватизма на процесс модернизации Германии. Она возникла в недрах германской общественной мысли в ходе Первой мировой войны, когда немецкие правые сумели выработать более реалистическое и динамическое видение мира. По мнению Дюпё, несмотря на критику западной цивилизации, «консервативные революционеры» обратились к современности, чтобы понять и преодолеть ее. Именно в признании процесса буржуазной модернизации Германии, с одной стороны, и стремлении сохранить традиции – с другой, находится, по мысли Дюпё, основное противоречие идеологии «консервативной революции» – ее промежуточное положение между традиционализмом и модернизмом.

Поворот к признанию модернистской сущности «консервативной революции» произошел в 1980-е гг. В 1984 г. первым изданием выходит работа американского историка и социолога Д. Херфа «Реакционный модерн: технология, культура и политика в Веймаре и Третьем Рейхе»¹⁰. В основе концепции Херфа находилось понятие «реакционный модерн», под которым он понимал течение немецкой гуманитарной и общественно-политической мысли первой половины XX в., пытавшейся примирить антирационализм, романтизм, национализм с модернистски понимаемой технологической рациональностью. Представители реакционного модерна отнюдь не конфликтовали с техникой, напротив, свою главную задачу они видели в том, чтобы встроить технологическую рациональность и технику в социокультурную матрицу немецкой культуры, не потеряв при этом ее иррационального и романтического компонента.

П. Кондилис в своем обобщающем труде по истории европейского консерватизма рассмотрел «консервативную революцию» в контексте историко-социологического подхода. Кондилис выявляет следующие признаки отличия «консервативной революции» от принципов классического консерватизма: 1) ориентация «консервативных революционеров» на узко национальную проблематику, что противоречит поискам классического консерватизма основ универсального и божественно санкционированного порядка; 2) фёлькишеская ориентация национальной мысли «консервативных революционеров» была продуктом распада классического консерватизма, который иначе понимал и представлял национально организованное и иерархически унифицированное

¹⁰ Herf J. 1984.

общество; 3) ориентация «консервативной революции» на современность и будущее, тогда как классический консерватизм был целиком обращен в прошлое, в «золотой век» аристократии¹¹.

Ш. Бройер в качестве теоретико-методологической основы своей концепции «консервативной революции» использует теорию модернизации. Он выделяет два этапа европейской модернизации – простой и рефлексивный. Первый – сформировал классическое буржуазное рыночное общество. Вторым – явился итогом кризиса «буржуазного сознания» конца XIX – начала XX в. и предпосылкой перехода к индустриальному массовому обществу¹². В силу специфики исторических условий процесс модернизации в Германии протекал крайне болезненно. Благодаря ускоренному экономическому развитию, начавшемуся после объединения страны, простая модернизация накладывалась на рефлексивную, что порождало системный кризис общественного сознания немцев. Однако, как полагает Бройер, несмотря на трудности и противоречия модернизации, немцы уже к концу XIX в. были в целом буржуазной нацией, а принципы буржуазного политического сознания глубоко укоренились среди правящей элиты, в том числе и в её консервативных кругах. По Бройеру, возникновение идеологии «консервативной революции» стало возможно, в результате кризиса «буржуазного сознания» и процесса модернизации в Германии в ходе Первой мировой войны. Крах прежнего мира, отступление немецкой культуры перед натиском западной цивилизации, острое переживание неустойчивости модерна – с одной стороны, активизм, авантюризм, воля к жизни и власти – с другой, были той гремучей смесью, из которой формировалась идеология «консервативной революции».

Выявление модернистских черт «консервативной революции» стало лейтмотивом исследования Р.П. Зиферле. «В центре нашего исследования находится отношение “консервативной революции” к модерну, в особенности к технической цивилизации», – констатирует он¹³. Однако Зиферле не ограничивается анализом только этой, хотя и важной, но, всё же, частной проблемы. За проявлением внешних форм «модернистского» сознания «консервативных революционеров» Зиферле пытается выявить их общее восприятие современности и дать характеристику мировоззренческих и идеологических установок радикального консерватизма в Веймарской республике. Зиферле призывает различать в европейской истории проект модерна и реальность модерна. Он считает,

¹¹ *Kondyles P.* 1986. S. 475-477

¹² *Breuer S.* 1993. S. 15-16.

¹³ *Sieferle R. P.* 1995. S. 25.

что проблему модернизации следует рассматривать двояким образом: либо как процесс претворения в жизнь проекта модерна, либо как процесс становления культурной объективности (аналогично понятию «рефлексивной модернизации» у Бройера), а «консервативную революцию» и национал-социализм – понимать как реакцию на проблемные поля современности.

«Консервативная революция» была специфическим ответом правых немецких интеллектуалов на проблему влияния технической цивилизации на традиционные ценности. Этот ответ основывался не на радикальной критике техники, а на попытке её революционного преодоления. Вывод Зиферле заключается в его идее о том, что «консервативная революция» и национал-социализм были направлениями не альтернативными модерну, а проектами альтернативного модерна¹⁴.

Говоря о влиянии концепции модернизации на изучение «консервативной революции», нельзя не упомянуть работу известного английского германиста Томаса Рокрэмера¹⁵. Рокрэмер предложил рассматривать антимодернистские тенденции в Германии конца XIX – первой трети XX в. не в контексте проявления идеологии различных реакционных движений, а как естественную реакцию на кризис процесса модернизации¹⁶. Он выстраивает свое исследование вокруг правых концепций критики цивилизации и модерна, которые признавали факт индустриализации и технизации современного мира и в рамках этого признания пытались разрабатывать альтернативные проекты понимания современности. Согласно Рокрэмеру, реконструкция антицивилизационных идей германских правых неизбежно ведет к дискуссии о сущности модерна.

Рокрэмер считает оправданным для более точного определения феномена «консервативной революции» использовать понятие «реакционный модерн», под которым он подразумевал представителей экстремистского крыла немецких правых в Веймарской республике – «консервативных революционеров» и национал-социалистов. «Реакционные модернисты» проповедовали идею другого модерна, противоположного буржуазно-либеральному пониманию прогресса. Они были реакционны в выражении своей антидемократической политической ориентации, но современны в желании использовать достижения цивилизации в своих целях¹⁷. «Консервативные революционеры» не питали иллюзий относи-

¹⁴ Siefert R. P. 1995. S. 221.

¹⁵ Rohkrämer Th. 1999.

¹⁶ Rohkrämer Th. 1999. S. 15.

¹⁷ Rohkrämer Th. 1999. S. 271.

тельно возможности возврата к предполитическому довоенному состоянию немецкого общества, а пытались искать форму общественного устройства способную, по их мнению, одновременно быть и современной, и альтернативной буржуазно-либеральному пониманию модерна.

Характерно, что и сами «консервативные революционеры» ощущали свое отличие от традиционного немецкого консерватизма XIX – начала XX в. Несмотря на критику капитализма, индустриальное общество и шире – современность, которая понималась ими, как кризис модерна, именно она стала основным объектом внимания «консервативных революционеров». Противоборство между традицией и модерном легло в основу интеллектуального и общественно-политического дискурса «консервативной революции».

Характерный образец подобных умонастроений выразил еще в период становления идеологии «консервативной революции» один из ее ведущих протагонистов О. Шпенглер. 27 декабря 1918 года он писал своему близкому другу Г. Клёрису: «Поистине, наше будущее заключено, с одной стороны, в прусском консерватизме, после того как он полностью очистится от феодально-аграрной ограниченности, с другой стороны, в трудящихся, после того как они сами освободятся от анархо-радикальных масс»¹⁸. Такая оценка Шпенглером идейного наследия прусского консерватизма не случайна. Уже в первом томе «Заката Европы» (1918), написанном в годы Первой мировой войны, Шпенглер как консерватор выступал за сохранение традиций, но его консерватизм был иного рода, чем традиционный немецкий консерватизм кайзеровской эпохи. Он прекрасно понимал, что старые традиции в его эпоху были уже в значительной мере утрачены, и связь поколений нарушена. Традиции уступили место индивидуализму классов, слоев, отдельных личностей. Как и традиционный консерватизм XIX века, Шпенглер рассматривал общество как органическое целое, однако существенным отличием от традиционного консерватизма было отсутствие в его образе общества опоры на религию. Шпенглер являлся последователем Ницше, заявившим, что «Бог умер». Он отрицал влияние церкви на процесс формирования государственной политики. В представлениях Шпенглера, государство основывалось на принципе «воли к власти» и не нуждалось ни в какой божественной санкции.

Шпенглер был первым, после 1918 года, консервативным мыслителем, который не просто использовал прусско-немецкие ценности, а синтезировал их, исходя из требований современной ему политической

¹⁸ *Spengler O.* 1963. S. 115.

ситуации, в качестве единственно возможного политического проекта для будущего Германии. Это позволило ему преобразовать немецкий консерватизм из охранительного в наступательное и современное политическое направление¹⁹. Трудно не согласиться с мнением Буше о том, что интеллектуальный вклад Шпенглера в придание германскому консерватизму новой идейно-ценностной легитимации весьма значителен²⁰.

Политическое эссе «Пруссачество и социализм», написанное с августа по ноябрь 1919 года и изданное в декабре того же года, произвело сильное впечатление на немецкую общественность. В «Пруссачестве и социализме» Шпенглер выступил в двух ипостасях «одновременно как хранитель традиции и как провозвестник немецкой нации будущего»²¹. В книге, по мнению известного исследователя творчества Шпенглера Д. Фелькена, была осуществлена поразительная интеллектуальная операция по освобождению прусского мифа от реакционного балласта и его примирению с социализмом. Социалистически обновленная прусская идея понималась не как потерпевшая крах, а как незавершенное призвание нации и выступала идейным противовесом веймарскому государству²². «Пруссачество и социализм», как и все младоконсервативные сочинения того времени, преследовало двойную цель: прорыв к современности и разрушение демократии²³.

Призыв Шпенглера «освободить немецкий социализм от Маркса»²⁴, а немецкий дух от чуждых ему западных влияний либерализма, демократии и т.д. создал идею прусского контр-Веймара и было услышано правонационалистической общественностью. Пожалуй, наиболее рельефно значение «Пруссачества и социализма» для развития «консервативно революционной» мысли Веймарской Германии выразил другой видный ее представитель Э. Юнгер, который в 1932 г. написал на предназначенном лично для Шпенглера экземпляре своего философского эссе «Рабочий. Господство и гештальт»: «Освальду Шпенглеру, выкованному после разоружения Германии первое новое оружие»²⁵.

Ведущий идеолог младоконсерватизма, одного из течений в пестрой идеологической палитре «консервативной революции», Артур Мёллер ван ден Брук в 1923 г. в книге «Третий рейх», своего рода «библии»

¹⁹ Bussche R. von dem. 1998. S. 123.

²⁰ Bussche R. von dem. 1998. S. 129.

²¹ Пампушев А. И. 1996, С. 136.

²² Felken D. 1988. S. 96.

²³ Felken D. 1988. S. 104.

²⁴ Шпенглер О. 2002. С. 9.

²⁵ Felken D. 1988. S. 110.

немецкого «революционного консерватизма», попытался синтезировать национализм, социализм, революцию и имперскую идею. Он писал: «То, что сегодня является революционным, завтра станет консервативным. Мы не хотим продолжать революцию, а лишь подхватить идеи, которые остались еще непонятыми. Мы хотим увязать эти революционные идеи с консервативными, которые всплывают снова и снова. Мы хотим продвигать эту Консервативную революцию, пока не добьемся условий, при которых мы сможем жить»²⁶.

Далее он описывал немецкое государство, которое должно было явиться итогом «консервативной революции». Одновременно автор воскрешал германский идеал, берущий начало в апокалипсических пророчествах средневековых мистиков о «Третьем царстве». «Рейх», о котором грезил Мёллер ван ден Брук, должен был стать продолжением лучших традиций Священной Римской империи германской нации и Второй империи времён Бисмарка. В нём, по убеждению автора, воплотились бы мечты, как революционеров-социалистов, так и националистов-консерваторов. Он выступил за синтез национальной и социалистической идеи в форме «национального социализма». Вместе с тем достижение «Третьей империи» положило бы конец либерализму с его партиями и парламентской системой, понятием индивидуальной свободы и другими столь же ненавистными для «революционно консервативного» сознания атрибутами. Под «Третьим рейхом» Мёллер ван ден Брук понимал не просто историческое звено, которое следовало бы после Второго рейха Бисмарка и средневековой империи германских народов, а высшую цель исторического развития немецкой нации и германского государства. Третий рейх Мёллера ван ден Брука это конечный рейх, к которому всегда стремился немецкий национализм²⁷.

Шпенглер, Мёллер ван ден Брук, ряд других видных теоретиков «консервативной революции» находились в русле традиционалистского направления «революционного консерватизма», которое пыталось развивать свои идеи в контексте консервативно-охранительного дискурса. Представители этого направления, как мы показали выше, хоть и привнесли в идеологию «консервативной революции» модернистски ориентированные идеи, но развивали их в традиционном вербально-когнитивном духе. Наиболее последовательный разрыв с традицией произошел в радикальном крыле «консервативных революционеров»: «революционных националистов» и национал-большевиков.

²⁶ Мёллер ван ден Брук А. 2009. С. 132.

²⁷ . Schwierskott H.-J. 1962. S. 105.

Характеризуя идеологические новации представителей радикального крыла «консервативной революции», следует признать, что в их центре стоит мощная фигура Э. Юнгера, интеллектуальное наследие которого является одним из ключевых феноменов «консервативной революции». А.В. Михайловский считает публицистику Юнгера «одним из наиболее ярких выражений «консервативно-революционной» политической мысли»²⁸. Взгляд на Юнгера как на ведущего представителя «консервативной революции», устоявшийся в литературе, равно как и в идеологических прениях в правоконсервативных кругах, кажется настолько естественным и не подлежащим обсуждению, что всякие попытки кардинально его пересмотреть вызывают лишь недоумение. В сущности – это стало причиной, а во многом и следствием, сохраняющегося интереса к Юнгеру.

Юнгера по праву считают глашатаем нового понимания мира и человека. Актуальность интеллектуального наследия Юнгера заключается в том, что он дал всеобъемлющую оценку последствиям наступления эпохи так называемого «второго модерна» с точки зрения ее философско-исторических, социально-философских и идейно-политических перспектив. В этом отношении философская эссеистика и публицистика Юнгера не менее значимы, чем его литературное наследие. Он стремился выявить как позитивное, так и негативное влияние модерна на общественное сознание. Анализ и критика различных политических проектов модерна стали характерной чертой творчества Юнгера как диагноста эпохи. Но он, вероятно, так и остался бы в ряду многочисленных критиков модерна, если бы не предпринял попытку сформулировать собственный идеологический и философский проект современного общества.

Крах традиционных буржуазных ценностей в ходе Первой мировой войны привел к революции нигилизма, которая разрушила существовавшие общественные и моральные устои. В Германии, стране проигравшей войну, дух нигилизма проявился особенно остро. В публицистике и философской эссеистике 1920 – начала 1930-х гг. Юнгер, с позиции «революционного консерватора», подверг критическому рассмотрению духовную и политическую ситуацию эпохи революции нигилизма. Юнгер задавался вопросом, какие лозунги следует написать на знаменах немецкой истории и культуры, чтобы вывести Германию из состояния тяжелейшего морально-психологического шока, связанного с военным поражением. Юнгера, как патриота и националиста, не устраивал ни либеральный, ни левый политический проект модерна, ценности традиционного германского консерватизма также казались ему безнадежно

²⁸ Михайловский А. В. 2008. С. 334.

устаревшими. Юнгер выступал как один из видных основателей и апологетов идеологии «революционного (нового, солдатского) национализма», ставшего одним из главных идейных течений «консервативной революции». Характеризуя суть «революционного национализма», Юнгер писал: «Краеугольные камни в здании националистического государства – национализм в чистом виде, социализм, обороноспособность и авторитарная структура»²⁹. Вершиной идейно-теоретических исканий Юнгера стали: статья «Тотальная мобилизация» (1930) и обширное философское эссе «Рабочий. Господство и образ» (1933), которые принадлежат к числу канонических текстов «консервативной революции». «Рабочий» по праву считается одним из крупнейших произведений не только «консервативной революции», но и немецкой философской литературы XX века.

Рабочий под пером Юнгера становится новым героем эпохи модерна, способным преодолеть ее противоречия. В образе рабочего перемешались социальные и политические архетипы эпохи Веймарской республики. Главной качественной характеристикой рабочего стало техническое мышление. «Техника – это тот способ, каким гештальт рабочего мобилизует мир», – писал Юнгер³⁰. Образ рабочего носит у него внеклассовый, планетарный характер. Мифологема рабочего призвана объяснить неизбежность кризиса либерального государства и экономики и возникновение нового тоталитарного общества. По определению духовного лидера правого национал-большевизма в Веймарской Германии Э. Никиша, Юнгер «перевел духовное содержание русской революции и большевизма в немецкий способ мировосприятия и образ мышления»³¹. Современный германский философ П. Козловский называет проект рабочего государства Юнгера консервативным модернизмом³².

Таким образом, ведущим идеологам «консервативной революции» было присуще достаточно динамичное и современное видение немецкой действительности 1920-х – начала 1930-х гг., а «консервативную революцию» следует рассматривать как одну из форм идеологии эпохи «массового общества», которая в образе праворадикального модерна, предлагала альтернативную буржуазно-либеральной и социал-реформистской модели современности. Для Германии 1920-х гг., и особенно 1933–1945 гг., этот образ стал реальной исторической альтернативой.

²⁹ Юнгер Э. 2008. С. 103.

³⁰ Юнгер Э. 2000. С. 235.

³¹ Никиш Э. 2012. С. 295.

³² Козловский П. 1997. С. 22.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Козловский П.* Трагедия модерна: миф и эпос XX века у Эрнста Юнгера // Вопросы философии. 1997. №12. С. 15–27.
- Мёллер ван ден Брук А.* Третья империя // А. Мёллер ван ден Брук, А. Васильченко. Миф о вечной империи и Третий рейх. М., 2009. С. 112–364.
- Михайловский А.В.* Политическая публицистика Эрнста Юнгера в интеллектуальной истории Веймарской Германии / Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи 1923–1933. М.: Издательская группа «Скимень», 2008. С. 317–362.
- Никиши Э.* Жизнь, на которую я отважился. Встречи и события. – СПб.: Владимир Даль, 2012. 560 с.
- Патрушев А.И.* Мир и мифы Освальда Шпенглера (1880–1936) // Новая и новейшая история. 1995. №3. С. 122–144.
- Шпенглер О.* Пруссачество и социализм / Пер. с нем. Г.Д. Гурвича. М.: Праксис, 2002. 240 с.
- Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли: [пер. с нем.]. СПб.: Наука, 2000. 539 с.
- Юнгер Э.* Националистическая революция. Политические статьи 1923–1933 // Пер. с нем. М.: Издательская группа «Скимень», 2008. 366 с.
- Breuer S.* Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. 232 s.
- Bussche R. von dem.* Konservatismus in der Weimarer Republik: die Politisierung des Unpolitischen. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1998. 428 s.
- Dupeux L.* «Nationalbolschewismus» in Deutschland 1919 – 1933: kommunistische Strategie und konservative Dynamik. München: Beck, 1985. 492 s.
- Felken D.* Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München: Beck, 1988. 304 s.
- Klemperer K. von.* Konservative Bewegungen zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München: Oldenbourg, 1962. 276 s.
- Kondyles P.* Konservatismus. Geschichtlicher Gehalt und Untergang. Stuttgart: Klett-Cotta, 1986. 553 s.
- Mohler A.* Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen. Stuttgart: Vorwerk, 1950. 287 s.
- Rohkrämer Th.* Eine andere Moderne? Zivilisationskritik, Natur und Technik in Deutschland 1880–1933. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1999. 404 s.
- Schwierskott H.-J.* Arthur Moeller van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik. Göttingen, 1962. 202 s.
- Sieferle R.P.* Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer. Frankfurt-am-Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1995. 250 s.
- Spengler O.* Briefe 1913–1936 / Hrsg. von A.M. Kocktanek. München, 1963. 817 s.
- Stern F.* Kulturpessimismus als politische Gefahr. Eine Analyse nationaler Ideologie in Deutschland. Bern, Stuttgart, Wien: Scherz, 1963. XIII, 420 s.
- Herf J.* Reactionary Modernism: Technology, Culture and Politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge University Press, 1984. 251 p.

Терехов Олег Эдуардович, доктор исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета; terehov1968@mail.ru

ОБРАЗЫ В ИСТОРИИ И ОБРАЗЫ ИСТОРИИ

М. В. КИРЧАНОВ

GEOGRAPHIA IMAGINARIA GOTHICA «ГОТСКИЙ» ПЛАСТ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ ВООБРАЖЕНИИ

Автор анализирует готские нарративы в советской и современной историографии. Черняховская археологическая культура (территории современной Украины) содержала многочисленные готские компоненты. Роль готов в развитии этой культуры отрицалась в советской историографии, воображаемая география Восточной Европы была дегерманизирована. В 1990–2000-е гг. готы «вернулись» в воображаемое пространство Восточной Европы и картированы в ее пространстве украинскими и российскими интеллектуалами. Однако другие украинские и российские авторы продолжают отрицать роль готов в развитии восточно-европейского пространства. Готские нарративы стали частью политического мифа и исторического воображения.

Ключевые слова: готы, черняховская культура, историография, национализм, воображаемая география, историческое картирование.

Воображение в географии, или тексты как источник для географического исследования

«Воображение» и связанные с ним производные играют особую роль в развитии современной географии за рубежом. Парадигма «воображения» в англоязычной географии оказалась в значительной степени универсальной, что содействует размыванию традиционной географии. Под несомненным влиянием Б. Андерсона и в целом в рамках предложенной им парадигмы написаны работы С. Райкрофт, Р. Джэннесса¹, С. Дэниэлса², Э. Стрит и С. Коулмэн³ и других исследователей. Использование подхода, предложенного Б. Андерсоном⁴, в частности, позволило обратиться в рамках географии к изучению не совсем географических проблем, что позволило, например, проанализировать, опираясь на **тексты (раннее замечаемые почти только историками)** о пространстве и прочие нарративные источники, специфику географического воображения в Англии в контексте формирования концепта «английскости»⁵. В такой ситуации углубляющегося междисциплинарного диалога исследователь

¹ Rycroft, Jenness. 2012.

² Daniels, Rycroft. 1993.

³ Street, Coleman. 2012.

⁴ Anderson. 1983.

⁵ Matless. 1998.

вынужден отходить от традиционного географического инструментария в пользу методов других социально-гуманитарных наук. Важным фактором в трансформации географического знания стал и культурный поворот⁶, который самым существенным образом изменил и отформатировал пространство гуманитарных наук на Западе, приведя к размыванию границ между отдельными и ранее почти изолированными областями знания. Именно поэтому в рамках современной американской культурной географии признается, что культура и разного рода культурные практики⁷, связанные с воображением и национальной памятью, которая проявляется, в том числе и в историческом воображении и мифотворчестве, стали важными инструментами в формировании коллективных представлений о пространстве и самого пространства, воспринимаемого в качестве проекции этих настроений и идеологических, политических предпочтений правящих элит и обслуживающих их интеллектуальных сообществ.

Таким образом, парадигма воображаемой географии активно и успешно применяется зарубежными культурными и социальными географами. С другой стороны, число оригинальных (не переведенных с английского) формально географических по направленности работ, написанных на русском языке в рамках этой парадигмы, остается крайне незначительным. В такой ситуации возникает и методологическая неясность относительно того, что считать или не считать условно *географическим* текстом. Новейшая актуализация культурной компоненты в географии привела к тому, что традиционный сугубо реальный и материальный объект сместился на второй и третий план, сделав более актуальным изучение не пространства, но образов в пространстве и представлений о пространстве, предложенных в рамках тех или иных идентичностей и культурных традиций. Ситуация постмодерна содействовала фрагментации исследовательского пространства и, поэтому, на смену некогда существовавшей единой «эссенциалистской» географии пришли несколько географий с «различными географическими эпистемологиями», сфокусированных не столько на физическом в пространстве, сколько на различных формах, методах, тактиках и стратегиях взаимодействия и коммуникации человека и различных сообществ с окружающих их пространством⁸. В подобной ситуации универсальной коммуникативной стратегией становится воображение (хотя некоторые его элементы имели место и в советской географии⁹, где они сравнительно быстро были идеологически

⁶ Dunn. 1997; Mitchell. 1995

⁷ Gibson. 2003.

⁸ Crouch. 2010.

⁹ Кабо. 1947, Михайлов. 1948, Саушкин. 1946.

удушены), которое давало интеллектуальным сообществам прошлого весьма вольно воображать пространство, картировать и населять его такими группами, которые воспринимались в качестве наилучших исторических предшественников, что использовалось для легитимации пребывания больших групп – наций – на той или иной территории, которая в их воображении трансформировалась в национальное государство.

Современная география на Западе развивается в условиях постепенно углубляющегося междисциплинарного синтеза. Американский географ Ричард Райт¹⁰ в конце 1990-х констатировал наличие тенденций к «повторному открытию» географии как научной дисциплины. По его мнению, «географическое понимание» нуждалось в переосмыслении. Трансформации в географической науке Райт связывал с утверждением постмодернистских интерпретаций и динамичным развитием «критической социальной теории», обязанной своим появлением структуриализму. Влияние постмодерна на гуманитарные науки оказалось столь велико и универсально, что представители, казалось бы, негуманитарных наук или дисциплин со спорным статусом, заговорили о своей сфере деятельности в постмодернистском прочтении, что привело к появлению «постмодернистских географий»¹¹. Ситуация постмодерна в географии привела к деконструкции пространства в его традиционном понимании и формировании особого направления деконструктивной географии¹², которая не разрушает старые представления о мире, но в большей степени демонтирует их, предлагая новые изобретенные / воображенные / сконструированные восприятия и интерпретации¹³, лишённые строго внутреннего единства. В подобной ситуации сложились условия для выделения «воображаемой географии» как особой формы гуманитарного знания, связанного с другими науками, в том числе с историей.

В целом в рамках современной американской географии «пространство, место и природа часто воспринимаются в качестве трех основных источников, которые содействуют географическому воображению»¹⁴, но утверждение новых принципов в географической науке содействовало появлению в научном сообществе качественно других представлений о времени и пространстве, их связи с современным состоянием территории и ее прошлым¹⁵ в контексте географии как особой формы знания. Это

¹⁰ *Wright*. 1999.

¹¹ *Soja*. 1989.

¹² *Agnew*. 2005.

¹³ *Inventing places...* 1992.

¹⁴ *Hubbard*. 2012.

¹⁵ *Allen*. 2011.

привело к ревизии представлений относительно традиционной для физической географии категории анализа – пространства в его чисто физическом разнообразии и многообразии; оно начинает в меньшей степени восприниматься как в категориях «физичности» и рассматривается в большей степени как совокупность культурных и исторических представлений о нем со стороны тех или иных интеллектуальных сообществ. Это, в свою очередь, приводило к еще большей фрагментации географического знания на Западе, содействуя росту «гибридной географии»¹⁶, сконцентрированной на изучении как традиционных для географического знания явлений физического пространства, так и тех проблем, внимание на которые географы обратили в рамках культурного поворота и актуализации тенденции к междисциплинарному синтезу.

Зарубежные географы подчеркивают, что в рамках культурной географии следует изучать «современные парадоксы ежедневной жизни, концептуального пространства культурных моментов, страхов, надежд и проектов»¹⁷. В рамках подобного максимально широкого восприятия самого предмета географического знания создаются условия для междисциплинарного синтеза и поэтому зарубежные географы в 2000-е гг. переключились на изучение, казалось бы, не совсем географических или вовсе не географических проблем и сюжетов. Вместе с тем, подобное расширение, точнее – изменение направления исследований в рамках культурной географии, поставило вопрос о ее принадлежности к географии вообще¹⁸. Этот вопрос становится более актуальным, если обратиться к текстам американских, британских, австралийских географов, написанных в рамках имагинативной парадигмы, то есть в русле воображаемой географии.

Доминирование социального и культурного, а также растущее внимание к роли политического измерения в географии¹⁹, в новом и качественно другом (прочтении) географического пространства привело к тому, что среда начинает восприниматься как вторичное²⁰, в значительной степени с подачи Б. Андерсона как воображенное и воображаемое, явление. С другой стороны, попытки ввести категорию «воображение» в методологический инструментарий географии имели место и в более ранний период²¹, причем инициаторами подобных нововведений являлись сами географы. Принятие парадигмы воображения, признание

¹⁶ *Whatmore*. 2002.

¹⁷ *Shields*. 1997.

¹⁸ *Jackson* 1997.

¹⁹ *Bouzarovski, Bassin*. 2011.

²⁰ *Cohen*, 1998.

²¹ *Lowenthal*, 1961.

ее универсальности позволило современной зарубежной географии самым радикальным образом расширить тематику проводимых исследований. Именно в подобной ситуации в культурной и социальной географии сложились новые направления или актуализировались уже существовавшие (историческая география, региональная география, феминистская география²²) – междисциплинарные области внешне географического, но гораздо более спорного и разноуровневого, знания.

Утверждение о том, что историческая²³ и географическая наука в СССР и на постсоветском пространстве в значительной степени была подвергнута и подвержена идеологизации, успело стать общим местом. Под идеологическим влиянием в советской модели организации науки пребывала и география²⁴. Особые условия для идеологизации исследования складывались в тех случаях, если изучаемый предмет пребывал на стыке различных областей знания. Это, в частности, относилось как к предыстории восточнославянской государственности, так и к проблемам локализации в пространстве различных государственных или протогосударственных образований и объединений, которые могли претендовать на статус ее исторического предшественника. Среди таких раннефеодальных государств особое место занимает «государство Эрманариха» – политическое объединение восточных германцев – остготов²⁵ – существовавшее на территории современной Украины.

«Государству Эрманариха» в историографии не повезло с локализацией, а сами готы превратились в объект исторического мифотворчества, которое нашло свое применение в условиях формирования германских наций. Американский политолог Крэйг Калхун подчеркивает, что «у национализма очень непростые отношения с историей»²⁶. Не менее сложны отношения национализма и с географией, особенно в тех случаях, когда речь заходит о пребывании представителей одной группы в пространстве другой, пусть даже и в исторической перспективе. В силу идеологических и политических соображений советские историки и их некоторые современные коллеги предпочитали не замечать и игнорировать и государственность исторических наследников Эрманариха – крымских готов. Один из ведущих специалистов по готской тематике М.Б. Щукин подчеркивает, что в советский период признание наличия в Восточной Европе в прошлом германского (готского) присут-

²² Clarke, Anteric. 2011.

²³ Астров. 2009; Борох, Ломанов. 2009; Шерпер. 2009.

²⁴ См.: Кирчанов. 2013.

²⁵ Вольфрам. 2003; Сюсько. 2007.

²⁶ Калхун. 2006.

ствия было крайне затруднено, так как «задевались национальные чувства»²⁷. О подобном игнорировании готов пишет и российская исследовательница В.П. Буданова, которая указывает на то, что на протяжении длительного времени готская проблематика в исторической науке была политизирована и пересекалась с географией в контексте «обоснования захвата территорий Восточной Европы и превосходства над славянами и другими народами»²⁸ со стороны германцев. В.П. Буданова в начале 1990-х гг. констатировала, что в изучении готов сосуществуют две крайности: с одной стороны, «немецкая националистическая историография стремилась к явному преувеличению роли готов в Европе, не останавливаясь перед прямой фальсификацией и подтасовкой фактов»; но с другой, то, что «в трудах ряда историков готы вообще исчезли из восточноевропейской истории»²⁹, также неверно.

Представления могут быть чрезвычайно живучими и болезненными, если они оказываются связанными с территориальными вопросами и стремлением вообразить то или иное пространство как исключительно «наше» путем его усиленной мифологизации и интеграции в существующие «большие» версии национальной истории³⁰. Если мы обратимся к картографическому материалу исторической литературы (от школьного учебника до академических исследований), то на территории, контролируемой готами, мы нередко сможем обнаружить бесцветные незакрашенные лакуны в славянском или другом инокультурном окружении.

В центре внимания настоящей статьи – проблемы трансформации готских нарративов в «большом» восточноевропейском (Украина, Крым) измерении в контексте трансформации географического воображения и исторической памяти в российской и украинской историографии.

Готам в определенном смысле «не повезло» не только с историографической судьбой, но и с узнаванием в современном мире, в котором доминирует массовая культура. Если мы в поисковике «Гугл» введем поисковый запрос «готы», то в первую очередь нам будут предложены результаты о готах как современной субкультуре и только потом о готах как одном германских исторических племен. Однако среди профессиональных историков готы, как правило, ассоциируются с рядом исторических явлений, наибольший интерес из которых для нас представляют черняховская археологическая культура и более поздние остготы, которые проживали на территории Восточной Европы.

²⁷ Шукин. 1999.

²⁸ Буданова. 1999.

²⁹ Буданова. 1990, С. 9.

³⁰ Thomson. 1968.

В исторической науке под готами понимают группу племен германского происхождения, прародиной которых была территория современной Швеции, откуда примерно во II в. н.э. готы проникли в Восточную Европу, на территорию будущей Польши. Археологическим измерением пребывания готов в восточноевропейском пространстве является черняховская культура, существовавшая в период между II и IV вв. на территории современной Украины, а также (частично) Молдовы и Румынии. Примерно в то же время возникает полиэтническое протогосударственное образование Ойум, просуществовавшее до последней трети IV в. Основу этого «государства» могли составлять племена готов. В III в. н.э. готская общность распадается на западную и восточную. Примечательно, что большая часть политических и исторических событий, связанных с остготами, происходила не в Восточной Европе, а на территории современной Италии, где с 489 по 553 год существовало королевство остготов. Хронологический предел присутствия готов как значимой политической силы в Европе – начало VIII в., когда (в 711 г.) арабы уничтожают вестготское королевство в Испании. Определенное готское присутствие сохранялось в периферийных регионах Европы примерно до XVII–XVIII вв. и было связано с крымскими готами, которые, как правило, локализируются на южном берегу Крыма. На протяжении II–VIII веков готы были важным политическим фактором, но постепенно не только утратили свои позиции, но и не оставили на современной этнической карте Европы таких групп населения, которые могли бы считаться непосредственными потомками и наследниками готов.

В XX в. готы оказались в центре исторических дискуссий и дебатов, а сама готская проблема играла не последнюю роль в конструировании исторической и географической версий тех или иных национальных памятей и идентичностей, о чем речь пойдет в последующих разделах настоящей статьи. Тематика и язык статьи могут в определенной степени выбиваться из формирующего канона российской культурной (гуманитарной) географии, что придает тексту определенную маргинальность. Вместе с тем, в истории советской науки в 1940–50-е гг. имел место этап чрезвычайно тесных и плодотворных связей между историческими и географическими исследованиями³¹. Примечательно, что именно историки «приходили» в географические штудии, а географическое в их текстах было фоном исторического содержания, что, например, характерно для работ С.В. Бахрушина³². Вместе с тем, степень проявления и соотноше-

³¹ Яцунский. 1950.

³² Бахрушин. 1927, 1959.

ния исторического и географического в современных работах по культурной географии является дискуссионной проблемой. Это связано с тем, что канон российской гуманитарной географии еще не сложился, а сами культурно-географические штудии развиваются в условиях мощного междисциплинарного синтеза различных гуманитарных наук.

Готы между искусством исторического забывания и географическими лакунами

Историческая наука в СССР была интегрирована в механизм формирования особой политической советской идентичности, которая имела географическое измерение: вся территория СССР воспринималась как своя, «советская». Этнические факторы русскости или украинскости в условиях политики русификации в рамках советской модели особой роли не играли. Поэтому исторические карты, сопровождавшие специализированную литературу от школьного учебника до академического издания, нередко оказывались чрезвычайно размытыми. С другой стороны, определенная роль признавалась за также весьма размытыми славянскими нарративами в историческом и географическом воображении и картировании истории, что вело к снижению роли инокультурного окружения или иных культурных оппонентов в славянизированном усилиями советских интеллектуалов пространстве. В этом контексте пространство для советского географа, вероятно, было в значительной степени не только идеологизировано, но и мифологизировано в том смысле, что само место, все пространство пребывания СССР на географической карте превратилось, по определению Дм. Замятина³³, в «мифологическое событие». Максимально от подобного воображения, развивавшегося в славяноцентричной системе координат, в широком смысле «не повезло» германцам, а в узком – остготам. В советской историографии готы превратились в едва ли не в маргинальное сообщество. Вероятно, существовало несколько причин столь неприятной историографической судьбы и не менее неприятной географической неопределенности и маргинальности остготов. Особую роль играли две мировые войны с Германией, которые актуализировали многочисленные антинемецкие страхи и комплексы в советизированных версиях русской и украинской идентичностей. Не менее важным фактором стало и отторжение норманской теории.

В условиях доминирования антинорманизма в советской историографии изучение истории восточнототской государственности, которая не только могла быть географически локализована на территории Украинской ССР, но и фактически предшествовала Киевской Руси, было поли-

³³ Замятин. 2010.

тически и идеологически невозможно. Поэтому, советские (украинские и русские) историки крайне редко обращались непосредственно к готской проблеме, предпочитая писать о черняховской археологической культуре. Последняя оказалась чрезвычайно удобным объектом изучения, так как ассоциировалась с донациональными формами политической организации. Ситуация изменилась только с распадом СССР, восстановлением украинской независимости, что позволило существенно расширить диапазон оценок и интерпретаций проблем, связанных с готами.

Вместе с тем, историко-географическое измерение готского присутствия³⁴ в Восточной Европе в контексте исторического / географического воображения и связанных с ним форм памяти и коллективных представлений о прошлом и пространстве относится к числу неизученных тем. Перипетии историографической судьбы готов достаточно четко были определены в 1999 г. В.П. Будановой, которая подчеркивала, что «развитие историографического мифа в готской проблеме становится самостоятельным объектом исследования... вновь история изучения готов демонстрирует уникальность: “готицизм” и готоведение из антитезы “не наука – наука”, “миф – факт” трансформируются в синтез, где “не наука” выступает самостоятельным компонентом»³⁵. Следует признать точность и образность определений В.П. Будановой, которая в конце 1990-х отразила не только связь с политической конъюнктурой, характерной для более ранней историографии, но и уловила предстоящий готский бум – не исследовательский, но в большей степени мифотворческий, связанный с формированием новых проектов идентичности, о чем речь пойдет ниже.

В советской модели готы как германцы были сообществом нежелательным и потому маргинализированным, хотя в предшествующей научной традиции³⁶ и русской зарубежной историографии³⁷ готы и прочие германцы – фигуранты и участники восточноевропейской исторической географии. История, по мнению молдавских исследователей В. Куско и А. Таки, «всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний»³⁸, тем более в тех случаях, когда эти состояния имели географические основания, связанные с необходимостью воображения тех или иных территорий как «своих». В подобной ситуации готам, как правило, не находилось места, когда речь шла об историческом картировании восточноевропейского пространства.

³⁴ *Бирнрауер*. 1995.

³⁵ *Буданова*. 1999.

³⁶ *Заморяхин*. 2003.

³⁷ *Вернадский*. 1996

³⁸ *Куско, Таки*. 2003

В тех случаях, когда речь заходила о черняховской культуре, советские историки и археологи предпочитали избегать четкого определения как ее границ, так и этнической структуры, подчеркивая, вместе с тем, ее преимущественно славянский характер. По мнению Дж. Коакли, «этнические сообщества и нации представляют собой группы, определяемые наличием общих представлений о себе, в которых самым действенным элементом является чувство общей истории»³⁹. Другим не менее важным элементом в развитии подобных идентичностей является географическое воображение, которое формирует, воображает и картирует пространство таким образом, чтобы оно в наибольшей степени служило интересам доминирующего большинства. Некоторыми советскими авторами актуализировался гетерогенный состав населения черняховской культуры, но наряду со славянским элементом они были готовы признать наличие фракийского и сарматского компонентов.

Роль германского (готского) присутствия в воображаемой географии Восточной Европы III–IV вв. существенно занижалась. При этом украинские советские историки (В. Баран, М. Смишко⁴⁰), в отличие от языковедов (которые позволяли себе находить германские элементы на территории СССР в древности⁴¹), были готовы дать отпор своим буржуазным оппонентам и доказывать почти примордиально славянскую историческую географию Восточной Европы, которая подвергалась ими соответствующему ментальному картированию. В частности, Э.А. Рикман⁴² подчеркивал, что собственно готские памятники на территории черняховской культуры «редки»⁴³. С другой стороны, для географического и исторического воображения советских интеллектуалов был характерен явный славяноцентризм и стремление «закрепить» за территориями Восточной Европы, которые составляли некоторые союзные республики СССР (например, Украинская ССР) исключительно славянский статус. Например, И.С. Винокур⁴⁴, анализируя проблемы этнического состава черняховской культуры, был готов картировать на ее территории сарматские и фракийские массивы, тщательно избегая упоминания о готских (германских) компонентах. Доминирование подобных наррати-

³⁹ Coakley. 2004.

⁴⁰ Баран. 1983; Смишко. 1961.

⁴¹ Топоров. 1983.

⁴² Рикман. 1975.

⁴³ В связи с развитием подобных идей в историографии российский историк В.А. Шнирельман подчеркивает, что «исторические концепции должны были придать уверенность доминировавшему большинству», тем более, если речь шла о территории, которую это «большинство» населяло. Шнирельман. 2003.

⁴⁴ Винокур. 1972.

вов в советской версии украинской историографии было связано с формированием особого канона исторического знания, основанного на принципах этноцентричности и связанными с ней «культурной и этнической эксклюзивностью». Г. Касьянов полагает, что «в такой стандартной схеме главным актором является своя нация. Все остальные либо отсутствуют, либо игнорируются. Иногда, когда необходимо присутствие другой нации, она служит либо фоном, либо антитезой своей нации, которая мешает своей нации реализовать свою сущность»⁴⁵. Именно в силу доминирования подобных тенденций готская тематика в украинской советской историографии была в значительной степени представлена фрагментарно и географически «вынесена» за пределы СССР. Если речь шла о Западной Европе, то упоминания готского присутствия (например, на территории Италии) были вполне допустимы. Но если речь шла о тех территориях, которые в 1970-е гг. входили в Украинскую ССР, то роль готов оценивалась, как правило, негативно. В частности, И.С. Винокур подчеркивал, что германцы (готы) выступали в пространстве Восточной Европы как завоеватели и лидирующая группа «королевства Эрманариха», но при этом советские историки подчеркивали, что основу его населения составляли «раннеславянские племена». Историческое картирование в работе И.С. Винокура имело идеологически выверенный характер. Карты, которыми сопровождалась его монография 1972 года, охватывали не только преимущественно территорию Украинской ССР, но и отражали присутствие в пространстве различных археологических культур, названия которых (зарубинецкая, пшеворская) не имели коннотаций с германским (готским) элементом или племен (геты, фракийцы, сарматы) также негерманского происхождения.

Подобные настроения оказались чрезвычайно устойчивыми в советской историографии, доминируя до начала 1990-х. В изданном на излете советской эпохи сборнике «Славяне и Русь (в зарубежной историографии)» точка зрения, которая озвучивалась советскими историками 1970-х гг., представлена без существенных модификаций, что относится, в том числе, и к картографическому материалу. Воображая пространство Восточной Европы I тыс. н.э., украинские советские историки, как правило, фокусировались на территории, входившей на тот момент в состав Украинской ССР, предпочитая наносить на исторические карты археологические культуры (липицкая, вельбарская, позднзарубинецкая), которые не ассоциировались с готами, или племена (сарматы) негерманского происхождения. Они не отрицали роли готов, но указывали на то, что историю

⁴⁵ Касьянов. 2009.

готского элемента следует рассматривать «в тесном сплетении с деятельностью субстратного населения»⁴⁶. В.П. Буданова⁴⁷ также не была склонна видеть в готах ведущую силу в конструировании политического пространства Восточной Европы, указывая на то, что те действовали в преимущественно славянском окружении. Таким образом, на протяжении доминирования советского исторического канона роль готского (германского) элемента в картировании и географическом воображении Восточной Европы оставалась незначительной, если не маргинальной.

Возвращение готов: картируя и воображая германцев в восточноевропейской географии

До распада СССР не менялись модели интерпретации истории⁴⁸. Если до начала 1990-х идеи и концепты, отличные от большого идеологически выверенного канона советской историографии, «не могли поколебать силу официального дискурса»⁴⁹, то в начале 1990-х ситуация изменилась. Поэтому, в 1990–2000-е гг. интерпретации состава черняховской культуры и германского элемента в ее рамках начали в значительной степени варьироваться. К концу 1990-х готы заняли свое место в воображаемой исторической географии Восточной Европы, будучи локализованы и картированы не только на территории зарубежных Балкан, но и в более эмоционально значимом (в силу того, что этот регион ранее входил в состав Советского Союза) для отечественных исследователей старшего поколения Причерноморье⁵⁰.

В российской историографии готы и славяне фигурируют в качестве соседей на пространстве Большой Восточной Европы, в частности, на территории Днепро-Донецкой лесостепи. Карты, которыми сопровождается монография И.В. Зиньковской 1999 года⁵¹, отражают в большей степени географию современного пространства региона и не привязаны к определенным этническим (готским, т.е. германским, или антским, т.е. славянским) группам. Примечательно, что концепт абстрактного соседства (или сосуществования)⁵² оказался чрезвычайно удобным и привлекательным, так как избавил исследователей от необходимости картирования готского и славянского элементов в регионе. С другой стороны, сегодня некоторые российские историки, вероятно, стремясь избежать

⁴⁶ Баран, Гороховский, Магомедов. 1990.

⁴⁷ Буданова. 1984.

⁴⁸ Линднер. 1997.

⁴⁹ Цвиклински. 2003.

⁵⁰ Буданова. 1999.

⁵¹ Зиньковская. 1999.

⁵² Козак. 1994.

излишней политизации своих исследований, посвященных готам, анализируют готскую проблематику не в рамках традиционной событийно-описательной модели, но в контексте интеллектуальной истории или истории идей. Так, в одной из своих новейших работ И.В. Зиньковская⁵³ локализует готов без жесткой привязки к реальной географии, но в большей степени на ментальных картах российской, украинской и западной историографических традиций. Однако ее книга, посвященная судьбе готов в историографии, скорее исключение, чем правило. Другие авторы ограничиваются географической локализацией и картированием пребывания готов на территории Восточной Европы, причем мнения украинских и российских историков относительно присутствия готов в восточноевропейском пространстве отличаются.

Некоторые историки в целом признают наличие готского (германского) пласта в истории пространства современной Украины⁵⁴, указывая на опасность мифологизации и идеологизации готской проблемы. Часть украинских историков, разделяя примордиалистские интерпретации и придерживаясь этноцентричной системы, прикрываясь концептом «полиэтничности»⁵⁵, склонны воображать географию Восточной Европы в национально выверенной системе координат и поэтому разделяют сами понятия «готы» и «черняховская культура», полагая, что вторая развивалась обособленно и сформировалась как преимущественно славянская до проникновения германского (готского) элемента.

В процессе написания национальной истории «неизбежно доминирует своеобразный этноцентризм»⁵⁶, который актуализируется в тех случаях, когда история сочетается с географией, а интеллектуалы доминирующего большинства затрагивают проблемы предшествующего пребывания представителей иных культурных и языковых групп в пространстве, которое они склонны воспринимать как свое. В подобной ситуации черняховская культура рассматривается как комплекс славянских и сарматских элементов⁵⁷, а готское присутствие и его отражение в географии минимизируется. Другими украинскими авторами⁵⁸ актуализируется концепт чуждости готов в восточноевропейском пространстве, из которого те вытеснили славянское население. Примечательно, что подобная этнически выверенная интерпретация была актуализирована в

⁵³ Зиньковская. 2010.

⁵⁴ Айбабин. 2000; Шаров. 2010.

⁵⁵ Баран. 1981; 2004.

⁵⁶ Усманова. 2003.

⁵⁷ Рудич. 2010; 2004; 2003.

⁵⁸ Козак. 1994; 2004.

1990-е гг., хотя сформировалась еще в Украинской ССР. Другие украинские историки, наоборот, склонны картировать готское присутствие в восточноевропейской географии и признают черняховскую культуру в качестве преимущественно готской, отмечая на территории Украины наличие и другие германских племен⁵⁹.

Среди российских историков также есть сторонники восприятия черняховской культуры как преимущественно готской⁶⁰, а некоторые используют термин «восточногерманские племена Северного Причерноморья»⁶¹, применение которого в советский период было маловероятно, так как признавало наличие германского элемента в той географии, которая воображалась как «своя» – если не советская, то точно не германская. Часть украинских авторов склоняется к концепции гетерогенности населения черняховской культуры, избегая при этом четкого картирования ее отдельных элементов. Украинский археолог М.В. Любичев⁶², например, ограничивается констатацией «полиэтничности черняховского населения днепро-донецкой лесостепи», ставя германцев на последнее место после поздних скифов и сарматов. Наличие таких нарративов в современной украинской историографии свидетельствует о несоветской инерции в формировании воображаемого пространства прошлого и в историческом, ментальном картировании территории Украины в I тыс. н.э. Более позднее пребывание готов на территории Восточной Европы дискуссионно.

В целом, современное украинское академическое сообщество в рамках изучения готской проблематики может быть разделено на две группы. Первая представлена историками, склонными интерпретировать черняховскую культуру как гетерогенную или же с преобладанием славянского элемента. Вторая группа представлена исследователями, которые, наоборот, склонны актуализировать готский или более широкий германский компонент⁶³ черняховской культуры и восточноевропейской географии в целом. В частности, украинские археологи подчеркивают, что на всех территориях указанной культуры (например, на Волыни⁶⁴) были найдены «могильники и поселения готов»⁶⁵. Среди наиболее спорных, мифологизированных и идеологизированных проблем готской географии в восточноевропейском пространстве – исторические судьбы готов в Крыму.

⁵⁹ Магомедов. 1999; 2001; 2003.

⁶⁰ Шукин. 2005.

⁶¹ Лавров. 2003.

⁶² Любичев. 2000.

⁶³ Левада. 2006.

⁶⁴ Козак. 2011.

⁶⁵ Баран В.Д., Баран Я.В. 2005.

Примечательно и то, что сами дискуссии относительно крымских готов (в т.ч. территории расселения и продолжительности их пребывания на полуострове) успели стать объектом изучения⁶⁶. В развитии готских нарративов в современной историографии мы имеем дело с двумя крайними точками зрения. Существование Крымской Готии не оспаривается, вероятно, только зарубежными историками. Итальянский историк П. Скардильи⁶⁷ полагал, что готская традиция на территории Крыма существовала и развивалась «на протяжении столетий»; указывая на наличие «германского ядра» у населения полуострова. Часть авторов (преимущественно пророссийской и несоветской ориентации, граничащей с крайним славянофильством⁶⁸) склонны минимизировать роль и присутствие готов, низводя его до незначительного эпизода в истории Крыма. Другие историки, наоборот, признают или даже подчеркивают пребывание готов в восточноевропейском пространстве⁶⁹. Украинские историки М.Б. Кизилов и В.В. Масыкин, хотя и указывают на сложность и дискуссионность локализации готского присутствия в географии Крыма, тем не менее, признают факт существования в средневековом Крыму в качестве особой контактной зоны Крымской Готии, а пребывание готов и использование крымско-готского языка в пространстве Крыма датируют III–XVIII вв.⁷⁰

В целом, зарубежная и украинская академическая историография⁷¹ не ставит под сомнение не только проживание готов в Крыму, но и сохранение готских элементов до XVII–XVIII вв., что встречает поддержку и понимание не у всех авторов, которые пишут о готах, содействуя еще большей мифологизации готской проблемы.

«Народ без Родины», или готы между локализацией и изгнанием в современной фольк-истории

Наряду с академическими исследованиями готская проблема в современной Украине (и частично в России) активно рассматривается как СМИ, которые периодически отмечаются публикациями по готскому вопросу, так и публицистами, работающими в жанре фольк-истории. После распада СССР и снятия идеологических ограничений «история переместилась в центр исторических дебатов»⁷². Немного позднее за ней после-

⁶⁶ *Пиоро*. 2000.

⁶⁷ *Скардильи*. 2012.

⁶⁸ *Андреев*. 2002.

⁶⁹ *Магомедов*. 2003; *Войтович*. 2008.

⁷⁰ *Кизилов, Масыкин*. 2010.

⁷¹ *Байер*. 2001; *Бандровський, Карманов*. 1997; *Казанский*. 2006; 1999; *Зинько*. 2008; *Пиоро*. 1990; *Пиоро*. 1999; *Юрочкин*. 2004.

⁷² *Lindner*. 1999. P. 631.

довала и география, которая также начала использоваться в идеологической и политической борьбе для доказательства исключительных прав того или иного сообщества на обладание определенными территориями.

В «изучении» географии готов в Украине отметились и фигуры маргинального плана, утверждающие: «государство германцев на землях Украины существовало 200 лет! Но советские учебники “засекретили” это»⁷³. Подобные нарративы свидетельствуют не только о крайне низком качестве данных текстов, но и о том, что история «представляет собой проект определенного типа»⁷⁴, ориентированный, в том числе на запросы массового потребителя, которому интересны не научные исследования, а сенсационные открытия. Другие авторы и вовсе утверждают, что Украина «была германским королевством», или же, что в Украине существовало «готское королевство»⁷⁵.

Помимо подобных радикальных локализаций, российский и украинский сегменты интернета содержат публикации, посвященные готскому вопросу, качество которых оставляет желать лучшего. В целом, их авторы не только признают пребывание готов и готской государственности⁷⁶ в пространстве Восточной Европы в исторической перспективе⁷⁷, но и указывают на возможность интеграции готского периода в национальные версии истории России или Украины⁷⁸. Часть из них указывает на то, что готы выступали в роли завоевателей, что, по их мнению, подчеркивает чуждость готского (германского) элемента в воображаемой восточноевропейской географии. Другие и вовсе склонны видеть в готах незначительную группу, которая практически не оставила следов в восточноевропейском пространстве. Некоторые крымские греческие публицисты⁷⁹ склонны минимизировать готское присутствие (в отличии от греческого) в исторической географии полуострова, полагая, что готы были быстро ассимилированы греками, а сведения Ожье де Бюзбека о встреченных им в Стамбуле в 1560 г. двух готах объявляют «явной фальсификацией», связывая пребывание готов в Крыму с агрессивными устремлениями Запада против православного мира.

Примечательно, что в этом многоголосом хоре звучат и относительно умеренные, взвешенные оценки. В частности, украинский жур-

⁷³ Бузина. 2010.

⁷⁴ Friedman. 2001. P. 41.

⁷⁵ Степанов. 2009.

⁷⁶ Готи і гуни... 2010.

⁷⁷ Терен. 2010.

⁷⁸ Тихомиров. 2010.

⁷⁹ Кесмеджи П., Кесмеджи Г. 2011. С. 86.

нал «Український тиждень», хотя и внес вклад в актуализацию готской темы, сделал это весьма умеренно и осторожно. Евгений Сыныця, например, отметил значительную идеологизацию готской проблематики в советский период, ограничившись абстрактным признанием того, что в прошлом готы присутствовали в пространстве современной Украины. С другой стороны, он подчеркивает, что те же готы на территории будущей Украины создали одно из своих государств [Синиця 2012]. Усилиями ряда украинских авторов готы «возвращаются» в воображаемое пространство Восточной Европы и их существование в определенной степени легитимизируется, о чем свидетельствует признание готской государственности. В подобной ситуации готы из нежелательных и чуждых германцев трансформируются в полноценных и равных со славянами (будущими украинцами) участников восточноевропейского исторического и политического процесса, хотя тенденции к дегерманизации Восточной Европы в плане воображаемой географии сохраняются. В наибольшей степени они характерны для греческой историографии Крыма, которая активно воображает иные версии крымской географии, основанные на принципах эллиоцентризма.

Готы на незавершенных картах Восточной Европы: выводы и перспективы исследования

Итак, готы были чрезвычайно неудобной темой для советской историографии, в то время как на постсоветском пространстве они превратились в предмет околонучных спекуляций, создав условия для нового мифотворчества. В советской модели исторического и географического знания готы были сознательно подвергнуты маргинализации, «изгнанию из пространства», так как являлись германцами, коим не нашлось места в советской воображаемой географии, особенно после Великой Отечественной войны и ликвидации немецкой автономии в РСФСР. Поэтому советские (украинские и русские) исследователи, занимавшиеся изучением черняховской археологической культуры (или более поздними проблемами), были вынуждены актуализировать ее гетерогенный характер, не фокусируя внимание на готском (германском) элементе, указывая, вместе с тем, и на то, что она предшествовала процессу консолидации восточных славян и генезису их государственности.

В этом контексте изгнание готов из советского географического пространства было связано и с формированием, развитием и укреплением советской модели политической идентичности, которая базировалась почти исключительно на славянском этническом фундаменте. Маргинализация готов в рамках советского географического и исторического воображения содействовала актуализации некой условно «чистой» модели

политической идентичности, усилению идеи автохтонности славян и, как следствие, легитимации восточнославянской государственности (Киевская Русь) как полностью самостоятельной и уникальной в том смысле, что она стала результатом социально-экономического развития именно славянских племен в рамках контролируемого ими географического пространства, а не их готских предшественников, которые контролировали регионы, позднее вошедшие в состав Древнерусского государства.

Изгнание готов из исторически воображаемого географического пространства Восточной Европы избавило Киевскую Русь от инокультурных и иноэтнических (готских, т.е. фактически германских) предшественников. Распад СССР в определенной степени реабилитировал готов, но процесс их возвращения и новейшей локализации, точнее – релокации, в исторической географии и пространстве Восточной Европы оказался затруднен. Российские и украинские историки начали пересмотр старых концепций истории черняховской культуры, которая стала восприниматься как гетерогенная, включающая германские (готские), так и славянские компоненты.

Подлинный «ренессанс» пережили крымские готы, интерес к их истории значительно возрос, что, в свою очередь, стимулировало рост греческого национализма. Греческие историки постсоветского Крыма, как оказалось, мало чем в методологическом и теоретическом плане отличаются от своих советских предшественников. Если советские историки «не любили» готов в силу идеологических соображений и поэтому «изгоняли» их с исторического пространства Восточной Европы, то современные греческие крымские историки делают с готами фактически то же самое, руководствуясь идеями греческого национализма, воображая и конструируя средневековую крымскую историю и географию исключительно в грекоцентричной системе координат. Вернувшись в историческое пространство Восточной Европы, готы не могут интегрироваться в историческую географию Крыма, сталкиваясь с жесткой греческой оппозицией и историографической традицией, которая склонна вписывать полуостров в воображаемый эллинский мир.

Таким образом, советская маргинализация и изгнание готов из восточноевропейской исторической географии (по политическим и идеологическим причинам), их постсоветская реабилитация и «возвращение» в новое пространство уже независимой Украины с последующей политизацией (в рамках греческой историографии Крыма) и мифологизацией готской проблематики (в дискурсе украинских СМИ) свидетельствует о той мощной роли, которую географическое воображение в сочетании с историческим играло и продолжает играть в формировании и трансформации

политических идентичностей. Кроме этого, процесс ментального картирования Восточной Европы в целом и Украины, как частного случая большого воображаемого восточноевропейского пространства, не завершен, о чем свидетельствуют новейшие злоключения готы (почти «изгнанных» усилиями крымских греческих историков) в воображаемом географическом и историческом пространстве постсоветского Крыма.

О важности текстов в географическом исследовании, или к множеству воображаемых миров-географий

Готы – не единственный народ, который исторически присутствовал на территории Большой Восточной Европы, но позднее оказался сложно картируемым на ее ментальных картах и в воображаемых географиях. Среди других претендентов на подобный статус – кельты и мадьяры в Украине, славяне в современной Австрии, болгары в Македонии, македонцы в Болгарии, украинцы на территории Кубани. Если кельты все-таки смогли быть интегрированными в историческую географию Украины, то с венграми сложилась иная ситуация. В условиях существования взаимных исторических претензий и мифов венгры в Украине оказались подходящими кандидатами для конструирования образа Других, что отягощено и определенным ростом реваншистских настроений в Венгрии, радикальные политики на территории которой указывают на венгерскую принадлежность Унгвара/Ужгорода, интегрируя его в воображаемый мадьярский мир. Аналогичная ситуация сложилась и с украинцами на территории Кубани: зона исторической украинской колонизации подверглась в XX в. советизации и русификации, что привело к превращению украинцев в национальное меньшинство. На современном этапе сложности картирования связаны с напряженными межгосударственными отношениями России и Украины и с ростом русского национализма.

Чрезвычайно перспективным направлением для изучения воображаемой географии может стать обращение к феномену Граца. Подобно многим другим городам Австрии в названии Граца заметны славянские корни. Кроме этого Грац (Graz) стал своеобразным коллективным местом памяти для соседних Хорватии и Словении. В хорватской исторической и политической традиции город известен как Gradac, а в словенской – Gradec. Сосуществуют и конкурируют три различные воображаемые географии – немецкого Граца, словенского Градеца и хорватского Градаца, которые актуализируются демографическими трансформациями 1990–2000-х гг., связанными с ростом численности в регионе выходцев как из бывшей Югославии (в первую очередь словенцев и хорватов), так и новых европейцев, прибывших из мусульманских стран Востока, которые в

перспективе могут сформировать новую, радикально иную воображаемую географию Граца, который необязательно будет называться *غراتس*, и где немецкоязычные австрийцы станут историческим воспоминанием или в лучшем случае окажутся религиозным и национальным меньшинством подобно хорватам или словенцам в современном Граце.

Не менее сложно и напряженно развиваются процессы географического и исторического воображения и картирования в Болгарии и Македонии. На протяжении XX века усилиями болгарских интеллектуалов формировалась особая воображаемая география Македонии как неотъемлемой части большого болгарского исторического и географического пространства. Все эти многочисленные интеллектуальные и научные упражнения и спекуляции сначала были поставлены под сомнение, а потом и вовсе сведены на нет двумя событиями – созданием македонской государственности в рамках политической географии Югославии и появлением на политической карте Европы независимой Македонии в начале 1990-х годов. Если в болгарских версиях македонской истории и географии пространство того, что сейчас известно как БЮРМ усиленно воображается в категориях болгарскости, то усилиями македонских интеллектуалов то же самое пространство, наоборот, усиленно македонизируется.

Все эти актуальные проблемы создают условия для их междисциплинарного изучения в будущем на стыке анализа различных форм и версий исторического и географического воображения. В центре новых работ, написанных в русле воображаемой (точнее – воображенной) географии, могут оказаться не столько пространства в их физической форме, сколько стратегии вытеснения и забывания присутствия других сообществ в пространстве, субъективно воображаемым в качестве своего. Универсальным источником для воображаемой географии могут стать тексты и коллективные представления о земле как почве для развития той или иной культуры и нации (в стиле эссенциалистских и приморидиалистских концепций, столь любимых большинством националистов), о территории, о пространстве в художественной литературной традиции. Не менее значимую роль в изучении воображаемых географий могут играть и условно научные тексты о пространстве, которые вполне могут применяться в качестве источника, особенно в тех случаях, когда речь идет об обществах, в которых национализм и связанные с ним aspirations не утратили своей роли. Воображаемая география, построенная на анализе не совсем географических нарративных источников, может оказаться интегративной формой знания для изучения тех или иных интеллектуальных сообществ, которые (будучи связанными

как с процессами национального строительства, так и с легитимацией пребывания на той или иной территории, в конкретном пространстве, отделенном политическими границами от таких же других пространств (Других) конструируют, воображают и картируют современные нации и национальные государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айбабин А.И.* Готы на Боспоре. Мифы и реалии // Боспор Киммерийский на перекрестке греческого и варварского миров. Керчь, 2000. С. 5–7.
- Андреев А.* История Крыма. М., 2002. С. 66–68.
- Астров А.* Эстония: политическая борьба за место в истории // Pro et contra. 2009. № 3–4. С. 109–124.
- Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро / науч. ред. А.И. Романчук. Екатеринбург, 2001.
- Бандровський О., Карманов О.* До питання про появу готів на Кримському півострові в III ст. н.е. // Вісник Львівського Університету. Серія історична. 1997. Вип. 32. С. 168–175.
- Баран В.Д.* Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблемы расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983. С. 7–48.
- Баран В.Д.* Черняхівська культура – поліетнічне утворення на території південно-східної Європи // Археологія давніх слов'ян. Київ, 2004. С. 91–102.
- Баран В.Д.* Черняхівська культура: за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу. Київ, 1981.
- Баран В.Д., Баран Я.В.* Історичні витоки українського народу. Київ, 2005. С. 179. URL: http://www.anthropos.net.ua/jspui/bitstream/123456789/1789/1/174-182_Barан_V+Баран_Я.pdf
- Баран В.Д., Гороховський Е.Л., Магомедов Б.В.* Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии) / отв. ред. П.П. Толочко. Киев, 1990. С. 30–78.
- Баран М.* Формування слов'янських старожитностей раннього середньовіччя за новими археологічними даними // IX Міжнародний з'їзд славістів. Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів. Київ, 1983.
- Бахрушин С.В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927.
- Бахрушин С.В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. М., 1959.
- Бірнрауер Ф.* Готи в I–VII ст.: територія розселення та просування за археологічними джерелами // Археологія. 1995. № 2. С. 32–51.
- Борох О., Ломанов А.* Китай: возвращение небесного спокойствия // Pro et contra. 2009. № 3–4. С. 65–88.
- Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990; СПб., 1999.
- Буданова В.П.* О трансформации «готицизма» // Славяне и их соседи. Средние Века – раннее новое время. М., 1999. Вып. 9. Славяне и немцы. 1000-летнее соседство: мирные связи и конфликты / отв. ред. Л.В. Заборовский. С. 13–33.
- Буданова В.П.* Этническая структура «государства Германариха» (по данным письменных источников) // КСИА АН СССР. 1984. Вып. 178. С. 35–38.
- Бузина О.* Данпарштадт – германский город на карте Киева. URL: <http://www.segodnya.ua/world/ictorii-ot-olecja-buziny-danparshtadt-%E2%80%93-hermanckij-horod-na-karte-kieva.html>.

- Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь – М., 1996.
- Винокур И.С.* Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II–V ст. н.е. Київ, 1972. С. 18–21, 148–149.
- Войтович Л.* Готи на території України: результати досліджень на початок XXI століття // Археологічні дослідження Львівського університету. 2008. Вип. 11. С. 35–64.
- Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / пер. с нем. Б.П. Миловидова, М.Ю. Некрасова. СПб., 2003.
- Готи і гуни на території України. Загадка гунів. URL: http://www.aratta-ukraine.com/sacred_ua.php?id=60
- Державин Н.С.* Готы и восточные славяне. URL: <http://rusmir.in.ua/ist/350-drevnejshij-period-v-istorii-slavyan-goty-i.html>
- Заморяхин А.* Готы Северного Причерноморья III–IV веков в дореволюционной отечественной историографии // Исседон. 2003. Т. 2. С. 171–183.
- Замятин Дм.* (2010) Локальные мифы: модерн и географическое воображение. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/dmitriy-zamyatin/12250-lokalnye-mify-modern-i-geograficheskoe-voobrazhenie.html>
- Зинько А.В.* «Готы» в Восточном Крыму // Боспорские исследования. Керчь, 2008. Вып. XIX. С.129–137.
- Зиньковская И.В.* Анты и готы в Днепро-Донецкой лесостепи / науч. ред. А.З. Винников. Воронеж, 1999. С. 132, 134.
- Зиньковская И.В.* Готы и черняховская культура в современной украинской историографии // Вестник ВГУ. Сер.: История, политология, социология. 2010. № 1. С. 23–31.
- Зиньковская И.В.* Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж, 2010.
- Кабо Р.М.* Природа и человек в их взаимных отношениях, как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. М., 1947. Сб. 5 (География населения). С. 5–32.
- Казанский М.* Германцы в Юго-Восточном Крыму в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим. Сборник научных статей, посвященных И.С. Пиоро. Киев, 2006. С. 26–41.
- Казанский М.* Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 277–297.
- Калхун К.* Национализм. М., 2006. С. 113.
- Касьянов Г.* Национализация истории в Украине. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009/01/06/ukraine.html>
- Кесмеджи П., Кесмеджи Г.* История Княжества Феодоро. Греческая топонимика Крыма. Симферополь, 2011. С. 86.
- Кизилов М.Б., Масыкин В.В.* Готы // От киммерийцев до крымчаков. Народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII века / ред. И.Н. Храпунов, А.Г. Герцен. Симферополь, 2010. С. 71–86.
- Курчанов М.В.* Географическое как слишком политическое: американская «реакционная» география и империализм в советском географическом воображении первой половины 1950-х годов // Культурная и гуманитарная география. 2013. № 1. С. 10–17. URL: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/66>
- Козак Д.* Торгово-ремісничий та культурний центр готів на Волині // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича. Львів, 2011. С. 324–345.
- Козак Д.Н.* До проблеми співіснування слов'ян і германців в Україні у другій чверті I тис. н.е. // Старожитності Русь-України. Київ, 1994. С. 31–36.

- Козак Д.Н. Поселення готів на Хрінницькому водоймищі // Археологія давніх слов'ян. Київ, 2004. С. 49–90.
- Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность // An Imperio. 2003. № 1. С. 485.
- Лавров В.В. Готские войны III н.э.: римское культурное влияние на восточногерманские племена Северного Причерноморья // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2003. С. 332–352.
- Левада М.Е. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // Боспорские исследования. Симферополь–Керчь, 2006. Вып. 11. С. 194–249.
- Линднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Беларусіка / Albaruthenica. Мн., 1997. Т. 6. Ч. 1. С. 118.
- Любичев М.В. Черняховская культура Днепро-Донецкой лесостепи: история исследования и основные проблемы изучения. Харьков, 2000. С. 133–139.
- Магомедов Б. Готи і гепіди в культурах римського часу // Українська наука: минуле, сучасне майбутнє. Археологія Тернопільщини. Тернопіль, 2003. С. 155–161.
- Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Люблин, 2001. С. 115–117.
- Магомедов Б.В. Готи в Східній Європі // Археологія. 1999. № 4. С. 57–64.
- Михайлов Н.Н. Образ места // Вопросы географии. М., 1948. Сб. 10 (Экономическая география СССР). С. 193–198.
- Петухов Ю.Д., Васильева И.Н. Агрессия против Великой Алании: готы и гунны. URL: http://adm.w.ru/books/_YU-D-Petukhov-N-I-Vasileva-Evraziyskaya-imperiya-skifov-14
- Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990.
- Пиоро И.С. Крымські готи у світлі минулих та сучасних історико-археологічних досліджень // Хроніка – 2000. Вип. 33. Крим – кризь тисячоліття. С. 239–248.
- Пиоро И.С. Готи в гірському Криму // Vita Antiqua. Київ, 1999. Вип. 1. С. 89–94.
- Пиоро И.С. Крымські готи в світлі історико-археологічних та етнологічних досліджень // Археологія. 2000. № 3. С. 18–27.
- Пятигорский С. Змиевы валы – табу в истории. URL: http://www.softhawkway.com/zmievy_valy.htm
- Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975. С. 302–332.
- Рудич Т. Антропологічний склад населення черняхівської культури Західної України // Археологія. 2004. № 3. С. 37–48.
- Рудич Т. Антропологічний склад населення черняхівської культури Північного Причорномор'я // Археологія. 2003. № 4. С. 19–32.
- Рудич Т.А. Население черняховской культуры Дунайско-Днестровского междуречья по материалам антропологии // Stratum plus. 2010. № 4. С. 223–231.
- Саушкин Ю.Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. М., 1946. Сб. 1. С. 97–106.
- Синиця Є. «Країна Оюм»: готські племена зробили помітний внесок у культуру давньої України // Український тиждень. 2012. 17 березня. <http://tyzhden.ua/History/44371>
- Синиця Є. Війни за готів: готський спадок в Україні ХХ ст. став чинником ідеологічної боротьби // Український тиждень. 2012. 17 березня. <http://tyzhden.ua/History/44372>
- Скарильи П. Готы. Язык и культура / пер. с нем. А.Д. Сыщикова, науч. ред. Г.А. Баева, П.В. Шувалов. СПб., 2012.
- Смішко М.Ю. Відносно концепції про германську намежність культури полів похавань // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 1961. № 3. С. 59–76.

- Степанов М. Готи // Пресс-центр. 2009. 2 сепня.
URL: <http://pres-centr.ck.ua/print/news-12165.html>
- Сусько К.М. Готи в історії Європи // Карпатика. 2007. Вип. 36.
URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Karpatyka/2007_36/011.htm
- Терен М. Немцы, готы и германцы. <http://narodna.pravda.com.ua/history/4ab3d0d7dc7be/>
Тихомиров В. О, майн готы! URL: <http://www.ogoniok.com/5009/23/>.
- Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 227–263.
- Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // *Ab Imperio*. 2003. No 3. С. 337.
- Цвиклински С. Татаризм vs булгаризм: «первый спор» в татарской историографии // *Ab Imperio*. 2003. No. 2. С. 364.
- Шаров О.В. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // *Stratum plus*. 2010. № 4. С. 251–285.
- Шеррер Е. Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et contra*. 2009. № 3–4. С. 89–108.
- Шницерльман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003. С. 11.
- Шукин М.Б. Время «Че» – рубеж тысячелетий // *Stratum plus*. 1999. № 4 (Время «Че»: к столетию открытия черняховской культуры). С. 5–7.
- Шукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Юрочкин В.Ю., Колтухов С.Г. Готия // *От Скифии до Готии*. Симферополь, 2004. С. 100–201.
- Яцунский В.К. Историческая география как научная дисциплина // *Вопросы географии*. М., 1950. Сб. 20 (Историческая география СССР). С. 13–41.
- Agnew J.A. Space: place // *Spaces of geographical thought: deconstructing human geography's binaries* / eds. P. Cloke, R.J. Johnston. Thousand Oaks, 2005. P. 81–96.
- Allen J. Making space for topology // *Dialogues in Human Geography*. 2011. Vol. 1. No. 3. P. 316–318.
- Anderson B. *Imagined Communities*. L. – NY., 1983.
- Bouzarovski St., Bassin M. Energy and Identity: Imagining Russia as a Hydrocarbon Superpower // *Annals of the Association of American Geographers*. 2011. Vol. 101. No. 4. P. 783–794.
- Clarke R., Anteric M. Fanny Copeland and the Geographical Imagination // *Scottish Geographical Journal*. 2011. Vol. 127. No. 3. P. 163–192.
- Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. Vol. 10. No. 4. P. 532.
- Cohen P. Geography Redux: Where You Live Is What You Are // *New York Times*. 1998. March 21.
- Daniels S., Rycroft S. Mapping the modern city: Alan Sillitoe's Nottingham novels // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1993. No. 18. P. 460–480.
- Dunn K.M. Cultural geography and cultural policy // *Australian Geographical Studies*. 1997. Vol. 35. No. 1. P. 1–11.
- Flirting with Space: Journeys and Creativity / ed. by David Crouch. Burlington, 2010.
- Friedman J. History, Political Identity and Myth // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. 2001. No. 1. P. 41.

- Gibson Ch.* Cultures at work: Why 'culture' matters in research on the 'cultural' industries // *Social & Cultural Geography*. 2003. Vol. 4. No. 2. P. 201–215.
- Hubbard Ph.* Thinking spaces, differently? // *Dialogues in Human Geography*. 2012. Vol. 2. No. 1. P. 23–26.
- Inventing places: studies in cultural geography / eds. K. Anderson, F. Gale. Melbourne, 1992.
- Jackson P.* Geography and the cultural turn // *Scottish Geographical Magazine*. 1997. Vol. 113. No. 3. P. 186–188.
- Lindner R.* New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus // *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27. No. 4. P. 631.
- Livingstone D., Harrison R.T.* Meaning through metaphor: analogy as epistemology // *Annals of the Association of American Geographers*. 1981. Vol. 71. No. 1. P. 95–107.
- Lowenthal D.* Geography, Experience, and Imagination: towards a geographical epistemology // *Annals of the Association of American Geographers*. 1961. Vol. 51. No. 3. P. 241–260.
- Matless D.* *Landscape and Englishness*. L., 1998.
- Mitchell D.* There's no such thing as culture: towards a reconceptualisation of the idea of culture in geography // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1995. No. 20. P. 102–116.
- Rycroft S., Jenness R. J.B.* Priestley: Bradford and a provincial narrative of England, 1913–1933 // *Social & Cultural Geography*. 2012. Vol. 13. No. 8. P. 957–976.
- Shields R.* Flow as a New Paradigm // *Space and Culture*. 1997. Vol. 1. No. 1. P. 1–7.
- Soja E.* *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. N.Y., 1989.
- Street A., Coleman S.* Real and Imagined Spaces // *Space and Culture*. 2012. Vol. 15. No. 1. P. 4–17.
- Thomson D.* Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers // *Encounter*. 1968. Vol. 30. No. 6. P. 27.
- Whatmore S.* *Hybrid Geographies: Natures, Cultures, Spaces*. L., 2002.
- Wright R.* Some Reflections on Relevance in Rediscovering Geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1999. Vol. 89. No. 1. P. 155–157.

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений Воронежского государственного университета; maksymkirchanoff@gmail.com.

ВЕНЕТА ЯНКОВА

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО О ТАТАРАХ В ЛИТВЕ И ПОЛЬШЕ

Поселение татар в землях Великого княжества Литовского (ВКЛ) относится к концу XIV – нач. XV в.). Их длительное существование в различной культурно-религиозной среде привело к культурной и языковой ассимиляции. В данной статье внимание сосредоточено на важном конструктивном элементе современной идентификации: месте и роли прошлого и образах и представлениях, связанных с историей.

Ключевые слова: образы прошлого, татары, идентичность.

Культура татар в Польше и Литве вызывает актуальный исследовательский интерес в связи с характерными для исторических диаспор процессами, протекающими в условиях этнических и религиозных различий¹. И хотя в настоящее время территория ВКЛ разделена государственными границами Польши, Литвы и Белоруссии, можно утверждать, что в татарских общностях разных национальных государств протекают аналогичные процессы, которые базируются как на общем историческом, религиозном и культурном наследии, так и на самых интенсивных контактах между ними. Специфика культурных и этноконфессиональных процессов в этом районе проявляется в интеллектуальных поисках адекватного соответствия для их определения через такие понятия как: «западно-татарская культура», «европейский ислам», «польский ислам» и др., а также в актуализации идеи о мессианской роли местных мусульман в диалоге между христианством и исламом.

В настоящей статье внимание сосредоточено на важном конструктивном элементе современной идентификации татар: месте и роли прошлого и образах и представлениях, связанных с историей. Цель – наметить продуктивную исследовательскую перспективу, которая требует специального подхода. Статья базируется на проведенном полевом исследовании татарских поселений в Литве (Вильнюс, Каунас, Немежис, Сорок татар, Райжай, Тракай) в марте 2012 г. и в Польше (Бялисток, Сокулка, Бохоники, Крушиняни) в 2011 г. Исследование опирается на *теорию культурной памяти* Яна Асмана [2001] и такие исследовательские методы, как *устная история*² и *биографический подход*³.

¹ Hall. 1989; 1990; Vertovec. 2000.

² Здесь необходимо разграничить употребление понятия *устная история*, с одной стороны, как массива информации о прошлом, постигаемого через потенциал

Заметки к устной истории татар в Литве

Устная история – это *человеческое лицо* объективно протекающих исторических событий, обогащенных множеством субъективных точек зрения, очерченных эмоциями, отношениями, ценностями, мотивациями. Эта история сконструирована уникальными субъективными свидетельствами о неофициальной повседневной жизни «маленького» человека в «большой» истории, микроистории сел и регионов и этнической истории общностей. Индивидуальная проекция устной истории проявляется как живая память, расположенная в обозримом биографическом времени. Отмеченные личными воспоминаниями и непосредственными переживаниями, часто это будничные, интимно-человеческие, негероические истории. Но их значимость как конструктивных элементов коллективной памяти и трансляторов информации, не сохраненной каким-либо другим способом, довольно значительна. Устная история осмысливается в соотношении с «искусством памяти», при этом сохранение сведений о прошлом осуществляется в соответствии с потребностями и требованиями настоящего, сохраняются мифы (об «утраченной гармонии», «золотом веке», «героическом прошлом» и др.), сохраняются и передаются нормативные ценности общности⁴. Вот почему, благодаря своей множественности и субъективно-эмоциональным пластам, любая устная история должна интерпретироваться в контексте характерных нормативных кодов своей собственной культуры. Следует также подчеркнуть, что когнитивные возможности устной истории раскрываются через отношения между индивидуальным и коллективным. Особая исследовательская проблема связана с влиянием официальной истории на повседневность обыкновенного человека, а также с формированием под ее влиянием определенных взглядов и представлений. С другой стороны, свидетельства устной истории осуществляют своеобразное возвращение к изначально устному слову. Другими словами, здесь слово содержит в себе различные модальности устной культуры: как потенциального источника информации письменно незасвидетельствованных событий и как возможности вторичного превращения письменного слова в устное через такие акты как: мифологизация, фольклоризация и продукты массовой культуры.

С 1990-х гг. опубликовано множество исследований, посвященных различным моментам истории татар, установившихся на этих территориях, их письменному наследству, биографиям выдающихся личностей

устного слова и формы (чаще всего!) нарратива и биографического рассказа, а с другой – как научно-исследовательского метода.

³ Abrams. 2010; Confino. 1997; Hutton. 1993; LeGoff. 1996; LeGoff, Nora. 1984.

⁴ Hutton. 1993.

татарского происхождения⁵. Но все еще отсутствуют масштабные академические исследования указанной здесь проблематики⁶. Актуальность дальнейших исследований устной истории татар в Литве и Польше мотивирована бесспорной необходимостью: сохранить уникальные житейские свидетельства о значимых исторических событиях с фокусированным акцентом на «татарской точке зрения»; очертить представления о прошлом (*past concept*) как легендарность и миф, а также как лично пережитое событие; соотнести полученные данные с концептом *идентичность* путем описания обобщенных представлений о себе и своей общности и наметить специфические маркеры пограничности⁷; зарегистрировать и анализировать мобилизирующие и травматические моменты истории общности и т.д. Специфическим аспектом этого проблемного поля являются представления о прошлом и о конкретных событиях прошлого, их осмысление и оценка, а также их соотношение с современными социальными практиками.

Легендаризованные нарративы о расселении татар и биографические свидетельства о пережитых ими кризисных моментах жизни общности маркируют контрапункты в исторической памяти: мифологизированного *пра-начала* – удаленного во времени, не засвидетельствованного документально и лишённого осязаемого непосредственного опыта и личных и/или семейно-родовых воспоминаний.

Легендарное пра-прошлое

Еще с середины XIX в. информационный потенциал легенд о прошлом татар привлекает ученых, которые исследуют для этих целей османские документы и анализируют сохранившиеся фольклорные свидетельства⁸. Так например, исследования названия села *Keturiasdešimt totorių* (Сорок татар) направлены на обоснование его вероятного восточного происхождения путем привлечения доказательств о месте числа 40 как определителя множественности в тюркской мифологии и в более поздних представлениях⁹. В том же селе в ходе полевых исследований была зарегистрирована легенда, сохраняющая мифологизиру-

⁵ *Lapiszcz*. 1986; *Drozdz et al.* 1999, 2000; *Miskinene*. 2001; *Tyszkiewicz*. 1989; *Miškiewicz*. 1990; *Bairausauskaite*. 1996; *Miškiewicz, Kamocki*. 2004; *Jakubauskas, Sitydkov, Dumin*. 2012 и др.

⁶ Данная статья является частью научно-исследовательского проекта «Устная история татар в Литве».

⁷ *Barth*. 1969; *Cohen*. 1993; 1994.

⁸ *Мухлинский*. 1857; *Tuhan-Baranowski*. 1896; *Kryczyński*. 1938; *Borawski-Dubiński*. 1986; *Miškiewicz*. 1993.

⁹ *Borawski-Dubiński*. 1986: 233-234.

щее воспоминание о заселении татар в этой части Европы: «Когда Витаутас воевал, он взял татарских воинов. А татары были очень хорошими воинами и они были очень серьезны. И вот, Витаутас победил, Литву завоевал. И он здесь поселился. Я это в истории читала, он поселил здесь 40 воинов. Он им разрешил... И 40 татар – это название села. Дал им землю, разрешил им на полячках и на литовках жениться. Вот поэтому и мы такие смешанные... С тех пор прошло более 600 лет...» (Раиса Милкамонович, Сорок татар, Литва; 19.03.2012.).

Легенда о возникновении татарского села Немежис и этимология его названия также связывает поселение татар с деятельностью великого литовского князя Витаутаса (Витолт, Витовт)¹⁰: «Здесь находился семейный замок Витаутаса Великого. Наиболее знатные татары были поселены в Немежисе для охраны князя. Здесь умерла его жена. В знак благодарности за преданность татар, эта земля была отдана им безмерно – ее не измеряли. Ее название происходит от польского слова “*niemeżzna*”) – „бери землю без меры!”, „немерная земля”¹¹. Здесь протекает река Немежанка. Здесь все связано с татарами, вся земля принадлежит татарам». (Таир Кузнецов, Немежис, Литва, 2012. 03. 20).

Показательно, что эти устные рассказы представляют собой целостные и обобщающие нарративы, на которые, несомненно, оказали влияние письменные регистрации легендарных данных в учебниках и популярных исторических источниках («Я в истории читала...»). Они формируют представление о татарах как отличных воинах и преданных слугах своего сюзерена и персонифицируют акт поселения с личностью Витаутаса Великого. Данные им привилегии сводятся к наделению их землей и правом на брак с местными девушками¹². Эти нарративы содержат и этиологические элементы: легендарным пра-прошлым общности объясняются настоящие особенности (например, гетерогенное происхождение), или же местные локусы соотносятся с валоризированным татарским прошлым и осмысливаются как *свое* пространство. При этом эти легендарные нарративы формируют целостное представление о далеком пра-прошлом общ-

¹⁰ Витаутас Великий (1392–1430) занимает важное место в национальной памяти народов, считающихся наследниками ВКЛ, а в современной Литве он считается национальным героем. *Гудавичюс*. 2005; *Borawski-Dubiński*. 1986:230-231; *Mickunaite*. 2006.

¹¹ Существует параллель с отмеченным Боравским-Дубинским популярным легендарным мотивом «дар такого пространства земли, которое можно объехать на коне за один день». *Borawski-Dubiński*. 1986:234.

¹² Согласно историографическим исследованиям, привилегии татар касаются также религиозной сферы (право исповедовать ислам, передавать его своим наследникам, а также строить мечети) и их самоуправления.

ности, в котором татары описывают себя как преданных воинов, получивших подобающий прием в новой культурной среде, мотивирующей видимые в обозримом времени процессы адаптации, аккультурации и ассимиляции. Так устанавливаются своеобразные связи между монолитностью и однозначностью легендарного нарратива, с одной стороны, и множественностью и калейдоскопичностью устной истории и осязаемостью происходящего в житейско-биографических рассказах – с другой.

Травматическая память: война, депортация в Сибирь, “советская оккупация”

Время до и после Второй мировой войны и т.н. «социалистический период» (1940–1990) для литовского народа связывается с существенными идеологическими, политическими, экономическими и культурными трансформациями, которые, согласно теории социальных изменений, могут быть определены как *социальная (культурная) травма*¹³. Происходят резкие изменения установленного социокультурного порядка и активизируются деструктивные процессы с продолжительным вредоносным эффектом в обществе, в результате которого на долгое время нарушаются и полностью разрушаются его старые основы. К наиболее важным травмотогенным факторам для татарской общности в Литве, могут быть отнесены: физическое уничтожение людей во время войны и последствия этой войны, депортации в Сибирь при „сталинском режиме”, массовая эмиграция, радикальная экономическая реформа (ликвидация частной собственности, коллективизация) и связанные с ней инфраструктурные изменения (урбанизация, мелиорация) и т.д. При этом доминирующая идеология атеизма и концепция «единого советского общества» не учитывают этнические и религиозные меньшинства и ограничивают свободу вероисповеданий. Именно в это время были уничтожены или оставлены на произвол и саморазрушение исламские святыне места – джамии и кладбища, а религиозная жизнь в ее публичные формы была крайне редуцирована и сведена к узкому кругу семьи и сельской общности¹⁴. Вот почему в коллективной памяти литовских татар-мусульман, этот период оценивается как потерянный для генофонда общности и ее религиозного и культурного наследия. В результате всего этого формируются конструкты негативной исторической памяти.

Обобщим преобладающие темы в нарративах устной истории:

1. Рассказы о смерти невинных людей во время Второй мировой войны и ее последствиях. Таково, например, детское воспоминание о

¹³ Штомпка. 2001.

¹⁴ Miśkiewicz. 1993.

массовых убийствах евреев во время Второй мировой войны: *«Когда по евреям стреляли, было страшно. Мы прикладывали ухо к земле и слышали стоны. Похоже на ад! Живых людей закапывали!»* (Розалия Базараускене, г. Каунас, Литва).

2. Нарушение традиционных межличностных отношений, антигуманность и такие негативные действия и реакции как подозрительность и враждебность. Все это нарушало установленные моральные ценности и порождало у индивидуума чувство обреченности и безысходности. *«Ночью приходят „партизаны“: „Давай! Все!“ Потом приходит немец – евреев ищет...»* (Раиса Милкамонович, с. Сорок татар, Литва). *«Темные люди» спрашивают: „Что ты делаешь?“ „Картошку сажаю.“ „Все равно, не будешь ее есть – вчера евреев расстреляли, скоро расстреляют поляков, а потом – татар...»* (Розалия Базараускене, г. Каунас, Литва).

3. Депортации в Сибирь во время сталинизма. Это драматические нарративы об адаптивных практиках повседневности, проявленной воли к выживанию и человеческой сопричастности. Таковы истории о литовке, которая прятала детей своих соседей-татар, чтобы их спасти; о литовце, который отказался перевозить определенных к депортации людей. В этом тематическом круге преобладают рассказы о потере близких людей, причем многократно подчеркивается, что последствия для татарской общности были разрушительными не только по причине ее физического уничтожения, но и потому, что была уничтожена ее интеллектуальная прослойка: *«умные, грамотные, богатые, трудолюбивые люди – цвет нации!»*. *«В Сибири – все родственники папы! Они были военными при царе и мой дед был офицером»* (Розалия Базараускене, г. Каунас, Литва). В этом плане разрушение устоев “коллективного тела” приобретает пространственные измерения: *„Здесь [в Литве] (выделено мной. – В.Я.) наша родина, нам не хотелось уезжать Туда [в Сибирь] (выделено мной. – В.Я.)»* (Тамара Градабойева, с. Сорок татар, Литва).

В тяжелое испытание превращается возвращение в родные края в 1954 г., ставшее возможным после смерти Сталина: *„Когда мы вернулись, тяжело было. Нам не разрешали вернуться домой, жили на квартирах. Колхоз продал земли, дома, после того, как их хозяева не вернулись из Сибири.“* (Тамара Градабойева, с. Сорок татар, Литва). *„Русские разобрали, тут одни камни остались, камни-подмуровки. Вернулись – ничего нету!“* (Раиса Милкамонович, с. Сорок татар, Литва).

4. Период после 1940-х гг., который в Литве открыто называется «советская оккупация». Биографические рассказы о нем представляют разные стратегии выживания в кризисных ситуациях, индивидуальное и

групповое поведение в целях самосохранения и защиты общественных устоев. Коллективизация частной собственности переживается как уничтожение достигнутого трудом семейного благосостояния и социального престижа: *«Мой отец был прекрасным овощеводом, он выращивал ранние овощи и очень разбогател. Грамотный был. Пришла советская власть. Земля, которую он купил пошла прахом – конфискация.»* (Фелиция Базараускайте, г. Каунас, Литва).

В контексте личной биографии для Айши Ясинской из села Сорок татар, это время бедности и жизненных испытаний: *«Мы много работали, жатва, молотили зерно, все делали вручную. И в школу надо было ходить. Я любила учиться. Так любила! Через окно убегала в школу. А мой отец ругал меня...»* (Айша Ясинская, с. Сорок татар, Литва).

Тяжелые воспоминания советского периода, связываются с традиционными верованиями и суевериями. Так, например, уничтожение татарских кладбищ воспринималось как осквернение святого места, провоцировало представления о демоническом и силах хаоса: *«В советское время уничтожили татарские кладбища и построили на их месте дома. А теперь в этих домах живут привидения. Кто строит дом на кладбище, с ним что-то начинает происходить – ночью что-то падает, скрипят окна, ...мертвецы...»* (Раиса Милкамонович, с. Сорок татар, Литва).

5. Особенно впечатляюще и эмоционально воссоздаются воспоминания о защите религиозной жизни в условиях вынужденного атеизма. У татар-мусульман сопротивление выражается в тайном выполнении религиозных обрядов, прежде всего в кругу семьи, и реже – в открытых протестах, которые, будучи нехарактерными для этого времени, оставляют незабываемые воспоминания¹⁵.

Специального внимания требует анализ способов, последствием которых официальная историография воздействует на устную историю и, в частности, на распространение идеологически обусловленных стереотипов. Для татар в Литве именно таким является обобщенный образ татарина. Уточню, что до 1990-х гг. в академической и в популярной историографии доминировала концепция т.н. «татаро-монгольского ига», в которой татары представлены как завоеватели и поработители¹⁶. В то время официальная идеология находилась в конфликтных отношениях с естественными положительными коннотациями в самопредставлении индивидуума/общности. Это привело к распространению более целостных рассказов, имеющих статус своеобразного примера пережи-

¹⁵ Kim. 2011.

¹⁶ Podolak. 2004.

того индивидуального и группового идентичностного кризиса: «В учебниках пишут о „татаро-монгольском иге“... – одним словом – это очень неприятно для татар! Рассказывают следующее: Мальчик 8-9-и лет летом гостил у бабушки и дедушки в селе. Мальчик читал историю о монгольском нашествии. Ему было страшно – какие они страшные эти татары! Однажды он узнал, что его дед татарин. И он убежал, это произошло в 50 км от Каунаса, он пешком сбежал от своего деда. Испугался, что когда он проснется, придет его дед и задушит его.. Ведь его дед – ТАТАРИН!!!» (Розалия Базараускаене, г. Каунас, Литва).

Эмоциональный рассказ татарки из Райжая (Литва)¹⁷ обобщает трудности, которые ее соотечественники-мусульмане пережили в период атеизма и представляет способы адаптации и самосохранения, бытовые проявления религиозных практик. Это и рассказ об индивидуальном и коллективном сопротивлении унификации и ассимиляции, а также – об осмыслении роли, которую религия (ислам) играла в качестве наиболее существенной опоры татарской идентичности. Одновременно с этим подтверждается значение семейно-родственных связей, как источника индивидуальной и групповой устойчивости в ситуации социальных изменений. А генеративная память (по Асману) осмысливается как исключительно важная для обеспечения преемственности в культурном опыте и сохранения общности. В этом смысле особенно активна память вещей – в родовых воспоминаниях предметы быта приобретают сакральный статус семейных реликвий.

Итак, зарегистрированные нарративы татарской устной история отражают непосредственные житейские примеры сохранения этничности и религиозности в период социального и культурного кризиса. Это случаи пережитого, выстраданного и эмоционально-коннотированного человеческого опыта. Они обнажают формы консолидации и разделения общности и испытаний, связанных с утвержденными традицией моральными нормами и принципами. И еще нечто существенное: если далекое прошлое предков в коллективных представлениях функционирует в легендарных измерениях и в известном смысле создает миф о «золотом веке», то устная история о пережитом недавно интерпретируется в парадигмах социокультурной травмы и кризиса идентичности. Все это в значительной степени мотивирует процессы в татарской общности после 1990-х гг., которые можно определить как часть мировых тенденций, называемых «этническим ренессансом» и «демократизацией истории»¹⁸. К этому же

¹⁷ См.: Приложение.

¹⁸ Novak. 1971.

времени можно отнести начало новейшего периода в историографии о татарах в данном регионе.

Историография, *commemoratio*, места памяти

В 1990-е гг. было положено начало современным исследованиям литовских татар, которые можно определить как возрождение интереса к татарскому прошлому и к актуальным процессам в общности, к переосмыслению культурно-исторического наследия, введению в научную сферу новых фактов и документов и их популяризации через возможности глобальной сети¹⁹. Возобновленная научная рефлексия о татарах в значительной степени инициирована современной татарской интеллигенцией в Польше и Литве.

Наряду с изучением истории, этнографии, письменного наследия, намечаются и некоторые новые направления:

1. Создание энциклопедических изданий, систематизирующих важнейшую информацию о вкладе татар в развитие истории и культуры принявшего их народа. Особое место занимают т.н. персоналии – публикации, связанные со значимыми личностями в прошлом общности²⁰.

2. Религиозная жизнь и религиозная культура. Место и роль татар в исламском мире – до и после²¹. Анализ специфической культуры татар в Польше, Литве и Белоруссии как части рано сформировавшейся исламской традиции в Европе²². Вместе с тем процессы, протекающие в татарской общности сегодня, продолжают быть объектом специального интереса исследователей в связи с актуальными концептами «идентичность» и «Другой» и соотношением «христианство – ислам». Эти исследования связаны с процессами ассимиляции и модусами сохранения общности; специфической «гибридной идентичностью» и разграничением с ортодоксальным исламом²³.

3. Интерес исследователей сосредоточивается на литературно-художественном наследии татар как рефлексии этой идентичности.

Значительную часть в этом многостороннем исследовательском процессе занимают исторические работы – как академические, так и научно-популярные. Так, современные периодические издания, предназначенные для татарской общности²⁴, имеют постоянные рубрики с ис-

¹⁹ *Konopacki*. 2010; *Канапацкая*. 2006.

²⁰ *Jakubauskas, Sitdykov, Dumin*. 2012.

²¹ *Nalborczyk*. 2009; *Konopacki*. 2010; *Górak-Sosnowska*. 2011; *Pędziwiatr*. 2011.

²² *Norris*. 1999, 2005, 2009.

²³ *Warmińska*. 1999, 2011.

²⁴ В Польше после Второй мировой войны первым изданием, ориентированным на ислам и татарское движение, является журнал «Мусульманская жизнь» /

торической направленностью, связанной с важными событиями и жизнью знаменитых личностей близкого и далекого прошлого; публикуются отрывки из современных и старых, уже редких исторических исследований. В политике этих популярных изданий акцентируется значение истории и более полного познания прошлого. Этот популярный исторический нарратив связывается с дополнительными представлениями о событиях и личностях из мусульманской истории и исламского мира. Так, прошлое татар польско-литовско-белорусских земель осмысливается как часть «большой» истории татар в мире. Здесь можно привести подходящую параллель с заключениями специализированного исследования современной татарской периодики в Польше, согласно которой, отражаемая в ней локальная история является событийно насыщенной и конкретизированной, а «большая» татарская история вписана в более общее представление о Востоке и Исламе. Другими словами, в ней «ориентальный нарратив мифологичен и символичен, а польский – историчен и фактологичен»²⁵.

В 1990-е гг. понимание ценности истории и ее роли в формировании настоящего приводит к богатой комеморации знаковых для общности топосов. Ее двигателем является современная татарская интеллигенция, которая осознает себя своеобразным продолжением в новых условиях деятелей предвоенного периода. Председатель Союза татарских общин в Литве д-р Адас Якубаускас отметил: *«Каждый народ жив до тех пор, пока помнит свои корни, пока придерживается своих религиозных норм и пока его ведет интеллигенция»*²⁶.

По инициативе татарских организаций восстанавливаются многочисленные коммеморативные практики. Восстанавливается религиозная топография путем реконструкции татарских священных мест (мечети, кладбища, места поклонений). Восстанавливаются памятные знаки прерванной или уничтоженной при социализме памяти (татарские кладбища в Литве, мечеть в Лукишки)²⁷. По поводу юбилеев возводятся памятники. Так, например в 2010 г. по случаю 600-летия исторической победы под Грюнвальдом (Танненберг) в Райжяе (Литва) был открыт

«*Życie Muzułmańskie*» (1986–1990) с главным редактором Селимом Хазбиевичем (Selim Chazbijewicz). После 1990-х выходит много изданий, среди которых самый большой тираж и популярность имеет «Ежегодник польских татар» («*Rocznik Tatarów Polskich*»), «Татары Республики Польша» («*Tatarzy Rzeczypospolitej*»), «Татарское обозрение» («*Przegląd Tatarski*») и др.

²⁵ Cieslik, Verkuyten. 2006.

²⁶ Jakubauskas, Sitdykov, Dumin. 2012:29.

²⁷ По устным данным, только около села Райжай в Литве находилось около тринадцати старинных кладбищ, которые были уничтожены.

памятник Витаутасу Великому. Знаменательна идея сооружения во дворе старинной мечети солнечных часов, которые показывают время в Грюнвальде и Райжяе – символическая связь знаковых топосов татарской истории: Грюнвальдская битва 1410 года и мечеть со старинным минбаром с надписью 1686 года, не прервавшая своей религиозной деятельности даже в эпоху атеизма.

Наполнение публичного пространства локусами татарской истории и создание мест памяти²⁸ имеет несколько важных функций: Прежде всего это проявление коммеморативных практик, которые путем акта повторения направлены против забвения. При этом осуществляется публичное признание и легитимация заслуг этноконфессионального меньшинства со стороны большинства. Вместе с тем это способствует формированию и поддержанию положительного образа всей татарской общности.

«Татарин рождается на коне...»: о современном образе татар

Современный образ татар гибриден и эклектичен. На его формирование оказывают влияние как исторические представления и актуальные процессы в современном мире (модернизм, глобализация), так и политики признания и открытия Другого²⁹. Обобщенное выражение этой многосоставной идентичности представляют следующие слова *«Я могу быть хорошей полячкой, хорошей татаркой и хорошей мусульманкой»*. (Халина Шахидевич, Бялисток, Польша).

Согласно обобщенным самопредставлениям и самооценкам, татары «верны своему воинскому долгу и клятве», «верны земле, которая приняла их как своих». Важным элементом в их самоидентификации является сознание культурной и религиозной обособленности, которая ограничивает их от других мусульман: *«Мы из Азии, но мы не арабы!»* По словам самих татар, ожидания будущего у татарской общности в Литве и Польше варьируют от пессимистических прогнозов близкой полной ассимиляции до оптимизма и веры в вечно сохраняющийся дух татар, которые

²⁸ Необходимо добавить посвященные татарской теме печатные издания, архивы, музеи (музейные экспозиции), выставки, документальные фильмы, каталоги и т.д. При историческом музее в Сокулке (Польша) имеется постоянная экспозиция, посвященная польским татарам. В 2006 г. в Тракайском историческом музее (Литва) была открыта постоянная экспозиция, посвященная литовским татарам. В 2007 г. в с. Субартонис (Литва) был открыт первый музей быта литовских татар.

²⁹ *Bieńkowska-Ptasznik*. 2008; *Łyszczarz*. 2011. К политикам признания макрообществом необходимо отнести создание в 1997 г. Rada Wspólnej Katolików i Muzułmanów и знаменательную встречу с папой Иоанном-Павлом II, общую «Молитву о справедливости и мире во всем мире» в Крушинянах в 1997 г., а также множество совместных конференций и симпозиумов по проблемам межрелигиозного диалога.

дополняются убеждением, что они являются представителями древнего народа, который выживает несмотря ни на что («Мы – ископаемые»).

С другой стороны, в представлениях макросообщества доминирует понимание исключительного вклада местных татар в национальную историю народов региона. Оно обобщено профессором Селимом Хазбиевичем, одним из лидеров татар в Польше: «...польские татары воспринимаются поляками как часть польской исторической и военной традиции, а не как чужой элемент, которого поляки могли бы бояться... Они представлены в польском сознании как “наши татары”, или “наши польские мусульмане”, совершенно отличающиеся от арабов или других людей»³⁰.

Самое высокое выражение уважения большинства к заслугам татар содержится в словах президента Республики Польши Бронислава Коморовского, произнесенных 25 ноября 2010 г. на торжественном открытии памятника польскому татарину в Гданьске: «Я сам пришел сюда по зову сердца. Искренне хотел присутствовать на открытии памятника польскому татарину, выразить глубокую благодарность многим поколениям польских татар, которые, преданно любя Польшу, верно ей служили на протяжении 600 лет. Я хочу их поблагодарить за многовековую, верную службу Речи Посполитой»³¹. Речь польского главы государства воссоздает знакомый по межвоенной историографии обобщающий героический образ татарина-воина: «Татарин рождается на коне, подтверждением чему является и этот памятник польскому татарину – и все мы помним, что польские татары громили врагов Речи Посполитой, врагов Короны и Литвы, будучи непревзойденными всадниками. У своих они вызывали восхищение, среди чужих сеяли невероятный страх, благодаря их храбрости, воинственности и мастерски усвоенному военному ремеслу. Польские татары принесли славу Речи Посполитой. Не всегда Речи Посполитая ласкала их своим вниманием, но они всегда верно ей служили, ведь всем известно: если татарин любит, то любит всем своим горячим сердцем»³².

Несомненны положительные коннотации такого образа, бесспорно и его воздействие на татар и не-татар. Такой образ свидетельствует и о том, что естественные процессы ассимиляция в различной этнокультурной среде не привели его к обезличению и поглощению доминирующей культурой, а скорее – к созданию собственного татарского облика и его превращению из татарина-воина в эмблему добровольной интеграции –

³⁰ Szewczyk. 2009.

³¹ Польско-литовское государство было создано Люблинской унией 1569 года.

³² Цит. по: Warmińska. 2011.

части героических образцов, встроенных в национальный нарратив и в национальный фонд ценностей.

Заключение

Подводя итоги, следует подчеркнуть основополагающее значение истории и современных образов и представлений, отнесенных к прошлому, которые функционируют в официальной историографии, в устных нарративах и в политике признания общности макросообществом и играют роль мобилизирующего ресурса. Помимо патриотическо-националистической риторики существует ряд важных исследовательских проблем, связанных с идентичностью татар этого региона. Вот некоторые из них: механизмы сохранения общности как реакция против естественных ассимиляционных процессов; вопросы религиозной идентичности; влияние политики и власти на формы этнической идентификации и т.д. Но это уже проблемы для другого исследования.

ИНФОРМАТОРЫ: Раиса Милкамонович (род. в 1945 г., в с. Сорок татар, Литва); Тамара Градабойева (род. в 1937 г., в с. Сорок татар, Литва); Айша Ясинская (род. в 1919 г., в с. Сорок татар, Литва); Ирена Вильчинскене (род. в 1950 г., в с. Райжай, Литва); Таир Кузнецов (с. Немежис, Литва); Розалия Базараускене (г. Каунас, Литва); Фелиция Базараускайте (род. в 1935 г., в г. Каунас, Литва); Халина Шахидевич (род. в 1936, в г. Бялисток, Польша).

ПРИЛОЖЕНИЕ

«И мы должны как-то защищаться. Никто на нас не нападает и никто сильно не притесняет... Человек должен как-то сохраниться. Очень большую роль играет... мы не знаем своего языка, но знание молитвы... она передавалась из уст в уста, разъяснение китябы...»

Мы родились, мы были дети... Мои дедушки в Сибири были, некому было – тайком. Помню, как ремонтировали мечеть, я во втором классе была. Ночью приходили... Это глубокие советские времена! Это надо знать!

Там сидит Якубаускас, помоложе председателя³³ – их усадьба была. Божье, ходили к ним, на такой костер, на треножках зрели клей из муки, варили, сами лепили ...свечки такие, подсвечники, что сохранились, и у кого старенький молитвенник...

Я могу Вас даже к себе пригласить. То у нас своится! У меня например есть от пра-прабабушки простыня. И там в уголке написано: “Маковецкая” Господи! Я уже и знак³⁴ не знаю! Мне бабушка показала: “Держи, детка!” И я ее держу. Представьте – ей 90 лет! Эта простыня не просто лежит – нам дорого, моим детям дорого! Я их особенно не учила, но сын мне, например, говорит: “Мама, никому не отдавай!” Не отдам, зачем отдавать...». (Ирена Вильчинскене, с. Райжай, Литва, 24.03.2012 г.).

(Перевод с болгарского: доц. д-р Татьяна Чалыкова)

³³ Интервью проводилось на годовом собрании местной татарской организации.

³⁴ Информатор имеет в виду, что имя было написано с использованием арабской графики.

1. Татарки села Сорок татар

2. Мечеть в селе Райжай

3. Портрет Витаутасы Великого
в Клубе Татарской организации
в селе Райжай

4. Татарская мечеть в селе Немежис

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abrams, Lynn.* Oral History Theory. London: Routledge, 2010.
- Bairaušauskaitė T.* Lietuvos totoriai XIX amžiuje. Vilnius, 1996.
- Barth Fr.* Introduction. // Fr. Barth (Ed.) Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference. Boston. Little, Brown and Company, 1969. 9-38.
- Bieñkowska-Ptasznik M.* Ethnic Identity in Contemporary Research Perspectives: Various Ways to Read a Society. // LIMES, 2008. Vol. 1, No. 1, 75–87.
- Borawski P., A. Dubiński.* Tatarzy polscy. Dzieje, obrzędy, legendy, tradycje. Warszawa, 1986.

- Cohen A. Culture as Identity: An Anthropologist's View. // *New Literary History*, Vol. 24, No. 1, Culture and Everyday Life (Winter, 1993), 195-209.
- Cohen A. Culture, identity and concept of boundary. // *Revista de antropologia social*. Editorial Complutense. Madrid, 1994. 49-61.
- Confino, Alon. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method. // *American Historical Review*, 102, No. 5 (Dec. 1997): 1386-1403.
- Drozd A., M. Dziekan, T. Majda. *Meczety i cmentarze Tatarów polskolitewskich*. Warszawa, 1999.
- Drozd A., M. Dziekan, T. Majda. *Piśmiennictwo i muhiiry Tatarów polskolitewskich*. Warszawa, 2000.
- Górak-Sosnowska K. (ed.) *Muslims in Poland and Eastern Europe. Widening the European Discourse on Islam*. University of Warsaw. Faculty of Oriental Studies. Warszawa, 2011.
- Hall St. *Ethnicity: Identity and Difference*. Speech delivered at Hampshire College, Amherst, Massachusetts, 1989. 19-25.
- Hall St. *Cultural identity and diaspora*. // J. Rutherford (Ed.), *Identity*. London: Lawrence & Wishart, 1990. 392-403.
- Hutton P.H. *History as an Art of Memory*. Hanover, NH: University Press of New England, 1993.
- Jakubauskas A., G. Sidykov, St. Dumin. *Lietuvos totoriai istorijoje ir kultūroje. Lietuvos totorių bendruomenių sąjunga*. Kaunas, 2012.
- Kim R. Religion and Ethnicity: Theoretical Connections. // *Religions*, 2011, 2, 312-329. On-line: <http://www.mdpi.com/2077-1444/2/3/312/pdf> (18.02.2013)
- Konopacki A. Религия татарского общества на землях Великого Литовского княжества в свете исторических исследований // *История Польши в историографической традиции XIX – начала XXI вв. Материалы Международной научной конференции*, Гродно, 29–30 окт. 2009, 122-129.
- Konopacki A. *Życie religijne Tatarów na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI-XIX wieku*. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. 2010.
- Kryczyński St. *Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej*. *Rocznik Tatarów Polskich*, 3. Warszawa, 1938.
- Łapicz Cz. *Kitab Tatarów litewsko-polskich (Paleografia. Grafia. Język)*. Toruń. 1986.
- LeGoff, Jacques and Pierre Nora, eds. *Constructing the Past: Essays in Historical Methodology*. New York: Cambridge University Press, 1984.
- LeGoff, Jacques. *History and Memory*. New York: Columbia University Press, 1996.
- Łyszczarz M. Generational changes among young Polish Tatars // Górak-Sosnowska Katarzyna (ed.). *Muslims in Poland and Eastern Europe. Widening the European Discourse on Islam*. University of Warsaw. Faculty of Oriental Studies. Warszawa, 2011. 53-68.
- Mickunaite, Giedre. *Making a Great Ruler: Grand Duke Vytautas of Lithuania*. Central European Univ Press. Budapest, 2006.
- Miśkiewicz A., J. Kamocki. *Tatarzy słowiańszczyzną obławskawieni*. Kraków, 2004.
- Miśkiewicz A. *Tatarzy polscy 1918–1939. Życie społeczno-kulturalne i religijne*. Warszawa, 1990.
- Miśkiewicz A. *Tatarska legenda. Tatarzy polscy 1945–1990*. Białystok, 1993.
- Miškinė G. *Seniausi Lietuvos totorių rankraščiai. Grafika, transliteracija, vertimas, tekstų struktūra ir turinys*. Vilnius, 2011.

- Nalborczyk A.* Muslim Women in Poland and Lithuania. Tatar Tradition, Religious Practice, hijab and Marriage. // *Gender and Religion in Central and Eastern Europe*. Poznań, 2009, 53-69.
- Norris H.T.* Qur'anic sūra on a Lithuanian Tatar tombstone. – *Journal of Qur'anic Studies*. Vol. 1, N1(1999), 162-163.
- Norris H.T.* Qur'anic Studies in the Baltic Region: The Contribution of the Baltic Tatars amid the Growing Inter-ethnic Muslim Communities of Belarus, Estonia, Latvia, Lithuania and Poland. // *Journal of Qur'anic Studies*. Vol. 7, N 1 (2005), 113-121.
- Norris H.T.* Islam in the Baltic. Europe's early muslim community. Tauris academic studies. I. B. Tauris Publishers. London; New York, 2009.
- Novak M.* The Rise of the Unmeltable Ethnics. New York: Macmillan, 1971.
- Pędziwiatr K.* “The Established and Newcomers” in Islam in Poland or the intergroup relations within the Polish Muslim community. // *Górak-Sosnowska Katarzyna (ed.). Muslims in Poland and Eastern Europe. Widening the European Discourse on Islam.* University of Warsaw. Faculty of Oriental Studies. Warszawa, 2011, 169–182.
- Podolak B.* Obraz Turcji I ludów tureckich w polskich podręcznikach do historii. // *Wśród jarłyków i fermańów. Materiały z sesji naukowej poświęconej pamięci d-ra Zygmunta Abrahamowicza.* Kraków. 2004:81-92.
- Szabanowicz H.* Meczet w Gdańsku – jego znaczenie w naracji tożsamościowej Tatarów gdańskich. // *W kręgu pytań o tożsamość narodową i etniczną Pomorza Gdańskiego.* Wydawnictwo Gdańskiej Wyższej Szkoły Humanistycznej. Gdańsk, 2011, 75-81.
- Szewczyk J.* Polish heirs of Tokhtamysh. *Hürriyet Daily News & Economic Review*. Dec. 4, 2009. On-line: <http://212.31.2.101/n.php?n=polish-heirs-of-tokhtamysh-2009-12-02>
- Tuhan-Baranowski M.* O muślimach litewskich. Warszawa, 1896.
- Tyszkiewicz J.* Tatarzy na Lilwia i w Polsce. *Studia z dziejow XIII–XVIII w.* Warszawa, 1989.
- Vertovec St.* Religion and Diaspora. Paper presented at the conference on ‘New Landscapes of Religion in the West’, School of Geography and the Environment, Un-ty of Oxford, 2000. 27-29. On-line: www.transcomm.ox.ac.uk/working%20papers/Vertovec01.PDF (18. 02. 2013)
- Warmińska K.* Tatarzy polscy. Tożsamość religijna i etniczna. Kraków, 1999.
- Warmińska K.* Tatarzy polscy – tożsamość kolektiwna grupy w kontekście regulacji ustawowych. // *Przegląd tatarski*. 2011. N. 2, 17-21.
- Асман Я.* Културната памет. Писменост, памет и политическа идентичност в ранните високоразвити култури. София. Изд. „Планета 3”, 2001.
- Гудавичос Э.* История Литвы. Т. I. С древнейших времен до 1569 г. Москва, 2005.
- Канапацкая З.* Мечети татар Беларуси, Литвы и Польши: история и современность. // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVII – 1917 г.). Материаллы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2006, 6-24.
- Мухлинский А.* Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. Санкт-Петербург, 1857.
- Штомпка П.* Социальное изменение как травма // *Социологические исследования*. 2001. № 1, 6-16. On-line: <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/19004905.html>
- д-р Венета Янкова**, доцент Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского; veneta_yankova@abv.bg

В. П. БОГДАНОВ

ОБРАЗЫ ВОЕННЫХ В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ЭВОЛЮЦИЯ, ЧИНЫ, РОДА ВОЙСК)

В статье рассматриваются художественные произведения как исторические источники. На примере образов военных, нашедших отражение в русской литературе, автор прослеживает взаимоотношения между родами войск, их различия, отношение к ним со стороны остальной части российского социума.

Ключевые слова: *армия, военные, государство, источниковедение, литература, солдаты, офицеры, служба, Российская империя, художественные произведения.*

*Матушка Россия, тем хороша,
что все-таки в каком-нибудь углу ее да дерутся¹*

Российская империя, с момента своего основания ведшая постоянные войны (что образно выражено в высказывании Я.П. Кульнева, вынесенном в качестве эпиграфа статьи), постоянно нуждалась в большом и сильном сословии военных. Армия традиционно является второй (после бюрократического аппарата) опорой государственной машины. Относительно недавно вышла книга Н.Н. Ауровой², в которой показаны не только этапы развития российской армии, но и то место, которое военные занимали в обществе. Отдельный раздел книги посвящен разбору произведений русской классической литературы, в которых нашли отражения образы военных. В какой-то степени предлагаемая статья – продолжение заявленной Н.Н. Ауровой темы и попытка рассмотреть образы военных, отраженные русской классической литературой, как определенный социальный тип.

Некоторое время назад автор этих строк привлек произведения русской классической литературы для рассмотрения образов чиновников³. В результате удалось проследить всю чиновничью иерархию, что показало системность информации литературных произведений как исторических источников. Теперь же ценность информации произведений классической русской литературы (а иногда и изобразительных источников) планируется проследить на примере образов военных (в большинстве случаев это будут офицеры).

¹ Высказывание прославленного героя эпохи наполеоновских войн Я.П. Кульнева приведено Д. Давыдовым в записке «Тильзит в 1807 г.».

² Аурова. 2010.

³ Богданов. 2011.

Соответственно для достижения указанной цели следовало несколько расширить исследовательские задачи. Во-первых, рассмотреть разные категории военного сословия. Во-вторых, на основе полученных результатов постараться определить характерные черты литературных произведений как исторических источников и на их основе выявить черты, присущие русским военным как социокультурному типу. Однако задачи эти достаточно объемны и поэтому в данной статье ограничимся лишь эволюцией образов военных и сопоставлением образов военных, служивших в разных чинах и в разных родах войск.

Образы военных будут рассмотрены не только по рангам или родам войск, но и по хронологическому принципу. Иногда литературные произведения имеют конкретные временные привязки (например, многие романы И.С. Тургенева). Если действие литературного произведения происходит в современное описание время, то в скобках рядом с названием произведения указываются даты его написания. Этот приём, вместе с приведением дат, фигурирующих в самих произведениях, позволяет увидеть некую динамику, а за ней – социальные процессы XVIII – начала XX в. Сопоставление данных литературных произведений с имеющимися в историографии наработками проведено по наиболее авторитетным исследованиям, посвященным истории российской армии⁴ и социальной истории России⁵, либо анализирующим литературные произведения в контексте эпохи, в которой они были созданы⁶. В методологическом плане существенную помощь оказали наблюдения Е.Н. Цимбаевой⁷.

Известно, что «по самой природе своей, выполняемым функциям в обществе и государстве армия традиционно относилась к числу социальных групп и государственных институтов, положение и престиж которых наиболее высоки»⁸. «Кавказский асессор»⁹ Ковалев, герой гоголевской повести «Нос» (1833–1835) называл себя майором, а не коллежским асессором. Помещица Уланбекова в пьесе Островского «Воспитанница» (писалась в 1855–1858 гг.), мечтающая, чтобы сын ее стал военным, сокрушается, что, окончив университет, он получит мелкий гражданский чин: «Когда он окончит курс, ему дадут такой же чин, какой дают приказным из поповичей! На что это похоже? В военной службе, особенно в кавале-

⁴ Аурова. 2010; Волков. 1993; Зайончковский. 1973; Целорунго. 2002.

⁵ Миронов. 1999.

⁶ Федосюк. 2001.

⁷ Цимбаева. 2005.

⁸ Волков. 1993. С. 6.

⁹ Т.е. чиновник, который благодаря службе на Кавказе быстро получил чин, дававший право на дворянство.

рии, все чины благородны; даже юнкер – уж сейчас видно, что из дворян. А что такое губернский секретарь или титулярный советник? Всякий может быть титулярным советником, и купец, и семинарист, и мещанин, пожалуй». [*Островский А.Н. Воспитанница. II, 3*].

Военные в России, в отличие от чиновников, всегда пользовались уважением, что было следствием минимум пяти причин. Во-первых, военная служба – более быстрая возможность повышения социального статуса. Для крепостных – путь выхода на волю. Так, герой Н.С. Лескова «Тупейный художник» (1883) Аркадий в самом начале XIX в. писал своей возлюбленной: «проливал свою кровь не однажды, и вышел мне за то офицерский чин и благородное звание». Многие герои Л.Н. Толстого¹⁰ идут в армию, едут на Кавказ или в Севастополь в надежде на быстрое продвижение. Трогательно звучит признание ротного командира Болхова, героя «Рубки леса» (1853–55) в том, что он трусоват, но не может уехать с Кавказа без орденов «Анны и Владимира, Анны на шею и майора» [*Толстой Л.Н. Рубка леса. X*]. Один из героев «Севастополя в мае» в 1855 г. думает: «“Каково будет удивление и радость Наташи..., – когда она вдруг прочтет в "Инвалиде" описание, как я первый влез на пушку и получил Георгия. Капитана же я должен получить по старому представлению. Потом очень легко я в этом же году могу получить майора по линии, потому что много перебито, да и еще, верно, много перебьют нашего брата в эту кампанию. А потом опять будет дело, и мне, как известному человеку, поручат полк... подполковник... Анну на шею... полковник...”» – и он был уже генералом» [*Толстой Л.Н. Севастополь в мае. II*]. Во-вторых, на особом отношении к военным (по выражению А.С. Пушкина, «Покрытых славою чудесного похода / И вечной памятью двенадцатого года») сказался ряд блистательных побед, одержанных русской армией в период второй половины XVIII –начала XIX вв. В-третьих, на него повлиял общий настрой николаевского царствования (с его культом военных), на который приходится «золотой век» русской литературы. Примечатель-

¹⁰ В настоящей статье ссылок на Л.Н. Толстого содержится больше, чем на других авторов. Это связано, в первую очередь, с тем положением, которое занимал Толстой в литературе, в частности, в отражении военной темы. Недаром, Н.А. Некрасов после рассказа «Рубка леса» писал: «В этом очерке множество удивительно метких замечок, и весь он нов, интересен и делен. Не пренебрегайте подобными очерками; о солдате ведь наша литература доньше ничего не сказала, кроме пошлости. Вы только начинаете, и в какой бы форме ни высказали Вы все, что знаете об этом предмете, – все это будет в высшей степени интересно и полезно» [*Толстой. 1978. С. 73-74*]. Кроме того, чаще других в статье цитируется повесть А.В. Канкрин «Мальтийские рыцари». Это произведение – выдающийся литературный памятник и чрезвычайно яркий источник начала XX в., который, к сожалению, пока в должной степени не оценен.

но, что созданные в это время образы стали объектом подражания для следующих поколений. Л.Н. Толстой в повести «Набег» так характеризует одного из персонажей: «Это был один из наших молодых офицеров, удальцов-джигитов, образовавшихся по Марлинскому и Лермонтову. Эти люди смотрят на Кавказ не иначе, как сквозь призму героев нашего времени, Мулла-Нуров и т.д.¹¹, и во всех своих действиях руководствуются не собственными наклонностями, а примером этих образцов» [Толстой Л.Н. Набег. III]. Да и сами создатели этих образов становились объектами подражания: ведь чеховский Солёный, персонаж «Трёх сестер» (1901), считает, что у него характер Лермонтова и что он даже похож на Лермонтова, «как говорят» [Чехов А.П. Три сестры. II]¹²! В-четвертых, в отличие от чиновничества, военные никогда не были той составляющей государственной машины, с которой население страны сталкивалось ежедневно и как-либо зависило от неё. Да и численно военных было значительно меньше, чем чиновников.

Процент чиновников и военных в русском социуме конца XVII – начала XX вв. ¹³							
	1680	1725	1764	1801	1850	1897	1913
военные	1,6	1,3	0,95	0,98	1,96	0,89	0,83
	1690-е	1755	1796	1857	1880	1897	1913
чиновники	3,88	5,7	5,7	20	14	12,4	16,3

В-пятых, романтизации военных способствовала их постоянная кочевая жизнь. Переезжая на новые места или, наоборот, возвращаясь к родным пенатам, они всегда были носителями знания о другом мире¹⁴, который в значительной степени был неизвестен маломобильному населению России. Для многих военная служба – возможность посмотреть мир, получить впечатления, которые всю оставшуюся жизнь будут выделять их из обывательской среды. Нетрудно заметить, что отставной моряк

¹¹ Мулла-Нур – герой одноименной повести А.А. Бестужева-Марлинского (1797–1837).

¹² Проблема влияния художественных произведений на исторический процесс пока ещё только поставлена в литературе. В этом плане весьма интересна книга М.В. Нечкиной, в которой собраны её работы разных лет: *Нечкина*. 1982.

¹³ *Миронов*. 1999. Т. 2. С. 200, 208.

¹⁴ Достаточно вспомнить как герой «Рубки леса» (1853–1855) Л.Н. Толстого Чикин рассказывал дома: «спрашивают, какой, говорит, там малый, черкес, говорит, или турка у вас на Капказе, говорит, бьет? Я говорю: у нас черкес, милый человек, не один, а разные есть. Есть такие тавлинцы, что в каменных горах живут и камни замест хлеба едят. Те большие, говорю, ровно как колода добрая, по одному глазу во лбу, и шапки на них красные, вот так и горят, ровно как на тебе, милый человек!... И такой, право, народ чудной... верют всему, ей-богу, верют» [Толстой Л.Н. Рубка леса. IV].

лейтенант Жевакин в «Женитьбе» (1833) Н.В. Гоголя явно рассчитывает расположить к себе Агафью Тихоновну и отвадить соперников рассказами о своём военном прошлом. С военными связывались заграничные походы, боевые действия на Кавказе и т.д., что придавало им романтический флёр. По этой причине приход в город военных (например, на постой) всегда воспринимался с энтузиазмом: «Кричали женщины: ура! / И в воздух чепчики бросали». [*Грибоедов А.С. Горе от ума. II, 5*]

Образы чиновников в русской литературе достаточно статичны, единственное различие – служебная субординация, те чины, которые они занимают. Ведомственная принадлежность имеет при этом минимальное значение. К тому же во все эпохи образы чиновников в литературе в равной степени негативны. Иное дело военные. Служебная субординация, как ни странно, здесь не всегда важна. Как известно, за выдающийся подвиг офицер мог быстро быть произведен в следующие чины (вспомним мечты офицера из «Севастополя в мае») или переведен в гвардию «с сохранением чина», что означало явное повышение и т.д. С другой стороны, за какую-либо провинность офицер мог быть и вовсе разжалован в рядовые (разжалование чиновника до канцеляриста – случай небывалый). Кроме того, именно в среде военных были распространены дуэли (в 1894 г. они были даже официально узаконены), и нижестоящий по службе мог (хотя бы теоретически) вызвать вышестоящего. Так герой «Войны и мира» Николай Ростов, будучи юнкером, готов был вызвать на дуэль командира полка и только вмешательство других офицеров остановило его. Причём сослуживец молодого Ростова пожилой «штаб-ротмистр Кирстен был два раза разжалован в солдаты за дела чести и два раза выслуживался». [*Толстой Л.Н. Война и мир. Т. I, Ч. II, 5*]. В то же время, независимо от чина, все военные составляли одно большое братство. Дружба может объединять генерал-аншефа Троекурова и поручика Дубровского. Кстати, когда сын последнего, корнет гвардии, стал «благородным разбойником», он выдерживал принцип: «не обижать товарищей» (не грабил молодых офицеров).

Здесь же оговоримся: несмотря на то, что для литературных персонажей, служащих или когда-то служивших военными, чин по табели о рангах вторичен, это вовсе не означает, что ему не придают значения. Наоборот, русские писатели старательно указывают чины своих персонажей, даже упраздненные. Например, отец Петра Гринёва – отставной секунд-майор, «степной король Лир» помещик Харлов – отставной штык-юнкер, герой одноименной повести И.С. Тургенева – бригадир, наконец, К.П. Троекуров, как и старый князь Болконский, – отставной генерал-

аншеф. В рассказе Чехова «Упразднили!» (1885) высмеиваются помещики – отставной прапорщик Вывертов и майор Ижица, оскорбленные тем, что их чины внезапно отменили. Впрочем, упраздненные чины характеризуют, как правило, провинциальных помещиков. О точности отражения военных чинов в литературных произведениях свидетельствует приведенный Ю.А. Федосюком пример: «Хотя драгуны относились к кавалерии, чины у них, в отличие от гусаров и уланов, до 1882 года были такими же, как в пехоте. Отсюда “драгунский капитан” (а не ротмистр) в “Княжне Мэри” Лермонтова»¹⁵. Т.е. на примере званий в пехоте и кавалерии, мы видим, что литература очень точно отразила мельчайшие нюансы исторически сложившейся системы званий и чинопроизводства.

Образы военных русской литературы многонациональны. Герой пушкинского «Выстрела» (1830) – то ли итальянец, то ли француз Сильвио, сослуживец «Героя нашего времени» (1838–1840) Печорина – серб Вулич... В повести А.И. Куприна «Поединок» (1905) фигурируют и русские (главный герой подпоручик Ромашов, подпоручик Лбов и др.), и поляк (поручик Зегржд), и черкес Бек-Агамалов, и француз (капитан Дювернуа), и украинцы (ефрейтор Шаповаленко, капитан Слива), татары (рядовые Мухамеджинов, Шарафутдинов). «...Формулу присяги читал православным – священник, католикам – ксендз, евреям – раввин, протестантам, за неимением пастора – штабс-капитан Диц, а магометанам – поручик Бек-Агамалов, – с Гайнаном (он был «идолопоклонником» – В.Б.) была совсем особая история. Полковой адъютант поднес поочередно ему и двум его землякам и единоверцам по куску хлеба с солью на острие шашки, и те, не касаясь хлеба руками, взяли его ртом и тут же съели. Символический смысл этого обряда, был, кажется, таков: вот я съел хлеб и соль на службе у нового хозяина, – пусть же меня покарает железо, если я буду неверен» [Куприн А.И. Поединок, 3]. Неслучайно, прототипами одного из самых ярких образов русских офицеров – героя «Белой гвардии» (1925) М.А. Булгакова полковника Най-Турса, считаются три человека разных национальностей. Так его имя созвучно полковнику лейб-гвардии Гусарского полка Н.Н. Най-Пуму (сиамцу по происхождению), который после 1906 г. жил в Киеве. Среди других прототипов Най-Турса называют и генерала-от-кавалерии графа Ф.А. Келлера (этнического немца), который руководил обороной Киева в 1918 г. от войск Петлюры и, чтобы избежать кровопролития, распустил гарнизон, а также полковника (затем генерал-майора) Н.В. Шинкаренко-Брусилова. При этом сам М.А. Булгаков даёт Най-Турсу распро-

¹⁵ Федосюк. 2004. С. 123.

странённое польское имя Феликс¹⁶. В плане многонациональности военные как профессиональная группа очень близки дворянству как словию: война – дело благородных.

Роман Булгакова описывает российскую армию уже после Октябрьской революции (что выходит за хронологические рамки статьи), но именно в нём даётся очень ёмкая и чёткая картина того, что же представлял собой офицерский корпус. «Были среди них (офицеров – *В.Б.*) исконные старые жители этого Города, вернувшиеся с войны в насиженные гнезда с той мыслью, как и Алексей Турбин, – отдыхать и отдыхать и устраивать заново не военную, а обыкновенную человеческую жизнь, и были сотни и сотни чужих, которым нельзя было уже оставаться ни в Петербурге, ни в Москве. Одни из них – кирасиры, кавалергарды, конногвардейцы и гвардейские гусары, выплывали легко в мутной пене потревоженного Города <...> Другие, армейские штабс-капитаны конченных и развалившихся полков, боевые армейские гусары, как полковник Най-Турс, сотни прапорщиков и подпоручиков, бывших студентов, как Степанов – Карась, сбитых с винтов жизни войной и революцией, и поручики, тоже бывшие студенты, но конченные для университета навсегда, как Виктор Викторович Мышлаевский» [*Булгаков М.А.* Белая гвардия. 4]

Различия между военными, по сравнению с чиновниками, проходят совершенно по другим линиям. Л.Н. Толстой на примере солдат дал очень подробную классификацию военных:

- 1) Покорных.
- 2) Начальствующих и
- 3) Отчаянных.

Покорные подразделяются на а) покорных хладнокровных, б) покорных хлопотливых.

Начальствующие подразделяются на а) начальствующих суровых и б) начальствующих политических.

Отчаянные подразделяются на а) отчаянных забавников и б) отчаянных развратных.

Чаще других встречающийся тип, – тип более всего милый, симпатичный и большей частью соединенный с лучшими христианскими добродетелями: кротостью, набожностью, терпением и преданностью воле божьей, – есть тип покорного вообще. Отличительная черта покорного хладнокровного есть ничем не сокрушимое спокойствие и презрение ко всем превратностям судьбы, можем постигнуть его. Отличительная черта покорного пьющего есть тихая поэтическая склонность и чувствительность; отличительная черта хлопотливого – ограниченность умственных способностей, соединенная с бесцельным трудолюбием и усердием.

¹⁶ *Соколов. 2002; Сахаров. 2003.*

Тип же начальствующих вообще встречается преимущественно в высшей солдатской сфере: ефрейторов, унтер-офицеров, фельдфебелей и т.д., и, по первому подразделению начальствующих суровых, есть тип весьма благородный, энергический, преимущественно военный, не исключаящий высоких поэтических порывов (к этому-то типу принадлежал ефрейтор Антонов, с которым я намерен познакомить читателя). Второе подразделение составляют начальствующие политичные, с некоторого времени начинающие сильно распространяться. Начальствующий политичный бывает всегда красноречив, грамотен, ходит в розовой рубашке, не ест из общего котла, курит иногда Мусатов табак, считает себя несравненно выше простого солдата и редко сам бывает столь хорошим солдатом, как начальствующие первого разряда.

Тип отчаянного, точно так же, как и тип начальствующего, хорош в первом подразделении – отчаянных забавников, отличительными чертами которых суть непоколебимая веселость, огромные способности ко всему, богатство природы и удаль, – и так же ужасно дурен во втором подразделении – отчаянных развратных, которые, однако, нужно сказать к чести русского войска, встречаются весьма редко, и если встречаются, то бывают удаляемы от товарищества самим обществом солдатским. Неверие и какое-то удалство в пороке – главные черты характера этого разряда.

[Голстой Л.Н. Рубка леса. III].

Трудно представить такую характеристику для чиновников, а ведь Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин и др., сами бывшие чиновниками, могли бы её составить. Стало быть, среди «крапивного семени» различия происходят по большей части из рангов и должностей, среди военных – из характера и личных качеств.

Сильно отличаются военные по родам войск (есть явно привилегированные полки, например, кавалергарды), по месту службы и, главное, по кампаниям, в которых принимали участие. Поручики пехотного или гусарского полков уже воспринимаются по-разному, а военные времен войны 1812 года отличаются от тех, кто участвовал в Крымскую войну, в боевых действиях на Кавказе и т.д. Кстати, если образы чиновников одинаковы во все эпохи, то с военными дело обстоит по-другому.

Как пишет С.Т. Аксаков, характеризуя старого помещика Багрова, в середине XVIII в. «дворяне долго служили в солдатском и унтер-офицерском званиях, если не проходили их в колыбели и не падали всем на голову из сержантов гвардии капитанами в армейские полки» [Аксаков С.Т. Семейная хроника. I]. С.В. Волков¹⁷ также пишет: «Каждый дворянин, достигавший 16-летнего возраста, записывался в войска рядовым и если не выслуживал офицерский чин, то должен был так и

¹⁷ Волков. 1993. С. 268.

служить всю жизнь рядовым или унтер-офицером». Процесс окончательного превращения дворянства в привилегированное сословие, а офицерского корпуса на 90% в дворянский, приходится уже на время после указа 1762 года. Таким образом, военные XVIII века отличаются от военных последующих периодов. То же можно сказать и о разнице в поколениях военных начала, середины и конца XIX в. В стихотворении 1817 года Д.В. Давыдов пишет про современных ему молодых людей:

А теперь что вижу? – Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!
Говорят: умней они...
Но что слышим от любого?
Жомини да Жомини!
А об водке – ни полслова!

Следующее за героями Отечественной войны поколение уже достаточно сильно изменилось: они предпочитают своей форме вицмундир, вместо привычных гусарских занятий рассуждают на отвлеченные темы... Как бы продолжая мысль Д. Давыдова, Л.Н. Толстой в 1852 г. пишет: «Француз, который при Ватерлоо сказал: «La garde meurt, mais ne se rend pas» [Гвардия умирает, но не сдается. – *В.Б.*], – и другие, в особенности французские герои, которые говорили достопамятные изречения, были храбры и действительно говорили достопамятные изречения; но между их храбростью и храбростью капитана есть та разница, что если бы великое слово, в каком бы то ни было случае, даже шевелилось в душе моего героя, я уверен, он не сказал бы его: во-первых, потому, что, сказав великое слово, он боялся бы этим самым испортить великое дело, а во-вторых, потому, что, когда человек чувствует в себе силы сделать великое дело, какое бы то ни было слово не нужно. Это, по моему мнению, особенная и высокая черта русской храбрости; и как же после этого не болеть русскому сердцу, когда между нашими молодыми воинами слышишь французские пошлые фразы, имеющие претензию на подражание устарелому французскому рыцарству?..» [*Толстой Л.Н.* Набег. X].

В повести «Два гусара» (1856), в которой сопоставляются два поколения военных, Л.Н. Толстой даже приводит слова Д. Давыдова в качестве эпиграфа. Про младшего Турбина он явно с иронией пишет: «Даже и тени в нем не было тех буйных, страстных и, говоря правду, развратных наклонностей прошлого века» [*Толстой Л.Н.* Два гусара. IX].

Военные начала и середины XIX в. значительно отличаются от военных конца XIX – начала XX в. также и потому, что сам принцип ком-

плектования и функционирования армии за это время изменился. Связано это с реформой 1874 года, когда рекрутская повинность была заменена всеобщей воинской повинностью. До реформы военные представляли собой довольно закрытую касту: офицеры были замкнуты, так как они были дворянами, солдаты на 25 лет отрывались от привычных занятий и родного края. Вспоминаются строки М.Ю. Лермонтова 1840 года:

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали,
И чтоб меня не ждали.

Совершенно ясно: человек, от лица которого ведётся рассказ, не в курсе того, что происходит дома, да и сами домашние не очень жаждут получения вестей от него (хотя в случае получения грустного известия «опечалятся»). Персонаж комедии А.Н. Островского (1876) Сила Ерофеич Грознов тоже много лет не был в родных краях – его прежняя возлюбленная «уж лет двадцать за упокой его души подает» [*Островский А.Н.* Правда хорошо, а счастье лучше IV.6]. Военные начала XIX века особо не задумываются о мирной жизни. Они служат в силу долга (именно это импонировало Николаю I в образе лермонтовского Максима Максимыча¹⁸). Они мало связаны с родным домом, и родственники нередко имеют лишь самые приблизительные представления об их истинном положении: мать капитана Хлопова так и говорила: «Мой голубчик, ничего про свои походы не пишет – меня напугать боится» [*Толстой Л.Н.* Набег. IX]. При этом она уверена, что за 18 лет он ни разу не был ранен, хотя тот на самом деле был четырежды тяжело ранен. Сам Хлопов не особенно интересуется делами родных.

С 1874 г. армия перестала быть узкой профессиональной корпорацией, а служба в ней превратилась в повинность всей мужской части населения. В начале XIX в. невозможно было бы себе представить солдата, подобного персонажу повести А.И. Куприна «Поединок» (1905) Хлебникову, у которого «живот надорванный... кила». В рекруты такие

¹⁸ Николай I писал: «Характер капитана намечен удачно. Когда я начал это сочинение, я надеялся и радовался, думая, что он и будет, вероятно, героем нашего времени, потому что в этом классе есть гораздо более настоящие люди, чем те, которых обыкновенно так называют. В кавказском корпусе, конечно, много таких людей...» (Цит. по: *Эйхенбаум.* 1969. С. 424).

не попадали, а в условиях всеобщей повинности – могли. Военные конца XIX в. теснее связаны с остальным населением. Ограниченный срок службы позволял солдатам через некоторое время вернуться к привычным занятиям, а офицерами становились теперь представители не только малочисленного и замкнутого дворянства, но и других сословий¹⁹. Поручик Ромашов постоянно вспоминает о доме, и рядовой Хлебников изливает ему душу про «мать с пьяницей-отцом, с полуидиотом-сыном и с четырьмя малолетними девчонками; землю у них насильно и несправедливо отобрал мир; все ютятся где-то в выморочной избе из милости того же мира; старшие работают у чужих людей, младшие ходят побираться». [*Куприн А.И.* Поединок. XVII].

По этой причине историки констатируют к концу XIX в. «усиление связи армии с обществом и её ослабление с государством», при том, что «значение армии как силы, поддерживающей верховную власть, в XVIII–XIX в. повышалась, а в пореформенное время снижалась»²⁰. Это проявилось, в частности, в том, что в 1900 г. военный министр А.Н. Куропаткин писал: «Командирование войск для содействия гражданским весьма вредно влияет на войска, если им приходится употреблять в дело оружие или если для избежания кровопролития войска вынуждаются к отступлению под напором толпы». А вот свидетельство 1902 года: «Жандармский генерал говорит, что на войска нельзя уже очень безусловно надеяться. В Колпине во время беспорядков выпущено было в толпу 76 пуль (почти в упор) и попало не более 3-х пуль»²¹. Генерал-от-инфантерии Н.А. Епанчин писал: «Когда правительства перешли к общевойсковой повинности с короткими сроками службы... то войны вела не одна армия, а весь народ... Когда армии были кастовые, они не сливались так близко с народом, как это стало впоследствии. Настроение воина кастовой армии не подвергалось такому воздействию всего народа, как это стало впоследствии»²². Литература не позволяет прямо судить об этом процессе. Но косвенно – вполне. Например, невозможно себе представить, чтобы купринский Хлебников шёл подавлять восстание в своем родном селе.

¹⁹ Из офицеров – участников Бородинского сражения 1812 г. (не считая членов императорской свиты) дворянами были 86,5% [*Целорунго.* 2002. С. 78]; к 1895 г. потомственных дворян среди офицеров было лишь 50,8% (при этом в пехоте и того меньше – 39,6%): *Волков.* 1993. С. 270.

²⁰ *Миронов.* 1999: Т. 2. С. 210, 211.

²¹ *Зайончковский* 1973: 34. А.В. Канкрин пишет, что в 1905 г. офицеры лейб-гвардии Преображенского (!) полка отказались усмирять восстания (и после этого вынуждены были уйти в отставку) и пользовались за это всеобщим уважением (в отличие от подавлявших восстание «семеновцев»): *Канкрин.* 1993. С. 68.

²² *Епанчин.* 1996. С. 367-368.

Изменения, по идее, должны были постепенно сделать сообщество военных более однородным. Однако на рубеже веков ситуация оказалась иной. В произведениях А.И. Куприна постоянно фигурирует тема рукоприкладства в отношении рядового состава. При этом в повестях Л.Н. Толстого, относящихся к более раннему периоду (1850–1860-м гг.) ничего о рукоприкладстве не говорится. Видимо, эта черта появилась в армии уже после Великих реформ. Тогда она может быть объяснена следующим образом. В результате реформ служба в армии перестала быть принадлежностью к узкой профессиональной корпорации. Для кого-то она стала возможностью получить власть над людьми, в том плане, чтобы заставлять их что-либо делать и оценивать результат этих действий. Отсюда нелепая муштра – возможность для офицеров чувствовать власть над рядовыми, а старших офицеров над младшими²³. П.А. Зайончковский косвенно подтверждает наше наблюдение, утверждая, что к концу XIX в. в сознании офицеров укрепляется чувство «своего превосходства как людей особого рода, которым разрешается то, что другим запрещено»²⁴.

Как уже говорилось, в литературе наблюдается разница не только между поколениями военных, но и родами войск, в которых они служат. И это отличие заметно даже в физическом облике служащих. Собакевич, описывая своего крепостного Степана Пробку, отличавшегося большим ростом, говорит: «Служи он в гвардии (куда брали только рослых – В.Б.) – ему бы Бог знает что дали» [Гоголь Н.В. Мертвые души]. Л.Н. Толстой, описывая гусарского полковника Денисова (прототипом которого считается знаменитый поэт Денис Давыдов), говорит, что «только на коне и в мазурке не видно было *маленького роста* Денисова»; в рассказе И.С. Тургенева «Лебедянь» из «Записок охотника» (1846—1874 гг.) фигурирует «необыкновенно длинный кирасир»... Объяснение простое: в пехоту и тяжёлую кавалерию (драгуны, кирасиры) тоже брали людей рослых, а в лёгкую кавалерию – невысоких.

П.А. Зайончковский пишет, что «отношения между офицерами отдельных частей были весьма своеобразны. Они характеризовались отчужденностью и даже рознью между представителями отдельных родов оружия: гвардейцы смотрели свысока на армию, кавалеристы относились презрительно к пехоте, между конной и пешей артиллерией существовала также неприязнь. Даже внутри гвардии в офицерском корпусе не было

²³ Впрочем, некоторые современники ставили А.И. Куприна в вину то, что он «оклеветал русское офицерство»: Канкрин. 1993. С. 149.

²⁴ Связывается это с законом о дуэлях (т.е. с указом 1894 года, разрешавшим офицерские поединки). Это чувство превосходства можно перенести на отношение не только к гражданским чинам, но и к солдату.

монолитности: гвардейские кавалеристы отчужденно относились к гвардейской пехоте»²⁵. Факты отчужденности разных родов войск мы можем встретить и в литературе. Грушницкий в «Герое нашего времени» (1838–1839) говорит, что «эта гордая статья (т.е. гвардия – В.Б.) смотрит на нас, армейских, как на диких». В 1871 г. молодой воспитанник военного училища Юрий Гарденин мечтает: «послужу в лейб-гусарах... ну, хоть до эскадрона, потом перейду в штаб, потом дадут полк, – конечно, кавалерийский, терпеть не могу эту пехтуру!» [*Эртель А.И.* Гарденины. I, 1]. В этом пренебрежении видится историческая преемственность кавалерии от рыцарства, т.е. дворянского сословия.

Примечательно: несмотря на то, что морские кампании в истории России были более успешны, чем сухопутные, в русской литературе действует очень мало морских офицеров. За исключением «Морских рассказов» К.М. Станюковича, можно назвать, пожалуй, только упомянутого лейтенанта Жевакина из «Женитьбы» Н.В. Гоголя, лейтенанта Ергунова из «Истории лейтенанта Ергунова» (1866–1868) И.С. Тургенева, капитана 2-го ранга Федора Яковлевича Ревунова-Караулова из «Свадьбы» (1887) А.П. Чехова. При этом все они достаточно забавны. Только двоюродный дед Бориса Еранцева (героя «Мальтийских рыцарей» А.В. Канкрин), контр-адмирал, вызывает заслуженный пиетет. Можно вспомнить, как томился во время кругосветного путешествия знаменитый Ф.И. Толстой-Американец²⁶. За столетия существования российского императорского флота ни один адмирал не происходил из родовитой знати²⁷. Служба во флоте была менее привлекательной, чем служба в сухопутных войсках²⁸.

Гвардия всегда была привилегированной частью: по подсчётам Д.Г. Целорунго в 1812 г. каждый второй офицер из служивших в гвар-

²⁵ *Зайончковский*. 1973. С. 247. При этом вся монография проникнута уважением к русскому офицерству, а сам офицерский корпус *в целом* оценивается очень высоко и с моральной, и с профессиональной точек зрения. Выше на той же странице, на которой находим приведенную цитату, дана положительная психологическая характеристика: Там же. С. 247, 341 и др.

²⁶ *Толстой*. 1990. С. 8-16.

²⁷ Анализ проведен по справочнику: *Березовский, Доценко, Тюри*. 1993. Частично ситуация исправлялась тем, что некоторые представители императорской семьи числились по военному ведомству и имели соответствующие флотские чины.

²⁸ В целом, морякам в русской литературе повезло гораздо больше, чем оплоту самодержавия – полицейским и жандармам. Кроме упоминания «голубых мундиров» в знаменитом стихотворении М.Ю. Лермонтова (1841) они фактически не встречаются на страницах художественных произведений. А.В. Канкрин описывает, как однажды мать не пустила своего воспитанника в дом, так как он был одет в форму жандармского офицера, и спросила: «Чем я заслужила такое оскорбление?» (*Канкрин*. 1993. С. 23). То есть жандармы вообще пользовались всеобщим презрением.

дии был представителем титулованного дворянства²⁹. В начале булгаковского перечисления идут привилегированные части. Кирасиры (с 1813 г.), конногвардейцы и кавалергарды относились к гвардии. Шефами Конного полка часто были императоры: в «Воине и мире» «красивый, молодой император Александр, в конногвардейском мундире» [Толстой Л.Н. Война и мир. Т. I. Ч.3, 8] прибыл на смотр войск у Ольмюца. Князь Анатолий Курагин – также «красавец-кавалергард». Нарумов из «Пиковой дамы» (1834) А.С. Пушкина является конногвардейцем, что может свидетельствовать о знатности его рода. К ним же примыкают и Лейб-Гвардии Гусарский и Уланский полки. Недаром, в 1855 г. два аристократа, Калугин и князь Гальцин, разговаривая об общих знакомых, говорят о некоем Масловском, уточняя: «лейб-улан или конногвардеец?» [Толстой Л.Н. Севастополь в мае. V].

Л.Н. Толстой, вообще не очень восторженно отзывавшийся о военной службе, особенно саркастичен в отношении гвардии: «Но когда к этому развращению вообще военной службы, с своей честью мундира, знамени, своим разрешением насилия и убийства, присоединяется еще и развращение богатства и близости общения с царской фамилией, как это происходит в среде избранных гвардейских полков, в которых служат только богатые и знатные офицеры, то это развращение доходит у людей, подпавших ему, до состояния полного сумасшествия эгоизма». [Толстой Л.Н. Воскресение³⁰. 13].

Нетрудно заметить, что гвардейские офицеры и общались на некоем особенном языке, столь пленительном для значительной части армейских офицеров. Здесь можно вспомнить почти комедийный персонаж повести А.И. Куприна «Поединок» (1905 г.) Бобетинского, говорившего «Эчень приятно» (вместо «очень приятно»): «Он всегда говорил таким ломаным, вычурным тоном, подражая, как он сам думал, гвардейской золотой молодежи» [Куприн А.И. Поединок. 8]. Разница между гвардейскими и армейскими офицерами видна даже в том, что, если «офицеру гвардии нужно содержать себя приличным образом» [Пушкин А.С. Дубровский. II.9], то армейские офицеры, как правило, просто не могут себе этого позволить. Армейская жизнь, описанная А.И. Куприным, значительно отличается от гвардейской службы в романах Л.Н. Толстого. Армия и есть «школа жизни». Недаром в начале

²⁹ Целорунго. 2002. С. 77.

³⁰ Хотя действие романа относится к 1880-м гг., а служба Нехлюдова проходила «после объявления войны Турции» (т.е. в 1877 г.), роман был закончен в 1899 г., т.е. ко времени, когда констатированное П.А. Зайончковским у офицеров осознание «превосходства как людей особого рода» сформировалось окончательно.

1770-х гг., отец Петруши Гринёва, героя «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, оправляет сына в полк, а не в гвардию: «...пускай *послужит* (курсив мой. – В.Б.) он в армии... да понюхает пороху, да будет солдат...» [*Пушкин А.С. Капитанская дочка. Гл. 1*].

В статье мы ограничимся лишь наиболее ярким и известным родом войск – лёгкой кавалерией (гусарами и уланами). Связано это и с тем, что именно наблюдение за их художественными образами привело к достаточно неожиданным выводам.

В историографии подмечено, что гусары «славились... как отчаянные смельчаки, лихие рубаки, верные боевые товарищи и – не в последнюю очередь – как несравненные покорители женских сердец»³¹. Ведь толстовский Турбин³² – гусар; герой лермонтовской «Тамбовской казначейши», штаб-ротмистр Гарин – улан... Не последнюю роль в популярности гусар и улан играла нарядная форма, недаром Козьма Прутков писал: «Если хочешь быть красивым, поступи в гусары». В шутовском стихотворении «К Галичу» лицеист Пушкин писал о том, как он якобы готовится в гусары:

Надены узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я – питомец важных Муз –
В числе воюющих орнетов!

Уланы тоже славились своей красивой формой. А.И. Герцен вспоминал о том, как примерил форму улана: «Боже мой, как я казался себе хорош в синем куце мундире с красными выпушками! А этишкеты, а помпон и лялунка...» [*Герцен А.И. Былое и думы. II*].

Однако мало кто, даже из современников, задумывался об истоках кавалерийской удалости, молодцеватости и проч. Дело в том, что от служащих в лёгкой кавалерии требовалась быстрота, ловкость и смелость. Широко известно высказывание наполеоновского маршала Ланна (которое также приписывается бригадному генералу Лассалю): «Гусар, который не убит в 30 лет, – не гусар, а дрянь!»³³ Т.е. именно «век гусаров» (а вовсе не привилегированных кавалергардов) «был не долгов». Почти всех их ждала участь скорой смерти. Так загадочно грустным предстаёт Е.В. Давыдов (1775–1823) на знаменитом портрете О.А. Кипренского 1809 года. Моло-

³¹ Федосюк. 2004. С. 122.

³² Интересно: герой «Войны и мира» Федор Долохов – пехотный офицер, однако его прототипы – декабрист М.С. Лунин, партизан И.С. Дорохов – были гусарами!

³³ Парафраз этого высказывания можно найти: *Канкрин. 1993. С. 12-13.*

дой человек (почти ровесник наполеоновского Ланна) в полном обмундировании полковника лейб-гвардии Гусарского полка, кого-то ждёт (видимо, «даму сердца»); он показан на фоне романтического ночного пейзажа. При этом весь антураж портрета говорит о скоротечности жизни военного. Чуть ли не кладбище видно на заднем фоне. Романтическая черта – жизнь в постоянной опасности, – видимо, и привлекала к гусарам представительниц женского пола (особенно провинциальных барышень)³⁴. При этом неважно, ждёт ли гусара смерть в бою или на дуэли. Вспомним пушкинского графа Б. из повести «Выстрел» (1829), который стоял и спокойно ел черешню под дулом пистолета Сильвио. Может быть, от этого пренебрежения смертью и проистекает жажда жить полной жизнью (в том числе и развлечениями). Создавая портрет Е.В. Давыдова, Кипренский пишет образ русского гусара вообще: внешняя красота скрывает внутреннюю тревогу – постоянную готовность к смерти.

Жизнь полной жизнью оборачивается ещё одной стороной гусарского этоса – шумные вечеринки, карты и т.д. Гоголевский Плюшкин, чья дочь «убежала с штабс-ротмистром, бог весть какого кавалерийского полка», не любил «офицеров по странному предубеждению, будто бы все военные картежники и мотишки» (Гоголь Н.В. Мертвые души. I. 6). По словам Л.Н. Толстого, «военные же люди считают, что это так должно быть, хвалятся, гордятся такою жизнью, особенно в военное время, как это было с Нехлюдовым, поступившим в военную службу после объявления войны Турции. “Мы готовы жертвовать жизнью на войне, и потому такая беззаботная, веселая жизнь не только простительна, но и необходима для нас. Мы и ведем ее”». [*Толстой Л.Н.* Воскресение. I. 13].

Возможно, именно от ощущения быстротечности жизни и желания взять от неё всё, проистекает и достаточно легкое отношение к браку. Скоротечность карьеры и, в конечном счёте, жизни, приводила к тому, что некогда было заниматься выбором супруги: это, видимо, в начале 1810-х гг. произошло с зятем Плюшкина, и с Бурминым, героем пушкинской «Метели», который в начале 1812 г. «мало полагал важности в преступной... проказе» (свадьбе с Марьей Гавриловной), и с корнетом Улановым, в середине XIX в. обвенчавшимся с дочерью Арины Петровны Головлевой... Впрочем, уланы считались менее «горячими», чем гусары: Лиза в «Двух гусарах» Л.Н. Толстого желает жениха улана, а не гусара, т.к. последние «все отчаянные, говорят» [*Толстой Л.Н.* Два гусара. IX].

³⁴ Создается впечатление, что О.А. Кипренский предвидел те перипетии, которые впоследствии выпали на долю лейб-гусар. В войне 1812–1814 гг. полк участвовал практически в 35 сражениях! См.: Столетняя служба...; Лейб-гусары...

Если мы посмотрим на литературных героев, которые служат в легкой кавалерии, то всё это провинциальные помещики. Видимо, столичная знать не стремилась отдавать своих отпрысков в столь опасный род войск. Исключением являются граф Б., герой пушкинского «Выстрела», да и Николай Ростов, служивший гусарским ротмистром, и графы (отец и сын) Турбины из повести Л.Н. Толстого «Два гусара». Впрочем, граф Б. служил там явно недолго³⁵, а та быстрота, с которой он оказался любимцем общества, доказывают, что он был нетипичной фигурой в гусарском полку (как и старший Турбин); а Ростовы – не петербургская знать, а обедневший старомосковский род, стоявший гораздо ближе к провинциальному дворянству, чем его столичные родственники (ведь и провинциальную барышню Татьяну Ларину зимой 1822 г. везут не в Петербург, а в Москву)³⁶. Что касается младшего Турбина, то он служил в кавалергардах и лишь с открытием кампании 1848 года «решил, что *выгоднее* (курсив мой. – В.Б.) для производства перейти в действующую армию, и перешел в гусарский полк ротмистром» [Толстой Л.Н. Два гусара. IX]. Так или иначе, если в армейском гусарском полку оказывался представитель аристократии, богатый и знатный человек, это не могло не вызывать раздражения у некоторых офицеров. Сильвио, пользовавшийся огромным авторитетом в полку, так описывает своё отношение молодому графу Б.: «Отроду не встречал счастливица столь блистательного! Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое имя, деньги, которым не знал он счета и которые никогда у него не переводились, и представьте себе, какое действие должен был он произвести между нами. Первенство мое поколебалось. Обольщенный моею славою, он стал было искать моего дружества; но я принял его холодно, и он безо всякого сожаления от меня удалился».

Наше наблюдение, что аристократия не стремилась служить в лёгкой кавалерии (как наиболее опасном роде войск), было проверено на материале биографий 600 лиц, привлеченных к делу о восстании декабристов: словарь, подготовленный М.В. Нечкиной (Декабристы... 1988), прекрасно отражает портрет русского служилого дворянства начала XIX в. На его основе выявлено 52 чел., служивших в гусарах или уланах, из них семь представителей титулованного дворянства. Процент довольно большой (согласно данным Д.Г. Целорунго, в начале XIX в. в кавалерии доля титулованного дворянства была выше, чем в пехоте, а в

³⁵ Граф Б. был определен в гусарский полк, и вскоре Сильвио вышел в отставку. Спустя пять или шесть лет граф Б. женился и, видимо, тоже покончил со службой.

³⁶ При этом высказывания старого графа Ростова всё-таки дают понять, что поступок сына для него удивителен [Толстой Л.Н. Война и мир. Т. I, Ч. I, 9].

артиллерии его вообще не было³⁷). Но четверо из семи были определены туда после восстания. Для князей А.Н. Вяземского и А.И. Гагарина назначение выглядит как понижение (из лейб-гвардейских Кавалергардского и Конной артиллерии полков). Внук воспитательницы Николая I, граф (затем светлейший князь) А.К. Ливен 1-й и светлейший князь П.П. Лопухин уже в конце своей карьеры были назначены командирами соответственно Оренбургского уланского полка и 1-й гусарской дивизии, но до этого служили в других родах войск (быть непосредственно бойцом и быть командиром далеко не одно и то же). Двое служили в гусарах с момента определения на службу. Но это был привилегированный лейб-гвардейский Гусарский полк, который, кстати, после подавления Польского восстания 1831 г. не участвовал в боевых действиях вплоть до I Мировой войны³⁸ (будь портрет Е.В. Давыдова написан не в 1809 г., а в 1859 г., то он бы не имел столь глубокого смысла)³⁹. И наконец, только князь Ф.Ф. Гагарин служил в гусарах и до и после восстания: будучи определен в лейб-гвардии Семеновский полк, он затем был переведен прапорщиком в лейб-гвардии Кавалергардский полк, а с октября 1812 г. – штаб-ротмистром в Павлоградский гусарский полк. Впрочем, этот популярный в военной среде человек, игрок и дуэлянт, у которого так и не сложилась личная жизнь, наверное, мог только радоваться такому назначению. Таким образом, данные справочника «Декабристы» и наблюдения за образами офицеров в художественных произведениях не противоречат друг другу, но для окончательных выводов, безусловно, следует привлечь более обширный материал.

На этом можно остановиться. Конечно, далеко не все сюжеты, характеризующие военных как социальную группу и важный механизм государственной системы, удалось рассмотреть (например, материальное положение солдат и офицеров). Впрочем, автор надеется, что это (вместе с материальным положением чиновничества) удастся сделать в другой работе. Художественные произведения обладают важным для историка свойством: способны направлять его поиск.

³⁷ В кавалерии 2,3%, в пехоте 0,5%, в артиллерии 1,4%: *Целорунго* 2002: 78. Д.Г. Целорунго отделяет русскую титулованную знать от остзейских баронов. Мы же объединили эти две социальные группы. Кроме того, в книге даётся процентное соотношение титулованного дворянства ко всему офицерскому корпусу. Однако, поскольку доля дворянства в офицерском составе была подавляющей (86,5%), то статистика наша и Д.Г. Целорунго сопоставима.

³⁸ Столетняя служба...; Лейб-гусары...

³⁹ Канкрин (Ф.Ф. Кудрявцев) писал: «...в годы службы деда полк растерял свои боевые традиции – на войну посылать его перестали, и офицеры были совсем другие.. Офицеры –лейб-гусары были, по существу, придворными» (*Канкрин*. 1993. С. 25).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аурова Н.Н.* От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2010.
- Березовский Н.Ю., Доценко В.Д., Тюрин Б.П.* Российский императорский флот. 1696–1917. М.: Русский мир, 1993.
- Богданов В.П.* Богданов В. П. «Крапивенное семя»: чиновничество и российская саморефлексия // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 101-126.
- Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., Воениздат, 1993.
- Декабристы.* Биографический справочник. М.: Наука, 1988.
- Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996.
- Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий, 1881–1903. М., 1973.
- Канкрин А.В.* Мальтийские рыцари. М.: Московский рабочий, 1993.
- Лейб-гусары: История, биографии, мемуары / Автор-составитель А.Ю. Бондаренко. М.: Воениздат, 2003.
- Морозов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 1, 2.
- Нечкина М.В.* Функция художественного образа в историческом процессе. М. «Наука», 1982.
- Соколов Б.В.* Береги честь смолоду («Белая гвардия») // М.А. Булгаков в жизни и творчестве. Учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. Москва: Русское слово, 2002. 112 с.
- Сахаров В.И.* Последний бой Най-Турса (Рассказывает Николка Турбин) // Источник (приложение к журналу Родина). 2003. В. 1. С. 31-35.
- Столетняя служба Л.-гв. Гусарского Его Величества полка. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная Польза», 1875.
- Толстой Л. Н.* Переписка с русскими писателями в 2 т. Т.1. 2-е изд., доп. М., 1978
- Толстой С.Л.* Федор Толстой-Американец. М.: Современник, 1990.
- Федосюк Ю.А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта, Наука, 2001.
- Целорунго Д.Г.* Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения (историко-социологическое исследование). М.: Калита, 2002
- Цимбаева Е.Н.* Исторический анализ литературного текста. М.: Едиториал УРСС, КомКнига, 2005.
- Эйхенбаум Б.М.* Николай I о Лермонтове // Эйхенбаум Б.М. О прозе: Сб. статей / Сост. и подгот. текста И. Ямпольского; Вступ. ст. Г. Бялого. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1969.

Богданов Владимир Павлович, старший научный сотрудник Лаборатории истории культуры Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; vpbogdanov@gmail.com

ПЕРЕКРЕСТКИ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Д. Е. МАРТЫНОВ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, СИНОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И КОНФУЦИАНСТВО

В статье рассмотрено поле исследований по интеллектуальной истории Китая в первом десятилетии XXI века. Ситуация сложилась так, что до сих пор история китайской философии и интеллектуальная история Китая являются совпадающими понятиями. Базовый набор персоналий и исследуемых систем мысли сложился в 1920-е гг. и пересматривается чрезвычайно медленно.

Ключевые слова: Конфуцианство, неоконфуцианство, Лян Ци-чао, Кан Ю-вэй.

В начале XIX века китайский философ Чжан Сюэ-чэн¹ выдвинул знаменитую максиму «Шестиканоние [есть] вся история» (*Лю-цзин цзе ши* 六經皆史). «Шестиканоние», наряду с «Четверокнижием» (*Си-шу* 四書), являлось основой интеллектуального багажа любого конфуцианского учёного. Н.Я. Бичурин² – первый русский китаевед, получивший общеевропейскую известность, полагал, что человек, способный читать «Четверокнижие», сможет понимать любой другой китайский текст. Славословиями обоим наборам текстов пестрит творчество любого китайского интеллектуала до начала XX века. Наконец, в 1816 г. вышло первое издание *Ши сань цзин чжу шу* («Тринадцать канонов с комментариями и толкованиями», 十三經注疏) Жуань Юаня (阮元, 1764–1849), которое сделалось нормативным и переиздаётся до сих пор³. Эти набо-

¹ Чжан Сюэ-чэн (章學誠, 1738–1801) – историк, филолог и философ. Основное сочинение – «Проникновение в смыслы истории и литературы» (*Вэнь ши тун и文史通義*), изданное посмертно (1832). Систему Чжана его биограф Д. Нивисон сравнивал с гегельянской, а разработку теории культуры – с наследием Д. Вико (*Nivison*. 1966. P. 1). Умер в полном забвении, но с начала XX в. стал весьма популярным.

² В монашестве – Иакинф (1777–1853). Его переводы «Четверокнижия», впервые выполненные с китайского оригинала, остаются неизданными.

³ Концепция 13 канонов (включая «Четверокнижие» и «Шестиканоние», древнейшие словари и др.) со сводкой авторитетных комментариев, отображающих эволюцию философской мысли конфуцианства, сформировалась к началу XVI в. При воцарении маньчжурской династии в 1644 г. такое издание стало политической потребностью – частью официальной политики единомыслия, и предпринималось несколько раз. Компендиум Жуань Юаня, впервые осуществлённый в Наньчане (про-

ры текстов были также основой системы государственных экзаменов – главного и единственного способа сделать карьеру в старом Китае; эти же наборы ставили границы интеллектуальным устремлениям китайской интеллигенции.

Между тем, фразу Чжан Сюэ-чэна можно понимать двояко. Первый вариант истолкования – модернизирующий, предложенный Хирому Момосэ в энциклопедии «Выдающиеся китайцы эпохи Цин»⁴. В его интерпретации Чжан Сюэ-чэн заявил, что конфуцианские канонические тексты не следует рассматривать как хранилище некоей вечной, вневременной мудрости; они были созданы в определённое время, и все действия и речи персонажей канона следует рассматривать в историческом контексте. Второй вариант – буквальный, исходя из роли конфуцианского канона во времена Чжана. Иное дело, что именно вопросы исторического исследования канона стали определяющими для тематики научных исследований в Китае на всём протяжении XVIII–XIX вв. Этот период стал переломным для эволюции китайской традиционной мысли. Потребовалось чуть более века, чтобы традиционная философия, излагаемая на полумискусственном языке *вэньянь*, была официально отправлена «на свалку современности» деятелями «Движения за новую культуру». Далее оказалось, что несмотря на мощнейшую атаку на позиции конфуцианства со стороны буддизма, сциентизма, и разнообразных левых идеологий (особенно анархо-коммунизма), в современной интеллектуальной истории по-прежнему господствует современное конфуцианство.

Характерно, что «модные» течения в гуманитарии второй половины XX в. затронули китаеведческие дисциплины в минимальной степени, но потенциальная «угроза» для них в контексте интеллектуальной истории сохраняется⁵. Речь в первую очередь идёт о понимании границ субъективного и неразличении «объективных» текстов – исторических, политических, и т.д. – и художественной литературы. Более того, «объективность» как культурная конструкция сама по себе стала объектом анализа⁶. В этой связи встаёт большое количество «неудобных» вопросов, связанных с самыми элементарными исследовательскими процедурами гуманитария. Очевидно, что выбор определённых исторических

винция Цзянси, губернатором которой был Жуань Юань), переиздавался более 20 раз (последнее известное нам издание – 1997 г.). В основе его – набор авторитетных комментариев, составленный ещё в правление южной династии Сун (1127–1279).

⁴ *Hiroum.* 1943. P. 38–41.

⁵ *Elman.* 2010. P. 372.

⁶ Вопрос об этом был поставлен Х. Уайтом.

событий или лиц как предмета исследования историка в процедурном отношении ничем не отличаются от деятельности автора исторического романа. Далее начинается специфика предмета.

Социально-этическая ориентация всех направлений традиционной китайской мысли – не одного только конфуцианства – требовала постоянного самоусовершенствования всего мира и населявших его людей. История в буквальном смысле превращалась в учителя жизни. Но если конечной целью античной историографии (породившей формулу *historia est magistra vitae*) было описание событий с элементами анализа, что позволяло при желании сделать логически вытекающие из предпосылок выводы и тем самым предостеречь читателя в будущем⁷. Напротив, писал Л.С. Васильев: «Рационалистически мыслявшие китайцы с их похожим на античное отношением к религии⁸ делали в своих историографических сочинениях прямо противоположный акцент. Их тексты были насыщены дидактикой настолько, что порой превращались в нечто вроде учебника, рассчитанного на нерадивого ученика, которому надлежит вы зубрить отрывок из хрестоматии⁹. Спецификой китайских текстов, в том числе и исторических сочинений, была их нарочитая заданность. Утилитарные выводы из средства (анализ с назидательным уклоном) в них обычно превращались в цель, т.е. история становилась надёжным инструментом для воспеания всего достойного подражания и осуждения всего недостойного»¹⁰. В этом плане современные исследования в области общественной мысли и интеллектуальной истории, созданные в Китае и на Тайване, мало отличаются, по своему наполнению, по тому *message*, который они несут, от текстов, созданных за два столетия (а хотя бы и два тысячелетия) до того в русле древней традиции на архаичном языке. В этом плане очень характерно, что западные синологи, которые во всех отношениях

⁷ Р. Коллингвуд, справедливо именуется Геродота и Фукидида «автобиографами» своего времени. Ставя научные вопросы, они оставались носителями своего общественного сознания, которому был присущ антиисторизм, что парадоксально определяло антиисторизм античной историографии (Коллингвуд. 1980. С. 20–23).

⁸ Своего рода «двоемыслие»: почитаемые боги и духовные сущности занимали важное место в общественном процессе, но как только заходила речь о проблемах, требующих серьёзного и даже рискованного интеллектуального напряжения, эти сущности отстранялись, так сказать, «выносились за скобки».

⁹ Ср. с высказываниями В.А. Рубина о текстах древнекитайской школы моистов (V–III вв. до н.э.): «Мо-цзы как будто рассчитывает на неумного слушателя, которому нужно до конца разжевать каждое положение, чтобы он хоть что-то понял» (Рубин. 1999. С. 27).

¹⁰ Васильев. 1995. С. 6–7.

зависят от китайской издательской и комментаторской традиции чуть ли не от самого возникновения синологии как науки (в начале XVII в.), тем не менее, как правило, игнорируют достижения китайской интеллектуальной истории, что доказывается и числом переведённых на китайский язык исследований западных авторов, но не наоборот¹¹. Тем не менее, в Пекине и в Тайбэе издаются многотомные компендиумы под контролем правительственных историографических комиссий, которые интересуют западных и российских сиологов, как правило, с сугубо фактологической точки зрения. Используемые ими методы критикуются как «анахронизм», несмотря на то, что западная историография, приступая к освоению проблемного поля Китая, сама сталкивается с массой проблем.

Одной из них является телеологическое восприятие исторических и социальных процессов, частный случай которого – интерпретация социального и интеллектуального времени. История идей, как и социальная история, использует в качестве универсального критерия современность. Сложности начинаются в случае быстрой модернизации, предугадать которую в принципе невозможно. Естественно, что и позиция исследователя напрямую зависит от того, *какое именно* настоящее он использует для познания прошлого. Начиная с XVIII в., когда Китай был в экономическом и военном отношении слабее Европы, распространился образ «мумии, завёрнутой в шёлк и исписанной иероглифами» (И. Гердер)¹². Естественно, что корни отсталости искали в господствующей идеологии – конфуцианстве; не менее характерно, что все подходы, рассматривающие конфуцианство как тормоз на пути прогресса, были предельно социологизированы¹³. Такие взгляды высказывались Гердером и Гегелем в XVIII–XIX вв., и М. Вебером в начале XX в. Парадоксально, что в 1979 г. швейцарский синолог Ж.-Ф. Биллетер высказывался в том же духе, хотя ни традиционного Китая, ни мандаринов-чиновников не существовало. М. Вебер в статье «Политика как призвание и как профессия» напрямую связывал конфуциански образованных китайских бюрократов с гуманистами эпохи Возрождения, и писал, что «подобной была бы и наша судьба, имей гуманисты в своё время хотя бы малейший шанс добиться такого же признания»¹⁴. Биллетер обратным образом связывал понимание

¹¹ См.: Кобзев. 2006. С. 33–42.

¹² Долгие годы восприятием Китая в Европе эпохи Просвещения занималась О.Л. Фишман. См. её монографию: *Фишман*. 2003.

¹³ На это обратил внимание А.И. Кобзев, давший весьма подробный разбор восприятия конфуцианства в западной и китайской мысли: *Кобзев*. 2002. С. 5–49.

¹⁴ *Вебер*. 1990. С. 663.

роли и статуса мандаринов в Китае XI–XIX вв. с их идеологией – неоконфуцианством, и прямо называл его «одной из самых монументальных руин в интеллектуальной истории»¹⁵. Произошло уникальное в мировой истории сращивание социологии, экономики и идеологии в одной точке – мандарины были классом открытым и при этом открыто привилегированным, а его идеология, будучи классово ограниченной, выражала универсальную рациональность. Система государственных экзаменов, с которой мы начали изложение, привела к тому, что основной общественной ценностью стал символический, а не экономический капитал, т.е. знания и моральные качества, легко конвертируемые в капитал экономический¹⁶. Утратив в период господства монгольской династии (Юань, 1280–1368) монополию на власть и идеологию, неоконфуцианство в XIV–XIX вв. приобрело авторитарный характер, во-первых, потому, что антимеркантилизм позволял быстрее восстановить утраченные ранее позиции, во-вторых, из-за того, что официальная идеология копировала авторитарные черты использовавшей её императорской власти. Так появилось противостояние авторитарного государственного конфуцианства и частного конфуцианства, не связанного с политическими целями. Таким образом, Биллетер, начав с мысли о неоконфуцианстве как мощном социально-детерминирующем факторе, напротив, редуцировал основные этапы его эволюции к радикальным социальным сдвигам¹⁷.

Декларированная сдача конфуцианства в утиль была поставлена под большое сомнение публикацией в 1958 г. «Манифеста китайской культуры людям мира» (*Вэй Чжунго вэньхуа цзингао шицзе жэньши сюаньянь* 为中华文化敬告世界人士宣言). Однако возникшая коллизия резко усложнила дефиницию модернизации применительно к китайским условиям. Обще-принятым стало представление о начале сознательной вестернизации после Тайпинской революции (太平革命, 1850–1864). Формы вестернизации определить сложно, ибо от историка требуется расширить объект анализа от сферы мышления до экономики. Конфуцианство и элементы традиции становятся на этом пути камнем преткновения: если рассматривать его с позиций М. Вебера и Ж. Биллетера, тогда оно является главным препятствием на пути Китая к современности; но если основываться на работах современных тайваньских конфуцианцев, именно конфуцианство позволило китайцам войти в современность, оставаясь при этом китайцами. В

¹⁵ Billeter. 1979. P. 22.

¹⁶ Ibidem. Ср., однако, с теориями Л.С. Васильева о «власти-собственности» (Васильев. 2000).

¹⁷ Кобзев. 2002. С. 31–32.

результате уже третье поколение китаистов спорят о положительной или отрицательной роли китайской традиции в контексте модернизации, но бурные успехи китайских реформ и решительный переход Китайской Народной Республики на западный рыночный путь развития (с сохранением «красного» фасада¹⁸), показали несостоятельность любых теорий, претендующих на предсказания, неважно, опирающихся на китайскую традицию или отрицающих её¹⁹.

Всё это совершенно не случайно. Как справедливо отмечал Б. Элман, «то, что сегодня именуется “китайской интеллектуальной историей” есть ухудшенная версия истории китайской философии»²⁰. Базовая модель такой истории была создана в 1920-е гг. усилиями двух выдающихся китайских мыслителей новейшей эпохи – Лян Ци-чао²¹ и Ху Ши²². На их концепцию сильнейшее воздействие оказала немецкая *geistgeschichte*, неизбежно – в упрощённой форме. Для иллюстрации метода приведём выдержку из 26-й главы «Очерка учений династии Цин»:

«Хроническими недугами китайской мысли (中国思想) были, [во-первых], чрезмерная любовь к цитированию [древних] (好依傍) и, [во-вторых], неразличение имени и сущности (名实混淆). <...> Таковы были цинские

¹⁸ Леонард. 2009.

¹⁹ В цитированной выше статье Б. Элмана рассмотрена неработоспособность популярных на Западе функционалистских подходов на примере теории связи культурного и экономического капитала П. Бурдьё. Данная теория может быть использована на китайском материале только механически, поскольку основывалась на североафриканском эмпирическом материале. Место не позволяет остановиться на этом подробнее. См.: *Elman*. 2010. P. 374–376.

²⁰ *Elman*. 2010. P. 376.

²¹ Лян Ци-чао (梁启超, 1873–1929) – выдающийся китайский философ. Один из основоположников политического либерализма в Китае, автор многочисленных исторических и политологических трудов. В «Очерке учений династии Цин» (*Циндай сюэшу зайлунь*, 清代學術論, 1920), представил первый целостный труд по истории китайской философии XVII–XIX вв. Считается основоположником «историографической революции» в Китае. По мнению А.И. Кобзева, его творчество «сыграло роль своеобразного шлюза при переходе конфуцианства в стадию нового конфуцианства и всей традиционной китайской культуры в совершенно новую эпоху модернизации» (*Кобзев*. 2006. С. 335).

²² Ху Ши (胡適, 1891–1962). Окончил Корнеллский и Колумбийский ун-ты (США), ученик Дж. Дьюи – теоретика философии прагматизма. Полагал, что будущее Китая – в приобщении к ценностям западной цивилизации, в том числе разумного эгоизма и индивидуализма (приводя в пример героев Г. Ибсена), демократии и сциентизма. В то же время никогда не выступал против конфуцианства, считая возможным его возрождение в новых условиях, «если оно покажется полезным и выгодным». Как социолог, считал общество скоплением случайных индивидов, которые нуждаются в воспитании и наставлении, осуществляемых «выдающимися личностями».

конфуцианцы, например, Янь Юань²³, близкий в своих рассуждениях к Мо-[цзы], но всё же выводивший его взгляды от Конфуция; идеи Дай Чжэня были полностью западными [в своей основе], но всё же он выводил их из Конфуция. Учение Кан Ю-вэя о Великом Единении было полностью оригинальным, но всё же он выводил его из конфуцианского. Почему Конфуций был вынужден ссылаться на древность, предлагая идею изменения правления? почему все мыслители принуждены ссылаться на древность? Это и есть смешение имени и сущности и зависимость от цитирования. Если корни этих хронических недугов не вырвать, невозможно добиться свободы мысли»²⁴.

С упоминаемым в данном отрывке Дай Чжэнем²⁵ произошло следующее. Поскольку китайская интеллектуальная история, равно как история философии, основана на себе самой, процесс признания Дай Чжэня величайшим китайским философом XVIII века затянулся, хотя впервые его статус пытались поднять и Ху Ши (особенно), и Лян Ци-чао. В 1976 г. в Гонконге вышла книга Юй Ин-ши²⁶, которая окончательно вписала наследие Дай Чжэня в контекст научной методологии, *оставив его в проблемном поле неоконфуцианства*. Неоконфуцианская интерпретация его творчества оказалась настолько прочной и влиятельной, что вызвала – обратным рикошетом – на Западе внимание к его работам по астрономии и математике, но не к филологическим изысканиям, которые показывают, что, оставаясь неоконфуцианским мыслителем, он бросил решительный

²³ Янь Юань (顏元, 1635–1704) – философ и медик. Довёл до логического завершения присущий китайской философии холистический натурализм, утверждая, что человек, синтезирующий в своей «доброй природе» «небесное предопределение», становится действенным фактором осуществления не только социокультурных норм и ценностей, но и космического порядка. Апология человеческой витальности привела к отказу от характерного для ортодоксального конфуцианства противопоставления «долга» (и 義 «пользе/выгоде» (利 利). Осуществление их единства, синтезирующего этику с прагматикой, должно было превращать человека из «изменяемого миром» в «изменяющего мир». Изменять мир Янь Юань предполагал с помощью реставрации трех основ общественного устройства легендарной древности (уравнительное землепользование, ограничение самодержавия и ориентация образования на практические нужды). Программа, сформулированная как возврат к прошлому, была нацелена на реформирование современности (Кобзев. 2006. С. 650).

²⁴ Лян Ци-чао. 1998. С. 89–90. Ср. с анализом: Алексеев. 2003. С. 320–355.

²⁵ Дай Чжэнь (戴震, 1724–1777). Основатель одной из двух ветвей так называемого «ханьского учения», активно занимался математикой, астрономией, географией, лингвистикой и историей. Основой его методологии было «доказательное исследование» (考據 или 考證) – экспликация идей на анализе выражающих их терминов.

²⁶ Юй Ин-ши. 1976.

вызов самим основам неоконфуцианского дискурса, хотя и участвовал в составлении официальной библиотеки-серии *Сы ку цюань шу*²⁷.

Сведение интеллектуальной истории Китая к эволюции направлений конфуцианства достигается аналогично упрощённому экономическому детерминизму в СССР рубежа 1920–1930-х гг. Тем не менее, очевидно, что если мы исследуем интеллигенцию, то не можем полностью отстраниться от личностного фактора, а представителям интеллигенции свойственно реагировать на важнейшие социальные, политические и экономические изменения далеко не самым тривиальным образом. Для новой и новейшей истории Китая знаковыми фигурами являются деятели конца эпохи Мин, начала Цин – Ван Фу-чжи (王夫之, 1619–1692), Гу Янь-у (顧炎武, 1613–1682) или Хуан Цзун-си (黃宗羲, 1610–1695). Все они так или иначе участвовали в антиманьчжурской борьбе, но их «ответ» был совершенно различным – только Гу Янь-у встал на путь активного сопротивления, за что неоднократно подвергался репрессиям, остальные находили выход во «внутренней эмиграции» и потаённом интеллектуальном творчестве, которое было оценено три века спустя²⁸. Исторический контекст никак не может объяснить их конкретных действий, хотя и позволяет понять основные мотивы в их творчестве. Равным образом, объяснить деятельность Ху Ши или одного из основателей Коммунистической партии Китая – Чэнь Ду-сю (陳獨秀, 1879–1942) только лишь их разочарованием действиями республиканцев после падения династии Цин никак не удастся. Зато самоубийство Ван Го-вэй²⁹ было вполне традиционным ответом китайского книжника на политический хаос, который почитался как наихудшее из всех возможных бедствий.

Укажем на примечательную аберрацию. В результате работы Лян Ци-чао и Ху Ши сложился вполне традиционный для китайской культу-

²⁷ Сы ку цюань шу (四庫全書, «Полное собрание книг по четырём разделам») – образцовая книжная серия, которая одновременно исполняла роль императорской библиотеки, а также была рекомендуемым кругом чтения интеллектуала на государственной службе. Работы по составлению (отбору и цензуре книг) шли в 1773–1782 гг. Окончательно свод включал 3461 сочинение в 36381 томе (ок. 800 млн иероглифов).

²⁸ *Кобзев*. 2002. С. 401–428.

²⁹ Ван Го-вэй (王國維, 1877–1927) – китайский гуманитарий-универсал: историк, филолог, фольклорист, исследователь эпиграфики (один из первых дешифровщиков древнейшей китайской письменности), первый историк китайского театра, и т.д. Первый в Китае исследователь творчества и переводчик Шопенгауэра и Ницше, с позиций которых критиковал традиционную китайскую философию. После революции 1911 г. отрёкся от западной философии, перешёл на ультраконсервативные позиции. После захвата Пекина революционными войсками в 1927 г. покончил с собой традиционным способом – утопился в дворцовом пруду.

ры «нормативный набор» культурных героев – одновременно философов и политических деятелей, связанный, опять-таки с развитием современного общества, как его понимали в то время, и политическими пертурбациями. Об этом наборе можно судить хотя бы по китайскому учебнику для аспирантов 1980 г., который был переведён на русский язык в 1989 г. В.С. Таскиным с послесловием директора Института Дальнего Востока АН СССР М.Л. Титаренко³⁰. Круг персоналий, безусловно, уже, чем описанный в «Очерке учений династии Цин», но главное здесь в другом. Главным содержанием интеллектуального небосклона Китая признавалось и в 1920-е, и в 1980-е гг., и сейчас – борьба ханьской и сунской школ конфуцианства, выразившаяся в возрождении школы «современных знаков»³¹. Укоренившийся с начала XX в. линейный исторический нарратив³² поставил в центр истории Китая эпохи Поздней Цин (примерно, 1840–1910-е гг.) Движение за реформы 1898 г. (*у-суй бянь фа* 戊戌變法), самыми яркими деятелями которого были Кан Ю-вэй (康有為, 1858–1927) и сам Лян Ци-чао, и Тань Сы-тун, и мн. др. В числе их предшественников обычно называют Вэй Юаня (魏源, 1794–1857) и Гун Цзы-чжэня (龔自珍, 1792–1841). В таком порядке они перечислены в «Истории китайской философии» и в «Очерке учений династии Цин». На Западе эта схема укоренилась с издания работ Джозефа Левенсона (1920–1969)³³.

Это явление хорошо известно и порождено всё той же зависимостью западных китаеведов от китайской интеллектуальной (комментаторской в своей основе) традиции. При такой постановке вопроса в «тени» оказывается Чанчжоуская школа и роль, сыгранная в проблеме «современных знаков» её ярчайшими представителями – Чжуан Цунь-юем (莊存與, 1719–1788) и Лю Фэн-лу (劉逢祿, 1776–1829). Пересмотр её роли и тем самым ревизию представлений об интеллектуальном пространстве Китая произвёл в 1990 г. Б. Элман публикацией своей монографии «Классицизм, политика и родство»³⁴. В 2009 г. Элман опубликовал статью, в которой опи-

³⁰ История китайской философии. 1989.

³¹ Разъяснение этой проблематики слишком далеко увело бы нас в сторону. См.: Кобзев. 2006. С. 529–532.

³² Заметим, что ещё в 1902 г. Чжан Бин-линь (章炳麟, именуемый также Чжан Тай-янь 章太炎, 1869–1936), собираясь писать «Всеобщую историю Китая» (*Чжунго тунши* 中國通史), принципиально использовал китайский дискретный сюжетный метод, считая его более научным, чем западный линейный хронологический. Написать грандиозный труд – в 100 частях, около 700 тыс. иероглифов, – ему так и не удалось, однако сохранился проспект для издателя (*Калюжная*. 1995. С. 63–64).

³³ Levenson. 1969.

³⁴ Elman. 1990.

сывал, что коллизия, аналогичная отношениям Кан Ю-вэй, реформаторов и императора Гуансюя имела место, по крайней мере, сотней лет ранее³⁵. Оказалось, что политическое противостояние стареющего императорского секретаря Чжуан Цунь-юя и набирающего политический вес Хэ-шэня (和珅 1746–1799)³⁶ самым прямым образом сказалось на содержании комментариев к конфуцианскому канону, создаваемых в 1780-е гг. Однако в утвердившейся традиции их упоминают в лучшем случае одним абзацем как предшественников реформаторского движения. Лю Фэн-лу известен несколько больше, будучи учителем Гун Цзы-чжэня³⁷.

Если попытаться вырваться за пределы современного статуса вышеназванных персон (статуса, конвенционального по своему характеру) и посмотреть на *действительный* политический, социальный и интеллектуальный статус всех перечисленных персон, обнаружатся весьма примечательные вещи:

Гун Цзы-чжэнь. В 37-летнем возрасте получил высшую учёную степень, состоял на гражданской службе, но не получил известности. Его теоретические взгляды никогда не были систематизированы, а первые сборники трудов были опубликованы только после смерти.

Вэй Юань. Удостоился высшей учёной степени в 50 лет, также не получил известности, состоя на службе. При жизни публиковались только пропагандистские сочинения – «Записки о священной войне» (聖武記 1842) и «Картографированное описание заморских государств» (海國圖志, 1849). Основные труды, в которых отразились его теоретические взгляды, были впервые изданы в 1878 г., после его смерти.

Кан Ю-вэй. Удостоился высшей учёной степени в 40 лет с третьей попытки. Получил незначительную должность в министерстве общественных работ, но не служил. Во время Движения за реформы 1898 г. не занимал никаких официальных постов. Основные его теоретические труды в 1898–1917 гг. оставались под запретом и не издавались в Китае, будучи доступны в периодических изданиях эмигрантов. Magnum opus –

³⁵ Elman. 2009. P. 59–63, 140.

³⁶ Хэ-шэнь (和珅 1746–1799) – фаворит императора Цяньлуна (弘曆 правил в 1735–1796) и его зять, один из наиболее одиозных коррупционеров в китайской истории. Конфискованное у него имущество было оценено как равное сумме государственных доходов за восемь лет.

³⁷ Такого подхода не избежал даже А.И. Кобзев – автор наиболее фундаментального обобщающего труда по истории неоконфуцианства на русском языке (Кобзев. 2002). Отсутствуют соответствующие статьи и в энциклопедии «Духовная культура Китая».

«Книга о Великом единении» (*Да тун шу* 大同書), опубликован посмертно в 1935 г. Полные собрания сочинений издавались в 1987 и 2007 гг.

Лян Ци-чао. В 13-летнем возрасте удостоился первой учёной степени, в 16-летнем – второй. После провала на экзаменах на высшую степень в 22-летнем возрасте более никогда не пытался её получить. Политическая карьера его была непродолжительна и началась в результате Синьхайской революции (1911 г.). Основная масса сочинений носит публицистический характер, они публиковались в разных периодических изданиях; монографические издания также невелики по объёму. Собрание сочинений издано посмертно, в 1936 г.

Тань Сы-тун (譚嗣同, 1865–1898). Не продвинулся далее первой конфуцианской учёной степени, служил разъездным чиновником и провинциальным магистратом. Во время Движения за реформы 1898 г. был назначен сверхштатным секретарём Императорского совета, осуществляя связь между особой монарха и штабом реформаторов. После переворота, организованного Юань Ши-каем (袁世凱) и императрицей-матерью, казнён. Сочинения изданы Лян Ци-чао в эмиграции.

Чжан Бин-линь (Чжан Тай-янь). Из-за нервного расстройства в 16-летнем возрасте не смог участвовать в государственных экзаменах, и более не пытался их сдавать. До 1911 г. попеременно жил в Китае и в Японии, зарабатывая на жизнь политической публицистикой. Принципиально писал на архаизированном языке «тёмным стилем», используя только иероглифы, зафиксированные в словарях до эпохи Тан (618–907 гг.)³⁸. В 1903–1906 гг. находился в заключении из-за антиправительственной статьи. После революции попытался поступить на государственную службу, но в результате поссорился с президентом Юань Ши-каем и в 1913–1916 гг. вновь был в заключении, пытался покончить с собой традиционным способом – уморив себя голодом. Далее активно занимался культурно-просветительской деятельностью. При жизни сам составил и выпустил четыре собрания своих сочинений – преимущественно, статей, но и по сей день его наследие до конца не выявлено и не издано.

Янь Фу (嚴復, 1854–1921). Выдающийся переводчик, познакомивший образованных китайцев с творчеством А. Смита, Ш. Монтескье, Т. Гексли, Дж. С. Милля. По бедности вынужден был поступить в военно-морское училище с преподаванием на английском языке, образование продолжал в Англии. Вернувшись в Китай в 1879 г. обнаружил свою полную невостребованность, служил в военно-морском училище и школе

³⁸ Калужная. 1995. С. 45.

переводчиков. В 1885–1895 гг. четыре раза пытался сдать государственные экзамены, и всякий раз неудачно³⁹. В 1898–1914 гг. выпустил ряд переводов-пересказов, оказавших на интеллигентную китайскую публику большое влияние. Переводил на архаизированный язык, напоминающий чжоуские классические тексты (XI–III вв. до н.э.). Накануне падения Цинской династии был привлечён на службу, получил звание контр-адмирала и высшую учёную степень (без сдачи экзаменов), стал автором гимна империи, утверждённого за несколько дней до начала революции. В 1911–1916 гг. находился на государственной службе, был депутатом парламента, готовил реставрацию монархии в Китае.

В результате придётся сделать категорическое заключение – сохранись в Китае традиционная историография, все перечисленные персоны едва ли бы оказались включены в анналы. Напротив, клан Чжуан из Чанчжоу в XVI–XIX вв. был мощной организацией, обладающей значительными интеллектуальными, политическими и административными ресурсами, оказывая влияние на общеимперскую политику⁴⁰. 29 представителей клана Чжуан были удостоены высшей учёной степени, из них одиннадцать вошли в состав Академии Ханьлинь (翰林院)⁴¹. Сам Чжуан Цунь-юй оказался вторым в списке выдержавших дворцовые экзамены 1745 г., а его младший брат Чжуан Пэй-инь – лучшим на экзаменах 1754 г. Родственный Чжуанам клан Лю произвёл тринадцать обладателей высшей учёной степени, и некоторые из них также были членами Академии Ханьлинь⁴². Совокупно кланы Чжуан и Лю дали

³⁹ Его биограф Б. Шварц писал: «Едва ли это может расцениваться как отражение недостаточной интеллектуальной одарённости Янь Фу или даже как свидетельство небрежности его китайских штудий. Это может просто говорить о неспособности Янь Фу полностью принять фантастически формалистичные правила и условности тогдашней системы. Несомненно, пережитые в эти годы унижения добавили горечи в его необыкновенно ожесточённые атаки на систему, предпринятые Янь Фу после 1895 года». *Schwartz*. 1964. P. 32.

⁴⁰ Подробно описано: *Elman*. 1990. P. 101–140.

⁴¹ Дословно «Лес кистей». Учреждение, совмещающее функции императорской канцелярии, цензурного комитета, историографической комиссии, идеологического комитета и государственной библиотеки. Члены Ханьлиня, как правило, совмещали высшие государственные должности и ежедневно общались с монархом по служебным надобностям.

⁴² Для сравнения: в клане Кан Ю-взя обладатель низшей учёной степени появился только в 1804 г. – его прадед Кан Вэнь-яо. Из 70-ти его потомков конфуцианские степени имели одиннадцать человек (включая деда и отца Кан Ю-взя), четырнадцать состояли на военной службе, и ещё девять стали чиновниками, не держа испытаний на учёную степень. См.: *Hsiao*. 1975. P. 5.

государству 42 человека, служивших в высших эшелонах власти. Пик их влияния пришёлся на период правления Цянь-лун, когда Лю Лунь получил место в Государственном совете – собственно, правительстве, а Чжуан Цунь-юй получил звание Великого секретаря и министра церемоний, он также преподавал конфуцианские науки наследным принцам. Тогда-то оба клана и породнились: сын Лю Луня – Лю Чжао-ян (1746–1803) женился на дочери Чжуан Цунь-юя. Их сыном был Лю Фэн-лу – ученик и продолжатель дела своего деда, но уже на уровне провинции⁴³. По мнению Б. Элмана, замыкание клана Чжуан – Лю на делах Чанчжоу и переход на позиции школы «современных знаков» теснейшим образом коррелируют друг с другом. Произошло это, очевидно, из-за того, что Цунь-юй был ближайшим соратником и другом всемогущего военного министра и канцлера Агуя (阿桂 1717–1797) и поссорился с Хэ-шэнем. Поскольку единственной возможностью для интеллектуального выражения в эпоху Цин были классические штудии, Цунь-юй зашифровал своё отношение к Хэ-шэню в форме нетрадиционной трактовки учения Конфуция, которую никогда не высказывал во время службы при дворе и даже не осмеливался публиковать при жизни. Здесь были причины личного свойства: в 1780 г. Агуй пригласил в Пекин племянника Цунь-юя – Шу-цзу, который успешно сдал дворцовый экзамен, дающий право сразу войти в члены Академии Ханьлин. Однако, Хэ-шэнь, опасаясь появления нового влиятельного союзника Агуя, вынул дело Чжуан Шу-цзу из папки с документами, которые представляли императору (он читал только сочинения трёх наиболее отличившихся кандидатов). Сам Лю Чжао-ян успешно сдал государственный экзамен в присутствии императора в 1784 г., но у себя дома – в Чанчжоу, во время императорского путешествия, и в Пекине никогда не появлялся. Влияние Хэ-шэня в Пекине в то время стало уже безраздельным, но власти в Чанчжоу он не имел. Открытое выступление против императорского любимца означало уничтожение всего клана, что и предопределило использование известного в Китае метода иносказания, когда научная теория строится исходя из политической ситуации (чем, кстати, широко пользовался Кан Ю-вэй). Между прочим, ученик Чжуан Цунь-юя (и женатый на представительнице его клана), Хун Лян-цзи после вступления на престол нового императора в 1799 г. направил ему письмо-увещевание против Хэ-шэня, что едва не стоило ему жизни⁴⁴.

⁴³ *Elman*. 2010. P. 381–383.

⁴⁴ *Elman*. 2010. P. 383–385.

Приведённая выше коллизия является далеко не единственной и показывает, что в условиях крайней теоретической неразберихи, которая царит в интеллектуальной истории Китая, вполне возможно работать с наследием конкретных персон, исподволь готовя «методологическую революцию» (по аналогии с революцией в китайской археологии, которая, начиная с конца 1970-х гг. привела едва ли не к полному пересмотру традиционных представлений о древнекитайском обществе, генезисе китайской государственности, цивилизации и общественной мысли). В этом плане характерно появление в 2000-е гг. исследований малоизвестных на Западе интеллектуалов разных направлений XVII–XIX вв., например, Жуань Юаня (阮元, 1764–1849)⁴⁵ или Чэнь Хун-моу (陳宏謀, 1696–1771)⁴⁶. В этих исследованиях предпринимаются попытки показать того же Чэнь Хун-моу, называвшего себя чжусианцем, как предтечу либерализма, своеобразного представителя «духа XVIII века в Китае», которому противостоял Жуань Юань – плодовитый учёный-антиквар и успешный чиновник. Напротив, историки Тайваня, Гонконга и Сингапура (а в самые последние годы и КНР) стремятся совместить конфуцианство с разработкой нетрадиционных теорий модернизации на Дальнем Востоке. В этом плане они развивают линию Кан Ю-вэя, тщившегося совместить традиционные ценности с реалиями технократической цивилизации, для сохранения китайской идентичности в политической, социальной и даже экономической сфере. Тем не менее, традиционная точка зрения остаётся преобладающей, и стандартный набор исследуемых персон расширяется крайне медленно. Так и не пересмотрено толком отношение к Хуан Цзун-си как «китайскому Руссо» (термин Лян Ци-чао), а также к Янь Юаню как предшественнику прагматизма, «китайскому Дьюи» (определение Ху Ши). Ван Чуань-шань традиционно именуется зачинателем материализма в традиционной китайской мысли, и это после всех успехов в изучении тончайших структур классической китайской мысли.

Прервёмся на этом, ибо одно перечисление встающих проблем займёт немало объёма книги. Нам представляется, что синология как изначально междисциплинарная наука обладает сейчас достаточным фактическим материалом и адекватной методологической базой для совершения «картезианского переворота» в области интеллектуальной истории Китая. От прямых аналогий и механического перенесения тео-

⁴⁵ Peh-T'i Wei. 2006.

⁴⁶ Rowe. 2001.

ретических моделей необходимо переходить к воссозданию китайского интеллектуального пространства как генетически независимого мира, а не «зазеркалья Запада».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев В.М.* Учение Конфуция в китайском синтезе // Труды по китайской литературе. Кн. 2. М.: Вост. лит. 2003. С. 320–355.
- Васильев Л.С.* Древний Китай. Т. I: Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.). М.: Восточная литература РАН, 1995. 379 с.
- Васильев Л.С.* Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 96–114.
- Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- История китайской философии: Пер. с китайск. В.С. Таскина / Общ. ред. и послесл. М.Л. Титаренко. М.: Прогресс, 1989. 552 с.
- Калюжная Н.М.* Традиция и революция. Чжан Бинлинь (1869–1936) – китайский мыслитель и политический деятель Нового времени. М.: Упрполиграфиздат правительства Московской области, 1995. 342 с.
- Кобзев А.И.* Философия китайского неоконфуцианства. М.: Восточная литература РАН, 2002. 606 с.
- Кобзев А.И.* Энциклопедия «Духовная культура Китая» как *summa sinologiae* // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. М.: Восточная литература, 2006. Т. 1. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. С. 33–42.
- Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография / Пер. и ком. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. 488 с.
- Леонард М.* О чём думают в Китае? / Пер. И. Кузнецова. М.: АСТ, 2009. 224 с.
- Рубин В.А.* Личность и власть в Древнем Китае: Собрание трудов. М.: Восточная литература РАН, 1999. 384 с.
- Сайт «Синология.ру» // URL: <http://www.synologia.ru/>
- Фишман О.Л.* Китай в Европе – миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 544 с.
- Billetter J.F.* Li Zhi, philosophe maudit (1527–1602). Contribution à une sociologie du mandarinat chinoise de la fin des Ming. Genève: Librairie Droz, 1979. 311 p.
- Elman B.* Classicism, Politics, and Kinship: The Ch'ang-chou School of New Text Confucianism in Late Imperial China. Berkeley: Univ. of California Press, 1990. 409 p.
- Elman B.* Qianlong wanqi Heshen, Zhuang Cunyu guanxi de chongxin kaocha 乾隆晚期和珅珉庄存与关系的重新考察 = Reexamination of the relationship between Heshen and Zhuang Cunyu in the late Qianlong period // Fudan xuebao 复旦学报 (社会科学版) = Fudan Journal, Social Sciences. 2009. No. 3. P. 59–63, 140.
- Elman B.A.* The Failures of Contemporary Chinese Intellectual History // Eighteenth-Century Studies. 2010. Vol. 43, No 3. P. 371–391.
- Hirumi Momose.* Chang Hsueh-ch'eng // Eminent Chinese of the Ch'ing Period, 1644–1912 / Ed. by Arthur W. Hummel, Sr. Vol. 1. Washington: United States Government Printing Office, 1943. P. 38–41.
- Hsiao Kung-chuan.* A Modern China and a New World. K'ang Yu-wei, Reformer and Utopian, 1858–1927. Seattle, London: Univ. of Washington Press, 1975. 669 p.

- Levenson J.* Confucian China and its Modern Fate: A Trilogy. Berkeley: Univ. of California Press, 1968. 579 p.
- Nivison D.S.* The Life and Thought of Chang Hsieh-Ch'eng, 1738–1801. Stanford, Calif.: Stanford University Press 1966. 336 p.
- Peh-T'i Wei B.* Ruan Yuan, 1764–1849. The Life and Work of a Major Scholar-Official in Nineteenth-Century China before the Opium War. Hong Kong: Hong Kong Univ. Press, 2006. 392 p.
- Rowe W.T.* Saving the World: Chen Hongmou and Elite Consciousness in Eighteenth-Century China. Stanford: Stanford Univ. Press, 2001. 601 p.
- Schwartz B.I.* In Search of Wealth and Power: Yen Fu and the West. Cambridge (Mass.): Belknap Press of Harvard University Press, 1964. 298 p.
- Лян Ци-чао* 梁启超. Циндай сюэшю гайлунь (Очерк учений династии Цин,清代学术概论) / Предисл. Чжу Вэй-чэна (朱维铮导读). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1998. 112 с.
- Юй Ин-ши* 余英时. Лунь Дай Чжэнь юй Чжан Сюэ-чэн: Цин дай чжунци сюэшю сысян ши яньцзю (Дай Чжэнь и Чжан Сюэ-чэн: исследование истории идей учёных середины Цинской династии, 論戴震與章學誠: 清代中期學術思想史研究). Сянган: Лунмэнь шудянь, 1976. 373 с.

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, кандидат историч. наук, доцент кафедры истории и культуры стран Востока Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета; dmitrymartynov80@mail.ru

О. В. ОХОШИН

ТОНИ БЛЭР О ЦЕННОСТЯХ «НОВОГО ЛЕЙБОРИЗМА»

Статья посвящена проблеме формирования политического языка и идеологии в рамках «нового лейборизма». В связи со значительными социально-экономическими изменениями в Великобритании правительство должно было находить эффективные пути решения назревших проблем и устанавливать открытый диалог с гражданами. Политические заявления, сделанные Тони Блэром, наглядно демонстрировали, как менялось значение основных понятий, составлявших фундамент лейбористской идеологии.

Ключевые слова: *Великобритания, новый лейборизм, Тони Блэр, история понятий, третий путь, сообщество, социальная инклюзивность.*

Интерес к данной проблематике выявил необходимость методов, позволяющих выявить в источниках систему ассоциативных связей и представлений, которые повлияли на формирование политической риторики Тони Блэра в рамках концепции «нового лейборизма». Наиболее подходящих исследовательских подходов такого рода разработала немецкая школа «истории понятий» (Begriffsgeschichte)¹. Методы работы с источниками в рамках «истории понятий» помогают выявить как существенные, так и незначительные изменения, которые происходили в системе социально-политических представлений «новых лейбористов».

Различия в партийной идеологии и политических принципах всегда отражаются на языковых структурах, которые получают новую интерпретацию в зависимости от исторического контекста. Политическая риторика за послевоенный период пережила глобальную трансформацию, которая была вызвана потребностью налаживания новых активных связей между правительством и средствами массовой информации, которые стремительно приобрели статус «четвертой власти» и оказывали решающее воздействие на сознание и предпочтения избирателей.

Известно, что языковые средства, которые используют политики, являются главным оружием в борьбе за власть и популярность. Связь между социальными условиями, в которых действует политик и языковыми средствами является очевидной. Политики об этом прекрасно осведомлены и стараются более или менее сознательно приспосабливать своё языковое поведение к той целевой аудитории, которая входит в сферу их

¹ Один из ее основателей – Р. Козеллек, издавший многотомный коллективный труд «Основные исторические понятия. Исторический лексикон социально-политического языка в Германии». *Geschichtliche Grundbegriffe...* 1972–1997.

интересов². «Новый лейборизм» служит ярким примером того, как партия вслед за реформированием своей структуры и идеологии приступила к обновлению содержания своей политической риторики. В первую очередь, прилагательное «новый», которое стало применяться к лейборизму, было сознательным стратегическим ходом Тони Блэра и его консультантов по изменению имиджа лейбористской партии в глазах избирателей. Тони Блэр писал в своих мемуарах: «Я переименовал лейбористскую партию, чтобы она выглядела, как прогрессивная сила британской политики, и предложил программу, которая была достаточно основательна, чтобы внушать доверие, при этом не содержала конкретных деталей, чтобы сломить критику оппонентов»³.

Новые лейбористы перед парламентскими выборами 1997 года позиционировали себя как новаторы, которые окончательно отказались от классового подхода в политике и пытались соединить сразу несколько философских и общественно-политических течений, вступавших в противоречие друг с другом. Новой идеологией для британского лейборизма стала концепция «Третьего пути», которая была логическим продолжением неolibеральной волны, охватившей страны Западной Европы в 1990-е годы. Идею основу «Третьего пути» составили концепции демократического, этического и христианского социализма и коммунитаризма. Во время пребывания «новых лейбористов» у власти «Третий путь» постоянно становился объектом публикаций в статьях, памфлетах и книгах, о нем говорили в лекциях и публичных выступлениях в СМИ⁴. Значительный вклад в разработку концепции «Третьего пути» внёс директор Лондонской школы экономики Энтони Гидденс. С его точки зрения, «государство всеобщего благосостояния», которое было создано в Великобритании после Второй мировой войны, не отвечало реалиям времени и способствовало росту иждивенчества. Его следовало заменить государством «социальных инвестиций». Понятия, определявшие классовую принадлежность, заменялись терминами «социальной инклюзивности» и «социальной эксклюзивности»⁵.

«Третий путь», несомненно, относится к категории основных исторических понятий, если рассматривать его в рамках методологии Козеллека. Во-первых, понятие «третий путь» по сути неопределимо, так как содержит взаимоисключающие интерпретации и не позволяет зафиксировать его бесспорное и общепризнанное содержание. Во-вторых, в нем

² Moosmuller. 1989. P. 169.

³ Blair. 2010. P. 12.

⁴ Fairclough. 2006. P. 4.

⁵ Громыко. 2002.

нарушена стандартная семантическая структура, в результате слово и значение составляют единое целое, и понятие не может существовать вне слова, которое его характеризует.

Как пишет о дальнейшем развитии лейбористской идеологии в конце 1990-х С. Уайт, концепция «третьего пути», в целом была построена на трех основных понятиях: «возможность», «гражданская ответственность» и «сообщество». Слово «возможность» может быть интерпретировано как материально-правовая или реальная возможность использовать общественные блага, такие как образование, работа, прибыль⁶. «Гражданская ответственность» объясняется идеологами «нового лейборизма» как взаимозависимость всех членов общества, когда каждый индивид не только пользуется результатом труда своих сограждан, но и вносит свой вклад в процветание и обогащение своей страны. Государство должно поддерживать основы социальной справедливости и если потребуется, заставлять граждан выполнять их гражданские обязательства, которые происходят из их ответственности перед обществом. Понятие «сообщество» может быть интерпретировано с двух разных позиций – на микро- и макроуровне. На макроуровне это означает, что граждане, составляющие «сообщество» только тогда могут удовлетворить свои потребности, когда всем предоставляются равные возможности на основе совместной, одинаковой для всех гражданской ответственности. На микроуровне это означает локальную солидарность, ограниченное общественное благо, которое способствует распределению равных возможностей среди всех граждан и объясняет смысл гражданской ответственности⁷.

Концепция «Третьего пути» является предметом актуального политического дискурса. Новые лейбористы в рамках этой концепции подняли вопрос о поиске оптимального пути развития современного гражданского общества в условиях глобализации. Характерно, что в своих выступлениях Тони Блэр очень часто использовал слова «перемены» или «изменения»⁸. Эти слова приобрели роль исторического прогноза, который формировал в сознании людей «горизонт ожиданий», по времени совпавший с началом нового тысячелетия. В выступлениях Блэра слово «изменение» имеет метафорический смысл и похоже на волну прилива, которая размывает прибрежный песок. «Изменения» стирают из памяти людей старые представления о прошлом, они подразумевают неизбежность, с которой рано или поздно предстоит столкнуться. Характерно, что

⁶ White. 2001. P. 4.

⁷ Ibid. P. 5.

⁸ Blair. Speech to the Global Ethics Foundation... 2000.

в речи Тони Блэра глагол «менять» переходит в форму существительного «изменение», происходит процесс его номинализации. В результате, слово несет меньшее количество информации, в то время как область его применения значительно расширяется. Если глагол мог обозначать как действие, так и процесс, растянутый во времени, то существительное представляет, в большей степени, данность, уже свершившийся факт. Номинализация помогала избегать конкретики в суждениях, но в то же самое время давала возможность слушателю самому выбрать интерпретацию смысла сказанного. Наиболее часто Тони Блэр интерпретировал «изменения» как непредвиденные сложности, которые возникли в жизни британцев, в связи с ростом процессов глобализации. Интенцией высказываний Блэра было не просто убеждение аудитории в правильности своей точки зрения, а побуждение к активным действиям. В своей речи, посвященной победе на парламентских выборах 1997 г. Тони Блэр заявил: «Мы будем работать в сотрудничестве с бизнесом, чтобы создать динамичную и конкурентную экономику будущего, которая сможет встретить вызовы нового века и новой эпохи»⁹. Неоднократно в тексте его публичных выступлений мировая экономика представлена как своеобразное чудовище, пожирающее слабо развитые страны, не способные выжить в современных условиях и страдающие от глубоких экономических кризисов. Можно встретить такие яркие выражения, как «изменения бросают нам вызов», «мы живем в современном конкурентном мире», «не позволим изменениям победить нас» и т.д. Таким образом, взгляд на мировую экономику как область напряженного соревнования между национальными государствами обращает внимание граждан на тему национального единства и возрождения традиций, которая непосредственно связана с ностальгией британцев по «старой, доброй Англии».

Тони Блэр неоднократно заявлял, что его внутренняя политика ориентирована, прежде всего, на защиту интересов и удовлетворение потребностей «единой нации». Возвращение к теме «единой нации» стало одним из его излюбленных приемов социальной демагогии. Почву для рассуждений о судьбе «единой нации» подготовил кризис национальной идентичности, который продолжается в Соединенном Королевстве со времен распада колониальной системы. Британцы остро переживали постимперский синдром, старые символы, которые служили целям сплочения жителей страны (монархия, империя, протестантизм), утратили свое прежнее значение. Постепенно в сознании британцев стал формироваться комплекс «маленькой Англии» – ощущение незащищенности сво-

⁹ Blair. General election victory speech. 1997.

ей страны перед внешними опасностями и желание оградить себя от них любыми способами¹⁰. В одном из своих выступлений Тони Блэр пронизательно заметил: «Мы представляем себе, насколько хрупкими являются наши границы, когда они сталкиваются с новыми вызовами современного мира»¹¹. Блэр и «новые лейбористы» предложили Великобритании своеобразную альтернативу в виде политики мультикультурализма, которая предполагала создание единой общности равных этносов, включающей «коренных британцев» и иммигрантов. Тем не менее, данное направление политики не привело к желаемому эффекту, усилив рост ксенофобии у коренного населения и внутреннюю дезинтеграцию¹².

В политической риторике «новых лейбористов» идет процесс сознательного размывания негативных оттенков слов, которые так или иначе связаны с проблемами устройства индивида в современном обществе. Например, новые лейбористы ввели в британский политический лексикон понятие «социальная эксклюзивность», заменяющее слово «бедность». Если «бедность» в своем основном значении – это низкий материальный достаток или его полное отсутствие, то «социальная эксклюзивность», имеющая более широкий спектр коннотаций, может ассоциироваться как с плохим материальным положением, так и с безработицей, а также расовой и половой дискриминацией. Понятие «социальная эксклюзивность» активно применялось в отчетах Европейского Сообщества для обозначения невозможности для граждан из бедных слоев получить необходимые материальные и культурные блага, достойное образование и социальный статус. Понятие «социальная эксклюзивность» стало обобщающим для негативных социально-экономических процессов, сопровождавших рост глобализации. Если ранее каждая социальная проблема была дифференцирована и могла стать предметом отдельного дискурса, то теперь все эти проблемы стали эквивалентными. На примере понятия «социальная эксклюзивность» можно наглядно увидеть, как изменилось соотношение «пространства опыта» и «горизонта ожидания». Лейбористское правительство решило сознательно изменить общественное мнение о бедности как социальном явлении. В сознании британцев «бедность» ассоциировалась в основном с ее крайними формами, которые были распространены за пределами Соединенного Королевства. Средства массовой информации редко рассматривали бедность как социальное явление, сосредотачивая внимание, в первую очередь, на демонстрации низкого уровня жизни

¹⁰ Федорова. 2009. С. 87.

¹¹ Blair. Leader's speech, Brighton. 2001.

¹² Федорова. 2009. С. 88.

отдельных людей, столкнувшихся с материальными трудностями. Понятие «социальная эксклюзивность» приобрело новый смысл по сравнению с «бедностью», потому что определяло ухудшение качества жизни не как социальное явление, а как глобальный процесс. Блэр указывал, что современная модель общественного устройства усложняется, и теперь социальные проблемы должны решаться комплексно, в контексте мирового опыта. Смягчение смысла понятия «социальной эксклюзивности» означает, что его «горизонт ожидания» имеет позитивную проекцию будущего. «Социальная эксклюзивность» представлена как проблема, которая может быть решена в ближайшей перспективе, в то время, как «бедность» является извечной составляющей классового общества на протяжении всей его истории. По мнению Н. Фэйрклоу сведение понятий «бедность», «безработица», «преступность» и т.п. к обобщающему термину «социальная эксклюзивность» приводит к тому, что между этими понятиями теряется причинно-следственная связь и упрощается их значение¹³.

В моральном дискурсе «нового лейборизма» чаще всего использует тема прав и обязанностей. Тони Блэр определяет её метафорический смысл, как «соглашение» между государством и индивидом, строящееся на уважении к интересам друг друга и обоюдной выгоде, подразумевающей процветание общества в целом. Обязанности государства, по мнению Блэра, заключаются в поддержании экономической стабильности и обеспечении низких налоговых ставок, помощи гражданам в получении работы и образования. В свою очередь, граждане обязаны воспользоваться возможностями, которое предоставляет государство для улучшения качества своей жизни, проявляя больше самостоятельности, чем требовалось от них ранее. На практике идея взаимовыгодного сотрудничества между государством и индивидом в период правления «новых лейбористов» нашла отражение в программе по сокращению безработицы «Новый Курс», которая не случайно была названа по аналогии с курсом американского президента Теодора Рузвельта в годы Великой Депрессии¹⁴.

Использование в политической риторике метафор «сделка» или «соглашение» указывает на то, что «новый лейборизм» начинает испытывать сильное тяготение к популизму. Эти метафоры были заимствованы из делового языка служащих компаний. По мнению Э. Рингмара, их использование политиками отражает современное представление о государстве как об одной из форм организации бизнеса¹⁵. Иерархические методы

¹³ Fairclough. 2006. P. 55.

¹⁴ Ibid. P. 39.

¹⁵ Ringmar. 2007. P. 131.

управления в европейских государствах, как и в корпорациях, в настоящее время сменились более демократичными. Граждане рассматриваются государством как равные партнеры, которые могут оказывать значительное влияние на формирование политики. Таким образом, можно говорить о том, что современные лейбористские идеологи продолжают развивать тему общественной солидарности, но её интерпретация рассматривается под другим углом зрения. Первоначально лейборизм оценивал общественную солидарность как сотрудничество внутри отдельных классов, которые отстаивали свои интересы. Данное обстоятельство было вызвано тем, что лейбористская партия была образована из Комитета рабочего представительства и долгое время сохраняла особые отношения с профсоюзами, которые влияли на принятие партийных решений. Существенный сдвиг в переосмыслении лейбористами понятия «общественной солидарности» произошел после Второй мировой войны, когда в массовом сознании избирателей была закреплена идея о «государстве всеобщего благосостояния», которое будет построено в ближайшем будущем. Оценивая послевоенную историю английского лейборизма, Тони Блэр считал, что главным успехом лейбористской партии был приход к власти в 1945 г. правительства Клементы Эттли, которое смогло решить актуальные социально-экономические проблемы. Лейбористам удалось воплотить в жизнь идеи социальной справедливости, вкладывая ресурсы в улучшение системы здравоохранения и образования, строительство доступного жилья, создание новых рабочих мест. «Это было правительство, которое в большинстве своем руководствовалось идеей национального возрождения, тесно сплоченное этой идеей, полностью готовое прийти к совместному решению», – писал Блэр¹⁶.

После прихода к власти «новых лейбористов» понятие «общественная солидарность» за достаточно короткий промежуток времени было заменено словом «сотрудничество», которое стало широко употребляться Тони Блэром, когда «новые лейбористы» рассчитывали на положительную позицию общественности к принятым ими законам или правительственным реформам. Слово «сотрудничество» стало выражать отношения между государством и отдельными группами граждан, а также между государственным и частным секторами экономики. Если говорить о практике применения этого слова в экономической сфере, то она остается достаточно противоречивой. С одной стороны, слово «сотрудничество» завуалировало экономические принципы, которые были заимствованы «новыми лейбористами» у консерваторов, в первую оче-

¹⁶ Blair. 1996. P. 5.

редь, приватизацию государственной собственности. С другой стороны, лейбористская партия использовала это слово и для описания собственных реформ, например, новой пенсионной программы и «частной финансовой инициативы», которая была создана для сбора денежных средств на строительство больниц и детских садов. Например, опубликованная лейбористской партией в декабре 1998 г. Зеленая книга вышла под заголовком: «Новый контракт по благосостоянию: партнерство по пенсионной программе». В ней особое внимание уделялось тому, что каждый гражданин сможет совместно с государством формировать свой будущий пенсионный фонд. Чтобы убедить граждан перейти на новую схему пенсионного обеспечения, правительство обещало, что каждый пенсионер будет иметь стабильный доход благодаря тесному сотрудничеству государства и частных компаний, которые будут совместно производить отчисления. Характерно, что в тексте этого закона часто употребляется ключевое слово «вместе»: оно встречается 161 раз, образуя такие словосочетания, как «работать вместе», «достигать вместе» или «получать вместе»¹⁷. Подобные словосочетания дают прямую отсылку к такой известной метафоре как «команда», которую политики заимствовали из спорта. Граждане выступают в роли участников единого коллектива и должны «играть в команде», чтобы добиться результата¹⁸.

Блэр, создавая ценности «нового лейборизма» сформулировал собственную интерпретацию понятия «социальная справедливость». Взгляды Блэра сформировались на работах известного шотландского философа и богослова Джона Макмюррея, в частности, на его книгах «Причина и эмоция» и «Условия свободы»¹⁹, в которых неоднократно подчеркивалось, что формирование личности, достижение социальной справедливости и рост благосостояния населения невозможен вне рамок сообщества. Макмюррей считал, что отношения внутри сообщества строятся не только на основе материальных ценностей, а человеческое предназначение заключается не только в служении общественному идеалу, но и в удовлетворении своих индивидуальных потребностей и амбиций, которые в данном случае не должны противопоставляться друг другу²⁰.

¹⁷ Fairclough. 2006. P. 128.

¹⁸ В их сознании закрепляется идея о том, что они вместе с правительством разрабатывают методы управления. Задачей тренера является подбор «игроков» и разработка тактики. В данном случае в качестве тренера выступает Блэр и лейбористская партия. Как пишет Э. Рингмар, хотя в спортивной команде имеют место консультации с игроками, она все же не является демократией. Ringmar. 2007. P. 127.

¹⁹ Blair. 2010. P. 81.

²⁰ Kirkpatrick. 2005. P. 54.

Согласно Тони Блэру, неоконсерватизм дискредитировал смысл понятия «социальная справедливость», так как обосновывал свою политику идеологией жесткого индивидуализма. Жизненные принципы, которые вошли в идеологию консерваторов в эпоху Маргарет Тэтчер, были схожи с протестантской этикой, подразумевавшей только прямую ответственность между Богом и человеком. Блэр писал: «Им не удалось посмотреть глубже на отношения между индивидом и сообществом. В этом и заключается главная причина, по которой я в большей степени стою на «левых», а не на «правых» позициях»²¹. Неоконсерваторы, проявлявшие большую склонность к либеральным ценностям, указывали, что индивид должен быть предоставлен самому себе и рассчитывать исключительно на собственные силы. Такая позиция должна была поддерживать в нём жизнестойкость и инициативу, одновременно препятствуя превращению государства в «дойную корову», которое своей помощью развращает гражданина. Блэр считал такой подход слишком категоричным: «Ошибка “новых правых” заключается в том, что они верят, что отсутствие сообщества означает наличие свободы. Цель заключается в том, чтобы отделить понятие “сообщество» от узкого смысла понятия “государство” и заставить его работать во благо нас всех»²².

Тони Блэр признавал, что ещё «старый лейборизм» ставил главной целью достижение социальной справедливости, но в то же время не призывал подавлять индивидуалистические устремления людей. В качестве примера он приводит высказывание Эттли: «...Цель социализма – дать большую свободу отдельному человеку»²³. В этом утверждении легко просматривается идеологическая преемственность «нового лейборизма» с традиционными партийными ценностями, его тесная связь с популярной послевоенной концепцией «государства всеобщего благосостояния». Блэр неоднократно заявлял, что смысл партийной модернизации состоит не в том, чтобы отказаться от исторического прошлого лейборизма, а чтобы переосмыслить с учетом современных политических условий его главную цель – достижение социальной справедливости. В одном из своих выступлений Тони Блэр сказал следующее: «Новое «государство всеобщего благосостояния» должно вдохновлять на работу, а не на иждивенчество. Мы даем возможности молодежи и безработным»²⁴.

Важной проблемой лейбористской партии в послевоенный период Блэр считал то обстоятельство, что она отказалась от своего обещания

²¹ Blair. 1996. P. 58.

²² Blair. 2010. P. 62.

²³ Blair. 2008. P. 8.

²⁴ Blair. Leader's speech, Brighton. 1997.

поддерживать индивидуализм граждан, который является главным фактором общественного развития. По его мнению, государство должно предоставить отдельному человеку возможность реализовать в полной мере свой потенциал, помочь ему преодолеть ограничения, которые вызваны бедностью, плохой системой образования и здравоохранения, проблемами с жильем и бытовыми условиями²⁵.

Особая сложность состояла в том, что «старый лейборизм» не был готов выйти за свои рамки, лейбористские лидеры опасались реформирования партийной структуры и устава, поскольку оно могло ущемлять интересы рабочего класса²⁶. Тони Блэр отмечал, что со временем определение термина «рабочий класс» существенно изменилось и стало отражать современную ситуацию в Великобритании. Проблема лейбористской партии, по мнению Блэра, заключалась в том, что многие теоретики не понимали, что «рабочий класс», прежде всего, стремится стать «средним классом». Они стремились к достижению равенства в доходах различных классов, в то время, когда следовало задумываться о равных возможностях для всех слоев населения²⁷. Среди партийных активистов и членов профсоюзов преобладало представление о «рабочем классе» как о единой группе людей с определенным уровнем дохода и определенным типом работы, которое в целом было характерно для левых взглядов. По мнению Блэра, такой подход устарел и был неприемлем, так как в современных условиях «рабочий класс» не должен рассматриваться как единая гомогенная группа²⁸.

Блэр определял «социальную справедливость» как предоставление каждому индивиду возможности работать, преумножать свое благосостояние, развивать свой потенциал и приносить благо обществу, что могло выражаться в качестве активной гражданской позиции, меценатской и волонтерской деятельности. Он неоднократно заявлял, что главная цель его социальной политики – строительство нового «государства всеобщего благосостояния», которое сократит безработицу, обеспечит справедливое перераспределение богатств, возьмет на себя помощь социально незащищенным слоям населения, «которое будет соответствовать XXI веку, обеспечит безопасность и предоставит возможности всем гражданам»²⁹.

В целом, можно сделать вывод, что «новый лейборизм» использовал различные речевые приемы для привлечения широкой аудитории и

²⁵ Blair. 2010. P. 91.

²⁶ Blair. 2008. P. 10.

²⁷ Blair. 2010. P. 49.

²⁸ Ibid. P. 53.

²⁹ Blair. We'll build a Welfare State for the 21st century.

достижения максимального эффекта убеждения слушателей. Несмотря на то, что в выступлениях Тони Блэра прослеживается оттенок популизма, нельзя обвинить его в отсутствии оригинальности. «Новый лейборизм» находился в поисках политической идентичности и постепенно формировал собственные ценности, которые вобрали в себя идеи традиционного лейборизма, христианского и этического социализма, неолиберализма. Политическая риторика «нового лейборизма» опиралась на стройную систему понятий-образов, которые оказывали влияние на восприятие информации и формировали общественное мнение в русле поддержки внутривнутриполитического курса правительства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Blair T.* A Journey: My political life. Canada: Knopf Publishing Group, 2010. 725 p.
- Idem.* Let us face the future. London: Fabian Society, 2008. 16 p.
- Idem.* New Britain: My vision of a young country. London: Fourth Estate, 1996. 352 p.
- Idem.* Speech to the Global Ethics Foundation, Tübingen University, 2000. <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=334>.
- Idem.* General election victory speech, 1997. <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=222>.
- Idem.* Leader's speech, Brighton 1997. <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=203>.
- Idem.* Leader's speech, Brighton 2001. <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=186>.
- Blair:* «We'll build a Welfare State for the 21st century» // <http://www.independent.co.uk/news/blair-well-build-a-welfare-state-for-the-21st-century-1138878.html>.
- Громыко А.А.* Конец идеологии или контуры новой «большой идеи»? // Доклад на круглом столе "Политическая мысль Великобритании", 15 апреля 2002 года. <http://www.gromyko.ru/Russian/Brit/brit4.htm>.
- Федорова Д. Н.* Englishness vs. Britishness или поиски национальной идентичности в Британии в 1990-х гг. // Уральский Исторический Вестник № 4 (25), Екатеринбург, 2009. С. 87–95.
- Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch sozialen Sprache in Deutschland / Hg. O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck.* Bd. 1-8. Stuttgart: Klett-Cotta, 1972-1997.
- Fairclough N.* New Labour, new language. London, New York: Routledge, 2006. 192 p.
- Kirkpatrick F.* John Macmurray: Community beyond political philosophy. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2005. 182 p.
- Moosmuller S.* Phonological variations in parliamentary discussions // Language, power and ideology in political discourse. Ed. R. Wodak. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1989. P. 165–180.
- Ringmar E.* The power of metaphor: consent, dissent and revolution // Discursive constructions of identity in European politics. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 119–136.
- White S.* The Ambiguities of the Third Way // New Labour. The progressive future? Ed. S. White. New York: Palgrave Macmillan, 2001. P. 3–17.

Охошин Олег Валерьевич, аспирант кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ); ohoshin89@gmail.com.

Ф. В. НИКОЛАИ

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ ВЗГЛЯД М. СТЁКЕН

В статье рассматривается концепция культурной памяти М. Стёкен, исследующей глубокую связь американской культуриндустрии и «приватизации прошлого» в *memory studies*. С ее точки зрения, конструирование субъективной идентичности сегодня все более подчиняется клише и стандартам потребительской культуры, апеллирующей к базовым страхам и желаниям человека и формирующей специфическую «политику выживания».

Ключевые слова: культурная память, медиа, культуриндустрия, *sensus communis*.

Бурный рост *memory studies* в современной западной историографии интересен в том числе повышенной саморефлексией исследователей к своей социально-культурной функции. Когнитивное измерение научной деятельности всегда неразрывно связано с актуальными политическими и культурными процессами – действующим режимом знания/власти. Что же в этом контексте представляют собой исследования памяти? Какой диспозитив они формируют?

Ответить на эти вопросы пытается ученица Х. Уайта, профессор Нью-Йоркского университета и Беркли Марита Стёкен (род. в 1957 г.) в своих наиболее известных работах «Tangled memories: the Vietnam War, the AIDS epidemic, and the politics of remembering» (1997) и «Tourists of history: memory, consumerism, and kitsch in American culture» (2007), названия которых условно можно перевести как «Спутанный клубок воспоминаний: война во Вьетнаме, эпидемия ВИЧ и политика памяти», а также «Туристы от истории: память, консьюмеризм и китч в американской культуре». Здесь она развивает свою концепцию *культурной памяти*. В отличие от Яна Ассмана¹, Стёкен использует этот термин для характеристики современных процессов («живой памяти»), а не длительных тенденций развития европейской культуры (собственно «культурная память» у Ассмана): «Я использую понятие культурной памяти для обозначения культурных процессов, которые находятся вне официальной истории и мейнстрима культуры, – они служат для обмена [sharing] индивидуальной памятью, катартического исцеления и создания

¹ Assman J. 2008. P. 109-118.

сообществ. В США история конструируется через сложный комплекс аппаратов медиа, текстов и попкультуры. Культурная память является видом живой памяти, производимой в местах разрыва истории; и она смешивается с созданием истории. Например, и Мемориал ветеранам Вьетнама в Вашингтоне, и лоскутное одеяло жертв СПИДа становятся местами интенсивного производства культурной памяти, где люди делятся памятью (в основном анонимно), конструируя смысл из потери и траура»². В этой цитате представляется важным подчеркнуть три момента: во-первых, речь идет о движении не сверху (со стороны исторического знания), а снизу (от субъективного опыта, пусть даже несколько наивного и неполного) – к интересубъективному³. Во-вторых, обмен памятью и формирование коммеморативных сообществ представляются Стёкен, скорее, осознанным и целенаправленно артикулированным в публичном пространстве, чем неотрефлексированным процессом. Именно поэтому она предпочитает говорить о культурной, а не коллективной или пост-памяти⁴. А в-третьих, автор подчеркивает неустранимость медиа – фотографии, кино, телевизионных новостей, клипов, мемориалов, вещей – посредников и носителей памяти, производящих и перерабатывающих образы (и способных подчас навязывать людям «чужие» воспоминания)⁵. Классический исторический нарратив все более и более проигрывает этим медиа, поскольку они активно работают не только на сознательном символическом уровне (тексты), но и на бессознательном, апеллируя к сфере воображаемого и аффективного.

При этом бессознательное Стёкен трактует не через фрейдистскую традицию, но, скорее, вслед за В. Беньямином, – как систему неотрефлексированных эстетических и ценностных установок, или *sensus communis*⁶.

² *Sturken M.* 1996. P. 1.

³ «Когда происходит обмен [sharing] личными воспоминаниями, их смысл и значение меняются», – подчеркивает М.Стёкен. *Sturken M.* 1999. P. 3.

⁴ Хотя, конечно, иногда использует и эти термины, поскольку практики коммеморации чаще всего гетерогенны. См., например: *Sturken M.* 2001. P. 42.

⁵ В качестве примера здесь может выступать трансформация памяти ветеранов Второй мировой войны или войны во Вьетнаме под воздействием киноиндустрии в США. (*Ibid.* P. 35). Вслед за Р. Бартом Стёкен подчеркивает, что до XX в. преобладающей формой сохранения памяти (помимо текстов) были монументы. В новейшее время фотографии и кино изменили эту «монументальную» парадигму; одновременно образы прошлого стали расплывчатыми и подвижными, превратившись в «спутанный клубок воспоминаний». *Sturken M.* 1999. P. 11.

⁶ В этом ее позиция пересекается с большинством представителей *memory- and cultural studies*, например, М. Джеем, Э. Каплан, Э. Сантнером, Ш. Фелман и А. Хюссеном. См., например, *Jay M.* 1973; *Felman S.* 2002; *Huyssen A.* 1986.

Продолжая идеи неомарксистской критики американской культуриндустрии, Стёкен утверждает, что всепроникающий китч в американской культуре основан на торговле комфортом и безопасностью. По ее мнению, весьма показательно, что Музей Холокоста, мемориалы жертвам терактов в Оклахоме и 9/11 превратились в крайне успешные торговые центры Америки: память, туризм и торговля здесь неразрывно связаны.

Туризм представляется Стёкен наиболее ёмким символом американского отношения к истории – ее потребительского использования в рамках торговли комфортом и идеологического оправдания своей стратегии выстраивания безопасности. Цель туриста – испытать «катартический опыт» истории. Особенно интенсивным этот опыт кажется в местах травмы, «сакральных» для нации. Именно поэтому мемориалы Оклахомы и Манхэттена привлекают туристов – «новых пилигримов подлинности»⁷.

Однако иллюзия непосредственности этого опыта оказывается обманчива – даже катастрофы на уровне общественного сознания всегда опосредованы медиа. Типичным примером здесь могут быть теракты 11 сентября 2001 г., ставшие для американцев именно «медиа-событием»⁸. В равной степени и выражение утраты большинство людей также черпают из господствующей медиа-культуры. Парадигматическими символами этой культуры становятся для Стёкен плюшевые медвежата – популярный в США символ эмпатии, поддержки и обещания комфорта. После теракта в Оклахоме губернатор Иллинойса прислал их для мемориальной церемонии. Этот жест растиражирован медиа – образ стал популярной иконой мероприятия⁹. Плюшевых медвежат все чаще и чаще стали приносить и оставлять около мемориала самые разные посетители и туристы, так что к середине 2000-х гг. в специально созданном архиве накопилось около 3 тыс. разнообразных *teddy bears*.

Трудно усомниться в искренности дарителей – это их личный жест, который, однако, в то же самое время оказывается неосознаваемым культурным стереотипом и используется государством в своих политических целях. По мнению Стёкен, именно такие коллективные ритуалы и общие эмоции (*sensus communis*) поддерживают и укрепляют основанное на исключительности чувство национальной идентичности, нейтрализуя фундаментальное противоречие между агрессивной внешней политикой

⁷ *Sturken M.* 2007. P. 11; 4.

⁸ *Chua C.* 2007. P. 1.

⁹ *Sturken M.* 2007. P. 131.

«американской империи» и ее идеологией «невинности» (innocence)¹⁰. Как и в Евросоюзе, именно общая культурная память о трагическом прошлом формирует ткань этой идентичности: «Эта книга о том, как работает культурная память в США 1980-х – 1990-х гг.; о той роли, которую она играет в производстве концептов “американского народа” и нации»¹¹.

В этом позиция М. Стёкен отличается от критики культуриндустрии у Т. Адорно: в культурной памяти невозможно строго отделить «подлинное» от «неподлинного». Фронтальная критика китча (даже в таких ритуалах траура, как церемония в память о жертвах теракта в Оклахоме) бесполезна – она не схватывает его работу. Культура потребления и китча основана не только на идеологии неолиберализма и умелой маркетинговой манипуляцией вкусами легковверного покупателя в постиндустриальном обществе. С точки зрения лакановской традиции психоанализа, к которой здесь присоединяется и М. Стёкен, желание управляется нехваткой. И реклама безопасности, «черный туризм», китч предлагают субъекту восстановить утраченную цельность, используя символы детства данного поколения¹². Впрочем, культура консьюмеризма использует страх и нехватку, вызванные не только войнами и структурной нехваткой субъекта, но и социальными проблемами – в частности развалом семьи, место которой занимают компьютерные сети и потребительские community. В условиях этих гетерогенных потерь и нехваток культура консьюмеризма предлагает простой и универсальный рецепт – превратить потребление в самоценный «терапевтический» процесс¹³. Именно к возвращению в торговые центры, чтобы «помочь стране», призывал ньюйоркцев мэр Р. Джулиани и президент Дж.Буш после событий 9/11¹⁴. Таким образом, реклама и китч превращаются в интерпелляцию – альтюссеровский крик субъекта, локализирующий не только его социальный статус индивида, но и его самоидентификацию.

В результате культура консьюмеризма у М. Стёкен неизбежно соотносится со спецификой эпохи модерна, массово производящего не только товары, но и образы, и ощущения, и культурную память. Важнейшей структурной функцией этой памяти, парадоксальным образом, становится

¹⁰ Ibid. P. 31.

¹¹ *Sturken M.* 1999. P. 1.

¹² *Sturken M.* 2007. P. 216.

¹³ Истоки этого «терапевтического этоса» (поворота от «протестантской этики» к легитимации наслаждения) М. Стёкен, вслед за Т.Дж. Джексоном, относит к кризису рубежа XIX-XX вв. *Sturken M.* 1999. P. 196.

¹⁴ *Sturken M.* 2007. P. 57-59.

ся исключение, нивелирование и забвение страхов, негативных эмоций. Таким образом, она выступает своеобразным «защитным экраном» психики. Как известно, говоря об этих процессах, Фрейд использовал понятие *screen-memory*, которое М. Стёкен пытается переосмыслить и актуализировать. Во-первых, она подчеркивает, что и память, и забвение работают именно с образами – фото, кино, телевизионными, литературными и т.д. Эти репрезентации часто блокируют те мнемические следы, которые трудно репрезентировать¹⁵. В этом контексте «терапевтическая функция» рекламы и китча – блокирование страхов и обещание восполнения нехватки – оказывается возможна именно благодаря предложенной картинке, придающей форму желаниям. Здесь оказывается важен не индивидуальный образ, но действие воспроизведения и узнавания – *reenactment*. А во-вторых, речь идет об активном характере памяти и забвения, которые всегда предполагают повторение и (ре)конструирование нарратива с использованием определенных клише¹⁶.

Именно здесь лежит главное отличие Стёкен от теоретиков *trauma studies*: последние чаще всего противопоставляют неcodируемый, разорванный опыт – нарративной (опосредованной медиа) памяти о событии¹⁷. Однако, как справедливо подчеркивает М. Стёкен, в реальности мы почти всегда имеем дело с гибридами и сложными комплексами воспоминаний – их «спутанным клубком». При этом часто нарратив (а еще чаще – фотографии и визуальные медиа) помогает справиться с травмой¹⁸. Память, действительно, укоренена в теле и потому материальна. Но не стоит фетишизировать этот телесный опыт и провозглашать его не-символизируемым. В той или иной форме он все равно будет репрезентирован и предложен потребителю. Представители как социальной критики, так и *memory studies*, могут выступать лишь экспертами в сравнении форм этой консьюмеристской культуры. Таким образом, следуя концепции своего учителя Х. Уайта, М. Стёкен выступает за «ироничный консьюмеризм», в рамках которого критика и постоянная саморефлексия дезавуируют иллюзию комфорта, безопасности и невинности потребления, но не могут полностью их преодолеть¹⁹.

¹⁵ *Sturken M.* 1999. P. 8.

¹⁶ *Sturken M.* 1999. 26.

¹⁷ Именно в этом контексте Ш. Фелман говорит о «кризисе свидетельства», а К. Карут – о «голосе раны Другого». *Felman S., Laub D.* 1992; *Caruth C.* 1996.

¹⁸ *Sturken M.* 2007. P. 27-28.

¹⁹ *Ibid.* P. 291.

Впрочем, Стёкен признает, что в некоторых случаях (например, в отношении войны США в Ираке) иронии не достаточно. В этом случае, опять же, возникает гибрид критики – классической, неомарксистской, авангардистской, в сочетании с поиском новых форм, аргументов и стратегий их репрезентации. Критерием эффективности этого сплава становится его реальное распространение – готовность людей следовать ему, воспроизводить его символические формы и воплощать их в своем теле.

Подобная ирония отличает позицию Стёкен от большинства американских адептов *memory studies* – М. Хёрш, А. Хюссена, Дж. Уинтера и др. Однако общим для них остается критика «гомогенного исторического времени», наполненного нейтральными и равноценными фактами. Культурная и социальная память, по их мнению, носят активный характер, выборочно соединяя определенные моменты прошлого и настоящего, постоянно проблематизируя границу между ними.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Assman J.* Communicative and Cultural Memory // *Cultural Memory Studies* / Ed. by Astrid Erll. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2008. P. 109-118.
- Caruth C.* Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore, 1996. 168 p.
- Chua C.* Bombarded by Soundful Images: An Audiovisual Account of 9/11 // *PRism*. 2007. Vol. 4. Iss. 3. P. 1-11.
- Felman S., Laub D.* Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. N.Y.: Routledge, 1992. 314 p.
- Felman S.* The Juridical Unconscious: Trials and Traumas in the Twentieth Century. Harvard University Press, 2002. 272 p.
- Huyssen A.* After the Great Divide: Modernism, Mass Culture, Postmodernism. London: MacMillan, 1986. 256 p.
- Jay M.* The Dialectical Imagination: A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research, 1923-50. London: Heinemann, 1973. 382 p.
- Sturken M.* The Politics of Video Memory: Electronic Erasures and Inscriptions // *Resolutions: Contemporary Video Practices* / Ed. by Michael Renov, Erika Suderburg. University of Minnesota Press, 1996. P. 1-8.
- Sturken M.* Absent Images of Memory: Remembering and Reenacting the Japanese Internment // *The Asia-Pacific War(s)* / Ed. by T. Fujitani, Geoffrey M. White, Lisa Yoneyama. Durham, London: Duke University Press, 2001. P. 33-49.
- Sturken M.* Tangled Memories: The Vietnam War, the AIDS Epidemic, and the Politics of Remembering. Berkeley: University of California Press, 1999. 375 p.
- Sturken M.* Tourists of History: Memory, Consumerism, and Kitsch in American Culture. Durham, London: Duke University Press, 2007. 345 p.
- Николай Федор Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета; fvnik@list.ru.

И. И. КОБЫЛИН

ОТ ТЕЛА К «ПЛОТИ»: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА В «ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ» ЭРИКА САНТНЕРА

В статье рассматривается концепция «политической теологии» Эрика Л. Сантнера, в центре которой лежит понятие «плоти» или «тварности» как свидетельства онтологической обоснованности человеческих сообществ. Зарегистрированное в историческом опыте, это свидетельство понимается Сантнером как «значащее напряжение», вызов, ответственность перед которым вынуждает нас принимать решение о новых способах социального существования.

Ключевые слова: *тело, «плоть», биополитика, травма, политическая теология.*

Интерес современной историографии к феноменам «тела» и «телесных практик» общеизвестен и уже довольно давно не нуждается в специальных обоснованиях. Редакторы фундаментальной «Истории тела» справедливо отмечают в «Предисловии к изданию»: «Когда история обращается к телу, предметом реконструкции становится самая суть материальной цивилизации, образ действий и чувствований, противостояние стихиям, то есть собственно человек...»¹. Взятое в перспективе исторического изучения, тело мобилизует исследовательские усилия представителей разных дисциплин, побуждая к разработке новых оптик анализа. По сути речь идет о появлении нового историографического направления, возникшего на стыке между гендерной историей, историей повседневности, новой политической историей, интеллектуальной историей, cultural и trauma studies, культурной антропологией и других областей гуманитарного (и не только) знания².

Среди целого ряда факторов, сыгравших роль в становлении и развитии этого направления, не последнее место занимает проблематизация тела в контексте отношений власти, осуществленная в работах Мишеля Фуко. В своих исследованиях 1970-х гг. (которые в известной степени могут быть квалифицированы как исторические) Фуко убедительно показал, что в определенный момент европейской истории тело и «жизнь» в целом стали объектами властного контроля, регуляции и

¹ История тела. 2012. С. 5.

² Краткий обзор «истории тела» как нового историографического направления см.: Соколов. 2009.

администрирования. Фуко выделил две модальности этого нового типа управления – «дисциплину», нацеленную на индивидуальные тела, и «биополитику», оптимизирующую «жизнь» на глобальном уровне. Таким образом, выстраиваются два сложно сочетающихся между собой ряда: с одной стороны, «тело – организм – дисциплина – институты», с другой – «население – биологические процессы – регулирующие механизмы государства»³. На примере сексуальности Фуко демонстрирует как пересекаются эти ряды: будучи проявлением индивидуальной телесности, сексуальность подвергается дисциплинарному надзору; вписываясь в глобальные биологические процессы воспроизводства, она становится объектом биополитической регуляции.

Как ни странно, биополитика не стала предметом дальнейших изысканий Фуко. Вообще, как показал П. Паттон, после 1976 года «биовласть» и «биополитика» перестают играть сколько-нибудь заметную роль в его исследованиях, уступая место другим объектам анализа – пастырской власти, теориям «государственного интереса» и, наконец, античным практикам «управления собой» и «заботы о себе»⁴. Даже курс 1978/79 гг. «Рождение биополитики» был посвящен в основном той политической рациональности (классическому либерализму и неолиберализму в его немецком и американском вариантах), в рамках которой биополитические проблемы приобрели свою значимость и остроту, но не биополитике как таковой⁵. Однако сама концепция не была забыта и получила продолжение у целого ряда современных теоретиков. Жак Рансьер выделил два основных направления в развитии идеи Фуко, и оба этих направления «одинаково чужды фукианскому образу мышления»⁶. Представителем первого является Джорджо Агамбен, который совмещает биополитические штудии Фуко с концепцией суверенитета, разработанной немецким правоведом К. Шмиттом, так что первичным актом суверенной власти и становится производство «биополитического тела»⁷. Исток биополитики отодвигается к моменту рождения политики как таковой: современные государства (как тоталитарные, так и демократические) лишь эксплицировали архаическую связь между суверенным решением о включенном исключении и «голой жизни» *Homo Sacer*'а. Впрочем, речь идет об экс-

³ Фуко. 2005. С. 262.

⁴ Patton. 2007. P. 206.

⁵ См. Фуко. 2010. С. 238-239.

⁶ Ranciere. 2010. P. 93-94. Краткий аналитический обзор основных теорий биополитики см. Lemke. 2011.

⁷ См.: Агамбен. 2011.

пликация, сопровождающейся беспрецедентным расширением. Перманентное «чрезвычайное положение», при котором закон действует только в постоянной приостановке своих норм и правил, само делается нормой и правилом всемирного концентрационного лагеря. Второе направление связано с итальянским постопераизмом, сочетающим «антропологический марксизм» с витализмом Жюль Делеза. Так, например, согласно Паоло Вирно озабоченность власти «жизнью», «населением», демографией связана с капиталистическим интересом к «рабочий силе», отличной от фактического труда. Рабочая сила – это *dynamis*, чистая потенциальность, чистая способность к труду, субстратом которой и является живое тело рабочего. «Живое тело, к которому обращаются административные аппараты Государства, – это осязаемый знак еще не реализованной потенции, образ еще не овеществленного труда или, как замечательно выражается Маркс, «труд как субъективность»⁸. Биополитика, таким образом, это не более, чем эффект капиталистического способа производства. Сегодня, когда постфордизм (или «тойотизм»), сменивший индустриально-серийную «сборку» производства, апеллирует ко всей совокупности физических и духовных сил человека, все труднее говорить об отчуждении «родовой человеческой сущности», как это понималось ранним Марксом и многочисленными теоретиками «гуманистического марксизма». Капитал перестал подавлять – во всяком случае в тенденции – большинство человеческих способностей, не задействованных непосредственно в конвейерном производстве. Напротив, производство устроено таким образом, что требует творческого раскрытия всех наших талантов. Лозунг шестидесятых «Вся власть воображению!» украшает сегодня офисы любой мало-мальски уважающей себя компании. Однако в отличие от адептов теории «постиндустриального общества» Вирно не питает иллюзий: «коммунистический капитализм» остается все-таки капитализмом. Родовая сущность не отчуждается, но отчуждается произведенная прибавочная стоимость, а значит «живое тело» работника по-прежнему находится в сетях биовласти⁹.

В любом случае мы сталкиваемся с порочным кругом. «Постмодернистское» недоверие к политике, разуму, языку как «дисциплинарным»

⁸ Вирно. 2013. С. 101.

⁹ В отличие от А. Негри и М. Хардта Вирно куда более сдержан и в отношении освободительных возможностей «множества». Описывая «гражданское неповиновение» и «исход», он говорит о них лишь как о намеке на политическую «виртуозность» нового социального субъекта. (Вирно. 2013. С. 85). Критику ключевого для постопераистов понятия «множества» см.: *Ranciere*. 2010. P. 84-90.

инструментам подчинения заставляет видеть в теле ресурс сопротивления. Но одновременно само тело всегда уже взято под контроль, пусть даже этот контроль становится все более похожим на терапевтическую заботу. По точному наблюдению Кети Чухров, «гендерный остаток тела, “голая жизнь”, как тот минимум, который не охвачен аппаратами – это категории свободы, протеста, но, одновременно с этим, эти био-объекты потенциальной свободы заключены в клинику. <...> В результате наш травмированный, гендерно маркированный индивид голой жизни остается лишь оборотной стороной подчиняющего аппарата»¹⁰.

В этом контексте особый интерес представляют исследования американского германиста Эрика Л. Сантнера, чьи теоретические усилия направлены на осмысление возможных выходов из заколдованного круга взаимозависимости власти и «голой жизни». Опираясь на «мессианский» марксизм В. Беньямина, теории биополитики М. Фуко, Р. Эспозито, Дж. Агамбена и психоанализ Ж. Лакана, Сантнер разрабатывает оригинальную версию секулярной «политической теологии», в центре которой лежит понятие «плоти». Сантнер обращается к нему в разных работах¹¹, но, пожалуй, наибольшего внимания заслуживает эссе «Чудеса случаются: Беньямин, Розенцвейг, Фрейд и проблема соседа», поскольку именно здесь «плоть» или «тварная жизнь» напрямую связана с теоретической концептуализацией исторического процесса.

Сантнер начинает с анализа тех темпоральных «конstellаций», о которых писал Беньямин в тезисах «О понятии истории». Ключом к их пониманию является провокативное сопряжение исторического материализма и теологии. В первом тезисе Беньямин вспоминает историю о шахматном автомате, якобы выигрывавшем все партии. На самом деле механическая кукла управлялась шахматистом – горбатым карликом, который прятался под столом и, дергая за шнуры, двигал руку куклы. Философским аналогом этой «аппаратуры» должно стать, по Беньямину, взаимоотношение между историческим материализмом и теологией¹². Как и многие исследователи до него, Сантнер обращает внимание на странное противоречие между самой аллегорией и ее интерпретацией Беньямином. Действительно, комментируя историю об автомате, Беньямин утверждает, что исторический материализм («кукла в турецком одеянии») должен воспользоваться услугами теологии, тогда как алле-

¹⁰ Чухров. 2010.

¹¹ См. *Santner*. 1996; 2006; 2011.

¹² См. *Беньямин*. 2012. С. 237.

горя показывает, что именно «горбатый карлик» (теология) управляет куклой (историческим материализмом) с помощью шнуров. В результате – читатель сталкивается с радикальной неопределенностью: и без того парадоксальная «конstellляция» истмата и теологии становится в пояснении Беньямина еще более темной и запутанной. Кто же на самом деле ведет игру? Толкование Сантнера учитывает саму эту неопределенность, безостановочный обмен свойствами активности и пассивности, урок которого, согласно американскому исследователю, заключается в том, что «если материализм обязан обрести свою ориентацию от теологии, как указывает Беньямин, то должна существовать такая теология, которая уже сама развернулась в сторону материализма как своего необходимого дополнения в пост-просвещенческий век»¹³.

Именно такую теологию Сантнер обнаруживает у Франца Розенцвейга, германо-еврейского мыслителя, ключевую работу которого «Звезда Спасения» (1920) Беньямин хорошо знал. Выходец из семьи состоятельных ассимилированных евреев, ученик Фридриха Майнеке, Розенцвейг в 1913 г. переживает своего рода религиозное обращение и от исследований гегелевской политической философии переходит к изучению иудаики. После первой мировой войны Розенцвейг, служивший на Восточном фронте, порывает с благополучной академической карьерой и становится руководителем основанного им самим Свободного еврейского дома учения (Freies Judisches Lehrhaus).

В «Звезде Спасения», начатой еще на фронте, Розенцвейг систематически разрабатывает концепцию «нового мышления» как промежуточного пространства между философией и богословием. «Теолог, в котором нуждается философия для подтверждения ее научного статуса, есть тот самый теолог, которому необходима философия ради собственной целостности. Они зависят друг от друга и таким образом совместно производят новый тип – будь то философа или теолога – расположенный между теологией и философией»¹⁴. В противовес либеральной теологии, превратившейся в еще одну версию историцизма, «новое мышление» способно удержать место «материалистического» измерения – измерения «творения» или «тварности» – той «не столько биологической, сколько онтологической ранимости, что пронизывает человеческое существо, формы жизни которого случайны, хрупки и подвержены распаду»¹⁵.

¹³ Santner. 2005. P. 82.

¹⁴ Rosenzweig. 1985. P. 106.

¹⁵ Santner. 2011. P.6.

Эта «тварная жизнь», в свою очередь, должна быть понята только на фоне сущностно семиотической структуры чуда. Чудо по Розенцвейгу – это не нарушение естественных законов, но исполнение предсказанного, событие-знак, неотделимое от пророчества. Сантнер полагает, что именно исторический материализм Беньямина оказывается способен воссоздать знаковую природу подлинно чудесного. Здесь мы сталкиваемся с новым осмыслением того, что, регистрируя себя в историческом опыте, его материальной «плотности», буквально вызывает к будущему и даже конституирует само это будущее в качестве способа ответа на определенный вид *возбуждения* (ex-citation), передаваемый прошлым. Более того, парадокс заключается в том, что речь идет о прошлом, которого в некотором смысле *еще не было*: никогда не достигая онтологической устойчивости, оно – отмеченное пустотой и нехваткой – остается погруженным в призрачное «протокосмическое» измерение. Согласно Сантнеру, и «Тезисы» Беньямина, и «новое мышление» Розенцвейга являются близкими друг другу вариантами разработки логики таких возбуждений/вызовов: «Мышление превращается в способ настройки на определенный вид обращения – *значащее напряжение* (signifying stress) – имманентное нашей тварной жизни»¹⁶.

Полемизируя с Хайдеггером, Сантнер отмечает, что наша «заброшенность» в мир – это не просто обнаружение себя внутри определенной социальной формации, которую мы не выбирали (язык, этнос, гендер, семья, класс). Подлинная проблема в том, что сама эта социальная формация не идентична себе самой; она пронизана изменчивостью и неполнотой, специфическим образом «*вы-звана*», «*обращена*» к нам в ожидании нашего ответа. Инертность оборачивается формированием виртуального архива симптомов, где фиксируются не столько забытые *действия*, сколько забытая *неспособность* действия. Комментируя роман Кристи Вольф «Модель детства», повествующий о временах нацизма, Сантнер отмечает: «Книга говорит нам, что адаптация к социальной реальности повседневной жизни при нацистах включала целую формацию зон замороженных моральных и социальных энергий, проявляющихся в качестве психических расстройств, как симптоматическая скрученность человеческого бытия в мире, как именно то, что я назвал *значащими напряжениями*. Чудеса случаются тогда, когда после регистрации их “исторической истины” мы способны действовать, вмешиваться в эти симптомы и войти в пространство возможностей, таким образом открываемых»¹⁷.

¹⁶ Santner. 2005. P. 86.

¹⁷ Santner. 2005. P. 89.

Однако, согласно Сантнеру, существует опасность упрощенного понимания раскрытия семиотических энергий, сжатых в тех «значащих напряжениях», что бросают нам вызов. Может сложиться впечатление, что они лишь замещают некую вполне определенную возможность (со специфическим репрезентативным содержанием), чья актуализация временно блокирована. В этом случае мы сталкиваемся с отрицательным историцизмом: вместо описания объективных событий прошлого имеет место фиксация равно объективных *не-событий*, вписанных в виртуальный архив индивидуальных и коллективных симптомов.

Для прояснения своей мысли Сантнер обращается к «теории соблазнения» Фрейда и ее развитию учеником Лакана Ж. Лапланшем. Ошибкой было бы сопоставить ход мысли Бенямина с первым вариантом фрейдовской теории – психическая травма ребенка вызывается реально случившимся актом сексуального соращения со стороны взрослых. (Позднее Фрейд учел структурную необходимость этого «первофантазма», не нуждающегося в конкретном индивидуальном опыте). В современном варианте Лапланша «теория соблазнения» гласит, что ребенок «вызывается» загадочным посланием, исходящим от «другого» (родителей), посланием, указывающим на нехватку в самом «другом». Ребенок старается перевести это загадочное послание в форму потребности, но терпит неудачу. Как формулирует Сантнер: «Это никогда не прекращающаяся работа символизации и ее провала, работа перевода и ее провала, конституирует то, что я определил как значащее напряжение. Мы имеем здесь нечто вроде трагического цикла: мое напряжение *вы-звано* моими усилиями перевести значащее напряжение, исходящее от другого, указывающее в свою очередь на “привязанность” другого к своим собственным загадкам»¹⁸. В этом контексте подлинным «чудом» является полный разрыв цепи этих «зловещих» бессознательных передач.

Ярким примером людей, раздавленных «значащим напряжением», попавшихся на крючок бесконечной работы перевода, являются персонажи Кафки. Источник «загадочного послания» здесь уже не родительская фигура, но «Большой Другой» – бюрократические организации, Закон, их агенты и институции. (Семейный сценарий, согласно Сантнеру, не более чем концентрированный пример трансферентных отношений субъекта с символической мощью и властью вообще). Чем старательнее Йозеф К. из «Процесса» или землемер К. из «Замка» пытаются вести осмысленные переговоры с таинственным Другим, тем сильнее они

¹⁸ Santner. 2005. P. 92.

втягиваются в проклятое пространство Закона: определенное препятствие на пути к нашей институциональной инскрипции/субъекции служит в качестве поддержки аффективного дополнения к этой субъекции.

Беньямин в эссе о Кафке обратил внимание на ряд персонажей в буквальном смысле согнутых «раболепством», как будто то напряжение «протокосмоса» (*Vorwelt*), под давлением которого они живут, обрело телесную форму. «Одрадек и есть та форма, которую вещи принимают в забвении. Они искажены. Искажена “забота отца семейства”, о которой даже никто не знает, какая она на самом деле, искажено и огромное насекомое, о котором мы, правда, слишком хорошо знаем, что оно представляет Грегора Замзу, искажено крупное животное, полуягненок, полукошка <...> Однако все эти фигуры у Кафки длинной чередой образов связаны с первообразом искажения – с горбуном». Для Беньямина смысл мессианского чуда – исправление этих искажений: «горбатый человечек» исчезнет с приходом Мессии, который «не станет изменять мир всею своей мощью, он лишь чуть-чуть подправит его в мелочах»¹⁹. Сантнер сопоставил эти «согбенные» фигуры кафкианского мира с лагерным «мусульманином» – современным *Homo Sacer*’ом – в описании Примо Леви и Дж. Агамбена. Произведенный «чрезвычайным положением» имманентным законом, расположенный в зоне между двумя смертями – символической и реальной – «мусульманин» является не биологическим остатком процедуры вычитания социального существования, но «значущим напряжением» как таковым, самой плотью «состояния исключения». Он и есть «вы-зов», почти невозможный свидетель незаконного измерения самого Закона, и настоящие чудеса случаются «тогда когда это невозможное, безумное свидетельство может быть раскрыто»²⁰.

«Раскрытие свидетельства» как подлинно этический жест означает приостановку работы тех иммунных имитаций целостности, с помощью которых любая «нормальная» этническая, национальная или религиозная общность стремится восполнить тревожащее зияние собственной фундаментальной бесосновности. Тогда пустота, прореха в плотной сети социальных связей превращается в «событийное место» (А. Бадью), вынуждающее нас принимать решение о новом способе быть, а опасный Другой становится «соседом» или «ближним», репрезентирующим собой весь мир. Говоря теологическим языком, ответ на вызов – это работа спасения, результатом которой является новое «Мы». Возникшее единство нельзя описать ни как простое собрание индивидуальностей, ни как групповую

¹⁹ Беньямин. 2000. С. 85-86.

²⁰ Santner. 2005. P. 102.

идентичность, ни как толерантный мультикультурный универсализм, понятый в качестве всего лишь места для различий. Скорее, отмечает Сантнер, это форма воинской верности раскрытому свидетельству самого «вызова». Конечно, всякое «Мы» предполагает существование «Других», акт суждения и отбора. Но парадокс в том, что новое сообщество не привязано ни к каким отличительным признакам и характеристикам, ни к какому «позитивному» содержанию. По всей видимости, здесь можно говорить о чистой «субъективной позиции», очерчивающей границы тех, кто хранит верность радикальной открытости. А значит, жест исключения никого не исключает из тотальности охваченных «процедурой истины», и подлинная универсальность становится реальной возможностью.

Остается добавить, что представляя свой вариант универсалистской этики «вызова», Сантнер отказывается от статуса ее абсолютного «автора». Эта этика уже глубоко укоренена в европейской интеллектуальной традиции, составляя основу иудаизма, христианства, социалистической мысли и психоанализа. Ее необходимо лишь заново переоткрыть, увидев «событийное место» в самом порядке нашей повседневной жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: «Европа», 2011. 256 с.
- Беньямин В. Франц Кафка. М.: Ad Marginem, 2000. 320 с.
- Беньямин В. О понятии истории / *Его же*. Учение о подобии. М.: РГГУ, 2012. 288 с.
- Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.
- История тела: В 3-х т. / Под ред. Алена Корбена, Жан-Жака Куртина, Жоржа Вигарелло. Т. I: От Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: НЛЮ, 2012. 480 с.
- Соколов А.Б. История тела: предпосылки становления нового направления в историографии // Диалог со временем. 2009. Вып. 26. С. 190-211.
- Фуко М. «Нужно защищать общество». СПб.: Наука, 2005. 312 с.
- Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
- Чухров К. Топология трагического // Газета «Что делать?» / Вып. 07-31 / Декабрь 2010.
- Lemke T. Biopolitics: An Advanced Introduction. N.Y.; L.: New York University Press, 2011. 145 p.
- Patten P. Agamben and Foucault on Biopower and Biopolitics // Giorgio Agamben: Sovereignty and Life / Ed. by Matthew Calarco and Steven DeCaroli. Stanford, California: Stanford University Press, 2007. P. 203-218.
- Ranciere J. Dissensus: on Politics and Aesthetics. L.; N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2010. 230 p.
- Rosenzweig F. The Star of Redemption. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1985. Tourists of History: Memory, Consumerism, and Kitsch in American Culture. Durham, London: Duke University Press, 2007. 464 p.
- Santner E. L. My Own Private Germany. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1996. 200 p.

Santner E. L. Miracles Happen: Benjamin, Rosenzweig, Freud, and the Matter of the Neighbor / *Santner E. L., Žizek S, Reinhard K.* The Neighbor: Three Inquiries in Political Theology. Chicago and London, 2005. 190 p.

Santner E. L. On Creaturely Life: Rilke, Benjamin, Sebald. Chicago: The Chicago University Press, 2006. 219 p.

Santner E. L. The Royal Remains: the People's Two Bodies and the Endgame of Sovereignty. Chicago: University of Chicago Press, 2011. 259 p.

Кобылин Игорь Игоревич, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Нижегородской государственной медицинской академии. *Igor_Cobylin@mail.ru*.

ИЗ ИСТОРИИ СОБЫТИЙ

С. И. МУРТУЗАЛИЕВ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ ГЕНЕРАЛА Н. Н. МУРАВЬЕВА В ЕГИПЕТ И ТУРЦИЮ

Речь идет о дипломатической миссии генерала Н.Н. Муравьева-Карского, который не только предвосхитил заключение перемирия между Османской империей и египетским пашой Мехмедом-Али, позже оформленное при посредничестве французов, но и подготовил принятие оборонительного Ункяр-Искелесийского союзного договора 1833 года. Мемуары генерала убеждают в том, что помощь Турции была оказана по просьбе султана. Доводы Муравьева об отсутствии надежных гарантий безопасности Черноморского побережья представляются вполне обоснованными.

Ключевые слова: Ункяр-Искелесийский договор, дипломатия, Н. Муравьев, мемуары.

Россия и Турция сложились как державы, воспринимавшие с большим или меньшим успехом политические и культурные традиции, как Европы, так и Азии. Россия и Турция – евразийские государства, расположенные между Востоком и Западом, связанные многовековой и весьма непростой историей взаимоотношений, в арсенале которых около десяти русско-турецких войн. Давая общую характеристику их взаимоотношений, Харлампий Политидис (член президиума Конгресса национальных объединений России) замечает: «Обозревая пятивековую историю русско-турецких отношений, можно уверенно заявить, что их интересы полярно-антагонистичны по, во-первых, – геополитической сущности, во-вторых, частично, – в культурно-религиозном аспекте, ибо Балканы, Кавказ и Крым в геополитическом смысле – буферные зоны и могут быть в сфере влияния и контроля либо Великой Русской равнины, либо Анатолии (касательно Балкан, Кавказа и Крыма); либо Иранского нагорья (касательно Кавказа и Крыма и в меньшей степени Балкан)»¹. Обе державы – Россия и Турция – претендовали и на политическое, и на духовное главенство. В основе противоборства лежали не только территориальные претензии, но и стремление каждой из сторон утвердить свою ведущую роль в судьбах православного христианства или мусульманского мира.

Вместе с тем в истории взаимоотношений этих евразийских империй известны и периоды, когда они объединялись для борьбы с общим противником, к примеру, русско-турецкий союзный договор 1799 года,

¹ Харлампий Политидис. Русско-турецкое противоборство...

в 1804–1805 гг. они вновь объединились ввиду угрозы французской агрессии, исходившей от Наполеона. Во время египетского кризиса 1831–1833 гг. император Николай I активно поддержал султана Махмуда II против взбунтовавшегося египетского паши Мехмеда (Мегмет, Мухаммед, Муххамед)-Али, заключив оборонительный союз, вошедший в историю как Ункяр-Искелесийский договор 1833 года.

Договору предшествовало обострение отношений между Египтом и Турцией. В 1832 г. правитель Египта Мехмед-Али-паша восстал против своего повелителя султана Махмуда. Египетские сухопутные войска разбили турок под Гомсом и стали продвигаться в Анатолию. Турецкая эскадра была блокирована египетским флотом. Усиление Египта было не в интересах России. Для урегулирования военного конфликта Николай I посылает генерала Н.Н. Муравьева-Карского, известного своей смелостью, решительностью и хорошим знанием восточных языков.

I. Рассматривая проблемы, связанные с российско-турецкими отношениями в XIX в., нельзя обойти молчанием такую неординарную и сложную личность как генерал Н.Н. Муравьев, который не только предвосхитил заключение перемирия Османской империи с египетским пашей Мехмедом-Али, но и подготовил принятие оборонительного союза 1833 г. между Россией и Турцией. Вывести его из исторической тени тем более важно, что генерал не был избалован особым вниманием советских историков. Он, вероятно, «не дотягивал» до декабристов, хотя и симпатизировал им (в 1836 г. за критику порядков в армии и покровительство сосланным декабристам он подвергся опале и на некоторое время был уволен), но в заговоре против царя не участвовал. Муравьев был сторонником ликвидации крепостного права, человеком прямолинейным и резким. У генерала были сложные отношения со всеми тремя государями, при которых он служил за веру, царя и Отечество, ставя последнее на первое место. Дважды прославился во время взятия турецкой крепости Карс (1828 и 1855 гг.), за что ему был пожалован графский титул и почетная приставка к фамилии – «Карский».

Жизненный путь Муравьева можно сравнить с приливами и отливами – его лишали генеральского звания и награждали высшими наградами, за ним вели негласное наблюдение и приближали ко двору, отправляли в отставку, но спустя десять лет, возвращали на службу, назначая заместителем Кавказа (1854) и главнокомандующим Кавказским фронтом во время Крымской войны 1853–1856 гг. Он не умел приспособливаться, выслуживаться. Муравьев был одним из самых образованных генералов своего времени, знал восемь языков, составил для Грибоедова турецкую грамматику. Признавал суворовскую школу вой-

ны, отказался от муштры, запретил телесные наказания, сам рыл окопы с солдатами, первым шёл в штыки и изгонял из армии карьеристов. О нём восторженно писали Пушкин и Грибоедов, а Денис Давыдов, с которым Муравьев не раз ходил в атаку, считал его своим другом. Муравьев был укором и генералитету, и светскому обществу, его он, не скрывая, ненавидел, а оно платило ему той же монетой. В 1856 г. Муравьев вышел в отставку в звании генерала от инфантерии (последняя должность перед фельдмаршалом), членом Госсовета и с репутацией в свете «несносного генерала» и вольнодумца².

Выйдя в отставку Муравьев поселился в своем имении Скорняково (Архангельское) Задонского уезда Воронежской губернии, где, «во многом подражая Суворову, ... вел жизнь регулярную, простую, избегая всякой роскоши...»³. Здесь он дополнил и закончил свои «Записки» и книгу «Русские на Босфоре в 1833 году»⁴, которая является главным объектом нашего внимания. Поскольку в книге Муравьева события датированы по старому стилю, в скобках они приводятся по новому стилю.

В предисловии к книге указано, что Муравьев с ранних лет привык вести дневники. Основываясь на записях важнейших эпизодов своей служебной деятельности, «он распространял потом (эти «эпизоды». – С.М.) ... в отдельные большие сочинения», какими являются и мемуары «Русские на Босфоре», изданные с подлинной рукописи. Книга «была приготовлена к печати самим автором и не вышла в свет при его жизни единственно потому, что встретила препятствия внешние»⁵. Одной из причин этого могли быть резкие и нелестные суждения автора о некоторых упоминаемых в тексте сановных лицах и т.п.

Для более полной характеристики приведем еще несколько фактов из послужного списка Николая Николаевича Муравьева (14 июля 1794 – 23 октября 1866) – военачальника, государственного деятеля и путешественника, генерал-адъютанта (1833) и генерала от инфантерии (1853). Военную службу он начал в 1811 г. До начала Отечественной войны 1812

² Орлов, Георгиева, Георгиев. 2012. С. 333-334; Герой до востребования...

³ *Europeus*. 1874. С. 181-184.

⁴ Муравьев является автором нескольких книг. Сам он успел напечатать «Путешествие в Туркмению и Хиву 1819 и 1820» (2 ч., М., 1822), которая была переведена на французский (Париж, 1823), немецкий (Берлин, 1824) и английский (Лондон, 1823) языки. После смерти Муравьева его дочь, А.Н. Соколова, издала его записки в «Русском архиве» (1855–1893), а зять его, Г.А. Чертков, издал сочинения: «Турция и Египет 1832–33» (М., 1869 и 1870–1874); «Русские на Босфоре в 1833 году» (1869); «Война за Кавказом в 1855 году» (2 т.; СПб., 1876).

⁵ Русские на Босфоре в 1833 году... Далее в основном тексте в скобках будут указываться только страницы.

г. увлекался масонством и был одним из организаторов преддекабристских обществ: «Юношеского собратства» и «Священной артели». Совместно с Муравьевым-Апостолом, Перовским и другими лицами разработал устав республики, которую они планировали основать через пять лет на Сахалине. Участвовал в Отечественной войне 1812 г., заграничном походе русской армии в 1813–1814 гг., в 1819 и 1821 гг. возглавлял экспедиции, обследовавшие Юго-Восточное побережье Каспийского моря; провел топографические исследования в Хиве и Бухаре (1819–1820); участвовал в Русско-иранской войне 1826–28 гг., Русско-турецкой войне 1828–29 гг., в подавлении Польского восстания 1830–31 гг. В ноябре 1832 г. Муравьев был направлен императором Николаем I на Ближний Восток (в Константинополь и Александрию) для оказания дипломатической помощи турецкому султану Махмуду II в период обострения отношений между Турцией и египетским Мехмед-Али-пашой.

II. События 1831–33 гг. освещаются в историографии с разных позиций. В коллективной монографии советских историков по «Восточному вопросу»⁶ указывается, что, не получив поддержку в Лондоне и Париже, «турецкое правительство обратилось за помощью к России (Муравьев же пишет о личной просьбе султана, тогда как многие министры не одобряли это решение. – С.М.), с которой у Порты с 1830 г. сложились добрососедские отношения. Россия, заинтересованная в сохранении слабого соседа, не могла допустить создания на развалинах Турции молодого и сильного государства», возглавляемого Мухаммедом Али. Император Николай I направляет Н.Н. Муравьева с поручением склонить пашу к миру «на приемлемых для Порты условиях и в случае необходимости сделать все возможное для предотвращения наступления египетских войск на Константинополь. ...После поражения султанской армии при Конье, несмотря на противодействие западных держав, в феврале Порты официально обратилась за военной помощью к России». Авторы книги отмечают, что в обширной западной историографии, посвященной Ункяр-Искелесийскому договору, «предпринимались усилия доказать, что Россия навязала Турции это соглашение (см. ниже о зарубежной историографии и точке зрения самого Муравьева. – С.М.), используя присутствие русских вооруженных сил на Босфоре. Эта концепция... убедительно опровергнута советскими историками. Идея оборонительного союза исходила от Турции». Договор «был высшей точкой дипломатических успехов России на Ближнем Востоке. Он предоставлял надежные гарантии безопасности Черноморского побережья (см. ниже три довода

⁶ Восточный вопрос во внешней политике России... С. 96–102.

Муравьева против этого мнения. – С.М.), усиливал позиции России в Турции и повышал ее престиж в Константинополе. Соглашение 1833 г. укрепляло международные позиции Порты, защищало ее от нового нападения Мухаммеда Али и позволяло вплотную заняться внутренними преобразованиями. ...Ункяр-Искелесийский договор ознаменовал новый период в развитии русско-турецких отношений».

Более лаконичен изложение дает Ю.А. Петросян⁷. Опасаясь захвата Стамбула и падения османской династии, «Махмуд II решил принять предложенную российским императором... военную помощь. В феврале 1833 г. в Босфор вошла русская эскадра... под общим командованием адмирала П.М. Лазарева». Муравьева автор не упоминает. «Политические позиции России в Османской империи были серьезно укреплены подписанием... русско-турецкого союзного договора» 1833 года.

Н.Г. Киреев пишет: «лишь Россия выступила в защиту целостности Османской империи. Это решение диктовалось, с одной стороны, общей политической линией русского правительства на сохранение устойчивости Турции, с другой – стремлением укрепить русско-турецкие отношения и усилить русское влияние в Константинополе. На Ближний Восток Николай I спешно послал своего генерал-адъютанта Н.Н. Муравьева (ошибка: это звание Муравьев получил уже после заключения договора) для вручения ультиматума (у генерала речь идет только об устном изъяснении воли царя – С.М.) египетскому паше с требованием прекратить поход на Константинополь. Вслед за этим в Босфор прибыл 30-тысячный русский отряд для защиты турецкой столицы. Только после этого европейские государства потребовали от Египта договориться с Турцией (что и произошло в 1833 г.), одновременно они стали настаивать на выводе русских войск с берегов Босфора. Несмотря на это, турецкое правительство, напуганное египетской агрессией, предложило России заключить союзный договор о дружбе и взаимопомощи. ...Ункяр-Искелесийский договор был крупным успехом русской дипломатии на Ближнем Востоке. Он на некоторое время ослабил влияние западноевропейских держав в Турции и усилил русские позиции в Константинополе»⁸.

А.Б. Широкопад рассматривает историю взаимоотношений между Россией и Турцией в 1830-х гг. в главе 18-й, которая почему-то озаглавлена: «Адмирал Лазарев спасает Махмуда II»⁹, тогда как спасением султана весьма активно занимались несколько человек, которые упоминают-

⁷ Петросян. 2003. С. 283.

⁸ Киреев. 2007. С. 34-35.

⁹ Широкопад. 2009. С. 242-246.

ся самим историком. Автор пишет, что, не получив поддержки в Англии и Франции Махмуд II, «обратился к своим старым врагам – русским». 15 ноября 1832 г. контр-адмирал Лазарев был назначен командующим готовящейся для похода в Константинополь эскадры. «24 ноября... русскому посланнику в Константинополе А.Л. Бутеневу было отправлено царское повеление, в котором указывалось, что если султан попросит помощи со стороны России, то Бутеневу предоставляется право требовать от адмирала Грейга немедленной посылки в Константинополь Черноморской эскадры. ...21 января 1833 г. турецкое правительство обратилось к... Бутеневу с просьбой поспешить с присылкой эскадры. Турки также просили доставить на эскадре в Константинополь три-пять тысяч солдат. 1 февраля... Лазарев получил письмо от Бутенева с требованием как можно скорее прибыть», и 8 февраля эскадра вошла в Босфор. «Немедленно к Лазареву прибыли представители Махмуда II и попросили увести эскадру в Сизополь, где и оставаться в полной готовности оказать султану помощь. ...турецкое правительство даже предложило Бутеневу вывести эскадру «в угоду французскому посланнику». Муравьев упомянут всего один раз в связи с тем, что «31 марта 1833 г. военный министр Чернышев предписал командующему десантными войсками генерал-лейтенанту Муравьеву в случае движения египетской армии к Константинополю занять два укрепленных пункта в проливе, защищающих с европейского и азиатского берегов вход в Черное море. Эти пункты надлежало укрепить, оставив в них по 1000 человек. Остальную часть десантного отряда предполагалось использовать для обороны Константинополя совместно с турецкими войсками»¹⁰. (Стоит сразу заметить, что свои действия по осуществлению предписанного, Муравьев описывает весьма подробно и живо, но эту сторону его деятельности мы оставляем «за кадром».) Далее Широкопад сообщает, что параллельно с переговорами с египетским «Мегметом-Али султан вел переговоры со специальным посланником русского императора А.Ф. Орловым. Эти переговоры закончились подписанием 26 июня 1833 г. Ункяр-Искелесийского договора», который носил оборонительный характер, а «наиболее важное для России условие содержалось в «отдельной и секретной статье... договор был... дипломатической победой России. Однако вопрос о свободном проходе Проливов русскими военными кораблями опять остался открытым»¹¹.

Интересующие нас сюжеты подробно освещены В.Н. Виноградовым, который отмечает, что «Николай I предвидел распад турецкой дер-

¹⁰ Там же. С. 242-243.

¹¹ Там же. С. 244-245.

жавы и жаждал его ускорить (ср. с изложением Муравьева. – С.М.), но он должен был происходить под его наблюдением и к его выгоде». Для этого и направляет генерала, которому удастся добиться у Мухаммеда Али приказа о прекращении наступления его армии. Однако продвижение войск продолжалось. «Они заняли Кутахью и приблизились к Брусе (Бурсе)». Не получив поддержку у Лондона, «султан обратился за помощью к России. Он просил прислать отряд в 25-30 тысяч штыков и эскадру», которая 8 (20) февраля 1833 г. бросила якорь в Босфоре у Буюк-Дере. Тем временем Ибрагим (сын египетского паши. – С.М.) сместил турецкие власти в Смирне (Измире), показав тем самым, что собирается обосноваться там всерьез и надолго. 26 марта (7 апреля) на Босфор прибыла вторая морская дивизия (11 вымпелов) с десантом на борту. На азиатском берегу пролива, в местечке Ункяр-Искелези расположился 10-тысячный отряд пехоты. Мухаммед Али признал свой проигрыш». В мае в Стамбул прибыл генерал Алексей Федорович Орлов для руководства всеми дипломатическими, а в случае нужды и военными операциями. Султан и министр «признавали, что царские войска избавили столицу от нашествия и выражали желание оставаться под их защитой». Подписание Ункяр-Искелесийского российско-турецкого оборонительного союзного договора В.Н. Виноградов сравнивает с взрывом дипломатической бомбы¹².

В «Истории Балкан», найдено очень точное название раздела: «Обманчивый блеск Ункяр-Искелесийского договора»¹³, в котором автор раздела В.Н. Виноградов пишет: «эйфория по поводу подписания Адрианопольского мира продолжалась в царском окружении недолго. ...самодержец “после Адрианополя” сдал в архив свою наступательную политику на Балканах», но «в искренность клятв царя, что он не подталкивает Османскую империю к гибели, никто не верил». В результате конфликта между турецким султаном и правителем Египта «Восточный вопрос вновь встал в повестку дня “концерта держав”». В случае утверждения Мухаммеда Али в Стамбуле на границах Российской империи вместо «тяжело больного» появился бы сильный и беспокойный сосед¹⁴. Царь направил в Константинополь и Александрию Н.Н. Муравьева, которому «удалось добиться у Мухаммеда Али издания приказа о прекращении наступления его армии. Но, то ли из-за медлительности тогдашних средств сообщения, то ли по злой воле, продвижение войск продолжа-

¹² Виноградов. 2010. С. 262-264.

¹³ История Балкан. Век девятнадцатый... С. 424-443.

¹⁴ Там же. С. 426-428.

лось». При содействии французской дипломатии в ставке Ибрагима в Кютахье было заключено египетско-турецкое перемирие.

В.Н. Виноградов верно отмечает тот факт, что надежды российского МИДа и лично Нессельроде на то, что Ункяр-Искелесийский договор «раз и навсегда положит конец колебаниям Турции» в выборе союзников и что «Восточный вопрос закрыт...» вскоре «полетели кувырком... На исходе срока действия Ункяр-Искелесийского договора (8 лет) царизм очутился в полной изоляции»¹⁵.

В изложении маститых турецких историков акцент делается на следующих моментах: «Поскольку Франция поддерживала Мехмеда Али пашу, а Англия не проявляла никакого интереса к этим событиям, Махмуд II вынужден был просить помощь у царя Николая I. Российский флот вошел в проливы и высадил войска в Бейкозе (5 апреля 1833 г.). Вмешательство России привело в движение Англию и Францию, и в конце концов было предотвращено дальнейшее продвижение египетских сил». Махмуд II и «мятежный египетский правитель расценивали соглашение в Кютахье как временное перемирие, отложив окончательные расчеты на будущее. Ункяр-Искелесийский договор (8 июля 1833 г.), заключенный с Россией, которая охотно пришла на помощь, вынудив принять это как свершившийся факт обеспечила поддержку российских сил Махмуду II в случае, если губернатор Египта снова начнет действовать... Сумев закрыть проливы для противников и открыть их для себя, Россия установила нечто вроде протектората над Османской империей, став ее защитницей; это сильно обеспокоило Европу»¹⁶.

Английский писатель, журналист и историк Лорд Кинросс¹⁷ изображает ситуацию следующим образом: «...у Махмуда не было выбора, кроме как обратиться за помощью к своим старым врагам, русским. Всегда державшие войско и транспорт наготове, они без промедления откликнулись... Царские войска прикрыли Стамбул, расположившись на горе Гигантов в Скутари. Русские, единственные среди иностранцев, имели доступ к султану. ...Армия Ибрагима была исполнена решимости продолжить свое продвижение к Босфору. Однако, столкнувшись с вооруженным присутствием русских, Ибрагим благоразумно решил вместо этого вступить в переговоры от имени своего отца. Тем временем британское и французское правительства с запозданием отреагировали на опасность со стороны русских... В отдельном соглашении, Ункяр-

¹⁵ Там же. С. 433, 431, 436.

¹⁶ История Османского государства... С. 68-69.

¹⁷ Кинросс. 1999.

Искелесийском договоре, султан обязался вступить с Россией в наступательно-оборонительный союз (о «наступательном» союзе см. выше у В.Н. Виноградова и у Муравьева. – *С.М.*), предполагающий уход России из Стамбула, но в то же самое время предоставляющий России секретной статьей договора право на свободный проход в любое время ее военных кораблей через проливы. Это была привилегия, в которой было отказано другим иностранным державам без согласия на то России. За Россией оставалось право, в случае, если это признавалось необходимым, высаживать русские войска на берегах Босфора»¹⁸.

Кэролайн Финкель также отмечает, что султан «был вынужден обратиться за помощью к царю Николаю, и в феврале 1833 года русские создали плацдарм в районе Босфора... В июле был подписан так называемый пакт... Ункар-Искелийский договор. ...Дьявольским коварством стала часть секретной статьи этого договора, по которой турки, в сущности, соглашались закрыть Дарданеллы для военных кораблей третьих стран в том случае, если об этом их попросит Россия. ... [это] стало для Британии предметом особого беспокойства»¹⁹.

Джейсон Гудвин описывает ситуацию так: «Султан обратился за помощью к единственной державе, которая могла противостоять Египту, – к своему злейшему врагу, Российской империи. Весной 1833 года русские войска заняли Константинополь, чтобы обеспечить оборону города. ...Россия добилась соглашения, по которому в случае войны Босфор оказывался закрытым для европейских военных судов, что очень обеспокоило Францию и Англию. Эти события породили долгое эхо, напоминавшее о себе до самого конца существования Османской империи»²⁰.

Итак, разброс мнений довольно значительный. Одни авторы говорят, что турецкое правительство обратилось за помощью к России, тогда как в турецкой и западной историографии речь идет о том, что Россия навязала Турции Ункар-Искелесийский договор, вынудила его принять, что опровергается советскими и российскими историками, доказывающими, что идея оборонительного союза исходила от Турции и, более того, Орлов отклонил попытки турок договориться о наступательном союзе.

Представленные ниже материалы из мемуаров Н.Н. Муравьева позволяют глубже разобраться в историографической разногласии и пролить свет на роль в событиях самого генерала.

¹⁸ *Кинросс*. 1999. С. 508-510.

¹⁹ *Финкель*. 2012. С. 608-610.

²⁰ *Гудвин*. 2012. С. 369.

Мемуары представляют собой личное восприятие непосредственного участника описываемых событий. Это та призма, через которую преломляется все виденное и услышанное Муравьевым. Для сохранения духа времени орфография подлинника сохранена, комментарии минимальные. Следует принять во внимание, что дневниковые записи редактировались автором по прошествии многих лет. А это, естественно, не могло не сказаться на характеристиках и оценках действующих лиц, как и на изображении «себя любимого» в исторической «картине маслом», в которой кисть Муравьева играла далеко не последнюю роль.

III. Книга Муравьева начинается с того, что о поражении турок от египтян и «быстром движении Ибрагима-паши к теснинам Тавра» в Петербурге стало известно в октябре 1832 г. По версии Муравьева, один только государь прозорливо «постиг последствия, которые могли произойти от ослабления Порты после Адрианопольского мира (1829 г. – С.М.). ...Он один, и вопреки всеобщего мнения, увидел необходимость совершенно изменить относительно Турции политическую ситуацию, существовавшую со времен Петра Великого» (с. 1).

Министр иностранных дел граф К.В. Нессельроде вкратце объяснил генералу «поручение Государя, заключавшееся в передаче угрозы от имени Его Величества Египетскому паше, дабы тем остановить быстрые успехи его в военных действиях». По мнению генерала, министр был всего лишь «исполнителем... мыслей Государя, коих пользы, он, казалось, не признавал». Через несколько дней Муравьев получил письменное «наставление», которое «было болтливо: наполнено изворотливыми выражениями, неопределенностями и двусмысленностями, как обычно пишутся у нас дипломатические бумаги». Инструкция, которую он получил от Нессельроде, предписывала убедить султана в том, что «мы принимаем участие в делах его, единственно с намерением вмешаться в дела Востока; что мы, соревнуя Англичанам, у коих уже султан просил пособия, стараемся предупредить их» (с. 3-5).

Поручение «заключалось в двух предметах: во-первых, убедить султана в искренности нашего Двора, и, во-вторых, склонить пашу Египетского к миру». Муравьеву предписывалось «поставить на вид султану, что Государь, не допуская в своих делах участия посторонних держав, не домогается также участия в делах чужих, и подтвердить собственные выражения Его Величества, помещенные в письме к султану, что – Он “враг возмущения и верный друг султана”. Это же выражение я должен был передать и паше Египетскому». Муравьеву «ставили на вид, что поручение (к египетскому паше. – С.М.) ...не состояло в дипломатических переговорах, но что предметом его было одно слово Государя, которое через

посредство» генерала «должно было поразить пашу и внушить ему благие намерения». Следовало требовать немедленного прекращения военных действий на суше и на море, а если паше даже и удастся «свергнуть султана, то Россия поддержит силой оружия права, приобретенные договорами ее с Портой» (с. 5), согласно Адрианопольскому трактату.

Активное участие графа А.Ф. Орлова «во всем, что тогда... лично касалось» Муравьева и его поездки, навело последнего на мысль, что Николай I планировал послать графа, но тот, «уклонившись от сего посольства, сомнительного в успехе и сопряженного с трудами, предложил меня... как человека, более знакомого с делами Востока». К тому же Орлов говорил, что «сам не постигает цели, и какого можно ожидать... успеха, но что на сие была... воля Государя» (с. 7).

3 октября Николай I принял Муравьева и, наставляя его, говорил, что «надобно защитить Константинополь от нашествия Мегмед-Али. Вся эта война ничто иное, как последствие возмутительного духа, овладевшего ныне Европой и в особенности Францией. Самое завоевание Алжира есть действие беспокойных голов, которые к тому склонили бедного Карла X-го. Ныне они далее распространили влияние свое и возбудили Египетскую войну... Надобно низвергнуть этот новый зародыш зла и беспорядка, надобно показать влияние Мое в делах Востока» (с. 10-11). Во время беседы с императором Муравьев предложил «склонить Персиян к войне с Египтянами... и тем отвлечь внимание их от Турции», но идея не была поддержана. Государь заявил, что не хотел бы «посылать войска» и желает, чтобы распря их кончилась. Султан-Махмуд корчит Петра Великого, да неудачно... Мне очень выгодно, чтоб он сидел на турецком престоле», так как среди «Моих Крымских Татар... распушены песни с пророчествами о скором прибытии Мегмед-Али-паши, как заступника православных (надо: *правоверных*. – С.М.) Мусульман», в связи с чем в Крыму «надобно будет усилить... число войск» (с. 10).

Примечательны два сообщения Муравьева. Первое связано с подозрением царя, что «султан склонен к принятию, в случае крайности, христианской веры», о чем государь предупредил генерала на тот случай, если тот в разговорах с султаном услышит или заметит что-либо подобное. «Наконец если б он [султан] был изгнан из своего царства, то он найдет у Меня приют», заключил Николай I. В сноске Муравьев отмечает: «По возвращении моем из Турции, я заметил, что Государь изменил свой образ мыслей на сей счет; обращение султана в христианство казалось Ему делом несбыточным и даже недоступным» (с. 12). Стоит попутно заметить, что Махмуд II – султан-реформатор воспринимался турками как «султан-гяур», то есть султан-неверный.

Второе сообщение генерала связано с письмом князя Эриванского о том, что ныне «может быть, настало время Турецкой империи разделиться на два царства», на что Николай I ответил, что не следует «входить в разбирательство их ссоры... Мне все равно, даже если б Египетскому паше была уступлена вся Сирия» (с. 12-13).

«Милостивый прием Государя возбудил» в Муравьеве «ревностное желание исполнить в точности веление Его» (с. 13). 1 ноября он получил инструкцию и запечатанное письмо от императора к султану и дополнение к инструкции от Нессельроде. «Из всех приложенных... бумаг, – сообщает генерал, – легко усматривается, что Министерство Иностранных дел совершенно устраняло себя от какого-либо официального участия в сем деле и не принимало на себя никаких с пашою письменных сношений», которыми бы Муравьев признавался доверенным лицом Его Величества. Генерал должен был подписать и саму декларацию, в которой Адрианопольский трактат не упоминался, «как бы во избежание последствий от предвидевшейся неудачи, которых никто на себя не хотел принять» (с. 14), т.е. декларация была слабее инструкции.

Посольство готовилось в тайне. Впрочем, в «министерствах ничего не может остаться в тайне, и самые важные государственные дела вскоре становятся известными; всего более надобно опасаться от Министерства Иностранных дел, наполненного иноземцами, коих нескромность легко могла отозваться в Царьграде и Александрии...» (с. 9). Об истинной цели посольства в Петербурге ходили разные слухи – «в малосведущем круге заключали розно: одни говорили, что я буду предводительствовать десантом, который пойдет в Сирию через Анатолию; другие назначали меня главнокомандующим турецкой армией; некоторые думали, что отправляюсь в Грузию; наконец иные полагали, что еду для принятия начальства в Греции, до прибытия короля Оттона» (с. 20). Чтобы скрыть истинный маршрут следования генерал взял две подорожные – одну до Твери, а другую в Тульчин и 5 ноября 1832 г. в полночь покинул Петербург.

Путь был не близкий – через Одессу в Севастополь, затем по морю, и только ночью 9 декабря Муравьев достиг берегов Турции, пересел с фрегата в гребное судно и отправился в залив Бююг-Дерэ [Буюк-Дере], где находился дом российского посланника Бутенева, принявшего «деятельное и полезное участие в тогдашних делах Турции и Египта» (с. 26). Бутенев сообщил генералу последние известия и слухи о состоянии дел в Турции. «Это было в самое время поражения [21 декабря] великого визиря под Кониею» (с. 29). Муравьев сообщает: «Еще до приезда моего в Царьград, везде знали, что вскоре должен прибыть посланный от Госуда-

ря генерал, которого султан ожидал с нетерпением, и потому ежедневно присылал в миссию – узнавать, не приехал ли я», т.е. в Петербурге тайну не сохранили, и Муравьев даже называет предполагаемых виновников...

Перед Бутеневым и Муравьевым стояла трудная задача: «Порте надобно было вселять доверие, между тем не принимать без приглашения участия в делах ее; надобно было представить ей о предложенной помощи флотом, но не предлагать его. Египетского пашу надобно было страшать и застрашить, но чем? – неизвестно; надобно было грозить, но обойтись ласково и одними убеждениями». Кроме того, «нужно было решить, следует ли при первом свидании с турецкими сановниками объявить им» о готовности Черноморского флота к отплытию, «по требованию султаном помощи» (с. 30-31). Последующее развитие событий показало, что посланник и генерал успешно справились с возложенной на них миссией.

Муравьев сообщает, что в Стамбуле европейские поверенные в делах, в особенности французский («действовал скрытно и вопреки наших намерений»), «много заботились, чтобы выведать цель» его приезда, «которую турецкое правительство от них сначала скрывало, потому что мало доверяло французскому представителю, домогавшемуся склонить Султана к уступке Сирии Египетскому паше» (с. 50).

15 декабря во время аудиенции у султана Муравьев вручил ему письмо государя и дословно сообщил, что именно Николай I поручил сказать Мехмеду-Али: «Государь – враг мятежа и друг вашего величества; что если паша, упорствуя в неповиновении вам, станет продолжать военные действия, то он будет иметь дело с Россией» и что генерал не должен «входить в какие-либо переговоры с восставшим пашей», так как от Мехмеда-Али требуется верноподданническое повиновение своему законному государю – султану, что очень обрадовало последнего (с. 54).

Через два дня после встречи с султаном Муравьев договорился о совещании с сераскиром Хозрев-пашой и реис-эфенди Экифом-эфенди для того, чтобы «склонить министров Порты к... согласию... об отправлении... [его] в Египет». Турецкие министры не препятствовали ехать в Александрию, но «предоставляли, по-видимому, нам действовать совершенно независимо от них, как бы опасаясь участия нашего в делах Турции». Они опасались, «как видно было, противной стороны, подстрекаемой Французской миссией, которая овладела умом правителей и которой отчасти вторила Английская миссия» (с. 62-65). На этом совещании и на следующий день у сераскира Муравьев предложил свой план военных мероприятий против египетских войск Ибрагим-паши как на суше, так и на море, а также по обороне Царьграда (с. 66-72).

После долгих проволочек со стороны турок 23 декабря Муравьев наконец-то покинул Царьград (с. 77). Новый год он отметил на фрегате и 1 января 1833 г. прибыл в Александрию. При входе в порт «никаких взаимных салютов с чьей-либо стороны не было сделано. Обоюдное молчание наше достаточно обнаружило всем, что российский фрегат прибыл не с дружжелюбными предложениями». Кроме того, генерал, «по званию своему, не считал себя обязанным отдать почести турецкому флагу в руках мятежника». Добавим, что, отправляясь из Петербурга, Муравьев забыл запросить министерство «каким флагом... должен пользоваться по званию», возложенному на него, «а потому и не имел никакого» (с. 89).

В Александрии тосканский консул Россетти предложил свои услуги, надеясь получить место генерального консула России в Египте. Муравьев не сомневался, что «он поспешил приехать... под видом частного посетителя, по приказанию самого Паши» для выяснения цели его приезда. Пытаясь выведать нужную информацию, Россетти сообщил, что накануне прибыл французский бриг «Дракон», привезший французскому консулу Мимо (Mimaut) известие о скором прибытии русского генерала с депешей к Мехмед-Али-паше. Вслед за Россетти приехал итальянец Скилецци, «человек темный и безгласный», сообщивший о привезенном французским бригам слухе, что «из России идет на помощь Султану 500 т. войска, и будто слух сей много тревожит Египетского пашу» (с. 86-93). Думается, что этот слух мог способствовать успеху миссии генерала. Приезжал на фрегат и капитан одного египетского линейного корабля англичанин Прессик, превозносивший «устройство, как сухопутных, так и морских войск Паши, коих силы он преувеличивал без меры...» (с. 93). Не исключено, что это был один из вариантов «борьбы слухов».

2 января Муравьев встретился с Мехмед-Али-пашой и устно сообщил ему волю Николая I. Паша «с замешательством просил... сообщить ему о предмете приезда... письменно», на что генерал отвечал, что не может «того сделать, потому что самое поручение дано... Государем лично и изустно и что цель его заключается не в чем ином, как в изъявлении желания Его Величества водворить мир на Востоке, для чего Паше должно прекратить кровопролитие и приступить к мерам примирения с Султаном» (с. 95). Паша попросил время подумать.

По настоянию Муравьева, следующая встреча с пашой состоялась 4 января, во время которой он с большей настойчивостью повторил слова императора. Встревоженный паша тут же в присутствии генерала велел написать сыну Ибрагиму-паше приказ о немедленном прекращении военных действий, приложил к нему печать и велел приказ быстрее отправить. Видно было, что паша согласился вопреки собственному

желанию и просил 20 дней, чтобы приказ достиг всех частей его войск, объяснив это тем, что не хотел бы «ответствовать перед Государем... за все то, что могло бы случиться до 21 дня, считая с сегодняшнего, после этого же срока, я принимаю уже на себя ответственность малейшего движения войск». В ходе дальнейшей беседы (как и во время следующих встреч) паша неоднократно просил «покровительство России в предстоящих ему переговорах с Султаном». На что Муравьев отвечал, что никакой речи о посредничестве быть не может. «Хитрые речи паши» дали генералу повод «усомниться в немедленном отправлении приказа к войску», и он употребил все меры, чтобы удостовериться, что «повеление... было послано в тот же день с летучей почтой, сухим путем через Сирию; а на другой день отправлен дубликат» (с. 108-117).

Цель миссии была достигнута и дела Муравьева в Египте были окончены, но ветер не позволял отплыть обратно в Стамбул, и он воспользовался промедлением, чтобы «отдать консулам сделанные» ему визиты и «увидеть несколько Александрию». Вечером он поехал к паше, который снова просил «ходатайства, чтобы Султан его пощадил», но «получил тот же ответ, который прежде слышал по сему случаю» (с. 127).

6 января уже на выходе из гавани Муравьев получил известие, что «в последствие какого-то сильного брожения умов, оказавшегося в столице, Султан решился немедленно отправить в Египет Галиль-пашу с полномочием для переговоров и заключения условия, от чего Мегмет-паша был в восхищении». Генерал сообщает о слухах, которые ему доставили в тот же день с берега: «в кофейных домах... толковали, что Государь убедил будто через меня Мегмет-Али к миру, и что я при этом случае выговорил у него во владение России остров Кипр и Иерусалим. При дворе Паши говорили, что Султан заключил чрез мое посредство с Россией трактат оборонительного и наступательного союза, чего он сам весьма желал; но что при рассмотрении дела в Государственном Совете, улемы (духовные лица) не согласились и изорвали трактат, что и побудило Султана послать Галиль-пашу в Египет» (с. 128-129).

Приезд Галиль-паши и невозможность отплыть из-за ветра были неприятны Муравьеву, так как невольно делали его свидетелем «торжества Мегмет-Али, предвидевшего скорый приезд турецкого сановника, о котором он... постоянно твердил». Навестившие генерала австрийский генеральный консул Ачерби уведомил «об условии, заключенном Пашей с двумя английскими купеческими судами, коими они обязались перевозить войска и снаряды в Тарсус», и о том, что «подобные договоры были сделаны Пашой с шестью австрийскими и несколькими греческими купеческими судами, и что даже после отъезда консула нашего Лавизона из

Александрии, два судна под русским флагом перевозили войска Пашы в Тарсус. Так употребляют во зло покровительство нашего флага, даваемое итальянцам, Перотам (жителям Перы. – *С.М.*) и франкским промышленникам Леванта». Муравьев резюмирует: «И так дело снова завязывалось. Я не мог оставить сего случая без дознания причин, побудивших Пашу к новому отправлению войск». Желая проверить эти известия, Муравьев встретился с английским консулом Баркером, который заверил его, что посадка войск на суда была приостановлена и что приказано было только нагружать их хлебом. Однако Ачерби уверял, что паша «уже не 3 т. человек посылал в Малую Азию, а 5 т., и сказывал об узнанном им от капитана австрийского корвета, видевшегося с Галиль-пашей, что Султан уступал Паше Сирию; но что Французы, не довольствуясь в требованиях своих за Пашу... настаивали, чтобы и самая Адана была отдана Египтянам; что Паша рубил без пощады корабельные леса в Карамании и требовал английских судов для перевозки их в Египет» (с. 130-136).

Не желая оставлять без внимания слухи об отправлении войск, Муравьев 8 января отправляется к паше и предлагает объяснить «как представить Государю о вашем поступке, который всячески должен удивить Его величество?». Оправдываясь, паша отвечал, что «эти люди не составляли батальонов, а что они принадлежат к разным командам солдат, оставшихся от выступивших войск, что он не знал куда с ними деваться в Александрии, а потому и отсылает их к своим полкам, и в доказательство того прибавил», что среди них нет ни одного унтер-офицера, но затруднился назвать точную цифру посланных (с. 139). Разговор завершился фразой генерала, что «после примирения Паше предстоит служить государю своему (султану. – *С.М.*) опытными военачальниками» (С. 143).

Галиль-паша вести о себе, он не привез даже никаких бумаг из Стамбула, в силу чего Муравьев рассудил, что не следует искать встречи с ним и избегал участия в переговорах, оставаясь свидетелем происходящего: «Я не мог исправить ошибочного направления, данного ему (Галиль-паше. – *С.М.*) Портой, по внушениям Французов. Не переменяя первого намерения моего – вслед по достижении цели своей оставить Египет, я в ожидании попутного ветра заботился только о сохранении приобретенного влиянием угрозы, когда еще не было слуха о приезде Галилия» (С. 147). 10 января генералу доставили письмо от Россетти с извещением о вероломстве турецкого двора, о том, что «французская миссия из Константинополя прислала с Галиль-пашой к Мимо письмо, в коем заключалось другое на имя Мегмет-Али от 28-го декабря (по старому стилю). Галиль-паша на встрече с пашей вручил ему «какую-то грамоту, зашитую в

шелковый мешочек. Последний принял ее, поцеловал и приложил к голове». В этих письмах значилось, что Порты, склоняясь на убеждение французской миссии, возобновляет предложения о мире с просьбой к этой миссии, исключительно принять на себя переговоры» (с. 144, 148).

11 января при попутном ветре фрегат Муравьева, сопровождаемый бригам под командованием брат посланника Бутенева, наконец-то отплыл в Константинополь, не дав салюта: «...фрегат наш отплыл с теми же знаменами угрозы, с коими явился в Александрийский порт, молчалием напоминая Паше о сделанных им обетах. Сим кончились действия мои в Египте. Хитрая изворотливость в речах Мегмед-Али свидетельствовала, сколько ему было неприятно и тяжело покориться воле Государя. ...Царьград был спасен, – Султан удержался на престоле; но он заплатился своей Сирией и Аданою за опрометчивое послание Галиль-паши и за недоверчивость свою к покровительству России» (с. 149-150).

26 января австрийский интернунций письменно известил Бутенева, что «Ибрагим-паша получил повеление от отца остановиться в движении своем к Царьграду, и что он действительно остановился в Кютаиз». Следующая запись Муравьева гласит: «Я с удовольствием увидел, что поручение мое в Египте имело полный успех и Мегмет-Али сдержал свое слово. ...Направление умов и дел было совершенно иное в сравнении с тем временем, как я оставил Царьград. Недоверчивость Турок к нашему правительству, если не совершенно исчезла, то, по крайней мере, уменьшилась. Таким образом помрачилось тогда влияние Франции в делах Порты и намерения Государя восторжествовали. Блистательный успех сей принадлежит вполне деятельности и умению Бутенева» (с. 156-157).

27 января Муравьев вместе с Бутеневым едет на «конференцию» к рейс-эфенди. Их приняли в присутственном здании Порты «на половине Пертев-эфенди, Министра Внутренних Дел, – закоснелого врага Русских». Выслушав генерала, поставившего «на вид важность достигнутого успеха, – прекращения военных действий», оба министра «стали сперва отказываться от морского пособия (эскадры и десанта. – С.М.), ими требуемого, а после и от сухопутного (войска. – С.М.), говоря, что после обещаний, данных египетским пашой, в них не предстояло более надобности. ...Бутенев, видя двуличное поведение их, отозвался, что отправление войск на помощь Турции, в самом деле, было сопряжено с большими затруднениями и потребовал от них письменного отказа, что Рейс-эфенди и обещал сделать». Вечером состоялась и встреча с Сераскиром, который «был рассудительнее министров» (с. 159-161).

28-го числа Муравьев и Бутенев навестили английского поверенного в делах Мандевила, прусского посланника барона Мертенса, которого

генерал знал «за орудие Французов», и тот изложил гостям свою версию прекращения военных действий, присовокупив, «что это было последствием... настояний» не генерала, а «прибытия Галиль-паши в Александрию». Уязвленный Муравьев замечает: «Ложное известие, сообщенное Мертенсом, было началом козней французской миссии, завидовавшей влиянию России над Пашой. Козни эти, к сожалению, пустили ветви» в самую столицу нашу и, как кажется, в кабинет Государя. И зависть иностранной миссии обратилась в личную зависть некоторых особ ко мне, по случаю удачного окончания дел в Египте» (с. 161-163).

29 января Муравьев и Бутенев встречались с Мушир-Ахмед-пашой – начальником всей гвардии и любимцем султана (после заключения договора 1833 года был посланником в России) – речь шла об ожидаемом прибытии российской эскадры, о предпринятых турками оборонительных мерах (с. 165-167).

5 февраля прибыл французский посол, вице-адмирал барон Руссен на фрегате «Галатее». Бутенев получил от рейс-эфенди «давно обещанную меморию», в которой он просил отменить прибытие флота, но предлагал «принять втайне... следующие меры. Содержать Черноморский флот в готовности с тем, чтобы он снялся с якоря тогда только, когда опять потребуетя. ...а для довершения всего, принять подобные меры относительно сухопутных войск, требуемых на помощь, с тем, чтобы войска сии немедленно тронулись и двигались по Дунаю, где и ожидали бы дальнейших наставлений от их приятеля г. посланника, которого приглашали вступить по сему случаю в сношение с генералом Киселевым». Бутенев просил Порту в дополнение к «мемории, уведомить его, как бы она полагала поступить, если б флот наш вдруг показался у верховья Босфора, его можно было ежечасно ожидать», так как сообщение о приостановлении отправки эскадры, посланное «сухим путем», уже не могло застать флот на якоре (с. 178-180).

Несколькими днями раньше (30 января) Муравьев и Бутенев были приняты султаном, который остался доволен результатами миссии генерала и просил его не уезжать в Россию «до совершенного окончания египетских дел» (с. 169-170). 7 февраля Муравьев уведомил Нессельроде о приглашении султана остаться и после этого прекратил официальные сношения с ним, так как окончив дело свое, в ожидании ответа из Петербурга, «участвовал в тогдашних дипломатических сношениях с Портой, более как частное лицо по доброму согласию, существовавшему между Бутеневым» и им. Военному министру Муравьев «донес также об окончании возложенного на меня поручения... тщательно предостерегая всех и в письмах и в депешах, чтобы не основывались на

словах Мегмет-Али-Паши» и не полагались на прекращение военных действий, которые он мог ежечасно возобновить» (с. 181).

Утром 8 (20) февраля 1833 г. «мы вдруг узнали, что эскадра наша показалась у верховья Босфора» (эскадрой, состоявшей из 4-х линейных кораблей, трех фрегатов, корвета и брига, командовал контр-адмирал М.П. Лазарев). Внезапное появление эскадры принесло пользу тем, что «поселило опасение в умах недовольных Турок; число судов во мнении народа было увеличено без меры, и в случае приближения Египтян, никто бы в Константинополе не осмелился восстать против Султана». В тот же день Махмуд II прислал Ахмед-пашу-мушира с изъявлением признательности за участие, принимаемое Николаем I в положении султана, но вместе с тем была высказана просьба отослать эскадру в «Сизополь, где бы она стояла в готовности и ожидании новых приказаний, прибыть в Царьград, в случае надобности» (с. 186). На следующий день Муравьев и Бутенев узнали об истинных причинах просьбы турок. «Не мнительность в отношении к нам..., а опасение, чтобы Французы также не приняли участия в их делах. Руссен грозился им, что если они примут наше содействие, то он подвигнет Ибрагим-пашу к новым наступательным движениям». А 10 февраля Ахмед-паша-ферик, «по ограниченности своей, хвалился, что они взяли с французского посла письменное обещание склонить Мегмет-Али к принятию условий, предложенных Султаном, если Порты откажется от всякого вспомоществования других держав. Ферик признавал, что обязательство, данное Руссеном, было вынуждено присутствием эскадры нашей в Босфоре и находил, что появление ее принесло достаточно пользы» (с. 187-188).

О напряженности ситуации, в которой приходилось работать посланнику и генералу может свидетельствовать следующая большая цитата из мемуаров Муравьева: «13-го февраля Рейс-эфенди письменно уведомил Бутенева, что французский посол принял на себя довершение переговоров между Турцией и Египтом, присовокупив, что посол был извещен о согласии нашем возвратить эскадру в Сизополь. Министр ясно обнаружил участие вице-адмирала Руссена в сношениях наших с Турцией. Я никогда не видел рассудительного и скромного Бутенева в таком негодовании, как он был при получении сей ноты, ибо сердце его чуждалось вероломства и не терпело унижения. Бутеневу еще до того неприятно было видеть изменчивую политику Порты, и он с прискорбием за несколько дней [до этого] согласился на возвращение эскадры; но наглость турецкого правительства, отвергавшего таким образом испрошенное пособие, и возраставшая надменность Французов, хвалившихся влиянием, приобретенным ими в Порте – превышали всякую меру тер-

пения. Посланнику нашему предстояло избрать из двух одно: или следовать буквально повторенным наставлениям министерства, предписывающего отнюдь не навязывать Туркам вооруженного пособия, или, к стыду двора нашего, допустить дерзкие разглашения Французов, что они выслали флот наш из Босфора. Личные правила благородной твердости Бутенева в сем затруднительном случае восторжествовали. Он отвечал Рейс-эфенди, что хотя и не отказывается от данного обещания возвратить эскадру с первым попутным ветром, но не принимает ноты, в которой упоминается об участии какого-либо постороннего посланника в сем деле; что писать о том в официальной бумаге неприлично после великодушия, оказанного Государем, и что призыв эскадры и возвращение ее зависят от одного Султана. С этим ответом он приказал возвратить ноту к Рейс-эфенди и бросить ее к нему на софу, если б он не хотел принять ее обратно. Такой решительный поступок изумил Рейс-эфенди, который в извинение свое отозвался, что нота не им сочинена, а написана в Порте, и что в ней упоминалось о французском после без всякого умысла. Оважный поступок сей сделал тогда решительный переворот в делах политики. Турки не противоречили нам более, и с тех пор не вмешивали подобных обстоятельств в сношения своих с нами» (с. 190-191).

Повествуя о дальнейшем развитии событий, Муравьев сообщает: «В последних числах февраля получены депеши из Вены. Посланник Татищев уведомлял Бутенева, что Талейран, по случаю возникших дел в Турции, старался составить союз с Англией против России; но что сей союз был прерван действиями князя Меттерниха, и что, напротив того, Лондонский кабинет отправил, по примеру нашему, в Александрию полковника Кампбеля с поручением, подобным моему. Сему же примеру последовал и Австрийский двор, отправив в Александрию полковника Прокеша. И так Руссен пока действовал один, неосновательно обещающая золотые горы и Турецкому Султану и Египетскому Паше» (с. 201).

О раскладе сил в Османской империи красноречиво свидетельствует сюжет с медалями. Во время посещения российскими флотскими офицерами монетного двора (25 февраля) султан приказал в присутствии Лазарева выбить золотые и серебряные медали «в воспоминание» о присылке эскадры Николаем I. На одной стороне медали изображался вензель султана, а на другой турецкий герб – луна со звездой. «Медали сии тогда же были разосланы, как памятник, для хранения всем русским офицерам, в то время находившимся в Царьграде. – Странное столкновение противоположных мыслей и действий в турецком правительстве, где на каждом шагу видна борьба Порты с Султаном! В сем случае мнимый самодержец восторжествовал. Он не только призвал, вопреки общего мнения, союз-

ников, но даже всенародно ознаменовал торжество бесславного союза – последнего убежища своего» (С. 203) чеканкой медали.

1 марта Бутенев получил письмо Нессельроде, ознакомившись с которым, Муравьев пишет: «...мне казалось, что правительство, видя влияние Французов, несколько изменяло твердости, показанной в начале. По получении... первых известий о новом союзе, устраивавшемся между Англией и Францией против России, министерство не дождалось последующих известий... об отвержении Англией сего союза, и немедленно поручило послу нашему в Париже, графу Поццо-ди-Борго, сообщить Французскому правительству, что мы несколько не будем противиться стараниям его о восстановлении мира в Турции...». Завершая, генерал с горечью замечает: «Государь исключительно родил мысль о поддержании Турции. России одной принадлежит право довершить дело сие. ...но сему не соответствовали мутные действия министерства, не давшего ходу сего дела последовательности, не развившего первоначальной мысли Изобретателя» (с. 206-207).

3 марта Муравьев получил через Одессу «повеление военного министерства от 14-го февраля, коим оно уведомляло о движении войск сухим путем и морем в Турцию. Распоряжение сие было сделано в следствие первого требования Портой вспомогательных войск, когда я еще был в Александрии. Назначалось на первый случай, кроме Черноморского флота, два сухопутных отряда: один для высадки в Босфоре, а другой... для подкрепления способов обороны со стороны Константинополя. Первый из сих отрядов поручался моему начальству...» (с. 208-209). Сообщалось и о подготовке десанта... «По соединении десантного отряда с сухопутным, генерал-адъютант Киселев принимал главное начальство над всеми войсками, и я поступал в команду его. До того же времени, я обязан был посылать донесения свои прямо к военному министру, а Киселеву только для сведений» (с. 211). В «повелении» предписывалось, как должны действовать войска и т.д.

«Распоряжения сии сохранялись еще нами в тайне, когда Рейс-эфенди пригласил нас троих (Муравьева, Бутенева, Киселева. – С.М.) на совещание, в намерении объявить нам о желании Султана, чтобы флот наш возвратился, на что он имел, как мы после узнали, от Султана письменное повеление, вынужденное настояниями вице-адмирала Руссена». Ненужность флота Рейс-эфенди объяснил тем, что «флот мало мог сделать препятствия Ибрагиму, если б он пришел в Скутари». Бутенев объявил ему о скором прибытии вспомогательного войска, «чем и прекратилось наше заседание». Чтобы «слух об ожидаемом десанте не распространился через Турок, я от Рейс-эфенди немедленно поехал к

Сераскиру и объявил ему эту новость. Умный старец тотчас смекнул, что уже поздно было бороться против таких усиленных мер дружбы (метко сказано. – С.М.) и скрыл свое удивление» (с. 212).

«8-го числа барон Штюрмер, живший в Пере, приезжал к нам и показывал списки с наставлений, данных отправленным в Египет: Английскому полковнику Кампбелю и Австрийскому подполковнику Прокешу. Оба должны были изъявить Мегмет-Али-паше неудовольствие дворов за возмущение его против Султана; но ни в той, ни в другой инструкции незаметно было угроз, – ограничивались одними убеждениями и советами» (с. 215-216). Понятно, что генерал был сторонником иных мер воздействия на египетского пашу.

Не вдаваясь во все сложные перипетии умиротворения паши и его воинственного сына Ибрагима, подробно освещенные Муравьевым, кратко остановимся на событиях заключительного этапа, о которых генерал пишет: «...из Александрии, доходили до нас сведения, что мир уже был заключен на условиях, предложенных Египтянами». 23-го числа сераскир и Ахмед-паша-мушир подтвердили, что «Порта точно заключила мир на этих условиях, но что Карамания отдана не Мегмет-Али, а Ибрагим-паше, ...не в виде владения, но на откуп, с тем, что Султан вправе, когда ему угодно, отдать Караманию другому». Когда Муравьев спросил турок, «почему заключение мира было скрыто от нас столь долгое время... Они уверяли..., что договор этот был утвержден Султаном не более двух или трех дней тому назад...», и сказали, что рейс-эфенди незамедлительно уведомит Бутенева о заключении мира (с. 326-327).

6 мая в Стамбул прибыл граф А.Ф. Орлов, назначенный полномочным послом при султанском дворе и начальником сухопутных и морских сил, находившихся в Босфоре. «Ему разрешено было объявить, кому сочтет за нужное, войну и, в случае надобности, открыть военные действия с находившимися у него под рукой войсками». Корпус генерал-адъютанта Киселева подчинялся ему «в случае движения, не взирая на то, что Киселев был в чине старше его» (с. 329-330). «Ахмед-паша лично передал Графу первые положительные известия о заключении мира». Орлов «изъявил удовольствие Государя за все нами сделанное до тех пор; но как будто упрекал в том, что Турки заключили мир без нашего согласия» (с. 331). Особо следует отметить, что прибытие Орлова и его упрек резко изменили прежний боевой настрой генерала, в связи с чем в мемуарах появляется следующая запись: «Упадок звания моего, устранение от политических дел, борьба, с которою я должен был поддерживать власть свою, а всего более неудовольствия, которые я предвидел в

случае военных действий – все это было для меня неприятно, не предвещало ничего доброго в будущем, и служебные занятия опостытели мне. Мое намерение было уклониться от дел. Я не сообщил никому мысли своей; но Орлов сам заметил неприятное впечатление, произведенное неожиданным прибытием его. Он вскоре умел изгладить его обращением своим и восстановить порядок, гласно показывая доверенность ко мне» (с. 333-334), определив сферы деятельности и фронт работ.

Скучать не приходилось. «Едва кончалась завязчивая ссора между Султаном и Египетским пашей, как новые заботы обратили на себя внимание дипломатического сословия». В Смирну прибыл французский флот, «из Англии уже отправилось восемь линейных кораблей в Левант и соединенные флоты сии должны были, как говорили, двинуться к Дарданеллам». Муравьев сообщает, что 10 мая к нему приехал сераскир (непонятно, почему к нему, а не к Орлову?) и известил, «что Ибрагим-паша занял войсками Кесарию, лежащую вне дороги отступления его в Сирию, как бы грозясь двинуться к границам Грузии... Казалось, что война вновь завязывалась... В народе вообще господствовало какое-то поверье, что дело решится только с совершенным падением Турецкой империи». Но в тот же день было доставлено первое положительное известие о начавшемся отступлении Ибрагим-паши (с. 337-340) за Таврские горы.

С опозданием к острову Тенедос прибыло три английских линейных корабля, о чем в Стамбуле стало известно 13 июня. «Мы заметили, что английский военный пароход несколько раз приходил в Босфор и останавливался против дома лорда Понсоби». Английский адмирал настоятельно требовал разрешения войти в Босфор с эскадрой, и даже намеревался «сделать вторжение это без всякого разрешения, но был удержан в своем намерении единственно убеждениями Понсоби. В противном случае легко могла бы возгореться всеобщая война в Европе» (с. 399).

Египетско-турецкое перемирие было заключено 14 мая 1833 года в ставке Ибрагима в Кютахье при содействии французских дипломатов. Судя по «Запискам» Муравьева это больно ударило по самолюбию автора, фактически добившегося нужного результата раньше французов, причем на более выгодных для Турции условиях. Теперь же Османская империя передала под управление Мехмед Али-паши Египет, Крит, Дамаск, Джидду и Адану. Генерал отмечает, что когда были получены официальные известия об отступлении Ибрагим-паши, Орлов послал капитана барона Ливена, а турки, по предложению графа, одного полковника «для следования за египетской армией до Таврских теснин... Мера сия была не столько нужна для удостоверения нашего, сколько для показания, что

египетское войско как бы выпроваживалось под наблюдением русского офицера, чего не сделали ни Французы, ни Англичане» (с. 364). 24 июня (6 июля) султана известили, что египетские войска покинули Анатолию. «Мир был заключен; но Султан, в объявлениях своих, назвал это не миром, а прощением, дарованным восставшему. Он наградил еще Мегмет-Али за мнимую покорность – Сирией, а Ибрагим-пашу – Аданою, прежде чего повинившиеся и не хотели отступить. По получении требуемого, Ибрагим удостоил Султана благодарным письмом, которое было тщательно разглашено последним» (с. 364-365) – каждый играл свою игру.

25 июня (7 июля) Орлов «уведомил падишаха об уходе последнего египетского солдата за Твырский хребет и “испросил” разрешения на возвращение домой экспедиционного корпуса», которое немедленно и получил. Граф оставался еще два дня в Буюк-Дере и «был на частной аудиенции у Султана, от коего получил письмо к государю, и после того отправился в Одессу на отдельном от флота... корабле», увозя долгожданный договор. Сразу после известия о том, что войска Ибрагима-паши ушли из Анатолии, началась эвакуация российского десантного отряда. 28 июня «поутру, нагруженный войсками флот, снялся с якоря и при благоприятном ветре вышел из Босфора с салютационной пальбой». Так кончилась, – пишет Муравьев, – «экспедиция наша на Босфор. Последствием ее был оборонительный союз между Россией и Турцией, заключенный графом Орловым с сераскиром» (с. 430-431).

Редакция договора была подготовлена в Петербурге и одобрена императором. «Никогда ни одни переговоры ни велись в Константинополе с большею тайной, ни окончены с большей быстротой»²¹. Договор был заключен 26 июня (8 июля) в Ункяр-Искелеси. В заключении соглашения о дружбе и оборонительном союзе между Россией и Турцией участвовали А. Орлов и А. Бутенев, с одной стороны, и великий визирь Хюсрев Мехмед паша, начальник султанской гвардии маршал Февзи Ахмед паша и министр иностранных дел Хаджи Мехмед Акиф эфенди – с другой²². В.Н. Виноградов охарактеризовал это событие как «взрыв дипломатической бомбы», отметив, что при подписании договора «Орлов вежливо, но твердо отклонил попытки своих турецких собеседников договориться о наступательном союзе»²³.

Договор состоял из шести статей и секретной дополнительной статьи, содержание которых хорошо известно, и поэтому нет смысла при-

²¹ История дипломатии. Т. I. С. 416.

²² Ункяр-Искелесийский договор... (dic.academic.ru).

²³ Виноградов. 2010. С. 262-264.

водить их здесь. Отметим только, что как пишет Муравьев: «Иностранцы называют договор этот по названию Султанской долины, близ коей стоял лагерь: *Traite d'Unkiar-Scelessi*, как бы в упрек того, что договор написан под влиянием нашего оружия... иностранцев всего более оскорбляла секретная дополнительная статья, по коей воспрещалось военным судам их входить в Дарданеллы. Англичанам, в особенности... так неприятна, что они вскоре после заключения договора требовали от нас к запретительному условию дополнения, по коему бы равно и нашим военным судам был воспрещен выход через Геллеспонт в Средиземное море, на что... мы и согласились» (с. 431–433).

Особого внимания заслуживают суждения Муравьева об оборонительном союзе, якобы закрывающем Черное море от вторжения иностранцев. В доказательство ошибочности такого мнения генерал приводит три основных довода. Сейчас сложно определить, когда именно эти доводы созрели у генерала – сразу по заключении союза, чего нельзя исключать, принимая во внимание тактические и стратегические способности Муравьева, или по прошествии времени, когда рукопись готовилась к изданию. Думается, в любом случае они верны. Доводы генерала заключаются в следующем (цитата приводится почти целиком):

«1. Турецкое правительство никогда не будет в состоянии знать заблаговременно об угрожающей ему опасности, и потому нельзя даже будет обвинять Порту в лживости расположения ее к нам, если она не позовет нас вовремя на помощь.

2. Турецкий флот, по бездеятельности и слабости своей, не только не будет в состоянии противиться вторжению в Дарданеллы; но даже будет взят и присоединен к неприятельским силам для действия против нас.

3. Когда неприятельские эскадры, стоящие обыкновенно близ Смирны, захотят вторгнуться в Черное море, то они будут бомбардировать Одессу прежде, чем узнают в Петербурге о вторжении их, и войска наши не только не поспеют в Дарданеллы для обороны входа, но и не увидят Босфора прежде изгнания неприятеля из Черного моря...

Весь договор был написан без видимой обдуманности. Мелькали правдоподобие и возможность другой экспедиции; спешили кончить настоящую, опасаясь всеобщей войны в Европе, и думали положить основание будущего посещения нами Царьграда, трактатом, сделанным без всякого поручительства со стороны Турок; ибо они, до последнего дня падения своего, могли еще признавать себя в силах держаться без нашей помощи.

Со своей стороны, Сераскир, заключая условие секретной статьи, знал, что Дарданелльские замки не в состоянии помешать вторжению

неприятельского флота; но, давая высокую цену мнимым силам знаменитого пролива, уже давно пришедшим в ослабление, он делал нам удобное и, вместе с тем, имел с (надо “в”. – С.М.) виду скорейшее удаление наше. При том же, Порты всегда могла оправдаться в случае вторжения, несколькими выстрелами, пущенными с Дарданелльских батарей по неприятельским судам».

Муравьев признает, что «влияние наше сильно тяготело над политикой Турции, когда писали этот договор; Оттоманская империя была в состоянии одеревенелости, и царство Султана, направляемое тогда в действиях своих внушениями двора нашего, имело только признаки независимой самостоятельности. Такое положение было драгоценно; иностранные державы не могли обвинить нас в завоевании нового царства; нам не нужно было отделять особенных сил для удержания Дарданелл, а управлять силами самой земли, через посредство законных властей ее» (с. 433-434).

26 сентября 1833 года Муравьев приехал в Петербург, 27-го встретился с графом Орловым (с. 446-447). И уже 1 октября в Царском Селе Муравьев был принят императором, который отметил, что успех миссии способствовал заключению Ункяр-Искелесийского договора, и произвел Н.Н. Муравьева в генерал-адъютанты.

Подводя итоги изучения мемуаров Муравьева-Карского, можно констатировать, что «Записки» содержат богатейший материал по истории взаимоотношений Российской и Османской империй в 1830-х гг. Мемуары со всей очевидностью свидетельствуют, что идея оборонительного союза исходила от султана Махмуда II, обратившегося за поддержкой к «вечному врагу» – России, быстро пришедшей на помощь.

Мало кто верил в успех дипломатической миссии генерала, а он блестяще справился с поставленной задачей. Муравьев не только предвосхитил заключение перемирия между Османской империей и египетским пашой Мехмедом-Али, позже оформленного при посредничестве Франции, но и внес значительный вклад в подготовку и принятие оборонительного российско-турецкого Ункяр-Искелесийского союзного договора 1833 г., хотя в подписании его не участвовал.

Дальнейшее развитие событий показало, что договор на короткое время усилил позиции России в Османской империи, повысил ее престиж в Стамбуле, ослабил влияние западноевропейских держав на Турцию. Соглашение укрепило международные позиции Порты, защитило ее от нового нападения египетского пашы и позволило заняться внутренними преобразованиями. Доводы Муравьева об отсутствии надеж-

ных гарантий безопасности Черноморского побережья оказались, к сожалению, вполне обоснованными. Несмотря на то, что двусторонний и никем не признанный договор признается высшей точкой дипломатических успехов России на Ближнем Востоке, он, как верно выразился В.Н. Виноградов, всего лишь обманчиво блеснул в дипломатической истории Восточного вопроса. На исходе срока действия договора (8 лет) Россия очутилась в полной изоляции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Русские на Босфоре в 1833 году. Из записок Н.Н. Муравьева (Карсского). М.: Издание Чертковской библиотеки, 1869. б/п.
- Виноградов В.Н.* Двуглавый орел на Балканах. 1683–1914. М.: «Индрик», 2010.
- Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М.: Наука, 1978.
- Герой до востребования. URL: <http://www.lpgzt.ru/article/6531.htm>.
- Гудвин Дж.* Величие и крах Османской империи: Властители бескрайних горизонтов / Пер. с англ. М. Шарова. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2012.
- Европеус И.И.* Николай Николаевич Муравьев // Русская старина. 1874. Т. 11. № 9.
- История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М.: Изд-во: Эдиториал УРСС, 2012.
- История дипломатии. Т. I. От июльской революции во Франции до революционных переворотов в Европе 1848 г. (1815–1830 гг.). М.: ОГИЗ, 1941.
- История Османского государства, общества и цивилизации: в 2 т. Т. 1 / Под ред. Э. Исханоглу; Исследовательский центр исламской истории, искусства и культуры (IRCICA); пер. В.Б. Феоновой под ред. М.С. Мейера. М.: Вост. лит., 2006.
- Кинросс, Лорд.* Расцвет и упадок Османской империи / Пер. с англ. М. Пальникова. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999.
- Киреев Н.Г.* История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007.
- Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А.* Исторический словарь. 2-е изд. М., 2012.
- Петросян Ю.А.* Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М.: Изд-во Эксмо, 2003.
- Ункяр-Искелесийский договор // dic.academic.ru.
- Финкель К.* История Османской империи: Видение Османа: [пер. с англ.]. М.: АСТ: Астель, 2012.
- Харлампий Политидис.* Русско-турецкое противоборство как определяющий фактор геополитических реалий Кавказа и Малой Азии // <http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/analit.cgi?item=4r011226120543>.
- Широкорад А.Б.* Турция. Пять веков противостояния. М.: Вече, 2009.
- Муртузалиев Сергей Ибрагимович***, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; msihistory2000@yandex.ru.

В ПРОСТРАНСТВЕ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Ю. С. ОБИДИНА

И ВСЕ-ТАКИ АДАМ И... ЕВА: ГРЕЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕНДЕРНЫХ ПОДХОДОВ

Автор предлагает пересмотреть упрощенное представление о типах мужчин и женщин в древней Греции¹. Выделяются устойчивые гендерные схемы, анализ которых позволяет говорить о неоднозначности сложившихся стереотипов восприятия человека по принципу пола в Античности. Репрезентация мужских качеств как положительных, а женских – как ущербных объясняется не столько отражением действительности, сколько репрезентативностью источников.

Ключевые слова: *гендерные исследования античности, гендерная история, греческая женщина, греческий социум*

Сегодня гендерные исследования и гендерная история занимают почетное место у исследователей прошлого. Методология и проблематика гендерной истории разрабатывалась в рамках широкого междисциплинарного сотрудничества представителей практически всех социально-гуманитарных наук, причем «реализация тех возможностей, которые открыл гендерный анализ, была немислима без его адаптации с учетом специфики исторических методов исследования и генерализации, без тонкой притирки нового инструментария к неподатливому материалу исторических источников»².

Так сложилось, что гендерная история Античности своими корнями уходит гораздо глубже, нежели гендерная история в целом, поскольку уже в XVIII в. высказывались некоторые соображения и о положении женщины в Древней Греции, и о взаимоотношениях между полами³. Но гендерный подход позволил посмотреть на далекое прошлое другими глазами и проверить давно изученные источники на неисчерпаемость⁴.

Источниковая база имеет важное значение для изучения гендерной истории, особенно если учесть, что на уровне символической репрезентации (в мифах, образах, изображениях и т.д.) женщины в источниках пред-

¹ Название настоящей публикации отсылает к статье И.Е. Сурикова «Адам и... Адам (К вопросу о специфике гендерных ролей в условиях античного полиса)». См.: Суриков. 2006. С. 23-47.

² Ретина. 2011. С. 508.

³ Селиванова. 2007. С. 7.

⁴ Подробно о гендерных исследованиях в антиковедении см.: Селиванова. 2007.

ставлены очень хорошо, однако их действительное социальное положение, повседневная и частная жизнь восстанавливаются с трудом⁵. Не случайно исследователи считают, что реконструировать можно только представления мужчин о женщинах и мужские фантазии⁶. С отечественными исследователями солидарны и зарубежные авторы⁷. Британский социолог Хилари Грэм отметила, что женская история измерялась в рамках обзоров, разработанных на основе мужских жизней⁸. Еще одна британская исследовательница, Розалинда Эдвардс заметила, что все еще предпринимаются попытки вместить женские жизни в мужские теории, подобные попытке «вместить круглую затычку в квадратное отверстие»⁹.

В данной статье мы попытаемся показать, что женщина играла в истории Античности вовсе не те роли, которые мужчины тщательно для нее прописали. И чтобы избавиться себя от несправедливого упрека в предвзятом феминизме, призовем в свидетели не только источники, не только мнения современных гендерных исследователей, но и мнения так называемых историков-классиков. Кроме того, следует оговориться, что рассмотренные в статье положения касаются, в силу объективных причин, афинских женщин.

Как и в большинстве областей древней истории, из-за ограниченности источников мы можем только обобщать сведения о месте и роли женщины в Древней Греции. Большинство дошедших до нас свидетельств литературные, и исходят они от мужчин, которые, естественно, не знали, на что это было похоже – жить так, как живут женщины. Некоторые поэты, в частности, Гесиод и Симонид¹⁰, утверждали, что удел женщины в мире – не более чем проклятие человечества¹¹. Данные дра-

⁵ Так, И.Е. Суриков отмечает, что «во всех тех из этих памятников, где вообще удается обнаружить, на эксплицитном или имплицитном уровне, какую-либо гендерную идеологию, картина вполне однозначна: перед нами снова и снова пресловутая «маскулинная идеология», без каких-либо оговорок. Исключения не составляют даже произведения авторов-женщин. Есть все основания полагать, что такое положение с источниковой базой не случайно а, напротив, репрезентативно отражает действительно имевшую место ситуацию. Перед нами – сугубо “маскулинный мир”, в котором для женщин уготована специфическая ниша, и уготована она, если можно так выразиться, по “остаточному принципу”: представительницам “прекрасного пола” было дано то, что по какой-либо причине не взяли на себя мужчины». См.: Суриков. 2006. С. 27.

⁶ Селиванова. 2007. С. 10.

⁷ Smith. 1987; Finch, Groves. 1983; Graham. 1991. P. 61-78.

⁸ Graham. 1983. P. 132-147.

⁹ Edwards. 1990. P. 477-490.

¹⁰ Обидина. 2011.

¹¹ Для стихов Симонида характерен типичный для Греции VII-VI вв. до н.э. взгляд на женщину, что отражено даже в законах Солона.

мы¹² и эпоса представляют разительный контраст¹³ со взглядами поэтов. Художники и скульпторы часто изображают женщин с большой симпатией, а эпитафии говорят о женщинах как любимых женах и матерях.

Можно сказать, что сегодня положение женщины в древнегреческом обществе воспринимается как некая фундаментальная метафора, неустранимая и исторически непреодолимая. По мнению В. Вжосека, отказ от такой метафоры «означал бы невозможность взаимопонимания в границах культуры»¹⁴. Однако наметились и определенные подвижки, связанные, в первую очередь, с применением гендерного подхода.

Общеизвестно, что в древнегреческом обществе богини играли не менее значимую роль, чем боги. Отсутствие самостоятельной жреческой касты предписывало всем без исключения гражданам принимать участие в гражданском культе и поклоняться богам и богиням. При этом многие богини, такие как Афина, Деметра играли весьма важную роль в жизни древнегреческого социума. Традиция представляет многих богинь как волевых и целеустремленных женщин. Но могла ли традиция представить их таковыми, если их не было в реальной жизни? Традиционно важная роль богинь в древнегреческом менталитете объясняется переходной стадией от матриархата к патриархату, которая нашла отражение в греческой мифологии¹⁵. Но ведь и в уже вполне сложившемся патриархальном обществе роль богинь была так же высока. Возможно, этому есть и другое объяснение. Поскольку лишь немногие женщины в древнем мире

¹² Иероним в своих «Исторических записках» сообщает, что, когда некто сказал Софоклу, будто Еврипид является женоненавистником, тот ответил: «В своих трагедиях, да, зато они очень нравятся ему в постели». У трагиков, особенно у Еврипида, мы встречаем сотни нападок на женский пол, которые могут быть собраны под эпиграфом: «Похоронить женщину лучше, чем жениться на ней». «Теперь я вижу, Еврипид – мудрейший из поэтов. Ведь он про женщину сказал, что твари нет бесстыдней... Зверя нет сильнее женщин ни на море, ни в лесу. И огонь не так ужасен, и не так бесстыдна рысь... Вот и видно! Потому-то и воюешь ты со мной? А ведь мы с тобой могли бы в нерушимой дружбе жить... Вечно женщин ненавидеть обещаю и клянусь!» (Аристофан. Лисистрата, 368. Пер. А. Пиотровского). См.: *Лухт*. 1995. С. 37.

¹³ Уже в древнейших литературных текстах брак, а с ним и женщина описываются с сердечностью и симпатией. В качестве примера можно привести знаменитую сцену прощания Гектора с Андромахой из «Илиады» (VI, 392-496). Сложно представить, что женщина, которой Гомер посвящает столь трогательную, возвышенную сцену прощания, была жалким, презираемым созданием, влачащим растительное существование. Однако не стоит забывать, что все сказанное о браке в гомеровскую эпоху относится только к жизни людей выдающихся – царей и аристократии, и нам почти ничего не известно о том, в каком положении находились женщины низших классов.

¹⁴ Вжосек. 2012. С. 34.

¹⁵ См.: Лосев. 1957.

умели читать и писать, большая часть нашей информации об их жизни приходит к нам и фильтруется глазами мужчин. Часто в их текстах и речевых оборотах обнажается бессознательное, что свидетельствует о борьбе сознания со сложившимися гендерными стереотипами.

Знаменитому выражению Аристотеля, что мужчина по своей природе превосходит женщину, и поэтому мужчина должен управлять, а женщина должна быть исключена из управления¹⁶, можно противопоставить слова Демосфена: «Мы держим гетер ради удовольствия, женщин-рабынь для нашего ежедневного ухода и жен, чтобы дать нам законных детей и быть хранительницами наших домашних хозяйств»¹⁷. На первый взгляд, два эти высказывания лежат в разных плоскостях, первое – в сфере общественной, которая традиционно в Древней Греции всецело принадлежит мужчинам, второе – в сфере частной, традиционно отводимой женщинам. Но это только на первый взгляд.

Дихотомия общественного и частного, безусловно, сыграла свою роковую роль в формировании древнегреческой ментальности. Если отбросить то обстоятельство, что женщины в древности говорят мужскими устами, то сами женщины не очень-то высокого мнения о себе: «Я всего лишь женщина, вещь, которую мир ненавидит»¹⁸; «Нет лекарства от яда женщин, он хуже, чем у рептилий. Мы – проклятие для человека»¹⁹. И возражения о том, что эти слова принадлежат Еврипиду, одному из самых «ярых» женоненавистников древности, также не спасают ситуацию, ибо ему вторит Гиперид: «Женщина, которая путешествует за пределами дома, должна быть достаточно стара, чтобы люди спрашивали, чьей матерью, а не чьей женой она является»²⁰.

Возможно, эти две плоскости – общественное и частное, пересекаются в словах Перикла. В погребальной речи он сказал: «Репутация женщины тем выше, чем меньше мужчина говорит о ней, будь то хорошее или плохое»²¹. Быть может, традиционное отношение к женщине как к «Другому», установившееся еще в XIX в., затмило понимание истинного смысла слов, сказанных лидером афинской демократии? Мужчины так мало говорят о женщинах по причине... уважения к ним?

Ярким выражением греческой ментальности является мифология. Мифы о творении могут рассказать многое о мировоззрении и об окру-

¹⁶ Aristotle. Politics,

¹⁷ Demosthenes. Apollodorus Against Neaera, III, 122.

¹⁸ Euripides. Hippolytus, 622.

¹⁹ Euripides. Andromache, 93-94.

²⁰ Hyperides. Fr. 204

²¹ Thucydides. 2.45.2

жающем мире. В иудео-христианской версии мифа о творении Адам был первым человеком, которому бог создал женщину в качестве спутницы, т.е. равноправного партнера. За съеденный плод с Древа Познания Добра и Зла Адам и Ева были изгнаны из райского сада в мир скорби и тяжелого труда. Обращает на себя внимание также тот факт, что и мужчина, и женщина были созданы из одного материала. Ева была создана на пользу мужчине, а когда выступила в роли искушителя, мужчина был добровольным участником преступления, которое привело их к изгнанию из рая. Греческая же история совсем другая. Гесиод пишет, что женщины возникли из первой женщины, Пандоры²². Напомним, Пандора – «подарок» человеку от разгневанного Зевса, была создана в кузнице Гефеста и выращена Афиной. Этот эпизод уже наводит на размышления. Во-первых, нехарактерностью для античной мифологии способа происхождения Пандоры. Она не только не рождалась в привычном смысле этого слова, но и ее родители, Гефест и Афина, никогда не вступали в сексуальный союз. Кроме того, Афина – богиня–дева, неуязвимая для стрел Эроса наряду с Артемидой и Гестией. Таким образом, Пандора (и, следовательно, женщина) была изначально неестественна по своей природе. Внешне она прекрасна и неотразима для мужчин, но скрытые качества, составлявшие ее истинную сущность, несли человеку горе, страдания и болезни.

Это отчетливо проявляется уже в эпосе. В «Одиссее» описаны несколько женских персонажей, правда лишь один из них является женщиной смертной. Остальные были нимфами, бессмертными существами, но статусом ниже, чем у богинь. Они варьировались в личностных качествах и привлекательности, но все они несли угрозу любому встречному. Нимфа Харибда превращалась в водоворот, который уничтожал корабли, пытающиеся пройти мимо. Нимфа Сцилла с шестью головами и восемнадцатью рядами зубов съела шесть спутников Одиссея. Сирены искушали мужчин своим восхитительным пением, а затем заманивали и убивали их на берегу. Цирцея превратила спутников Одиссея в свиней. Нимфа Калипсо держала Одиссея на своем острове в течение семи лет и пыталась убедить его жениться на ней, позволив ему уйти только после того, как боги, наконец, убедили ее, что Одиссей никогда не будет ее спутником²³.

Как видим, мифология рассматривала женщину как существо, таящее в себе угрозу. Свою лепту внесли сюда и древнегреческие мыслители, которые также пытались объяснить разницу между мужчиной и женщиной. В частности, писатели гиппократовой школы считали, что

²² Гесиод. Труды и дни, 47.

²³ Blundell. 1999. P. 51.

мужчины и женщины отличаются тем, что женская плоть более пористая и мягкая, и что она быстрее и в больших количествах накапливает влагу в районе живота, нежели мужская²⁴. Менструация была естественным способом избавиться от этого избытка²⁵.

Такие объяснения, возможно, привели к тому, что афиняне увидели в женщинах существ, наделенных пороками, способными принести значительный вред себе и другим, слабым духом и телом, в отличие от мужчин. Многие считали, что молодые девушки несколько диковаты и их трудно контролировать, и что девственницы подвержены галлюцинациям, которые могут побудить их к саморазрушению. Решением этой проблемы стало раннее вступление в брак, ибо только после того, как женщина родила первого ребенка, она может стать собственно женщиной²⁶. По сути же, сама так называемая «диковатость» молодых девушек происходила из решения проблемы – а именно, из-за того, что девушек отдавали замуж практически детьми.

Организовать надлежащий брак для каждой дочери было обязанностью отца. Это было сопряжено с предоставлением приданого и выбором подходящего жениха. Любящий отец, возможно, старался выбрать мужчину, который будет хорошим мужем. Но мы должны помнить, что отец был озабочен не столько поиском мужа для своей дочери, сколько человека, от которого требуется сохранение ойкоса, и в теории, по крайней мере, в древних Афинах, браки организовывались на встрече отцов молодой пары в зависимости от их потребностей и интересов, которых мало заботили мысли жениха и еще меньше волновали пожелания девушки. Многие отцы были больше заинтересованы в расширении бизнеса или создании союза между семьями, чем в поиске доброго и любящего партнера для дочерей. У нас нет возможности узнать, как часто девушка впервые видела своего будущего мужа в день свадьбы или незадолго до этого, но, конечно, среди элиты вполне возможно, что жених и невеста никогда не встречались, не говоря уже о шансе влюбиться и

²⁴ *Hippocrates. Diseases of Women, I.1*

²⁵ *Hippocrates. Regimen, I.34*

²⁶ Ср. мнение Г. Лихта: «Невозможно представить себе почестей высших, чем те, что воздавались женщинам, причисляемым греками к типу женщины-матери. Когда гречанка становилась матерью, она достигала цели своего существования. После этого ее уделом являлись две заботы, выше которых для нее не было ничего: управление домашними делами и воспитание детей... Таким образом, брак для греков был одновременно средством достижения определенной цели – обзаведения законными потомками, которые останутся на земле после смерти родителей, – и способом упорядочить и обустроить домашние дела». См.: *Лихт*. 1995. С. 17.

даже поиске какого-то потенциала для совместимости. Выбор двоюродного брата, отдаленного родственника или близкого друга в качестве жениха, если отец не хотел потери части имущества в качестве приданого, возможно позволял девушке увидеть будущего мужа в семейный праздник или хотя бы слышать упоминание его имени.

Мужчины женились в первый раз в возрасте примерно 30 лет, в то время как девушкам было только четырнадцать или пятнадцать²⁷. Разными причинами руководствовались мужчины при вступлении в брак в таком возрасте: желание закончить военные обязательства перед началом семейной жизни, желание продлить радость холостой жизни так долго, как это возможно, а также нехватка женщин в связи с нежеланием отцов отдавать за ними приданое. Одно дело, когда человек завещал свое имущество после смерти, когда он больше не нуждается в нем, и совсем другое отдать большие деньги дочери, пока он еще жив и нуждается в них, чтобы содержать себя и свой ойкос. Расхождение в возрасте вселяло уверенность, что более опытный человек будет управлять имением и будет больше молодых вдов, ищущих второго и даже третьего мужа.

Нет источника, описывающего типичную афинскую свадьбу, но это можно сделать по упоминаниям о нескольких свадьбах²⁸. Складывается впечатление, что афинский брак был рядом событий, которые происходили в течение определенного периода времени, возможно, даже очень длительного: он включал в себя обручение в присутствии свидетелей, соглашение относительно величины приданого, передача приданого невесты, и, возможно, даже рождение первого ребенка. Конечно, не было никакой записи брачных церемоний, хранящейся в совете или у магистратов. Если вдруг возникал спор относительно подлинности брака, решающее значение имели показания свидетелей.

Наряду с рождением, смертью и рождением первого ребенка, вступление в брак является одним из важнейших событий в жизни человека, и большинство древних обществ отмечали его каким-то особым образом. Публичное празднование давало друзьям, родственникам и соседям возможность признать изменения в отношениях между мужчиной и женщиной и приветствовать их в обществе, как мужа и жену. Церемония, похоже, включала в себя жертвоприношение отцом невесты,

²⁷ Простолюдину, по Гесиоду, лучше жениться в возрасте около тридцати лет, а его избранница должна быть не старше девятнадцати и, разумеется, девственницей. Это ясно показывает, что в ту эпоху в браке было мало поэтического. См.: *Гесиод. Труды и дни*, 519 сл).

²⁸ Подробно свадебные обычаи греков описаны у Г. Лихта, П. Гиро, Ф.Ф. Веллишского. См.: *Лихт*. 1995; *Гиро*. 1994; *Веллишский*. 2000.

срезание локона невесты, ритуальное омовение в священной воде, а затем свадебный пир, когда друзья и родственники собирались в доме невесты, чтобы отпраздновать союз мужа и жены. После заката солнца гости отправлялись в новый дом пары, невеста, жених и лучший друг жениха ехали в колеснице, запряженной мулами или лошадьми. В новом доме невесту встречала мать жениха и провожала ее к очагу, который был центром жизни в любом греческом доме.

Приданое – неотъемлемая частью любого брака в древних Афинах²⁹. Обустройство дома было дорогой операцией, а приданое – вкладом женщины в эти расходы. Хотя приданое дочери было значительно меньше того, что ее брат мог ожидать в наследство, приданое нужно было заплатить заранее, и оно выплачивалось из сбережений, которые могли бы быть использованы для поддержки ойкоса отца. Предоставление щедрого приданого было источником престижа в обществе и полезной уловкой в организации брака, который был больше союзом между семьями и выбором хорошего зятя, нежели поиском подходящего мужа, но все равно оставлял брешь в финансах семьи. Неудивительно, что мужчины не хотели иметь дочерей и готовы были отказаться от тех, которых они считали лишними. Дочери получали значительно меньше богатства своей семьи, чем сыновья, и поэтому могли внести меньший вклад в создание дома в каждом новом поколении. Иногда приданое жены составляло двадцать или более процентов богатства ее мужа, но и оно, как правило, не давало достаточных доходов для покрытия расходов на ведение дома.

Приданое давало гарантию женщине в тех случаях, когда ее муж умирал или разводился с ней и предлагал ей шанс на повторный брак, если она была достаточно молодой. Приданое, кажется, давало жене немного больше власти в отношениях, которые складывались в обществе, где доминируют мужчины. Платон предложил даже отмену приданого на том основании, что это сделает женщин менее высокомерными, а мужчин – менее рабскими. Если ее жизнь становилась невыносимой, женщина могла уехать, вынуждая мужа вернуть приданое. Наконец, приданое являлось стимулом для рождения семьи женщины, сохранения интереса к браку и ее благополучия. Мы должны помнить, однако, что даже если бы не было такого понятия, как потребность в приданом, то, как афиняне рассматривали его, оставляет мало сомнений в том, что жена получала гораздо больше от системы, сложившейся в Афинах, чем муж.

²⁹ Ср. мнение П. Гиро, который считал, что «неправильно думать, что отец был обязан давать что-нибудь дочери при выходе ее замуж; если он это делал, то совершенно добровольно». См.: Гиро. 1994. С. 36.

Вернемся к высказыванию Демосфена, которое во многом обусловило традиционную точку зрения, что афинские мужчины брали себе жен потому, что они были необходимы для рождения и воспитания детей и продолжения общества, но эти самые жены игнорировались мужчинами и вынуждены были проводить время в задней части дома, и только рабыни, блудницы, наложницы и очень бедные женщины могли пользоваться свободой. Другими словами, женщин держали в так называемом «восточном уединении». Это довольно странное выражение подразумевает, что женщины были ограничены конкретными комнатами в своем доме, и им не позволялось никаких контактов ни с кем, особенно с мужчинами, которые не являлись частью семьи³⁰.

Какие существуют основания для того, чтобы считать жизнь греческой женщины «восточным уединением»? Безусловно, экономическая ограниченность оставляла женщин зависимыми от мужчин на протяжении всей своей жизни, и то, что афинские мужчины говорили о женщинах, возможно, дополняет это утверждение, но на самом деле источники не говорят нам вообще ничего об их повседневной жизни. Наивно полагать, что приведенные выше высказывания представителей афинского мужского сообщества отражают глубоко укоренившиеся мнения всего общества. Это могли быть мечты о редко достигаемом идеале, равно как и простое мужское хвастовство³¹. Тот факт, что семейная жизнь является редкой темой в греческой литературе можно трактовать по-разному. Один из вариантов – то, что бы ни случилось в доме, было неважным в рамках всей полисной системы, но это также может быть и то, что это

³⁰ По поводу «восточного уединения» существуют разные мнения в научной литературе. И не все авторы, даже стоящие на чисто маскулинных позициях, относятся к нему однозначно. Приведем мнение П. Гиро: «О положении афинянок говорят иногда, как о положении женщин современного Востока, преувеличивая суровость античных нравов, согласно которым их будто бы держали взаперти в гинекее, как в тюрьме. Заключение соблюдалось строго только по отношению к девушкам; для замужней женщины оно было менее сурово, а в некоторых случаях даже совершенно не применялось. Каковы бы ни были требования обычая, к нарушениям его приходилось относиться терпимо». См.: Гиро. 1994. С. 38. Л.Л. Селиванова относит «восточную замкнутость» греческих женщин к сложившемуся топосу, или научно-мифу. См.: Селиванова. 2007. С. 7.

³¹ Ср.: «Современный человек вправе задаться вопросом, а не чувствовали ли себя греческие девушки и женщины в своем заточении безнадежно несчастными. Ответ может быть только отрицательным. Не будем забывать, что нельзя тосковать о том, чего не знаешь; притом гречанка с такой серьезностью занималась строго ограниченным (но от этого не менее благородным) кругом занятий, проистекавших из ее обязанностей по ведению домашнего хозяйства, что у нее просто не оставалось времени на мучительные раздумья о своем существовании». См.: Лихт. 1995. С. 18.

было слишком важно, чтобы быть просто записанным на бумаге. Надгробия, например, часто содержат эпитафии, в которых выражена значительная привязанность мужчин к умершим женам³².

Миф о «восточном уединении», однако, нашел своих поклонников. Некоторые исследователи даже утверждали, что афинские дома были разделены на две отдельные части – мужскую и женскую³³. Эта точка зрения основана на двух часто цитируемых свидетельствах античных авторов. Первое принадлежит Ксенофону (IV в. до н.э.), где он, описывая афинский дом, говорит, что женская половина дома отделена от мужской запертыми дверями³⁴. Второй текст, написанный в том же веке, принадлежит Лисию, в речи которого муж пытается объяснить, как такое могло случиться, что его жена прелюбодействовала в своем собственном доме без его ведома. Он говорит, что владеет скромным, двухэтажным домом с женскими покоем наверху и мужскими апартаментами внизу. После рождения их ребенка, он отменил это разделение, чтобы жена могла ухаживать за ребенком ночью, не опасаясь падения с лестницы в темноте³⁵. Как видим, свидетельств не так много, но этого оказалось достаточно, чтобы предполагать, что мир женщины был ограничен домом и убедить в том, что женщины жили в «восточном уединении». С другой стороны, Аристофан представляет другое свидетельство – молодожены спали вместе наверху без указания на мужской половине или женской³⁶, и Антифон говорит, что гость размещается на ночь на верхнем этаже³⁷.

Греческие слова «андрий» и «гинекей» условно переводятся как «мужские апартаменты» и «женские апартаменты», но на самом деле мы не знаем, что греки имели в виду под этими двумя словами³⁸. Данные археологии описывают греческий дом следующим образом. Высокие, без всяких украшений стены, с одной или двумя дверьми, и высоко расположенными окнами. Открытый двор предусматривает место для солнца, света и свежего воздуха, а также прямой доступ к большей ча-

³² См., например: Плутарх. Кимон, 4.

³³ «Женщина проводила свои дни в гинеконитисе, под которым подразумеваются все те помещения, что составляли царство женщины. Теперь только спальня и обеденная комната принадлежали равно жене и мужу, до тех, однако, пор, пока к хозяину дома не приходили друзья. В этом случае женщина оставалась на своей половине; жене не могло и в голову прийти присутствовать на пирушке мужа с друзьями, иначе ее бы сочли куртизанкой или любовницей». См.: *Luxm.* 1995. С. 34.

³⁴ *Xenophon.* Oikonomikos 9.5

³⁵ *Lysias.* I, 9-10.

³⁶ *Aristophanes.* Thesmophoriazousae 481f

³⁷ *Antiphon.* Prosecution for Poisoning.

³⁸ Такого мнения придерживается и Джеймс Томпсон. См.: *Thompson.* 2010.

сти комнат в доме. В небольших домах входная дверь открывалась прямо во двор, и в одну или две крытые комнаты можно было попасть с заднего двора. В больших домах двор оказывался в центре, куда выходили комнаты со всех четырех сторон. Если дом был двухэтажным, то верхние комнаты строились вокруг одной или нескольких стен двора.

Не было комнат, по убранству которых мы могли бы четко разделять их на принадлежащие только женщинам, и поскольку все комнаты выходят в один двор, довольно сложно закрыть определенные части дома, кроме второго этажа, или только в нескольких очень больших домах, где имеется второй двор; равно как и нет археологических свидетельств, подтверждающих это³⁹. В любом случае трудно понять, как женщина может выполнять свои обязанности по управлению домом, если существует значительная часть здания, в доступе к которой ей было отказано. До сегодняшнего дня подлинная суть термина «*gunaikon*» остается загадкой. Когда однажды Сократ привел домой на ужин неожиданного гостя, его сварливая жена в порыве гнева перевернула стол, за которым они сидели⁴⁰. По всем свидетельствам древних авторов, Ксантиппа была той женщиной, с которой было весьма нелегко жить⁴¹, и мы не можем делать какие-либо выводы о типичном супружеском поведении в Афинах на основе ее выходки, но стоит отметить, что Сократ и его гость-мужчина ужинают в той части дома, к которой его жена имела доступ, без намека на отдельные мужские и женские половины.

Сложно также представить, что женщины совсем не посещают друг друга по различным надобностям. Врач описал двадцатилетнюю девушку, страдающую от лихорадки и головной боли, когда она вернулась домой после того, как ее случайно ударили по голове во время игры с другой молодой женщиной. Жертва была более чем достаточно взрослой, чтобы быть замужем. Правда, еще не факт, что она играла на улице и вдали от дома⁴². Аристофан в «Женщинах в народном собрании» приводит любопытный диалог между Блепиром и Проксагорой, в

³⁹ И.Т. Кругликова пишет: «Наиболее нарядной была комната (андрон), предназначенная для мужских собраний и пиров — симпосиев. Пол средней части этой комнаты иногда замаскировался галькой, выложенной в виде орнаментальной мозаики. Вдоль стен устраивали ложа для гостей. Основная жизнь обитателей дома протекала в комнате с очагом, перед которой обычно находился крытый портик. Часть комнат первого этажа отводилась под кладовые, мастерские и жилища рабов. Спальни и женские комнаты размещались на втором этаже». См.: Кругликова. 1984. С. 48. Однако совершенно не понятно, на основании чего сделан такой вывод.

⁴⁰ Xenophon. *Moralia*. On the Control of Anger.

⁴¹ Xenophon, II, 2, 1-14.

⁴² Hippocrates. *Epidemics*, V 50.

котором на вопрос о том, почему Проксагора рано утром ушла из дома и взяла плащ мужа, Проксагора отвечает:

Приятельнице время подошло рожать.

Она за мной послала⁴³.

На что Блепир интересуется, почему Проксагора не отпросилась у него⁴⁴. Причем расспросы Блепира в большей степени обусловлены не тем, что Проксагора ушла из дома без спроса, а тем, что она взяла одежду мужа, и тот был вынужден наряжаться в женскую одежду для отправления по утрам своих естественных надобностей, и был застигнут в таком виде соседом⁴⁵.

Возможно, в переполненном городе искренне заботились о безопасности, по крайней мере, хорошо обеспеченных женщин, и им предписывалось сопровождение раба, чтобы сделать покупки или сходить за водой, но это совершенно не равнозначно запрету покидать пределы дома. Так, например, считают В. Эренберг⁴⁶ и Э. Гомм⁴⁷. Постоянное пребывание дома, возможно, было решением проблемы безопасности для элиты или для тех, кто стремился к тому, чтобы считаться частью элиты, но это было, конечно, непрактично для тех, кто не мог позволить себе раба. Бедные женщины были вынуждены покидать дома для работы, что позволяло им кормиться, и афинские женщины занимались сельским хозяйством, акушерством, продавали свои товары или работали на рынке, а некоторые получали работу в качестве кормилицы⁴⁸. Возможно, запрет был не столько нахождение вне дома, сколько на разговоры с мужчинами, что считалось верным признаком проститутки или гетеры. Либо, как вариант – женщина должна была сообщать, куда она направлялась или отлучалась из дома, и не столько из-за тотального контроля, сколько по причине искренней (либо эгоистичной) заботы о ней со стороны мужчины.

⁴³ Аристофан. Женщины в народном собрании, 527-528.

⁴⁴ Там же. 530.

⁴⁵ Там же. 327-332.

⁴⁶ Ehrenberg. 1946. P. 65-66.

⁴⁷ Gomme. 1937. P. 89-115.

⁴⁸ «Жене богатого гражданина было нетрудно сообразоваться с ним и оставаться в глубине своих покоев; но в малосостоятельных семьях женщине ежеминутно приходилось выходить из дому по надобностям своего хозяйства. Она должна была отправляться на рынок, покупать провизию и нести на себе заботы, обыкновенно возлагаемые на рабов. Иногда случалось даже, что женщины занимались торговлей на агоре. Мать Эвксифея, клиента Демосфена, продавала ленты, а мать Еврипида, как утверждает Аристофан, была торговкой овощами. Однако подобные явления наблюдались редко. Бедность могла заставить некоторых женщин поступать таким образом, но общественное мнение относилось к ним строго и осуждало их». См.: Гиро. 1994. С. 38.

Неслучайно афинский закон требовал, чтобы женщина находилась под контролем и защитой опекуна, который отвечал за ее безопасность и благополучие, и действовал от ее имени в любое время, когда ей нужна связь с внешним миром. В его обязанности, естественно, был включен эффективный контроль над любыми деньгами или имуществом, которым она могла обладать. В детстве она, как правило, находилась под опекой отца, а когда выходила замуж и оставляла свою семью, переехав в дом мужа, то передавалась под его управление и попечительство. Все, чем обладали афинские женщины, принадлежало ее опекуну, и он мог свободно распоряжаться имуществом и деньгами, как хотел. В то же время, он был ответственен за то, чтобы у женщины была пища, одежда и кров, и при необходимости должен был предоставить ей приданое, если женщина была брачного возраста. Если опекун не доживал до выполнения своего обязательства, то его должен был выполнять архонт.

Самостоятельно женщина не может заключить договор или вести финансовые операции на сумму более одного медимна⁴⁹ ячменя⁵⁰, количества, достаточного, может быть, чтобы прокормить семью в течение четырех или пяти дней. Она могла продавать овощи и ремесленные изделия и приобретать предметы ежедневного домашнего обихода, но ничего большего, на что требуется, по крайней мере, теоретически, разрешение ее опекуна. Как строго соблюдалось это правило в реальной жизни, неизвестно. Некоторые гетеры, рожденные от свободных граждан, вероятно, имели значительное богатство, но нигде не упоминается, что они имели опекуна или кого-либо другого для ведения своих финансовых дел.

Хотя женщина не имеет права покупать или продавать, она, безусловно, может владеть, пользоваться и наслаждаться любыми вещами, без верхнего предела их стоимости. Она могла иметь своего личного раба, ювелирные украшения или часть мебели в доме. Мы часто склонны думать, что владелец объекта волен делать с ним все, что он хочет, но даже сегодня это не всегда так. В древнем мире было еще больше форм собственности, и лицо, имевшее право пользоваться имуществом, могло не иметь права продать или завещать его⁵¹.

⁴⁹ Медимн — мера, равная в разный период греческой истории 41-50 литрам.

⁵⁰ *Isaeus*. 10.10

⁵¹ Ср. Мнение П. Гиро: «Женщинам был свойствен еще и другой недостаток. Они обладали часто деспотическим характером; преисполненные гордостью от своей власти, они стремились дать почувствовать ее всем окружающим. Вращаясь почти всегда среди рабов, привыкнув давать им постоянно приказания, бранить их за лень, делать выговоры за их провинности, они иногда не делали различия между господином и слугами и усваивали себе по отношению к нему тот же тон. Все эти недостатки усиливались у наследниц, обогащавших при выходе замуж своих мужей. Придавая

Хотя это было, вероятно, общественное, а не юридическое требование, приданое составляло неотъемлемую часть почти каждого брака в классических Афинах, и богатый человек вряд ли женится на девушке без такового, какой бы желанной она не была во всех других отношениях. Приданое, представляющее долю дочери в имуществе ее отца, как правило, состояло из суммы денежных средств, хотя в бедных семьях приданое состояло из предметов домашнего обихода, и в каждом случае делалась в присутствии свидетелей запись о денежной стоимости приданого, прежде чем оно передавалось жениху. Записанная сумма должна была быть возвращена невесте после развода или смерти. Если в браке рождался сын, вдовец мог держать приданое покойной жены, пока ее сын был недостаточно взрослым, чтобы наследовать его, а если муж умирал, вдова могла вернуться к своей семье со своим приданым, или она и ее приданое могло оставаться с семьей мужа. Если муж или его наследники не смогли или не хотели выплачивать приданое после развода, чем бы это ни было вызвано, ущерб должен был быть оплачен в размере 18 процентов годовых⁵².

Второй путь, которым женщины могли приобретать собственность, это наследство. Дочери обычно получали свою долю отцовского имущества заранее, в виде приданого, оставшееся имущество делилось между сыновьями. Как только человек понимал, что у него никогда не будет сына, он обычно принимал человека, которого собирался взять в качестве мужа своей дочери, и позволял ему пользоваться своим имуществом. Проблема возникала, когда человек умирал, оставив дочь, а не сына и не приемного сына. Дочь становилась логическим наследником, но это создавало серьезные проблемы, поскольку это означало конец отцовской линии и принятие его имущества в другой семье.

Греческое слово ойкос, которое мы обычно переводим как дом, или семья, означает гораздо больше, чем мать, отец и дети. Афиняне также подразумевали под ойкосом фамильный дом и усадьбу. Семья включает земли, дом и всех людей в доме. Смерть главы ойкоса может стать катастрофой, но было много оснований, на которых ойкос должен был продолжаться. Единственный сын возьмет на себя сразу все управление ойкосом. Два или более сыновей потребуют разделения ойкоса и

особенно большое значение состоянию, которое они приносили в дом, они становились еще более высокомерны; такие женщины не забывали и не давали другим забывать, кем они были и чем владели. Мужчины страдали от этих недостатков, но они сами были в них виноваты. Они ограничили деятельность женщины заботами по хозяйству, а женщины, чересчур увлекшись ими, приобрели благодаря этому вздорность характера, от которой им трудно было уберечь себя». См.: Гуро. 1994. С. 40-41.

⁵² *Apollodorus. Against Neaera.*

всего его содержимого, но если нет сына, ойкос придет к краху, и даже одной мысли об этом было достаточно, чтобы стать настоящим кошмаром в древних Афинах. Когда ойкос прекращал свое существование, все его члены теряли свое место в обществе.

По закону женщина не могла наследовать больше, чем ее приданое, чтобы не допустить переход ойкоса в другую семью, но это не предотвращало гибели самого ойкоса. Если умирал глава ойкоса, ближайший родственник—мужчина женился на его дочери, а она могла родить внука, который, в конечном счете, не только наследовал, но и продолжал ойкос деда. Так возникла концепция афинской *epikleros*, или наследницы⁵³.

Для удобства мы обычно переводим *epikleros* как наследница, но буквальное значение этого греческого слова «с собственностью». Если афинянин умирал, не имея сына или приемного сына, его дочь становилась *epikleros*, т.е. человеком, который нес собственность. Она не наследует ее, а становится средством, с помощью которого имущество будет передано кому необходимо, и в результате она будет обязана выйти замуж за ближайшего родственника своего отца. Она передает имущество в доверительное управление до тех пор, пока сын, рожденный в таком браке, не достигнет совершеннолетия, и ойкос ее отца можно будет передать в руки внука. Все дочери принимали это как должное, а поскольку их, как правило, не спрашивали при выборе мужа, *epikleros* был действительно не хуже, чем участь любой молодой афинской женщины, если у нее уже есть муж, и в этом случае она могла предъявить ему претензии и развестись⁵⁴. Родственник, который женился на *epikleros*, должен был управлять недвижимостью только до тех пор, пока сын не достиг зрелости. Сын примет имущество на свое имя, что позволит продолжить ойкос деда, как будто ничего необычного не произошло.

Некоторые родственники считали, что сделка слишком хороша, чтобы отказаться, а другие отвергали из-за ее временного характера, особенно, если они должны были развестись с женой, чтобы жениться на *epikleros*. Если не было родственников, и никто не был готов жениться на ней, *epikleros* могла принять имущество отца и выйти замуж за человека по собственному выбору. Афиняне считали, что выживание ойкоса имеет жизненно важное значение, и каждый гражданин, будь то мужчина или женщина, должен идти на жертвы ради блага общины⁵⁵.

⁵³ Harrison. 1968.

⁵⁴ Isaeus. 3.64

⁵⁵ Выживание ойкоса подразумевало выживание полисного коллектива в целом, ибо одно из требований гражданского культа – поклоняться полисным богам.

Другими словами, в данном случае роль и значение и мужчин и женщин в сохранении ойкоса были равны.

Таким образом, рассмотрев лишь отдельные аспекты жизни женщины в Древней Греции, мы видим, что многие традиционные взгляды на положение женщины являются либо однобокими, либо вырванными из контекста. Гораздо больше свидетельств, говорящих в пользу более высокого положения женщины, дают нам источники по религиозной жизни древних греков, а также сведения о материнстве и детстве, не говоря уже о тех категориях женщин, которые традиционно причисляются к маргинальным слоям, но, тем не менее, играют значимую роль в жизни общества. Применение современных гендерных методов, возможно, позволит дать совершенно иную картину жизни древнегреческой женщины. Задача, стоящая сегодня перед исследователями — не только в применении гендерных подходов (что мы и попытались сделать в рамках данного исследования), но и в использовании гендерных методов к свидетельствам источников, что позволит изменить общий характер трактовки древнегреческого общества, в котором женщина якобы была полностью вычеркнута из общественной, государственной и культурной жизни. Но это тема уже отдельного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аристотель*. Риторика. Поэтика / Пер. О. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000. 220 с.
- Аристотель*. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. М.: Литература, 1998. 718 с.
- Аристофан*. Комедии. Пер. с древнегреч. В 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1983. 520 с.
- Гесиод*. Работы и дни. Теогония / Пер. В. Вересаева // Эллинские поэты в переводе В. Вересаева. М.: Госполитиздат, 1963. С. 141–169.
- Гиппократ*. Сочинения / Пер. В. И. Руднева, комм. В. П. Карпова. Кн. 3. М.: Медгиз, 1941. 364 с.
- Гомер*. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича; изд. подг. А.И. Зайцев. М.: Художественная литература, 1990. 449 с.
- Гомер*. Одиссея / Пер. В.А. Жуковского; под ред. И.М. Тронского. М.: Московский рабочий, 1985. 350 с.
- Демосфен*. Речи [I–XIX] / Пер., ст. и примеч. С. И. Радцига (Серия «Литературные памятники»). М.: Издательство АН, 1954. 608 с.
- Демосфен*. Речи. // Ораторы Греции: Пер. с древнегреч. / Сост. и науч. подгот. текстов М. Гаспарова; вступ. статья В. Боруховича; коммент. И. Ковалевой и О. Левинской. М.: Художественная литература, 1985. С. 211–282.
- Еврипид*. Трагедии / Пер. И. Анненского и С. Апта. М.: Искусство, 1979. 456 с.
- Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе / Пер., ст. и комм. С. И. Соболевского. 2–е изд. (Серия «Памятники философской мысли»). М.: Наука. 1993. 384 с.
- Лисий*. Речи / Пер. С.И. Соболевского. 2–е изд. Предисл. Л. А. Маринович и Г. А. Кошеленко. (Серия «Античная классика»). М.: Ладомир, 1994. 384 с.
- Ораторы Греции*. Составитель М.Л. Гаспаров. М.: Худож. литература, 1985. 496 с.

- Плутарх*. Сравнительные жизнеописания / Пер. С. П. Маркиша, М. Е. Грабарь–Пассек, С. И. Соболевского: В 3 т. М.–Л., 1961–1964.
- Фукидид*. История / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Отв. ред. Я. М. Боровский (Серия «Литературные памятники»). Л.: Наука, 1981. 543 с.
- Эллинские поэты в переводе В. Вересаева. М.: Госполитиздат, 1963. 404 с.
- Велишский Ф.Ф.* Быт и нравы древних греков и римлян: Пер. с чеш. М.: Эксмо-пресс, 2000. 704 с.
- Вжосек В.* Культура и историческая истина / Пер. с польского К.Ю. Иерусалимской. М.: Кругъ, 2012. 336 с.
- Гиро П.* Частная и общественная жизнь греков: Пер. с фр.; репринт с изд. 1913–1914 гг. М.: НИЦ «Ладомир», 1994. 672 с.
- Кругликова И.Т.* Античная археология. М.: Высшая школа, 1984. 216 с.
- Обидина Ю.С.* Идеал женской красоты в древнегреческой лирике // Материалы VIII научно-практической Интернет-конференции «Гендерные исследования в гуманитарных науках». Й-Ола: Изд-во МарГУ, 2011. С. 117–124.
- Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Селиванова Л.Л.* Гендерные исследования в антиковедении // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2007. №14. С. 7–36.
- Суриков И.Е.* Адам и ... Адам (К вопросу о специфике гендерных ролей в условиях античного полиса) // Адам & Ева. М.: ИВИ РАН, 2006. № 12. С. 23–47.
- Лихт Г.* Сексуальная жизнь в Древней Греции. М.: Крон–Пресс, 1995. 400 с.
- Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Наука, 1957. 493 с.
- Blundell S.* Women in Ancient Greece. Cambridge, Mass: Harvard Un-ty Press, 1999. 224 p.
- Finch J., Groves D.* A Labour of Love: Women, Work and Caring. London: Routledge and Kegan Paul, 1983.
- Gomme A.W.* Essays in Greek History and Literature. Oxford: Basil Blackwell, 1937. 135 p.
- Graham H.* The Concept of Caring in Feminist Research: The Case of Domestic Service // Sociology. 1991. № 25. P. 61–78.
- Graham H.* Do Her Answers Fit His Questions? Women and the Survey Method // The Public and the Private, ed. by E. Gamarnikow e.a. L., 1983. P. 132–147.
- Harrison A.R.W.* The Law of Athens. The Family and Property. Oxford Clarendon Press., 1968. 390 p.
- Edwards R.* Connecting Method and Epistemology: A White Woman Interviewing Black Women // Women's Studies International Forum. 1990. № 13. P. 477–490.
- Ehrenberg V.* Aspects of the Ancient World. N.Y.: Basil Blackwell, 1946. 256 p.
- Smith D.* The Everyday World as Problematic: A Feminist Sociology. Milton Keynes, England: Open University Press, 1987. 251 p.
- Thompson J. C.* Women in the Ancient World. The status, role and daily life of women in the ancient civilizations of Egypt, Rome, Athens, Israel, Babylonia. B.A., M. Ed., 2010.

Обидина Юлия Сергеевна, доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета; basiley@mail.ru

Лилия Заболотная

РОЛЬ ЖЕНСКОГО ФАКТОРА В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСПОДСТВУЮЩИХ ДИНАСТИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ

В статье рассматривается вопрос о роли женского фактора в правопреемственности правящих династий в средневековой Сербии на примере династий Неманичей и Хребеляновичей. Показано, что в XII–XIII вв. право на престол часто обосновывалось не только по мужской, но и по женской линии. Особую роль в этот период играла и «брачная дипломатия».

Ключевые слова: *власть, гендер, средневековая Сербия, престолонаследие.*

До середины XX в. история человечества фактически была *мужской историей*, т.е. ориентированной на мужские персонажи и виды деятельности. В публикациях последних десятилетий ставится вопрос о роли *гендера* в распределении властных полномочий¹, расширяется понимание политической истории², одной из центральных задач которой является изучение возможностей и способностей женщин, лишенных доступа к формальным институтам политической власти, оказывать влияние на политические решения и события³. В мировой историографии появилась целая серия работ, посвященных механизмам, посредством которых женщины имели доступ к публичной власти⁴. Новый подход, натолкнул и нас на исследование вопроса о том, как женщины юго-восточной Европы в Средние века могли осуществлять политическое влияние и реализовывать себя в сфере публичной власти.

Известно, что женщины не имели равного с мужчинами права на правление и престолонаследие. Однако, одним из феноменов Средневековья является факт, что именно по женской линии сохранялся династический генофонд правящей династии. Женщины не допускались к власти, но служили орудием политико-династических союзов, в результате которых гарантировалось не только сохранение, но и продолжение династии. Согласно нашим исследованиям, Сербия не была исключени-

¹ Репина. 2007.

² Sanday. 1981; Landers. 1984; Gender, Ideology, and Action...; Women and power in the Middle Ages...; Репина. 2002; Пушкарева. 2007; Гендер и общество в истории.

³ Репина. 2009. С. 208-223.

⁴ Rewriting women's history...; Sex and gender in historical perspective...; Writing women's history...; Lorber. 1994; Lindsey. 1997; Scott. 1998; Smith. 1998.

ем. В данной статье мы попытаемся осветить вопрос, какую роль сыграл женский фактор в правопреемственности правящих династий в средневековой Сербии на примере династий Неманичей и Хребеляновичей.

В последние годы сербские историки от изучения общих вопросов феодализма обратились к исследованию повседневной жизни. Иллюстрацией этой тенденции может служить труд С. Тирковић «Сербы в средние века»⁵, а также коллективная монография о частной жизни в сербских землях в Средние века⁶. Авторы, в традиции Ж. Дюби, исходили из того, что понятие частного и общественного в Средние века весьма условно. Помимо среды обитания, пищи и кухни, отношения к природе, путешествий, одежды, болезней и их лечения, погребальных обрядов и др., авторы включили в круг рассматриваемых проблем отношение средневековых сербов к женщине. Кроме того, речь идет о духовной жизни средневекового человека: о грамотности и книгах, жизни художников и монахов, отношении к смерти и к тому, что ожидает человека после нее. Отдельные стороны жизни человека в средневековой Сербии рассматриваются и в отдельных статьях⁷. Так, например, вопросы семьи на примере Браничевского дефтера исследованы Мирьяной Бобич⁸.

Особое место в изучении женской истории в сербской научной среде занимает Светлана Томин, профессор средневековой литературы кафедры сербской литературы Философского факультета Университета в г. Нови Сад. Томин написала серию научных статей и монографических трудов о жизни женщин в средневековой Сербии в целом, и об отдельных выдающихся женщинах эпохи, а также ряд рецензий на работы по истории женщин⁹. В своих научных изысканиях С. Томин пишет о наиболее известных женщинах сербской средневековой культуры, уделяет внимание образованности сербских женщин, благотворительности, строительству церквей, государственной и политической активности и т.д. Монографии С. Томин «Книголюбивые женщины сербского Средневековья» и «Мужественные женщины средневековой Сербии»¹⁰, основанные на богатом документальном материале эпохи, посвящены женщинам, принадлежавшим к аристократическим слоям общества, которые «вышли на общественную сцену».

⁵ Тирковић. 1997.

⁶ Приватни живот у српским земљама...

⁷ Тошић. 2003. С. 19–29; 1990. С. 2–58.

⁸ Бобич. 2001.

⁹ См. библиографию ее работ в конце статьи.

¹⁰ *Књиголобљиве жене српског средњег века* (2007); *Мужаствене жене српског средњег века* (2011).

В книге «Книголюбивые женщины сербского Средневековья» Светлана Томин пишет о женщинах высшего круга, отличавшихся культурой и образованностью, путешествовавших и друживших с учёными богословами. В некоторых случаях, именно женщины вели дипломатическую и частную переписку с высокопоставленными лицами из-за рубежа с целью решения сложных политических и матримониальных вопросов. Автор посвящает отдельные главы женщинам-писательницам и приводит в качестве аргументов письменные источники эпохи, делая акцент на женское эпистолярное наследие¹¹. В книге «Мужественные женщины средневековой Сербии» приводятся многочисленные примеры решительной государственной позиции, смелости и активности женщин в сложнейших политических ситуациях в поддержку своих мужей и сыновей. В целом, отмечая актуальность и значимость женской тематики, Светлана Томин подчеркивает, что «напоминание о деятельности известнейших женщин прошлого является аргументом в пользу утверждения, что в течение всего исторического периода Средневековья, женщины, стоявшие у власти, добивались значительных результатов»¹².

Характеризуя источниковедческую базу данного исследования, отметим, что у нас, к сожалению, не было возможности работать в сербских архивах. Основным и базовым источником стали тексты, опубликованные в сборнике «Стари српски родослови и летописи», в который включены сербские летописи, родословцы, хроники. Изучение данной группы документов эпохи позволяет интерпретировать по-новому некоторые аспекты становления господствующих династий. Проследив по летописям историю правящих династий в Сербии, мы обнаружили ряд интересных доказательств относительно высокой социальной активности женщин, а также их роли в государственной и политической деятельности. Для более ясной картины событий, представим фактологический материал в хронологической и логической последовательности.

История сербского государства тесно связана со знаменитой династией Неманичей (серб. Немањићи)¹³, которая правила на протяжении нескольких веков (1151–1371). Основоположником династии считается Стефан I Неманя (1151–1196), с именем которого связано складывание государственности Сербии¹⁴. У Стефана I было шестеро детей, три сына:

¹¹ Томин. 2007. С. 5-47; 2005 (а). С. 75-91.

¹² Томин. 2011. С. 7-27.

¹³ О первых представителях династии сохранились очень скудные и противоречивые сведения. Основными свидетельствами служат византийские письменные источники и сербские летописи, а также «Три жития св. Симеона».

¹⁴ Jelavich. 2000. P. 29.

1. Вук (Вукан) (р.?-†июне 1208); 2. Стефан Первовенчаный (1217–1228); 3. Растко, монах Сава, архиепископ сербский (р.1175–†14 января 1236) и три дочери: 1. Вука (монахиня Ефимия); 2. имя не известно, замужем за царем эфирским, деспотом Мануилом; 3. имя не известно, мать болгарского царя Константина Тиха Асеня (1257–1277)¹⁵. Образ Аны, жены Стефана I Неманя и матери Стефана Первовенчаного находим в *Житију светој Симеона* (1216), в котором отмечалось, что была она «боголюбивая, добродушна, покорна и глубоко предана христианским истинам»¹⁶.

После смерти Стефана I к власти пришел его сын Стефан II, который вначале, как и его отец, был великим жупаном (1196–1217), а затем титулован королем (1217–1228), поэтому вошел в историю как Первовенчаный. Согласно летописи *Додатак к Пајсијеву тексту*: «И роди Стефан Первовенчаный крал д сина: Радослава, Предислава, Владислава, Стефана». От сыновей Стефана II: «Стефан роди Милютина и Драгутина. Милютин роди Стефана Дечанского и Константина. Стефан Дечанский роди Степана и Душана. Царь Степан роди Оуроша; оста лоза бесплодна»¹⁷. До 1371 г. власть переходила от отца к сыну¹⁸, пока не умер Стефан Урош V (1355–1371)¹⁹, последний представитель по мужской линии династии Неманя, единственный сын Стефана Душана (1331–1355) и Елены, дочери деспота Срацимира, сестры болгарского царя Ивана Александра Асена (1331–1371)²⁰. Стефан Урош V был женат на Ане (Анка, Анча), дочери валашского воеводы Александра Басараба. В 1371 г. он умер от ранений после битвы у реки Марицы, не оставив наследников: «Царь Степан роди Оуроша; оста лоза бесплодна»²¹.

Особое внимание привлекает *Додатак к Пајсијеву тексту*, из которого мы узнаем, что династия Неманей получила продолжение благодаря браку Милицы с Лазарем Хребеляновичем. Продолжение династии пошло по другой линии, от другого сына Стефана II Первовенчаного Вука (Вукан) Неманя, дети которого не правили. «Друга грана. Велькан, князь великий, роди Стефана. Стефан Дмитрия, бысть инок. Дмитрий

¹⁵ Родословне таблице... С. 52 (табл. 5).

¹⁶ Стефан Первовенчани, *Житију светој Симеона* (1216) Сабрани списи, приредила Љ. Јухас-Геогиевска, Београд, 1988, С. 66 // *Томин*. 2007. С. 25–26.

¹⁷ Додатак к Пајсијеву тексту // Стари српски родослови и летописи. С. 40.

¹⁸ Стефан Радослав (1228–1234), Стефан Владислав (1234–1243), Стефан Урош I (1243–1276), Стефан Драгутин (1276–1282), Стефан Урош II Милютин (1282–1321), Стефан Урош III Дечанский (1321–1331), Стефан IV Душан (1331–1355), Стефан Урош V (1355–1371).

¹⁹ Стефан Урош V (р.1336/1337–†1371) // Родословне таблице... С. 54 (табл. 7).

²⁰ Родословне таблице... С. 54 (табл. 7).

²¹ Стари српски родослови и летописи. С. 40.

роди сину и дъщерю; Первый Вратко кнезь. Вратко роди Николу жоупана и княгиню Милицу (выделено мной. – Л.З.), выдану бысть князю Лазарю»²². Именно этот отрывок представляет особый интерес, так как летописец упоминает рождение дочерей, чего до этого не писал и особенно обращает внимание на рождение Милицы, которая станет супругой знаменитого Лазаря Хребеляновича, основоположника династии Лазаревичей. Данный супружеский союз станет связующим звеном в продолжение правящей династии. Другой источник эпохи, *Карловачки текст* обращает особое внимание на роль Милицы: «**И по неже прследование племни сръбского конец приеть до последнего Оуруша, и к тому не воста князь въ них, разве Мелицом кнегиномъ сия от рода онога ведеше се, от неюже бысть Стефан деспоть**» (выделено мной. – Л.З.)²³.

Как видно из вышеизложенных документов, автор настоятельно обращает внимание на опасность прерывания династии, «сербского племени **конец**» (выделено мной. – Л.З.), и ничего не пишет о брате Милицы «Николе жупане», а только о последнем представителе правящих князей – «последнего Оуруша». Автор также подчеркивает преемственность и в рождении Милицей сына Стефана: «**Мелицом кнегиномъ сия от рода онога ведеше се, от неюже бысть Стефан деспоть**»²⁴.

В сербской историографии существует мнение²⁵, что последним представителем по линии Стефана Дечаньского также была женщина, его внучка, Мария Ангелина Дукена Палеологина (р.1353/1354–1394), дочь Симиона Уроша Палеолога, царя Фессалии (1359–1372), сводного брата Стефана Душана IV. Симион Урош носил имя Палеологов от имени своей матери, Марии Палеолог, и женат он был на Томаиде, из Палеологов, поэтому его дети носили этот титул. Из троих детей, двух сыновей и одной дочери, только последняя, Мария Ангелина Дукена Палеологина, оставила наследников, сына и дочерей. Дочь умерла в раннем возрасте, а судьба сына неизвестна²⁶.

Вернемся, однако, к судьбе упомянутой выше Милицы. В *Родослове Дмитра жупана*, т.е. отца Милицы, написано: «**Сия же княгиня Милица обручена бысть князю Лазарю светому и великому**»²⁷. Мужем Милицы был знаменитый князь Стефан Хребелянович, (1372 – 15 июня

²² Додатак к Пајсијеву тексту // Стари српски родослови и летописи. С. 40.

²³ Карловачки текст // Стари српски родослови и летописи. С. 41.

²⁴ Стари српски родослови и летописи. С. 41.

²⁵ Шафарик. 1865; Новаковић. 1958; Византијскијски извори... том VI; Ласкарис. 1926; Soulis. 1984; Родословне таблице... С. 61.

²⁶ Родословне таблице... С. 54 (табл. 7).

²⁷ Родослове Дмитра жупана // Стари српски родослови и летописи. С. 50.

1389), герой Косовской битвы²⁸, вошедший в историю Сербии как *обновитель династии*²⁹. Судьба Лазаря представляет определенный интерес. В летописях о нем находим довольно противоречивый материал. Чтобы вознести его как национального героя летописцы прибегали к обоснованию его царского происхождения. В «*Руварчев Оуказь о сръбскихъ царехъ и краলেখъ и деспотехъ и великихъ кнезехъ*» Лазарь упоминается как внебрачный сын Стефана Душана: «*И велики кнезь Лазарь побеже въ волоунскоую землю. И Лазарь не беше от законниѣ царице рождень, на от некторіѣ княгине блoudом роди царь Стефан* (выделено мной. – Л.З.)». Далее летопись повествует: «*потомъ вазврати се вълики князь Лазарь, сын царя Стефана, и бистъ велики князь и господарь васеи земли сръбской и наследник отечества своего. И роди сина Стефана деспота дъщерь великоу Мароу. И велики князь Лазарь браль це са царем тоурским Моуратом... тогда велики князь Лазарь крвѣю венцем вьнча се, и света его глава отсечена бытъ*»³⁰.

Биография князя Лазаря Хребеляновича известна³¹. Родился он в 1329 г. в Прилепцу³². Мать неизвестна, а отец, Прибац Хребелянович (р. ?–†1340), был приближенным Стефана Душана и занимал должности логофета и пахарника. Лазарь тоже начинал карьеру при дворе Стефана Душана³³. Женился он на Милице примерно в 1353 г. Возможно, этот брак был заключен по инициативе Стефана Душана. Милица была внучкой князя Вука, родного брата Стефана Первовенчаного, а Стефан Душан – правнуком Стефана Первовенчаного. Об этом свидетельствуют и другие источники эпохи. В частности, «*Пеђки. Житїа и начелства сръбскихъ господ кои по ким колико царствовали*»³⁴ описывая происхождение Лазаря, пишет, что его родители не были самого высокого княжеского происхождения и не правили страной, но женился он на женщине «*царской крови*»: «*Родители того бѣахоу вельможьѣ, нѣ прѣвы въ полать царствы прѣжде реченныхъ цариц, и саном почтениѣ же, и обладающее въ домохъ царскихъ зрехоу се. Ближикы же въ сѣродствѣ нѣци самодержецемъ бѣахоу, аще якоже прилучает се отдалившее се сълучи се тогда. Жена же того от самыя крѣве царские* (выделено мной. – Л.З.)»³⁵.

²⁸ Цар Лазар и царица Милица... С. 129-134.

²⁹ *Михальчић*. 1975 (а). С. 1-12.

³⁰ Стари српски родослови и летописи. С. 54.

³¹ *Грковић*. 1989. С. 43-45; *Поповић*. 1989. С. 171-183.

³² *Михальчић*. 1975 (б). С. 212.

³³ *Ђоровић*. 1997. С. 433-444.

³⁴ Стари српски родослови и летописи. С. 53.

³⁵ Там же. С. 86.

Аналогичное описание находим и в других повестях³⁶: «Лазарь не бѣше бо от царские крѣве, тѣйю жена его от прѣжде помеоутых царь племень бывши»³⁷. Ђорђе Бранковић в «Хроника Словена Илирика, Горње Мезије и Доње Мезије» также подчеркивает высокое происхождение Милицы: «6885. Велики самодержац кнез Лазар, оженивши се, **узео је жену от рода великаго самодрица Немање Хомилата, именном Милицу** (выделено мной. – Л.З.)»³⁸.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. После смерти бездетных сыновей Стефана Душана, правящая династия находилась в кризисе, так как наследников по мужской линии не было. Милицу, единственную наследницу царских кровей династии Неманичей, необходимо было выдать замуж для продолжения рода правящей династии. При этом важно было подчеркнуть правовую преемственность, поэтому при описании нового правителя Лазаря Хребеляновича (основоположника династии Лазаревичей), все летописи акцентируют внимание на царском происхождении Милицы. Лазарю отводится роль героя и достойного последователя великих сербских правителей: «По сѣх же вѣсѣх **прѣмлетъ начелство благочистивый** (выделено мной. – Л.З.) **кнезь Лазарь ни же сын ни же вѣнок прѣжде реченыхъ царей**»³⁹.

После героической гибели Лазаря Хребеляновича в 1389 г., во время Косовской битвы⁴⁰, Милица правила вместе со своим сыном Стефаном: «и по немь [Лазарю] **приемлютъ начелство сынове его Стефанъ деспоть с матерію своею**»⁴¹. Патриарх Данило III, один из инициаторов переноса мощей Лазаря из церкви Вознесения, в Приштине, в монастырь Раваницу, в своем произведении «Слово о кнезу Лазару» пишет: «после гибели... князя Лазаря... великий плач и рыдания сотвориша... княгиня Мелица»⁴², «была него вдова... Милица умна»⁴³.

От брака князя Лазаря Хребеляновича с княгиней Милицей родилось семеро детей: «**родиши сына в и дщери у: Стефана великаго деспота прьвого срьбскво, и Влька, и Оливъру и Мару и Драгану и Елоу и Тео-**

³⁶ Студеничка повесть // Стари српски родослови и летописи. С. 87.

³⁷ Цетињска повесть // Там же.

³⁸ Бранковић. 1994. С. 40.

³⁹ Пећки. Житїа и начелства срьбских господ кои по ким колико царствовал // Стари српски родослови и летописи. С. 86.

⁴⁰ *Ивић*. 1989. С. 160-162; *Ђоровић*. 1988. С. 27-28.

⁴¹ Пећки. Житїа и начелства... // Стари српски родослови и летописи. С. 88; Студеничка повесть // Там же. С. 89; Цетињска повесть // Там же.

⁴² *Михаљчић*. 1975. С. 209-210.

⁴³ *Руварац*. 1874/1875. С. 108-116; *Трифунувић*. 1968. С. 55; *Михаљчић*. 1975 (б). С. 209-210.

дору. Оба же сына их пребыши бесплодни. Мара же обручена бивши (обещана?) (выделено мной – Л.З.) Вълку Бранковикоу. Оливера Дестина царю Бариту; Драгана наречена бысть Александру царю болгарскому; Елена обручена бысть Балте, по томь Сандалю кралю оугорскому»⁴⁴.

Династия Лазаревичей была представлена следующим образом: Стефан (Високи), родился около 1377 г. После смерти отца с 1389 по 1402 г. правил как князь. С 1402 г., когда Сербия стала *деспотиной*, по 1427 г. правил как *деспот*. В 1405 г. заключил брак с Еленой, дочерью Франческо Гатилузия. Брак оказался бесплодным. Стефан вошел в историю страны как человек образованный, одаренный, покровитель книжности и искусства. Другой сын Лазаря, Вук погиб в 1410 г. и тоже не оставил потомства. Судьбы пятерых дочерей сложились по-разному, но мы подробнее остановимся только на старшей - Маре, которая будет выдана замуж в 1371 г. за Вука Бранковича⁴⁵.

После смерти Стефана Лазаревича, не оставившего потомства, правящая династия Лазаревичей вновь оказалась в кризисе, и ее спасение опять зависело от женщины. Продолжение генофонда царских кровей перешло от матери к дочери. Бездетный Стефан передал власть своему племяннику⁴⁶, рожденному от его сестры Мары и деспота Вука Бранковича: «*Стефан, син кнеза Лазара, будући деспот Мезија и велики самодржац Илирика, преселивши се с овога света без потомства, и будући још у животу* (выделено мной. – Л.З.), *предао је деспотску власт деспоту Ђурђу, свом нећаку по сестри*»⁴⁷. Династия Лазаревичей стала правящей благодаря Милице, единственной представительнице предыдущей правящей династии Неманичей, а ее дочь Мара обеспечила право на престол своему сыну благодаря тому, что она была носительницей правопреемства двух господствующих династий: Неманя–Лазаревич. Таким образом, сын Мары, знаменитый князь и деспот Дюрач Бранкович (1427–1456), стал продолжателем предыдущих господствующих династий и обеспечил роду Бранкович право на правление Сербией. Династия Бранкович ведет свое начало от родов Војиновићей и Младеновићей, великого хумского князя Војислава Војиновића и Витославы Младеновић⁴⁸, и вошла в историю как последняя царская династия средневековой Сербии⁴⁹.

⁴⁴ Стари српски родослови и летописи. С. 50.

⁴⁵ Пурковић. 1957. С. 19; Данић. 1975. С. 219.

⁴⁶ Ђоровић. 1997. С. 74-75.

⁴⁷ Бранковић. 1994. С. 43.

⁴⁸ Михаљчић. 1975. С. 111-112.

⁴⁹ Ђоровић. 1997. Том II. С. 77-95.

Обобщая вышеизложенное, хотелось бы подчеркнуть, что в истории царских династий средневековой Сербии, и, в частности, Неманей-Хребелянович, прослеживаются некоторые специфические черты на фоне общих закономерностей. Сербия не являлась исключением в том, что женщина становилась орудием в решении многих политических проблем. Особую роль в этот период играла «брачная дипломатия», фактически занимавшая одну из ведущих позиций в системе международных отношений средневековой эпохи. Данный элемент имел универсальное значение в европейской истории. «Женский фактор» во многих европейских странах играл ключевую роль в сохранении права династии на престол. И в Сербии, как и в соседней Болгарии, право на престолонаследие часто обосновывалось не только по мужской, но и по женской линии. Как показывают исследования по истории династической преемственности в Сербии XII–XIV вв., хотя женщины не имели прямого права на престол и на власть, именно они служили спасительным звеном в обретении власти мужчинами. Родство с представительницей господствующей династии, было главным аргументом в этом вопросе.

В то же время, в Сербии не было известно такого способа обретения власти, как женитьба на вдове, который широко практиковался в Болгарии. В средневековой Молдове также не было таких случаев и даже не допускались подобные варианты. Статус и положение вдовы (из господарской семьи), порой резко и радикально менялись, от изгнания до убийства. Возможность передачи власти посредством брака вдове не имела силы. В некоторых случаях матери обеспечивали власть своим детям, но форма передачи власти через регентство широко практиковалась и была известна, без исключения, во всех европейских странах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гендер и общество в истории / Под ред. Л.П. Репиной, А.В. Стоговой, А.Г. Суприянович. СПб.: Алетей, 2007.
- Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетей, 2007.
- Репина Л.П. От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте // Диалог со временем. 2007. Вып. 19. С. 5-27.
- Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М.: РОССПЭН, 2002.
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. 2 изд., испр. и доп.. М.: ЛКИ, 2009. 320 с.
- Тирковић С. Срби у средњем веку. Београд, 1997.
- Бобић М. Куће, породице и задруге // Насеља и становништво области Бранковића 1455 годне. Београд, 2001. С. 311–406.
- Ђоровић В. Историја српског народа. Т. I–II. Београд, 1997.
- Ђоровић В. Бој на Косову // Косовска битка. Мит, легенда и стварност. Београд, 1988. Бранковића 1455 годне. Београд, 2001.

- Бранковић Борђе*, Хроника Словена Илирика, Горње Мезије и Доње Мезије, С рунског језика превео и издање приредио Стеван Бугарски. Нови Сад, 1994.
- Византијскији извори за историју народа Југославије. Том VI. Београд, 1971.
- Грковић М.* О именима у породици кнеза Лазара // Свети кнез Лазар. Споменница о шестој стогодишњици Косовског боја 1389-1989. Београд, 1989, С. 43-45.
- Данић М.* Област Бранковића // Прилози за КЈИФ. 26. св. 1-2 (1960) // Михаљчић Р. Крај Српског царства. Београд, 1975. С. 219.
- Ивић М.* Запис о косовском боју // Свети кнез Лазар. Споменница о шестој стогодишњици Косовског боја 1389–1989. Београд, 1989. С. 160-162.
- Ласкарис М.* Византијскији принцезе у средњевијековној Србији. Прилог историји византијско-српских односа од краја XII до средине XV века. Београд, 1926.
- Михаљчић Р.* Кнез Лазар и обнова Српске државе // О кнезу Лазару. Научни скуп у Крушевцу 1971. Београд, 1975 (а), С. 1-12.
- Михаљчић Р.* Крај Српског царства. Београд.: 1975 (б).
- Новаковић Р.* Кад се родно и кад је почео да власта Стеван Немања? // Историјски гласник. № 3-4. Београд, 1958.
- Поповић Д.* Раванички гроб кнеза Лазара // Свети кнез Лазар. Споменница о шестој стогодишњици Косовског боја 1389–1989. Београд, 1989, С. 171-183.
- Приватни живот у српским земљама средњег века. Београд, 2004.
- Пурковић М.* Кћери кнеза Лазара. Мелбурн, 1957.
- Родословне таблице и грбови српских династија и властеле. Друго знатно допуњено и проширено издање. Београд, 1991.
- Руварац И.* Повесна слова о кнезу Лазару, деспоту Стефану Бранковићу и кнезу Стефану Штиљановићу // Летопис МС 117 (1874/1875). С. 108-116.
- Стари српски родослови и летописи. Зборник за историју, језик и књижевност српског српског народа. Прво Одељење. Споменници на српском језику, књига XVI. Средио их Љуб Стојановић Ср., Карловци, 1927.
- Томин С.* Личности средњег века – царица Мара Бранковић // Настава и историја. број 3. година II. нова серија. Нови Сад, 2004. С. 7-17.
- Томин С.* Епистоларна књижевност и жене у српској средњевијековној култури, Презентација радова на међународном пројекту Жанрови српске књижевности – порекло и поетика облика. Филозофски факултет Нови Сад. Србија. Нови Сад. децембар 2004 // Жанрови српске књижевности. Порекло и поетика облика. Зборник. број 2. Нови Сад, 2005 (а). С. 89-99.
- Томин С.* Реконструкција свакодневног живота (Приватни живот у српским земљама средњег века, приредиле Смиља Марјановић-Душанић и Даница Поповић. Београд, 2004) // Летопис Матице српске. год. 181. књ. 475. св. 6 (јун). Нови Сад: Матица српска, 2005 (б). С. 1250-1257.
- Томин С.* Књигољубиве жене српског средњег века. Прилог познавању // Паисиеви четенија. Међународна славистична конференција. Литературознание. Фолклор. Пловдив. Научни трудове. том 44. сб. Б. Пловдив, 2006 (а). С. 91-106.
- Томин С.* О једном мотиву косовске легенде (Јелка Ређеп, Бистру воду замутиле. Свађа Лазаревих кћери. "Пешић и синови". Београд, 2006) // Летопис Матице српске. год. 182. књ. 478. св. 6. Децембар. Нови Сад: 2006, (б) С. 1226-1229.
- Томин С.* Perceptions of Women in Serbian Medieval Literature // Studi sull'Oriente Cristiano 10. 2. Roma, 2006 (в). Р. 75-99.
- Томин С.* Књигољубиве жене српског средњег века. Нови Сад: Академска књига, 2007 (а).

- Томин С. Владика Максим Бранковић. Нови Сад: Платонеум, 2007 (б).
- Томин С. Женски ликови у Доментијановом Житију светог Саве // Митолошки зборник. 18. Центар за митолошке студије Србије. Рача-Београд, 2008. С. 81-92.
- Томин С. Сексуалност и друштво као славистичка тема (Ив Левин, Сексуалност и друштво код православних Словена од X до XVIII века) // Зборник Матице српске за књижевност и језик. књ. 56. св. 3. Нови Сад, 2008. С. 710-714.
- Томин С. Мотив оклеветаног младића. Прилог представљању зле жене у књижевности // Међународни научни скуп Бањалучки новембарски сусрети. Наука, култура и идеологија. Филозофски факултет у Бањалуци. Књига 9. т. I. Бањалука: 2009. С. 107-116.
- Томин С. Деспотица и монахиња Ангелина Бранковић – света мајка Ангелина, Нови Сад: Платонеум, 2009.
- Томин С. Glas "druge strane" (Vladislav Đorđević: Prednosti žena, Dereta, Beograd: 2007) // Polja. № 458. jul/avgust. Novi Sad: 2009. P. 185-187.
- Томин С. Мужаствене жене српског средњег века. Нови Сад, Академска књига, 2011.
- Тошић Ђ. Земљорадња у средњовековној жупи Требиње // Годишњак Друштва историјара Босне и Херцеговине. Год XL–XLI. Сарајево, 1990. С. 2–58.
- Тошић Ђ. Живот у средњовековном селу требињског краја // Српско село. Могућности и даљи правци истраживања. Београд, 2003. С. 19–29.
- Трифунувић Ђ. Српски средњовековни списи о кнезу Лазару и Косовском боју. Крушевац, 1968.
- Шафарик П. Историја српске књижевности. Прага, 1865.
- Цар Лазар и царица Милица // Косовска битка. Мит, легенда и стварност, Београд, 1988. С. 129-134.
- Gender, Ideology, and Action: Historical Perspectives on Women's Public Lives. Ed. by J. Sharistanian. New York, 1986.
- Jelavich B. Istoria Balcanilor. Secolele al XVIII și al XIX-lea. Tom I. Iași, 2000.
- Landers J. Women and the Public Sphere: A Modern Perspective // Social Analysis. 1984. Vol. 15. № 4. С. 20-31.
- Lindsey L. Gender roles. A Sociological Perspective. London, 1997.
- Lorber J. Paradoxes of Gender. New Haven; London, 1994.
- Rewriting women's history. Changing perceptions of the role of women in politics and society. Ed by S. J. Kleinberg. Berg, 1988.
- Sanday P.R. Female power and male dominance: On origins of sexual inequality. Cambridge, 1981.
- Scott John W. Gender. A useful Category of Historical Analysis // Robert Schoemaker, Mary Vinsent (coord.). Gender and History in Western Europe. London, 1998.
- Sex and gender in historical perspective. Ed. by E. Muir, G. Ruggiero. Baltimore, 1990.
- Smith B.G. The Gender of History. Men, women and historical practice. Cambridge (Mass); London, 1998.
- Soulis G. The Serbs and Bizantium during the reign of Tsar Stephen Dušan (1331–1355) and his sucesors. Dumbarton Oaks, 1984.
- Women and power in the Middle Ages. Ed. by M. Erler and M. Kowalewski. Athens, 1988.
- Writing women's history. International perspectives. Ed. by K. Offen. Bloomington, 1991.
- Заболотная Лилија Павловна, ведуций научный сотрудник Института истории АН Молдовы, г. Кишинев; lilia_zabolotnaia2000@yahoo.com*

М. И. КОЗЛОВА

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТИ ЕКАТЕРИНЫ II НА ОСМЫСЛЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. А. ЭМИНА И М. М. ЩЕРБАКОВА

В статье говорится о возрастании роли женщины в XVIII в. Доминирование феминности в большей степени проявило себя при Екатерине II. Представители интеллектуальной элиты, историописатели М.М. Щербатов и Ф.А. Эмин, адаптируясь к новым условиям, стали осмысливать гендерную идентичность в своих сочинениях и пришли к выводу, что наделенная многими отрицательными качествами Екатерина не может доминировать над мужчинами не только в политической, но и в социокультурной сфере, она показывает недостойный пример российским женщинам.

Ключевые слова: *Ф. А. Эмин, М. М. Щербатов, Екатерина II, феминность, маскулинность, гендерная идентичность, гендерная инверсия.*

Реформирование Петром I социокультурных и политических граней российской действительности привело к изменениям в традиционных для XVIII века гендерных ролевых распределениях, к усилению значения женской индивидуальности¹. Утрата регулятора гендерной самоидентификации инициировала появление новых нормативных установок, определяющих феминность и маскулинность. Дисбаланс в сформированном порядке поведения мужчин и женщин в большей степени проявился в екатерининскую эпоху: «столетиями воспроизводившаяся тендерная иерархия», обретавшая основу «в процессе гендерной социализации и достижения гендерного консенсуса»², стала терять равновесие, возник ролевой конфликт между женщиной у власти и приближенными к ней мужчинами. Доминирование феминности в политической сфере привело к тому, что мужчины, представители интеллектуальной элиты, историописатели XVIII века кн. Михаил Михайлович Щербатов и Федор Алек-

¹ Н.Л. Пушкарева пишет, что «ломка традиционных представлений о женщине, ее правах, роли, значимости и месте в семье происходила одновременно с первыми шагами по реформированию повседневного быта верхушки российского общества» (Пушкарева. 2012. С. 6.). А по мысли Л.К. Ильинского, «русская женщина долго жила замкнуто; ее жизнь была заключена в тесном круге домашних идей, хозяйственных интересов, ее мысль не перелетала через частокол своего дома... Переносясь в круг идей европейской жизни по манию руки преобразователя, она, конечно, не могла справиться с новым потоком идей, интересов: старое, веками нажитое, слишком живуче. Пришлось ограничиться в силу исторической необходимости лишь внешностью. Под высокими прическами, в новых модных платьях еще удивительно долго жила эта "бабушкина мораль"» (Ильинский. 1914. С. 1).

² Ретина. 2002. С. 17.

сандрович Эмин, адаптируясь к новым условиям, стали осмысливать гендерную идентичность в своих сочинениях³.

Процесс самоидентификации Эмина начался с литературной полемики, в ходе которой он в жесткой форме высказывал мнение о своем окружении, «...и активно, иногда даже озлобленно принимал участие в боях социально-литературных группировок в течение всей своей короткой писательской деятельности. Дрался он со многими писателями разных групп...»⁴, но не допускал негативных оценок личности или политики Екатерины II⁵. Его противоборство с «просвещенной императрицей» началось с ее ответа в журнале «Всякая всячина» на стремление Эмина выпускать журнал «Адская почта или курьер из ада»⁶. Екатерина II пишет некоему Б.. Корректору, что недостойно печатать злословия и надо изменить название своего издания, переписка с бесами оттолкнет женскую читательскую аудиторию: «Письмо подписанное Б.. Корректор не выйдет из печати. Первое для того, что женщинам бы многим приключиться могли разные болезни, если бы сведали, с кем сей человек в переписке. Второе и для того, что публике не весело было бы слушать или читать ссоры и споры между сочинителями и издателями; а в сем письме к тому матерія есть. Совет же наш переменить заглавие обещаемаго новаго издания; а то от страха многие не купят, боясь одного имени»⁷.

Изданная несмотря на неодобрение Екатерины «Адская почта...» (1769), в которой под пристальным сатирическим взглядом стала рассматриваться действительность екатерининской эпохи⁸, начинается с от-

³ По словам Б. Мишан-Вотерс, власть манит, то притягивая, то отталкивая. Если у власти находится женщина, то двойственность и противоречия становятся еще сложнее. Такая амбивалентность – основа работ о правлении Екатерины II, составляемых в течение всей ее жизни. (Мишан-Вотерс. 1975. Р. 293).

⁴ Гужовский. 1940. С. 77.

⁵ В XVIII в. особое значение приобрело изучение прошлого своего государства, актуализировалась «историографическая культура, тесно связанная с общественным сознанием и выполнявшая практические задачи конструирования национального прошлого, а также контроля над национальной памятью» (Маловичко. 2011. С. 370). Отметим, что в своей ««Российской истории жизни всех древних от самого начала России государей» Эмин ориентировался в первую очередь на государственные интенции.

⁶ Стремление императрицы казаться «просвещенной» способствовало возникновению журналов, в которых представители интеллектуальной элиты выражали свое отношение к современным им явлениям. «Екатерина понимала, что – по крайней мере на первых порах – ей необходимо считаться с мнением и интересами влиятельной более передовой части общества, главным образом с культурным дворянством, оказывавшим значительное воздействие на другие слои населения» (Берков. 1952. С. 156).

⁷ Всякая всячина. [1769]. С. 128.

⁸ По характеру своей сатиры «Адская почта...» «отличается от других журналов того времени. Здесь скорее даже не сатира, а "хроника скандалов", "непристой-

вета Эмина Госпоже Всякой всячине. Он пишет в саркастической форме, что именно ее правление способствовало появлению большого количества бесов и что женщин они не пугают: «В честь вашу должен я сказать, что для меня вы нечто чрезвычайное потому, что от всех двенадцати иудейских древних колен в толь краткое время не произошло столько племени, сколько родилось от вашего. Бесы мои вам же должныствуют своим рождением; ибо без вас и их бы не было. Вы меня увещевали, что бы я имя бесов применил в другое, утверждая, что такое заглавие и женщинам будет противно, и произведят во всех отвращение от покупки сих листов. Смею вам почтенная Госпожа сказать, что бесы много чрез женский пол пользы имеющие, нежность их знающие и во всю их внутренность больше и лучше нежели люди, по своему бесовскому свойству, вникать умеющие, не назвали бы своим собственным именем, естли бы оно женскому полу было противно. Вы изволите знать, что ныне обыкновенно женщины, ежели кого хитраго или перед ними вертящагося захотят понежить, говорят: *какой ты бес!* И так имя сие не будет им не ужасом ни редкостью»⁹.

В результате важное место в «Адской почте...», издании, которое с современной точки зрения трудно назвать журналом («оно полностью... состоит из "трудов", как говорили в XVIII в., одного только лица, именно Ф.А. Эмина; оно представляет собой "переписку" двух бесов, Кривого и Хромононого...»¹⁰), занимает понимание феминности, определение места мужчины в государстве, где управляет женщина («муж жену сажает по правую руку, и что женщинам дается пред мужчинами преимущество»¹¹). В «Адской почте...» подчеркивается, что в социокультурной сфере особую значимость имеет женская натура: «...человеческая натура весьма к женщинам склонна», и от женщин «человеческое щастие и нещастие зависит. Не знаю как то по природе, или по справедливости природы, дети с маленька больше матерей, нежели отцов любят»¹².

В судьбе М.М. Щербатова Екатерина II также сыграла важную роль и оказала существенное влияние на формирование его ценностных установок. Известно, что в 1767 г. он стал преемником Г.Ф. Миллера в должности российского историографа. В «Истории российской с древнейших

ная" и "вольная" хроника петербургских скандалов, иногда литературный, иногда семейно-бытовых, но почти всегда отдающих конкретностью, с более или менее определяемыми "героями"...)» (Берков. 1952. С. 262.).

⁹ Эмин. 1769. С. 3-4.

¹⁰ Берков. 1952. С. 258-259.

¹¹ Эмин. 1788. С. 14.

¹² Эмин. 1763. С. 248-249.

времен» Щербатова Екатерина II предстает идеальной монархиней, мудро управляющей государством: «...я тшусь без лести описать дела такого государя, который всю жизнь свою уподобляет делать счастливыми подверженные под власть его народы; снисходить с высоты престола своего, чтобы плачущих слезы отирать»¹³. Но его сочинение «О повреждении нравов в России» (написано в 1786/1787 г., а опубликовано спустя 70 лет после его смерти), раскрывает истинную общественно-политическую и нравственную позицию автора, его мнение о роли женщин-правительниц в России: «И тако разврат в женских нравах, угождение государю, всякаго роду роскошь, и пьянство составляло отличительныя и умоначертания двора, а оттуда они уже некоторорые разлилися и на другие состояния людей, в царствование Императрицы Елисаветы Петровны, а другія разливаться начали, когда супруга сего Петра Третьяго, рожденная Принцесса Ангальтъ-Цербская Екатерина Алексеевна, взошла с низвержением его, на российскій престол»¹⁴, «женский пол обыкновенно более склонен к роскоши нежели мужеский, замечает Щербатов»¹⁵, а о Екатерине II – «...Императрица, яко самолюбивая женщина, не только примерами своими, но и самым ободрением пороков является – желает их силу умножить; она славолюбива и пышна, то любить лесть и подобострастие»¹⁶.

Итак, по мнению мужчин-представителей интеллектуальной элиты эпохи, отклоняющееся от норм поведение Екатерины II привело к распущенности большинства российских женщин XVIII века.

Отклонение проявлялось уже во внешнем облике женщины века Екатерины. Как известно, особый смысл раскрытию женственности придает красота, эстетичность и гармоничность, как подтверждение сочетания телесно-духовного. Физическая привлекательность женщины, возведенная до социокультурной ценности, позволяет определять модели поведения мужчин. Эмин предостерегал, что существуют способы создавать иллюзию очарования женщины: «Видел ли ты в Афинах наших женщин которые белые лица черными пестрят мушками? Они думая, что черное на белом хорошо, надеются тем способом прибавить себе красоты, тоже могли бы зделить и Ефиопские женщины налепя на черную свою рожу белых лоскутков, и почитаться за красавиц»¹⁷. Он отмечает,

¹³ Щербатов М.М. 1898. Стлб. 68.

¹⁴ Щербатов М.М. 1858. С. 79.

¹⁵ Иконников В.С. 1874. С. 78.

¹⁶ Щербатов М.М. 1858. С. 83.

¹⁷ Эмин. 1763. С. 16. Ср.: «Счастье весьма переменчиво, оно подобно белилам или румянам, которые человеческое украшают лицо, но весьма скоро могут сойти» (Эмин. 1763. С. 12.).

что даже «старые барыни» ими пользуются, чтобы стать притягательными для мужчин: «Она уверяла многих, что ей двадцать пятой год лишь только начался, и что наскучив быть вдовою, хочет выйти за муж. Здесь некоторые старые барыни, могут думать, что им можно пленять любовию прекрасного юношу. Дама всегда седые свои волосы черною помадою от знаков старости избавляет; перевязка, которою она волосы крепко натягивает, сглаживает борозды ея чела, а белила с румянами на старом лице делают изрядную молодую маску»¹⁸. Эту тему развивает и Щербатов в своей работе: «Хотя при поздних летах ея возрасту, хотя седины покрывают уже ея голову и время нерушимыми чертами означило старость на челе ея, но еще не уменьшается в ней любострастие»¹⁹.

Естественная женская красота важна и для проявления эмоциональной чувствительности к ней мужчины. Эмин подчеркивает, когда женщина не ценит свое природное начало, заботится о материальном обогащении, о чувственных удовольствиях, а не о духовном совершенстве, ее привлекательность в глазах мужчин утрачивается. Для привлечения внимания к этой проблеме и для придания своему тексту большей выразительности автор «Адской почты...» использовал сюжеты и образы запоминающихся античных персонажей. Он противопоставляет эриннию Мегеру из древнегреческой мифологии древнеримским Грациям, отождествляемым с лучшими проявлениями феминности: «Уведомляю тебя о щастии старой, безносой и злобной Пальмены. Ты видел ее, как лицом гнусна, когда у вас была в городе; но имеет трех прекрасных дочерей. Пальмена каждый день с ними разъезжает по городу; тогда она подобна Мегере между тремя Грациями»²⁰. Неверный образ жизни женщины превращает ее из прекрасной Венеры в эриннию Тисифону. «Когда она наряжается в своем кабинете, что меньше шести часов никогда не бывает, то дочери ея забавляются с своими обожателями; но жаль что излишно вольная сих красавиц жизнь, а особливо старшей Пальмениной дочери, превратит их из Венер в Тизифоны, ибо и мать их с молоду была такая же красавица как и оне: но после безпримерная роскошь и неистовая жизнь доставила ей болезнь Богини красоты и приятностей, которая как ты видел лице ея испортила. Я предвижу, что и дочерям тудаже дорога; ибо красота не на долго служит, естли кто ее весьма рано и безвременно употреблять начнет»²¹.

¹⁸ Эмин. 1788. С. 61.

¹⁹ Щербатов. 1858. С. 85-86.

²⁰ Эмин. 1788. С. 190.

²¹ Эмин Ф.А. 1788. С. 191.

Если физическое совершенство женщины, представленное в работах Ф.А. Эмина и М.М. Щербатова фальшиво, возникает сомнение в ее превосходстве над мужчиной в социально-психологическом аспекте. Автор «Адской почты...» обращает внимание на гендерную инверсию, проявившуюся в нарушении семейно-брачных устоев. По его мысли, женщина в отличие от мужчины не выполняет своей социальной роли в приватной сфере, она утратила духовность, не является женой достойной своего мужа, нарушает супружескую верность: «На конец влюбился в Климену, девицу честную женою быть охоты не имеющую. У него был служитель Петр, который узнав, что Климена плоды любви делит с Дорантом, старался уговорить на то своего барина, чтоб прекратил знакомство с Клименою; но сколько Петр барину своему о неверности его любовницы ни твердил, однако Лизандр не веря ему, вознамерился на ней жениться, утверждая, что Климена неверною быть не может, потому что она разов десять уже в вечной верности ему чинила присягу»²².

У Эмина мужчина выглядит безхитростным – женщины кажутся ему невинными «весталками»: «Он страстно влюбился в Амаранту, девицу семнадцати лет, дочь Майора.. Сия красавица так скромна всегда была в своем доме, что все считали за одну из девиц Вестальских издревле в Риме целомудрием своим славных»²³. А на самом деле женская духовная чистота не безукоризненна: «Зелинт спросит своего друга: когда он сделался знаком с сей красавицей, и как может с нею так вольно разговаривать? Он ему ответствовал, что сия девушка многим знакома; что с маскерада не раз с своими приятелями ездила для отдохновения от танцов»²⁴.

В XVIII в. женщины стали показывать большую искушенность в сексуальных вопросах, инициатором интимных вольностей была Екатерина II, продемонстрировавшая легкость в отношениях с фаворитами: «К коликому разврату нравов женских и всей стыдливости – пример ея множества имения любовников, един другому часто наследующих, а равно почетных и корыстями снабженных, обнародывая через сие причину их щастія, подал другим женщинам. Видя храм сему пороку сооруженный в сердце Императрицы, едва ли за порок себе считают ей подражать; но паче мною почитает каждая себе в добродетель, что еще

²² Эмин. 1788. С. 30. Ср.: «Ему сказали при мне, для чего он не унимает своей жены, которая в один день по всем домам в городе облетает? Он отвечал: естли бы моя жена ходила каждый день по всем домам, как ты говоришь, то сего была бы и в моем; а я уже с неделю ее не вижу. Сей Прокурор весьма разумен, или по крайней мере счастлив, что о том, чего переменить не можно, не беспокоится» (Там же. С. 41.).

²³ Эмин. 1788. С. 184.

²⁴ Там же. С. 184-185.

столько любовников непеременила»²⁵. Поэтому в этот период символические границы между маскулинностью и феминностью стали элиминироваться. Эмин указывает и на то, что женщины могут доминировать в интимных отношениях, «приказывать» мужчине следовать за ней в «покою»: «Галлимед, здесь славный судья, женился, года за два, на кокетке Пулхерии. Она на кануне своей свадьбы ночевала у некоторого Офицера здешняго полку: а девка ея объявила, что она в бане, в чем не ошиблась; ибо она у молодого Офицера была в изрядных испаринах. Недавно она у своего мужа выпросилась к своей матушке в деревню; но вместо того поехала в город, в котором есть изрядный, постоялый дом. Офицер ей понравившийся, по ея приказу туда же последовал, и в постоялом доме нанял два покоя, в которых жил с сей госпожею»²⁶.

Женщины в «Адской почте...» не следуют советам, не берегут себя, становятся доступными и их невинность может быть украдена как золотое руно Ясоном: «С нею жила прекрасная Флоринда, дочь ея, которой добродетель недавно исчезла, хотя мать всегда ее не худому учила и часто говорила: будь целомудренна, девушка, и будь чиста яко Ангел; однако что в нравоучении, когда учительской жизни пример оному не соответствует? Хотя, говорю, мать берегла ее и от яснаго солнышка, и никогда ее и на шаг от себя не отпускала; однако теперь в свете много Ясонов, и что она и стоглазным своим смотрением прекрасного дочернина золотого руна сберечь не могла, и оно вдруг совсем пропало»²⁷.

Эмин критикует стремление женщин к обогащению. Алчность, по его мысли, делает целомудренную Диану чувственной Венерой: деньги «и добродетельную Данаю привели во искушение: золотой дождь то учинил, к чему ничто иное достигь не могло. Они Диану превратили в Венеру: они разумом глупостию, а глупость разумом творят»²⁸. Он ассоциировал сюжет античных мифов, по которому Зевс в виде золотого дождя проник к заточенной отцом Данае, с деньгами.

Эмин показывает также результаты просвещения женщины, в «Адской почте...» она предстает невежественной и высокомерной: «она презирует всех тех лучших и знатнейших в городе юношей, кои объявляют ей свою любовь, а любит своего соседа, который всегда говорит с нею о науках; ибо она весьма ученую женщину сама себя почитает, записывает острые слова, и сама оные выдумывает так, что хочет из них составить лексикон приятных и остроуманных речений. Она безпре-

²⁵ *Щербато*. 1858. С. 85.

²⁶ Там же. С. 89-90.

²⁷ Там же. С. 265-257.

²⁸ Там же. С. 99-100.

станно говорит о Математике и Астрономии, держит почти всегда в руках Ефемериды и смеется думающим, что земля около солнца вертится, утверждая, что сходнее бегать солнцу нежели земле²⁹.

Образ женщины, которая «весьма ученую женщину сама себя почитает» вызывает ассоциации с Екатериной II. За намеки на личности «Адская почта...» дважды подвергалась цензурному преследованию, причем второй раз почти через 20 лет после смерти автора. Д.Д. Шамрай исследовал предуведомление 1769 г. и отдельные письма, не вошедшие в переиздание 1788 года, и убедился, «что этими пропусками было снято все, что так или иначе касалось Екатерины II как личности и как писательницы, или даже, например, ее взаимоотношений с Вольтером»³⁰.

Щербатов приходит к выводу, что женщины в отличие от мужчин имеют больше отрицательных черт, поэтому первые более склонны к самовластному правлению: «Общим образом сказать, что жены более имеют склонности к самовластїю, нежели мужчины; о сей же с справедливостью можно уверить, что она наипаче в сем случае есть из жен жена. Ничто ей не может быть досаднее, как то, когда докладывая ей по каким делам, в сопротивление воли ея, законы поставляют, и тотчас ответ от нее вылетает; к разве я немогу, невзирая на законы сего учинить»³¹. Продолжая свою мысль Щербатов отмечает, что женщина, даже с хорошим воспитанием, образованием, обладая положительными личными качествами не может управлять государством: «Не можно сказать, чтобы она не была качествами достойна править толь великой Империей, естли женщина возможет поднять сіе иго, и естли одних качеств довольно для сего вышняго сану. Одарена довольной красотой, умна, обходительна, великодушна и сострадательна по системе, славолюбива, трудолюбива по славолюбию, бережлива, предъ-прїятельна и некое чтение имеющая»³².

По мнению Эмина, женщина должна не руководить («где бес не может, туда бабу пошлет»³³), а подчиняться мужчине, она может самореализоваться исключительно в браке: «Безпрестанная тоска меня мучит; всякой час чего то мне не достает, и когда совесть свою излелываю в том, чего она желает, то кажется мне, что желает мужа. Теперь я старицам всегда о том твержу, что нет на свете женщины щастливее той, которая с мужем живет хорошо»³⁴.

²⁹ Щербатов. 1858. С. 62-63.

³⁰ Шамрай. 1958. С. 201.

³¹ Щербатов. 1858. С. 87.

³² Там же. С. 79.

³³ Эмин. 1788. С. 39.

³⁴ Там же. С. 11.

Мужчина в «Адской почте...» стал выступать главным гарантом сохранения семьи. Автор показывает мужа милосердным, ответственным и обращающимся с неверной женой, как мудрый Сократ с Ксантиппой. Как известно, сведения о сварливом характере Ксантиппы восходят к ученику Сократа, к Ксенофону. Античный автор объяснял, почему Сократ жил с такой женой: «Если таково твое мнение, Сократ, то как же ты не воспитываешь Ксантиппу, а живешь с женщиной, сварливее которой ни одной нет на свете, да, думаю, не было и не будет? Потому, – отвечал Сократ, – что и люди, желающие стать хорошими наездниками, как я вижу, берут себе лошадей не самых смиренных, а горячих: они думают, что если сумеют укрощать таких, то легко справятся со всеми. Вот и я, желая быть в общении с людьми, взял ее себе в том убеждении, что если буду переносить ее, то мне легко будет иметь дело со всеми людьми» (Ксенофонт. Пир. II. 10). Отметим, что в «Адской почте...» есть и примеры недостойных мужчин, например, часто встречается сюжет о муже, который намного старше своей жены: «Знаешь ли, что женился Пиромей на Урании прекрасной, семнадцати лет девице?»³⁵, «... а старик молодую жену имеющий, похож верхом головы на козла»³⁶. Такие мужья, по мнению автора, будут носить на своей голове «рог изобилия». И римская богиня Помона, которая ассоциировалась с супружеской верностью, у Эмина символизирует измену: «Вот к чему служит ревнование судьи почти всякий день беспокоящегося, и почти повседневно герб богини Помоны, с которым ее пишут, на голове носящего?»³⁷.

Примеры женского коварства встречаются на протяжении всей переписки Кривого и Хромоногого бесов. По словам Эмина, «барыни» не боятся бесов и легко вступают с ними в беседу: «мы бесы скорее можем испугавшихся барынь освобождать от робости, нежели простосердечные и смиренные люди, то не много мне стоило труда укрепить сей прекрасной старицы сердце так, что она со мной стала разговаривать»³⁸. Но в тексте «Адской почты...» есть описание женщин, которое удовлетворяет представлениям автора об идеале: «Что же касается до супруги его, то ты сам знаешь, что она весьма добрый человек; душа ея исполнена человеколюбием; она чужое нещастие так чувствует, как бы оно было ея, и всем по своей возможности помогать старается. Ежели есть за нею порок, то разве тот, что она человек откровенный, по своему чистосердию всем верит, а

³⁵ Там же. С. 123.

³⁶ Там же. С. 127.

³⁷ Там же. С. 44.

³⁸ Там же. С. 8.

ныне добродетель в притворстве; кто и худое тайно делает, тот человек разумный»³⁹. Но примеры образцовых жен немногочисленны.

Таким образом, М.М. Щербатов и Ф.А. Эмин приходят к выводу, что наделенная многими отрицательными качествами Екатерина II показывает недостойный пример российским женщинам. По мнению историописателей, сущность феминности наполняется положительным содержанием только при ограничении и контроле ее мужчиной, который в екатерининскую эпоху стал утрачивать эту возможность, в результате обострилась проблема гендерной инверсии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII века. М.-Л., 1952. Всякая всячина. [1769]. 47. С. 128.
- Гуковский Г.А.* Эмин и Сумароков // XVIII век. М.-Л., 1940. Вып.2.
- Иконников В.С.* Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нея. Сравнительно-исторический очерк. Киев, 1874.
- Ильинский Л.К.* Русская женщина XVIII в. в литературных мечтах и действительности. Казань, 1914.
- Маловичко С.И.* Конструирование социально-политической истории Древней Руси в историописании Екатерины II // Русские древности: К 75-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб., 2011.
- Мишан-Вотерс Б.* Екатерина Великая и проблемы женского правления // Russian Review. 1975. Vol. 34. Jul. No. 3.
- Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины XVIII века. М., 2012.
- Репина Л.П.* Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002.
- Шамрай Д.Д.* К истории цензурного режима Екатерины II // XVIII век. М.-Л., 1958. Вып. 3.
- Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России // О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. London. 1858.
- Щербатов М.М.* План истории Ея Императорского Величества славно царствующей над нами императрицы Екатерины II // Щербатов М.М. Сочинения. Т. 2. Статьи историко-политические и философские. СПб., 1898.
- Эмин Ф.А.* Адская почта или курьер из ада. СПб., 1788.
- Эмин Ф.А.* Адская почта, или переписка Храмоногаго беса с кривым. 1769. Июль.
- Эмин Ф.А.* Приключения Фемистокла и разныя политические, гражданския, философическая, физическая, и военные его с сыном своим разговоры; постоянная жестокость Фортуны его гонящей. СПб., 1763.
- Козлова Мария Игоревна**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента сервиса Сыктывкарского государственного университета; drowing-psyche@yandex.ru.

³⁹ Эмин. С. 131.

Е. А. БУГЫНИНА

«THE TOWN & COUNTRY MAGAZINE» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ XVIII ВЕКА

В статье рассматриваются материалы, опубликованные в журнале *The Town & Country Magazine*, издававшемся с 1769 по 1796 год, как ценный источник для изучения гендерных представлений и стереотипов, распространенных в определенных слоях английского общества последней трети XVIII столетия.

Ключевые слова: “*The Town & Country Magazine*”, пресса XVIII века, гендерные представления, культура “*celebrity*”.

Существует немало обобщающих работ, которые суммируют исследования в области гендерной истории за довольно большой промежуток времени отрезок, однако практически отсутствуют специальные исследования по истории гендерных представлений в Англии последней трети XVIII века. Между тем этот период представляет в этом плане особый интерес, поскольку уже существуют массовые периодические издания, предназначенные для семейного и женского чтения, которые играли значимую роль в формировании представлений о взаимоотношениях полов и семейных ценностях¹, одно из них, если приводить его полное название, – *The Young Gentleman’s and Lady’s Magazine, Or, Universal Repository of Knowledge, Instruction, and Entertainment. A Magazine for youth of both sexes. To Parents, Governesses and Schoolmasters*².

На протяжении XVIII столетия читательская аудитория журналов становилась всё более сегментированной, появлялись издания, адресованные юношам, девушкам, леди, различным религиозным группам и т.д., поскольку интерес к печатной продукции всё возрастал, и читающая публика становилась всё более многочисленной, грамотной и осведомленной. Журналы в основном были ориентированы на образованных читателей, принадлежащих высшему сословию, о чем говорят и опубликованные в них материалы. К примеру, в журнале *The Gentleman and Lady’s Miscellany* присутствуют достаточно сложные математические

¹ Например, такие популярные издания, как *The Young Gentleman’s and Lady’s Magazine*, *The Gentleman and Lady’s Miscellany* and *The Lady’s Poetical Magazine*, *The Spectator*, *The Gentleman’s Magazine*. См. о них: Moore. 2009.

² В целом, материалы этого журнала не попадали в фокус внимания исследователей. Можно сослаться лишь на отсылку к одной из его постоянных рубрик в статье: McCreery. 1991. С. 208.

задачи, которые под силу решить только людям, имеющим соответствующее образование. Женщины в основном присылали ответы на головоломки и загадки, а также писали стихи. Читатели того времени очень ценили свободу слова и практически полное отсутствие цензуры³.

Почти в одно время с тем, как парламент ограничил власть монархии, закон о лицензировании практически потерял свою силу. Это означало, что теперь почти каждый мог начать издательский бизнес и не удивительно, что в период с 1690 по 1780 гг. число газет, печатаемых ежегодно, увеличивается с менее миллиона до 14 млн – намного быстрее роста населения Великобритании. Создаются новые формы печатных изданий (например, провинциальные и воскресные газеты). Суммарный годовой оборот прессы в 1713 г. насчитывал 2,4 млн.; 7,3 млн. экземпляров газет издавалось в 1750 г., 12,6 млн. в 1775 г. и 16 млн. в 1801 г. В 1712 г. в Лондоне издавались 12 газет, в 1811 г. их было 52⁴.

За клевету больше не следовало никакого наказания, и теперь можно было напечатать практически все о ком угодно, хотя определенная осторожность все же проявлялась, когда дело касалось короны или институтов власти. В 1750-е гг. общественные деятели обычно указывались в прессе в виде инициалов их имен или званий, в то время как король – просто как «некая знатная особа» или «очень знатная особа». И теперь не было такой сплетни или клеветы, которую нельзя было бы напечатать, никакое обвинение не нужно было подтверждать⁵.

Газеты и журналы выходили ежедневно, еженедельно и ежемесячно как в самой Англии, так и в колониях. Для читателей конца XVIII века эти печатные издания были важным источником новостей, развлечения и информации. Особой популярностью среди журналов пользовались *The Gentleman's Magazine*, *The Universal Magazine*, *The Lady's Magazine*, *The Observer*, *The London Magazine*, *The Town and Country magazine*. *The Gentleman's Magazine*, например, был ежемесячным дайджестом новостей и различных комментариев практически на любые темы, которые могли бы заинтересовать образованного читателя, от цен на сырье до латинской поэзии. А *The Lady's Magazine* был модным изданием, первым журналом, созданным именно для женщин. Кроме того, существовали более дешевые издания как, например, «Самые знаменитые куртизанки», которые предназначались для рабочего класса – посудомоек или домработниц, хотя представители джентри также не гнушались вкусить запретное удо-

³ Moore. 2009. С. 99.

⁴ Black. 1986.

⁵ Tillyard. 2005.

вольствие от чтения подобных вещей. Эти брошюры на дешевой бумаге пестрели историями о благородных дамах, опозоривших себя на публике, завлекали читателей сенсационными заголовками вроде «История Бетти Болейн, Кентерберийской скряги», всё это сопровождалось грубыми рисунками, изображающими распутных дам на разных стадиях их падения⁶.

The Town and Country Magazine приобрел популярность за счет публикации материалов, касающихся частной жизни высокопоставленных особ, в частности адюльтера. В журнале публиковались материалы на различные темы, начиная от статей о политических событиях и заканчивая математическими задачами и стихами. Хотя, конечно, основным направлением журнала все же были скандальные истории, в основном о любвеобильных аристократах и их содержанках.

Исследуя материалы источника очень важно помнить о культурном контексте времени, чтобы верно интерпретировать те или иные явления, упоминаемые в текстах. Такие издания как *The town and country magazine* были частью особой культуры в английской прессе, пик развития которой пришелся на последнюю треть XVIII века, – культурой *celebrity*. Можно сказать, что сегодняшние издания, посвященные скандальным подробностям жизни знаменитостей, уходят корнями как раз в XVIII век, когда интерес публики к частной жизни знаменитых людей особенно возрастает. Появляется масса изданий, готовых писать о знаменитостях. Поскольку члены высшего общества вступали в брак в основном по расчету, а не по любви, то интриги и романы были обычным делом и являлись благодатной почвой для сплетен и газетных сенсаций.

Джерри Уайт в своей статье «London's first celebrities» так описывает это время: «Это не был век телевидения, кино и социальных сетей, однако это не мешало знаменитостям быть узнаваемыми на улицах и в публичных местах – описания и портреты в журналах и типографиях делали свое дело. Ну и, конечно, не обходилось без устных историй. Это был по-прежнему относительно компактный город⁷, люди ходили пешком, ездили верхом или перемещались в экипажах. Очень состоятельные и известные персоны не охраняли свою частную жизнь, когда они проводили время в Лондоне. Экипажи часто имели фамильные гербы владельцев. Самые состоятельные также совершали прогулки на свежем воздухе в парках летними вечерами и по воскресеньям в сезон, даже король ездил туда на прогулку. Все, включая роуэли, посещали театры, число которых

⁶ Grose. 2007.

⁷ С 1750 по 1801 год население Лондона увеличилось с 650 тыс. чел. до почти миллиона. См.: The London Encyclopaedia. 2008.

увеличивалось на протяжении XVIII века, не теряя своей привлекательности для всех обитателей Лондона – от подмастерьев до принцев. Театры были скорее местом, чтобы “и людей посмотреть и себя показать”, а не посмотреть пьесу или послушать оперу. В этом новом мире практически любой, обладая определенными навыками использования прессы и игры с аудиторией, мог стать знаменитым⁸. Интерес к жизни известных людей был огромен, и пресса с удовольствием проливали свет на подробности их жизни. Однако, помимо читателей, жаждавших узнать любые подробности, в своем упоминании в прессе были заинтересованы и некоторые персоны, о которых писали. Это был хороший способ лишний раз напомнить о своей персоне и подогреть интерес к ней. Например, Китти Фишер (Екатерина Мария Фишер) – наиболее известная куртизанка 18 века, о которой писали почти в каждом издании, посвященном скандальным историям. Любопытный инцидент, происходивший с Китти или ее ухажерами, тут же попадал на страницы всевозможных журналов. В *The Town and Country Magazine* упоминание имя Китти встречается в январском выпуске 1772 года. Для подобных персон любое упоминание о них в прессе, хорошее или плохое, играло им на руку, поддерживая их популярность⁹. Помимо куртизанок, героями газетных сенсаций становились политики, лорды, различные представители высшего общества, а также любые персоны, уличенные в порочных связях с ними.

К 1760 г. среди знаменитостей, чаще всего упоминаемых в прессе, растет число мужчин, скандальные истории перестают фокусироваться только на женщинах: «В последующие два десятилетия мужчины также становятся объектами притяжения, и те, которые до сих пор искали посмертной или мирской славы через службу или титулы, начинают эксплуатировать прессу, появляясь в ней. Чарльз Джеймс Фокс, политик и довольно известная публичная фигура второй половины XVIII века, немедленно стал знаменит, когда он впервые появился в Палате общин в возрасте 19 лет в 1768 г. Его голубые парики, красные туфли, экстравагантные азартные игры, определенная распущенность, блестящая речь и потрясающее обаяние стали поводом для сплетен в течение десятилетий. Пухлое лицо Фокса украшало кружки, кувшины, носовые платки, картины и медальоны вплоть до его смерти в 1806 г.»¹⁰.

«*The Town and Country Magazine*» издавался в Лондоне ежемесячно в период с 1769 по 1796 год. Владельцем и издателем журнала был

⁸ White. London's first celebrities. URL: <http://www.telegraph.co.uk>

⁹ Pointon. 2004. С.77.

¹⁰ Tillyard. 2005.

Арчибальд Гамильтон-младший. Возможно, свое название журнал получил, потому что у Гамильтона было две типографии – одна за городом, между Хайгейт и Финчли, а другая в городе, напротив St. John's Gate, Клеркенвелл.¹¹ До ноября 1780 года журнал печатался в последней, а затем - в типографии напротив St. Dunstan's Church, Флит Стрит.

Арчибальд был сыном Арчибальда Гамильтона-старшего, который также был издателем. Он был уроженцем Шотландии, но ему пришлось покинуть её в 1736 г. в связи с причастностью к беспорядкам и перебраться в Лондон, где он какое-то время работал управляющим у Уильяма Стрэхэма, шотландского издателя. Затем он начинает работать самостоятельно и в 1756 г. издает *Critical Review* в противовес *Griffiths's Monthly*, который спонсировался Оливером Голдсмитом. Одним из наиболее успешных его проектов была «Smollett's Complete History of England». Некоторое время он сотрудничал с У. Джексоном в Оксфорде, в управлении University Press. Гамильтон-старший умер 9 марта 1773 г., пережив своего единственного сына Арчибальда на полгода¹².

По словам издателя, автора и антиквара Джона Николса, *The Town and Country Magazine* имел поразительный успех и огромные продажи¹³/ Журнал выходил в последний день каждого месяца и продавался по цене 1 шиллинг¹⁴ в Великобритании и Ирландии.

Безусловно, читателей интересовали любовные взаимоотношения знаменитых людей – их отлично представляла рубрика «Histories of the Tête-à-Tête annexed...», присутствующая неизменно в каждом выпуске на протяжении всех 27 лет, пока издавался журнал. Николас Роджерс так описывает эту рубрику: «Каждая статья сопровождалась портретами пары, о которой шла речь. Имена действующих лиц писались не полностью, а были зашифрованы, но так, что легко было отгадать, о ком же шла речь. Указывалась либо первая, средняя или последняя буквы фамилии, либо давалось забавное прозвище, например, “The Seducing Syren and The Melting Musician”, “The Incautious Celia and The Auxiliary Lover”, “Legal Adulterer and the Pliant Fair”. Действующими лицами оказывались и вельможи, такие как лорды Дерби, Дорсет и Гросвенор, и женщины сомнительного поведения, такие как Миссис Армитстед и ‘Пердита’ Робинсон, и член парламента Чарльз Виндом, чей роман с женой господина Энтони Ходжеса послужил основой для истории “Legal Adulterer and the Pliant Fair”.

¹¹ Masson. 1856. С. 240.

¹² A dictionary of the printers and booksellers... 1930.

¹³ Masson. 1856. С. 240/

¹⁴ Ibid. С. 284.

Некоторые из историй, публикуемых в журнале, были вымышлены, однако большинство основывалось на реальных событиях¹⁵.

В 1772 г. в январском выпуске была опубликована в мельчайших деталях история многолетнего романа между замужней миссис Л_фле и лихим лордом Г_ом, начиная с их первой встречи до завершения их истории любви, дополненная сведениями об их друзьях, супругах, социальном положении и превосходно нарисованным портретом миловидной Л_фле, с обожанием смотрящей на Г_на¹⁶ (рис. 1).

Рис. 1 Илл. к рубрике «Tete-a-Tete», *The Town and Country Magazine*, январь 1772 г.

Журнал не структурирован редакцией тематически, однако можно выделить несколько тем, которые неизменно присутствуют во всех номерах журнала. Январский выпуск каждого года начинался с обращения к читателям, а перед титульным листом была иллюстрация. В каждом номере присутствует рубрика «Tête-à-Tête annexed», о которой было сказано выше. Также в каждом выпуске непременно присутствовали: несколько страниц с поэзией; статья про иностранные происшествия; статья «domestic intelligence»; упоминания о рождении детей, свадьбах, а также некролог. Иногда указывался список банкротов, а также текущие цены на золото, серебро, зерно, хлеб, но чаще всего эти рубрики

¹⁵ Rogers. 1983. С. 253.

¹⁶ Grose. 2007.

отсутствовали. В первых номерах публиковались математические задачи, ответы на которые печатались в следующем номере.

Также практически в каждом издании можно увидеть рубрику «Политическое состояние Европы» («The Political State of Europe») и письма читателей к редакции или авторам статей с мнениями, благодарностями или пожеланиями. Эти письма – уникальный материал, позволяющий изучить взгляды людей, опираясь на написанные ими тексты, в которых воспроизводятся те гендерные представления и стереотипы, которые существовали в этом обществе.

Остальные материалы можно охарактеризовать как истории, в основном, развлекательные, с присутствием небольшой доли познавательных исторических, географических или политических сюжетов. Небольшими частями публиковались рассказы, а в рубрике «The Theatre» – пьесы. Из наиболее известных писателей того времени, которые публиковались в этом журнале, можно выделить Томаса Чаттертона и Томаса Холкрофта. Перу Чаттертона принадлежат следующие произведения, опубликованные в журнале в 1770 г.: «Элегия» (Elegy); «Мария Одинокая» (Maria Friendless) – короткий рассказ в прозе; «Неверный шаг» (The False Step); небольшая статья «Забавная история судьи Джеффриса» (Anecdote of Judge Jeffries), короткое письмо «On Punning»; «Чудаковатый охотник» (Hunter of Oddities) является частью серии из двенадцати рассказов, описывающих характеры людей, увиденных Чаттертоном на улицах Лондона¹⁷; «Memoirs of a Sad Dog», «The Origin», «Nature», «Design of Sculpture», «Tony Selwood». Томасу Холкрофту принадлежит серия эссе, озаглавленная «The philosopher» и роман «Manthorn, the Enthusiast», публикуемые с 1777 по 1779 г.¹⁸ Авторы же стихотворений сложно установить, так как их произведения либо издавались неподписанными, либо под коротким псевдонимом или инициалами.

Журнал «The Town and Country Magazine», несомненно, является богатейшим источником для изучения не только гендерных представлений людей, живших в последней трети XVIII века, но и культуры этого общества (в т.ч. интеллектуальной культуры), частной жизни, повседневности, семьи, воспитания и образования, идеалов, ценностей и др. Будучи детищем своего времени, журнал не может не нести в себе представле-

¹⁷ Эта серия рассказов публиковалась на протяжении всего 1770 года, в том числе и после смерти Чаттертона 24 августа, и даже датировалась временем после неё (это объясняется тем, что, по всей вероятности, у Гамильтона была завершённая рукопись, которая публиковалась по частям).

¹⁸ Masson. 1856. С. 286.

ний об обществе и его нормах. Любой его материал, за исключением разве что математики и цен на продукты, основан на этих представлениях и воспроизводит их. Возьмем мы анекдот или статью о характере какого-либо политического деятеля, поэзию или обзор событий, а тем более если мы возьмем рубрики, содержащие материалы об отношении мужчин и женщин, то абсолютно везде можно будет увидеть представления авторов текстов об окружающем мире и обществе, в том числе их гендерные представления и стереотипы.

Будучи ориентирован на широкую публику, журнал «The Town and Country Magazine», безусловно, и сам оказывал определенное влияние на свою аудиторию. Морализаторский характер статей, присутствующих в нем, обуславливал их восприятие читателем с определенной точки зрения, формировал у него представление о добродетели и пороке, о том, что значит быть настоящим мужчиной или добродетельной женщиной, как следует воспитывать детей и относиться к родителям, какой должна быть примерная семья и т.д. Из материалов статей и писем в редакцию можно понять, чем интересовались читатели, какие темы их волновали и как они реагировали на публикации. Аудиторию журнала составляли как женщины, так и мужчины, несомненно по-разному воспринимавшие публикуемые тексты, причем, что важно, в их письмах отражались не идеи интеллектуалов, а взгляды и мнения обычных людей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- McGreery, Cindy.* Keeping up with the Bon Ton: The Tete-a-Tete Series in the Town and Country Magazine // *Gender in Eighteenth-Century England: Roles, Representations and Responsibilities* / Ed. by H. Barker and E. Chalus. L.; N.Y.: Longman, 1991.
- Moore, Alan Floyd.* Eighteenth-century English periodicals and the concept of "nature" // *Odisea*. 2009. №10.
- Black J.* Newspapers and Politics in the 18th century // *History Today*. 1986. Vol. 36. № 10.
- Tillyard, Stella.* Celebrity in 18th-Century London // *History Today*. 2005. Vol. 55. № 6.
- Grose, Jessica.* Sophie Gee and "The Scandal of the Season": Digging up the social dirt on 18th century Britain // *The New York Times*. 05.09.2007.
- The London Encyclopaedia* / B. Weinreb & Chr. Hibbert, Julia & John Keay. 2008.
- Masson, David.* *Essays Biographical and Critical: Chiefly on English Poets.* Cambridge: Macmillan and Co, 1856.
- A dictionary of the printers and booksellers: who were at work in England, Scotland and Ireland, from 1726 to 1775 / H.R. Plomer, G.H. Bushnell, E.R. McClintock. Oxford University Press, 1930.
- Rogers, Nicholas.* Pigott's Private Eye: Radicalism and Sexual Scandal in Eighteenth-Century England // *Journal of the Canadian Historical Association*. 1983. Vol. 4. №1.
- White, Jerry.* London's first celebrities. URL: <http://www.telegraph.co.uk>.
- Бугынина Екатерина Андреевна**, магистрант кафедры Теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ; katherine_1991@mail.ru.

М. И. ВЕБЕР, Н. В. СУРЖИКОВА

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ВЗГЛЯД ЙОХАНА ПРИНСА

Авторы обращаются к условиям жизни военнопленных Первой мировой войны в Сибири, как они показаны в публикуемом очерке делегата Христианского союза молодых людей Й. Принса, побывавшего в российских лагерях военнопленных в 1917–1918 гг. Авторы находят в свидетельствах очевидцев российского плена не только и не столько реалии, сколько образы, за которыми, в свою очередь, стоят образы России в целом. Сам плен рисуется при этом не как особая вещная обстановка, а как тяжелое психологическое состояние.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Сибирь, лагеря военнопленных, Христианский союз молодых людей, эго-документы.*

Тема плена и пленных Первой мировой войны в России не относится к числу «заповедных». Посвященные ей работы исчисляются сотнями, что создает обманчивое впечатление освоенности ретроспективной проблематики¹. Впечатление это усиливается тем, что основой для созданных отечественными исследователями работ на тему плена является бесконечно богатый источниковый материал, представленный в первую очередь документами многочисленных государственных архивов — центральных, региональных и местных. Но все эти архивы «как главное место увековечения государства есть тот самый институт, который канонизирует, кристаллизует и систематизирует знание», востребованное именно государством и оставляющее за скобками возможность какого-то другого, инвариантного прошлого². Очевидно, именно в этой связи истории российского плена Первой мировой войны, представленные в специальной литературе, похожи друг на друга настолько, что уместно говорить об определенной схеме, в соответствии с которой они воссозданы³. Её деконструкции могут — и должны — поспособствовать свидетельства плена, появившиеся за пределами России и в массе своей до сих пор «незамеченные» российскими историками.

К числу нарративов, оставленных безо всякого внимания российскими историками, принадлежит, в частности, целая группа докумен-

¹ Библиографию темы см.: Суржикова. 2014. С. 374–408.

² Блоун, Розенберг. 2013. С. 135.

³ См. об этом подробнее: Суржикова. 2014. С. 42–53.

тов, оставленных иностранными миссионерами, приехавшими в Россию с целью помощи узникам войны⁴. Тяготея к числу так называемых эго-текстов⁵, ретроспективные источники, как представляется, способны не просто рафинировать или конкретизировать те или иные представления о российском плене. Они способны — ни много, ни мало — трансформировать эти представления, поставив под сомнение стереотипные интерпретации плена, а с ними — логики и интуиции, порожденные этими интерпретациями. При этом излишне, очевидно, говорить о том, что в отличие от нормативно-правовых и делопроизводственных актов с характерными для них формульностью и безличностью, эго-тексты всегда объемнее в освещении тех или иных человеческих состояний, ощущений и переживаний. Кроме того, субъективность, свойственная такого рода источникам, пренебрегающим фактологической точностью и склоняющимся к эссеизации повествования, позволяет разглядеть в свидетельствах «заезжих» очевидцев российского плена не только и не столько его реалии, сколько его образы, за которыми, в свою очередь, скрывались образы России в целом.

Всё это в полной мере относится к публикуемому нами переводу очерка «Жизнь в сибирских лагерях военнопленных» (*Life in Siberian prison camps*). Он появился в декабрьском номере ежемесячного иллюстрированного американского журнала «Скрибнерс мэгэзин» («*Scribner's magazine*»), выпускаемого в США издательским домом «Сыновья Чарльза Скрибнера» с января 1887 г. Главным отличием «Скрибнерс мэгэзин» от конкурентов стал богатый иллюстративный ряд, с 1900 г. включавший и цветные иллюстрации, что для толстых американских журналов было в новинку. Характерно, что именно в годы Первой мировой войны, когда месячный тираж журнала доходил до 200 тыс. экземпляров, «Скрибнерс мэгэзин» находился на пике своей популярности. Во многом этому способствовали публикации, посвященные войне, которые стали особенно злободневными после вступления США в войну весной 1917 г. К ним принадлежал и публикуемый очерк о жизни плененных иностранцев в лагерях Сибири и работе с ними представителей так называемого Христианского союза молодых людей (*The Young Men's Christian Association*, далее — YMCA)⁶.

⁴ К числу таких источников относятся, напр.: *Brändström*. 1920; 1927; 1929; *Kinsky*. 1976; *Montandon*. 1923; *Walsleben*. 1919; и др.

⁵ См.: *Зализняк*. 2010. С. 162–180; *Зарецкий*. 2008; 2012; *Мухеев*. 2007; *Савкина*. 2007; *Dekker*. 2002; *Ego-Dokumente...*; *Essais d'ego-histoire...*; *Paperno*. 2004; и др.

⁶ Перевод названия YMCA дается нами в соответствии с русскоязычной традицией, утвердившейся в исторических источниках и специальной литературе.

История YMCA началась в 1844 г. в Лондоне и была связана с именем английского проповедника Джорджа Вильямса⁷. Созданная им организация стремилась к распространению среди молодежи христианских протестантских ценностей, причем духовное и интеллектуальное совершенствование, по замыслу отцов-основателей союза, должно было идти рука об руку с физическим. Не случайно символом YMCA стал перевернутый вершиной вниз красный треугольник, стороны которого символизировали единение разума, тела и духа.

В 1915 г. YMCA, отделы которого действовали во всех европейских странах и США, запустил программу помощи военнопленным. После переговоров с правительствами воюющих держав сотрудники – так называемые секретари – YMCA, преимущественно американцы, получили доступ в лагеря для военнопленных в странах Антанты и Центральных державах. Секретарями союза здесь создавались «хижины» («huts») – своего рода опорные пункты YMCA, где имелись помещения для отправления религиозных нужд, аудитории для чтения лекций, залы для театральных постановок, хранилища спортивного инвентаря и т.п.

Российская империя, где находилось порядка 2 млн обезоруженных вражеских военнослужащих, также попала в сферу деятельности YMCA. 14 июня 1915 года представителю YMCA доктору Арчибальду Харту (Archibald Clinton Harte) удалось получить от имперских властей официальное разрешение на благотворительную работу в лагерях для военнопленных, которая, однако, изначально не поражала своими масштабами⁸. Поначалу в России работало всего два секретаря YMCA – в Москве и в Киеве. К марту 1916 года их было уже 6, а к декабрю – 19. По состоянию на май 1917 года секретари союза имели доступ в 68 пунктов водворения военнопленных, тогда как по оценкам самой YMCA пленники в России находились в почти 900 местах работ и содержания (771 в европейской части страны и 120 – в Сибири). Понятно, что в поле зрения YMCA попали в первую очередь пленные, томившиеся в крупных лагерях, располагавшихся на Востоке и Юге России, что подтверждает сам факт нахождения региональных отделений союза в Иркутске, Омске, Оренбурге, Ташкенте, Томске и Чите⁹. При этом учитывая, что в российских лагерях военнопленных постоянно находились прежде всего офицеры, не подлежавшие принудительному трудоустройству, очевидно также и то, что круг получателей созданных

⁷ Геккер. 1933. С. 4–7.

⁸ См.: Steuer. 2009.

⁹ См.: Service with fighting men. Vol. 2. P. 271, 272, 421.

усилиями YMCA благ сам собою сужался главным образом до нерадывых пленников, о чем свидетельствует и публикуемый нами документ.

Так или иначе, но к началу 1917 года YMCA удалось создать в России не менее 50 библиотек для военнопленных, каждая из которых насчитывала от 100 до 4 тыс. томов. К маю 1917 года в 30 местах были открыты учебные курсы, которые в качестве учеников посещало свыше 20 тыс. военнопленных и в качестве преподавателей – более тысячи. В 31 лагере сотрудники YMCA организовали оркестры и хоры из военнопленных, для чего в Россию было привезено в общей сложности от 700 до 800 разных музыкальных инструментов. Важной задачей YMCA стала передача военнопленным посылок и денежных переводов от родных и близких, с доставкой которых российская почтовая служба едва справлялась. Есть сведения, что весной 1917 года через головной офис YMCA в Петрограде проходило до 300 посылок в неделю и до 11 тыс. рублей денежных переводов в месяц¹⁰.

Помимо того, для борьбы с недоеданием военнопленных и скудостью казенного пайка в Оренбурге, Томске, Енисейске, Иркутске и лагерях Забайкалья YMCA открыл собственные столовые. Здесь те пленные, у кого были деньги, могли купить по умеренным ценам дополнительные продукты. Вырученные от продаж средства расходовались на бесплатные пайки для неимущих военнопленных, ослабевших от болезней или плохого питания. Каждая столовая готовила и реализовывала от ста до 2,2 тыс. обедов в день. Позже было подсчитано, что в 1916–1917 гг. YMCA продавал военнопленным около 5 тыс. дополнительных обедов в день по цене от 20 до 27 копеек¹¹.

После вступления США в войну американские секретари YMCA по требованию германского правительства покинули Россию, а их место постепенно заняли нейтральные шведы, датчане, голландцы и пр. По соглашению с правительством А.Ф. Керенского осенью 1917 года в Россию прибыло около 50 секретарей YMCA на том условии, что теперь они будут помогать не только и не столько пленным иностранцам, сколько военнослужащим русской армии. Однако уже в начале декабря 1917 г., когда около 40 секретарей YMCA собрались на конференцию в Москве, часть из них решила покинуть беспокойную Россию. Следующий отток посланцев YMCA не заставил себя ждать. В марте 1918 года, после конференции в Самаре, собравшей 73 секретаря YMCA во главе с новым руководителем миссии в России Итаном Колтоном (Ethan

¹⁰ Ibid. P. 276, 277, 281.

¹¹ Ibid. P. 278, 279.

Theodore Colton), 17 секретарей решили уехать, а 56 – остаться в стране для работы с гражданским населением и военнопленными¹². В период Гражданской войны и иностранной интервенции YMCA снова нарастил свое присутствие в России, действуя главным образом на территориях, «освобожденных от большевиков».

По подсчетам специалистов, в годы Первой мировой войны и непосредственно после неё благотворительную работу в России вели в общей сложности свыше 440 сотрудников YMCA¹³. Среди них был и автор публикуемого очерка – голландец Йохан В. Принс. О нём доподлинно известно только то, что высшее образование он получил на родине – в престижном Лейденском университете, затем продолжил свое обучение в США, где удостоился степеней бакалавра права и магистра гуманитарных наук. Как секретарь YMCA Принс прибыл в Россию в 1917 г., оказавшись, вероятно, одним из тех нейтральных волонтеров союза, которые должны были заменить американцев. В декабре 1917 г. Принс принял решение уехать из охваченной огнем большевистской революции Москвы в Сибирь. Его очерк о жизни военнопленных в лагерях Сибири отчасти основан на личных наблюдениях, полученных зимой 1917–18 гг., тогда как события 1915–16 гг. автор воспроизводил со слов своих коллег. Именно по этой причине, не рискуя отнести произведение Й. Принса к репортажу, воспоминаниям или литературе путешествий, следует отметить, что оно несет в себе черты сразу всех названных жанров, а также отпечаток личности автора. Излишняя драматизация положения пленных в лагерях и апелляция к стереотипным образам России выдают в Й. Принсе впечатлительного максималиста, свято верившего в свое дело, что, в свою очередь, экспонируют восторженные «эпитеты» в адрес YMCA и явно завышенная оценка его роли в деле помощи узникам войны, – помощи, имевшей в первую очередь моральное, психологическое значение.

Впрочем, читатель вправе составить альтернативный и, возможно, более полный портрет Й. Принса, приметы которого мы пытались сохранить посредством максимально «аутентичного» перевода, приводимого по изданию: Prins, Johan W. *Life in Siberian prison camps* // *Scribner's magazine*. Vol. 64. № 6 (Dec. 1918). P. 695–705.

¹² См.: *Ibid.* P. 419, 429–430.

¹³ *Davis, Trani.* 1974. P. 469.

Йохан В. Принс

Жизнь в сибирских лагерях для военнопленныхⁱ

Несколько месяцев тому назад, когда я готовился уехать из Читыⁱⁱ, расположенной к востоку от озера Байкал, после того, как провел там несколько месяцев за работой по помощи австрийским, венгерским и немецким военнопленным, мой слуга, простой немецкий солдат, щелкнув каблуками и вытянувшись по стойке смирно, рискнул спросить:

— Не нужен ли Вам слуга в Америке, сэр?

Я удивленно посмотрел на него:

— Но почему, Карл, в чем дело? Ты хочешь сопровождать меня?

— Да, сэр, мне бы хотелось.

— Разве ты не видишь, что это невозможно? Ты немец, и Америка находится в состоянии войны с твоей странойⁱⁱⁱ; наши власти никогда не впустят тебя в Соединенные Штаты, да и как ты сможешь сбежать из этой страны?

— Но я могу получить греческий паспорт, сэр.

Ну, я знал немножко больше, чем он, обо всех этих многочисленных фальшивых паспортах, которые использовались в Сибири, и хотя большевики не знали, как отличить фальшивый паспорт от настоящего, в других странах это бы сделали.

Итак, я уехал прочь, оставив у себя за спиной одного разочарованного парня, который так сильно и так искренне хотел, чтобы Край Свободы^{iv} стал его второй родиной, несмотря даже на тот факт, что эта вторая родина находилась в состоянии войны с первой.

Одного, я сказал; нет, сотни! Стольких и стольких можно было бы взять с собой. Много немцев и еще больше австрийцев и венгров, которые досыта наелись бюрократии и имперских высочеств, и хотели уехать туда, куда уже уехало так много их родственников.

Они были демократами. Многие из них стали бы хорошими американскими гражданами. Но вместо этого они были вынуждены оставаться в Сибири, подвергаясь воздействию бредней большевизма, пока, наконец, отчаявшись, многие из них сами не стали большевиками, снова взяв в руки оружие, чтобы сражаться против любого, кто начал бы сражаться с ними^v. Не из-за присутствия у них подлинного большевистского духа они поступали так, и не потому, что Германия и Австрия^{vi} подстрекали их на это, а просто потому что устали от всего и хотели хоть каких-то перемен.

А затем пришли чехословаки^{vii}, американцы^{viii} и японцы^{ix}, разбили их, и они снова стали военнопленными. Но на этих страницах я хотел бы рассказать о том, как жилось военнопленному до того, как он снова поднял оружие и обрел временную свободу.

Расхожее мнение о военнопленном сводится к мысли: «Ну что ж, он в безопасности. Его не могут убить», и о дальнейшей его судьбе не думают. Те, кто на фронте, более важны.

Но тот, кто имел возможность проследовать за немецким и австрийским военнопленным, открыл бы, что годы, проведенные в изоляции в Восточной Сибири, часто, очень часто, значительно тяжелее, чем годы, проведенные на фронте. Тысячи, десятки тысяч тех, кто попал в плен, всё еще живут там, начиная с самых первых месяцев войны, когда Австрия понесла свои самые большие потери. Им не досталось ни славы, ни почестей.

Они провели три или четыре года в новой для них стране в крайне тяжелых условиях, поэтому, иронизируя, многие из них с горькой улыбкой называют себя «почетными гражданами Сибири».

Заключенные зачастую вместе с тысячами других в концлагерь размером в 500 футов^x в длину и ширину, сидя в скверно построенных бараках, подвергаясь воздействию сибирской зимы и ужасных эпидемий^{xi}, они пассивно претерпели все революционные беспорядки, которые сотрясли основы страны, гостями которой они оказались не по своей доброй воле.

Сотни из них сошли с ума и были отосланы в Омск, где был создан концентрационный лагерь для повредившихся рассудком. Тысячи похоронены на кладбищах при концлагерях, которые были в Сибири в каждом маленьком городе, и десятки тысяч вернутся на свою «*Heimat*»^{xii}, навсегда физически и морально опустошенными, неспособными избавиться от этого бремени.

Но я не буду рисовать слишком пугающую картину, описывая тот год, что я провел в Сибири – даже военнопленные улыбаются. Однако, когда вы будете смотреть на мои зарисовки, не забывайте, что это всего лишь лучи света в монотонной и серой жизни военнопленных. А для начала давайте вместе посетим один такой концлагерь.

Живописная дорога, извивающаяся в горах, приведет нас в большой лагерь недалеко от Читы. Завернувшись в огромные меховые пальто, укутавшись потеплее в саях или коляске, мы едем через леса из хвойных деревьев и молодых берез, пересекая замерзшие реки и ручьи, и лишь изредка нам навстречу попадает путник с поклажей или сани, везущие в город дрова.

Внезапно, поднявшись на вершину холма, где лес переходит в кустарник, а кустарник мгновением позже уступает место равнине, мы видим на расстоянии небольшую деревеньку, состоящую из деревянных блокгаузов^{xiii}, на крышах которых видны дымовые трубы, и дым из них вьется клубами в прозрачном зимнем воздухе и исчезает в бескрайнем синем небе, – картина, напоминающая больше всего американский лагерь лесорубов.

Этот маленький городок имеет площадь не больше, чем две или три квадратные мили^{xiv}, и вокруг него, на расстоянии нескольких сотен ярдов^{xv},

везде стоят столбы с небольшими крышами-навесами на них. Это места, где когда-то стояли охранники лагеря, едва защищенные от падающего сверху снега, но прошлой зимой^{xvi}, когда большевики во многих лагерях дали военнопленным полную свободу^{xvii}, сторожа покинули свои посты, и тут остался один-единственный часовой.

Лагерь, в который мы сейчас въезжаем, – мужской^{xviii}. В 30 или 40 бараках, ранее использовавшихся русскими солдатами, сейчас обитают военнопленные. Возможно ли, спросит кто-то, войдя в такой барак, чтобы человек смог прожить здесь целых три года? За исключением проходов в середине и проходов с левой и правой стороны барака, всё пространство внутри (размером примерно 8 на 20 ярдов) занято двух-, а иногда трехъярусными кроватями, и вот здесь-то и прозябает 60 или 80 военнопленных, каждый из которых занимает свой небольшой уголок. За все эти годы ни у кого из них не было ни минуты уединения, и какой-нибудь несчастный обитатель нескольких квадратных ярдов на втором ярусе кровати зачастую не может даже встать во весь рост в своих владениях. Во время длинной, холодной сибирской зимы, когда никто не выходит из барака, если нет острой необходимости, военнопленные сидят внутри как сельди в бочке.

Особенно в самом начале заключения, когда здесь всего несколько книг, когда здесь не было совершенно никакой организации, часы темного зимнего дня тянулись медленно-премедленно, а военнопленным офицерам было еще тяжелей, потому что после того, как многие из них пытались бежать^{xix}, вокруг лагеря был построен деревянный забор, и они были совершенно отрезаны от внешнего мира. В течение двух долгих лет многие из них не видели ничего, кроме внутренней стороны этого деревянного забора, за исключением прогулок под охраной в баню, расположенную в нескольких минутах ходьбы от лагеря.

Многие из них искренне пытались избежать деградации, связанной с вынужденным бездельем. Всеми силами они пытались сбросить тяжелое бремя, упавшее на их рассудок, но только те из них, кто в годы, предшествовавшие заключению, развил в себе силу воли и характер, смогли это сделать. Да и что они могли? Они не могли ни изучать иностранные языки весь день напролет, ни гулять вверх и вниз по маленькой улочке лагеря.

Некоторые, обладавшие значительной силой и энергией, смогли сбросить своё тяжкое бремя. Они работали в интересах других, покупая еду для всего лагеря^{xx}, управляя маленькой продуктовой лавкой, или самостоятельным театром или оркестром^{xxi}, или же их выбирали официальными представителями для ведения всех дел с русскими властями^{xxii}. Большинство из них, однако же, потерпело неудачу. Многие поздно вставали, играли в карты или теннис весь день и проигрывали больше денег, чем были способны отдать из своих доходов, которые аккумулировались у них дома за три года

вынужденного заточения. Художники могли рисовать, но не могли творчески развиваться, так как не могли выбраться за рамки, которые наложили на их воображение 4 стены забора. Это потерянные годы, эти 3 или 4 года в Сибири, были потеряны почти для всех. Даже хуже, чем потеряны, ведь они окажут большое воздействие на будущую жизнь военнопленных, печальное и мрачное влияние страданий и вынужденного безделья; и когда эти люди вернутся домой, им не достанется ни славы, ни почестей.

Солдаты и офицеры в лагере очень радовались, когда их навещал представитель Красного Креста^{xxiii} или YMCA. Не только из-за продуктов, которые он привозил, но также и потому, что имели возможность поговорить с кем-то новым, не из числа тех, кто окружал их все дни напролет, — кем-то, привозившим свежие впечатления из внешнего мира.

Но не всех представителей принимали радушно. В течение 1915 г. и 1916 г. несколько делегатов австро-венгерского и немецкого правительств посетили лагеря для военнопленных в Сибири. Вероятно, представители российского правительства получили аналогичные права в лагерях Центральных держав^{xxiv}. Австрия послала в Сибирь нескольких графинь^{xxv}, старую знать, живое напоминание о феодализме, и когда одна такая графиня пришла в бараки для военнопленных, она привезла и рядовым, и офицерам, — о да, она привезла им всем, — «приветствия от имени Его Величества, нашего Императора и Короля, духовенства и дворянства», а сверх того — австрийскую атмосферу («Heimatliche Luft»)^{xxvi}. Как рады они были! Особенно, когда графиня раздала каждому по целому рублю, а тем, кто был из Радецкого кавалерийского полка^{xxvii}, — по два, потому что ее кузен служил офицером в этом полку. Она отвела за офицерским столом самые лучшие блюда, которые только мог бы приготовить хороший венский повар^{xxviii}. Но чем питались рядовые солдаты, она не узнала, поэтому, вернувшись домой, доложила, что с пленными в Сибири обращаются хорошо, — наш читатель может представить, как рады были военнопленные, когда они узнали об этом докладе. Ведь на самом деле они не были богаты, а обращались с ними плохо; они, будучи пленными, не рассчитывали на многое, но не получали даже необходимого^{xxix}.

Когда мы сравним этих пленных офицеров в Сибири, где иногда нет ни горы, ни холма, ни дерева им в утешение — ничего, кроме унылых, засыпанных снегом равнин, — с их товарищами в Англии, стране, в которой в их пользование предоставлены поместья, мы видим пример того, что судьба и удача означают на войне.

За стенами этих концлагерей проживались бедные одинокие жизни. Я знал одного майора, чьим главным занятием в неволе стало собирание сигарных бантов^{xxx}, другие обращали всё свое внимание на коллекционирование марок. Незначительные вещи занимали огромное место в жизни этих

людей. Другой майор хранил часы, на которых все еще было установлено австрийское время (он попал в плен три года тому назад), и он сказал мне с радостью, что никогда не переводил их. Всё здесь сделано с наивысшей степенью заботливости, медленно, потому что у военнопленных много времени. Написанные от руки письма выглядят как отпечатанные в типографии. Они расцвечены красными и черными чернилами, то тут, то там попадаете подчеркнутое слово. Писать такое письмо было облегчением; поэтому для военнопленного было важно потратить на этот процесс максимальное количество времени^{xxx1}.

Другие пленные проводили полдня со своей собакой, дрессируя ее различным фокусам, так что иногда собаки становились лагерными знаменитостями. А затем общественное мнение в лагере могло расколоться вследствие того, что у военнопленного «А» собака приносила щенят, он дарил их своему другу, и щенята начинали портить маленькие огороды^{xxxii}, которые устраивали товарищи этих пленных. Поэтому лагерь мог разделиться на владельцев собак и тех, у кого их не было, и дело могло принять серьезный оборот. Некоторые собаки могли таинственно исчезнуть без следа, и это происшествие становилось главной темой для разговоров на протяжении месяцев.

В других случаях свиньи могли быть вместо собак и приковывать внимание всех. Одна группа военнопленных, питающихся за одним столом, решила разводить свиней, и их примеру вскоре последовали и другие группы военнопленных. Но свиньи принесли в лагерь огромные трудности. Лагерь был очень маленький, и одна группа заключенных использовала в качестве загон для свиней пространство между двумя теннисными кортами, а другая – место рядом с госпиталем. Это вызвало протесты доктора и президента теннисного клуба, поэтому всех свиней собрали в один загон. Всё шло хорошо, пока свиньи были маленькими, но потом возникла проблема, как разделить их туши между австрийской и венгерской группами военнопленных. Кто-то всерьез предложил раскрасить половину свиней в желтый и черный (австрийские национальные цвета), а другую половину в красный, белый и зеленый (венгерские национальные цвета), чтобы можно было различать животных. Закончилось всё тем, что начальник лагеря запретил держать в лагере свиней, и следующие несколько недель весь лагерь ел одну свинину.

В другой раз офицеры в одном лагере захотели возвести памятник — мемориал погибшим на войне. Был нарисован эскиз памятника, на каждой из четырех сторон которого планировалось выгравировать одинаковую надпись — посвящение соответственно на немецком, австрийском, турецком и русском языках. Все были довольны, но внезапно некий венгерский еврей предложил, чтобы была сделана надпись и на иврите. По этому поводу было проведено много собраний, но никакого решения так и не нашли, ведь у памятника было всего четыре стороны! Лагерь разделился на две фракции, «за» и «против»

евреев. Один венгерский еврей, пытаясь разрешить спор мирным путем, предложил, чтобы надписи на иврите и венгерском языке были выгравированы вместе на одной стороне памятника потому, что большинство венгерских офицеров запаса были евреями. Это предложение вызвало великое изумление, и проблема осталась нерешенной, а памятник – непостроенным.

Ряд благотворительных организаций, таких как Датский и Шведский Красный Крест, а также международный комитет УМСА, попытались осветить искрой надежды эту беспросветную жизнь, в результате чего бараки Красного Креста и Красного треугольника — это самые популярные места в лагере для военнопленных. В них находятся театральные залы для выступлений и концертов, обувная мастерская, переплетная мастерская, столярный цех, художественная мастерская, кладовые, и т.д., и т.д. Всё выглядит игрушечным, примитивным, но эффективным. И, разумеется, в этих бараках есть библиотека из нескольких тысяч томов, в которой каждый день берут по несколько сотен книг; помещения для занятий, в которых преподаются как школьные предметы, так и семь или восемь иностранных языков, право, математика, гигиена и многие другие университетские курсы. Всё очень примитивно, помещения для занятий маленькие, трудности, с которыми сталкиваются, велики. Однако ко всему здесь относятся серьезно, и постоянно производятся улучшения. В помещении для церкви установлен небольшой орган, и католики так же, как протестанты и иудеи, проводят там свои религиозные службы. Но подлинной гордостью УМСА является кухня, «американская кухня», как ее называют во всех лагерях. Именно в ней многие из тех, кто был в госпиталях и всё ещё слишком слаб, чтобы встать на ноги на русском пайке, будут получать сытный обед в течение нескольких дней. Именно в ней бедняки, те, кто не получает никаких денежных переводов из дома, получают бесплатную еду. Именно в ней те из военнопленных, кто более удачлив и имеет в своем распоряжении несколько копеек, могут потратить их на покупку дополнительной еды. И именно в ней, опять-таки, установлены наиболее совершенные порядки. Все пленные занесены в каталог, и каждый съеденный обед заносится им на индивидуальный счет. Исполнительный комитет ведет контроль за записями, и членам комитета достаточно просто заглянуть в картотеку, когда военнопленный «А» жалуется, что с военнопленным «Б» обращаются лучше.

В некоторых лагерях есть катки, на которых играют в хоккей, а теннис, футбол, бейсбол и пинг-понг практикуются повсеместно.

Мясо должно быть закуплено, материалы для пошива обуви и одежды – заказаны; в оркестр, театр и школу должны быть поставлены ноты, музыкальные инструменты, книги и бумага; бухгалтерские счета должны быть утверждены, должны быть проведены конференции с участием Генерального штаба, с участием начальников лагерей и комитетов самоуправления военно-

пленных — и всё это в каждом из пяти или шести лагерей, которые прикреплены к одному секретарю YMCA.

Это хлопотная жизнь, жизнь секретаря YMCA. День за днем он проводит в поезде потому, что один лагерь для военнопленных находится на расстоянии сотен миль от другого, но высокая оценка его работы, которую дают везде, где он побывал, компенсирует ему те многочисленные бессонные ночи и тягостные дни, которые он проводит в российских почтовых поездах. Он чувствует, что даже после всего пережитого, он не является тем человеком, которого должен благодарить военнопленный. Он — всего лишь инструмент, посредством которого пленным доставляются товары, деньги и помощь. За его спиной стоит большая организация, стоят тысячи жертвователей, которые поддерживают эту организацию. Именно их должны благодарить военнопленные.

Столяр, обувщик, художник — все они имеют возможность заниматься своим трудом. Многие другие получают шанс выучить иностранный язык или дополнить свое образование чем-то ещё. Маленькая театральная труппа ставит самые современные пьесы. Музыкант обеспечен своим любимым музыкальным инструментом и нотами. Спортсмен получает мяч, чтобы играть, а студент — книгу, чтобы читать. Добиться того, чтобы пленные были постоянно чем-то заняты, ведь занятость спасет их рассудок от помрачения, не даст их мозгам «заржаветь» — вот самая важная задача.

Можете ли Вы по достоинству оценить то, что сделала YMCA? Осознаете ли Вы, что она спасла рассудок сотен пленных?

В конце декабря я посетил художественную выставку в одном из лагерей неподалеку от Читы. Школа была закрыта на каникулы и ее простенькие комнаты были использованы под выставку картин, гравюр, рисунков, шкатулок с резьбой по дереву, всё здесь было сделано руками военнопленных. Всего за несколько рублей тут можно было приобрести высокохудожественные картины или акварели. Но как же мало людей посещает эти художественные выставки в сибирских лагерях для военнопленных, и еще меньше тех, у кого есть деньги, чтобы купить на выставке предмет искусства!

Возьмите в свою руку этот миниатюрный черный шнурок. Это цепочка для карманных дамских часов. Знаете ли Вы, с какими трудностями пришлось столкнуться тому, кто ее изготовил? Посмотрите сперва, как изящно она сплетена. Сколько терпения и мастерства понадобилось для этого! И знаете ли вы, из чего сделан этот шнурок? Это волосы из конского хвоста. Как же сложно достать волос из хвоста русского коня! Пленные вынуждены быть очень дружелюбными с конями своих хозяев, они глядят их спину, и когда рука идет вниз, то иногда в ней остается волос из хвоста. Все конские волоски собирают и относят мастеру, в результате вы держите в своей руке эту цепочку.

А посмотрите вот на эту шкатулку. Нет, эти изображения вырезаны не по слоновой кости. Материал, с которым был вынужден работать мастер, это коровьи зубы, или же кости из супа, но результат получился не менее убедительным, чем из слоновой кости.

Мы посетили театральную постановку и концерт. В качестве вступления оркестр, состоявший из 40 человек, сыграл увертюру из оперы «La Muette de Portici»^{xxxiii}. Мои мысли унеслись в 1830 г., год революции, когда в жаркую летнюю ночь эту оперу играли в Брюсселе, и ее вдохновляющая музыка подтолкнула людей к первым актам насилия против властей, первым беспорядкам, которые в конечном счете привели к отделению Бельгии от Голландии^{xxxiv}. После концерта была сыграна пьеса Шницлера «Der Gruene Kakadu»^{xxxv}.

Сцена, на которой играли эту драму, была крошечной, но декорации были настолько хороши, что ты немедленно забывал о том, что это всего лишь кукольное представление, что даже самая маленькая вещь на сцене изготовлена самими примитивными инструментами. Но ещё более важен вопрос: кто сделал это? Художник, нарисовавший эти декорации, работал раньше в Имперской опере в Вене, а человеку, сыгравшему главную роль, аплодировали на многих театральных подмостках Германии и Австрии. Тут были лишь твердые скамейки для удобства зрителей, но никакая публика в самом большом театре Вены не смотрела спектакль с большим вниманием, с большей искренностью, чем эти простые солдаты. Эти актеры были всего лишь солдатами, но с каким энтузиазмом, с какой самоотдачей они играли! Ты забывал, что они всего лишь любители!

Когда между Германией и Соединенными Штатами была объявлена война, нейтральные секретари YMCA заменили американцев, а когда, год спустя, многие военнопленные взяли за оружие, YMCA прекратила свою деятельность по помощи военнопленным. Те, кто взялся за оружие, встретили в лице секретарей YMCA своих самых ненавистных врагов.

Итак, жизнь военнопленного – это жизнь, которой способны противостоять лишь немногие. Судьба военнопленных более трагична, чем судьба тех, кто пал на поле боя. Всего лишь несколько тысяч человек, в большинстве своем морально и интеллектуально покалеченных, вернутся домой из сотен тысяч пленных, захваченных победоносными русскими армиями в 1914 г. и 1915 г. Три, четыре года великих невзгод заставили их разочароваться во всём на Земле — и в первую очередь в своих собственных правительствах. Их голоса и голоса вернувшихся с фронта солдат вскоре будут услышаны, и Габсбурги с Гогенцоллернами узнают, что кроме Антанты их существованию угрожает кое-кто ещё.

ⁱ Отправка пленных иностранцев в Сибирь практиковалась в России с начала освоения ее восточных окраин, превратившись в традицию (см., напр.: *Конов.* 2002. С. 21–23; *Шебалдина.* 2005; и др.). Первая мировая война ее не только продолжила, но и укрепила. По имеющимся данным, в Сибири уже к 1 января 1915 г. было размещено 257 тыс. военнопленных. В середине 1915 г. только на территориях Иркутского и Омского военных округов пребывало более 350 тыс. вражеских военнослужащих. К 1 января 1917 г. этот показатель несколько сократился, остановившись на отметке в 330–335 тыс. человек (*Греков.* 1997). Официально лагеря пленных иностранцев в Сибири – Тюмени, Тобольске, Петропавловске, Омске Иркутске, Никольск-Уссурийске, Томске, Барнауле, Бийске, Новониколаевске – были предназначены в первую очередь для венгров, немцев и турок, отнесенных российскими властями, в противовес пленным славянам, к так называемым «враждебным народностям». Однако «раскассирование» пленных по означенному принципу так и не стало реальностью, вступив в противоречие с идеей максимально полного использования труда пленников на различного рода работах (см.: *Суржикова.* 2012).

ⁱⁱ В Чите и ее окрестностях находился один из крупнейших лагерей военнопленных Первой мировой войны в России, изначально, однако, лагерем не называвшийся и принадлежавший к числу так называемых мест постоянного водворения пленных внутреннего района. Лагерь возник в 1915 г. и просуществовал до начала 1920-х гг. Наиболее крупная партия пленных – 8 тыс. человек – прибыла в Читу в середине 1915 г. Поскольку для властей это стало полной неожиданностью, городская Дума и губернатор обратились к владельцам доходных домов и населению с просьбой о выделении помещений. Часть пленников разместили в Чите, часть — в Антипихе (в 2 километрах от Читы), часть — в Песчанке (в 5 километрах от Читы). По данным Военного ведомства, на 1 января 1916 г. в Чите и ее окрестностях содержалось 31835 пленников, среди которых подавляющее большинство, почти 26 тыс. человек, составляли отвоёванные солдаты и офицеры австро-венгерской армии (см.: Российский государственный военный исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 6. Д. 167. Л. 1–6 об., 12, 13).

ⁱⁱⁱ США вступили в Первую мировую войну 6 апреля 1917 г.

^{iv} Расхожая метафора, взятая из текста неофициального гимна США, написанного в 1831 г. протестантским священником Сэмюэлем Смитом на мотив британского гимна «God save the Queen» и использовавшегося до 1931 г. В первом куплете «переименованного» британского гимна, в частности, пелось: «My country 'tis of thee, sweet land of liberty, of thee I sing; Land where my fathers died, land of the Pilgrim's pride, from every mountainside, let freedom ring!» (пер.: «Страна моя, тебе пою, свободы милый край, тебе пою я оду, Где мой отец вознесся в рай, праотцев гордый край, со склонов гор везде пускай, везде звенит свобода!»).

^v На Востоке России, по данным В.А. Данилова, отряды так называемых интернационалистов, сформированные посредством привлечения пленных Первой мировой войны, имелись не менее чем в 30 пунктах Сибири и не менее чем в 25 пунктах Урала. В районе, о котором пишет Й. Принс, то есть районе Читы, на Прибайкальском фронте, пленные воевали в составе таких частей, как 1-й Читинский интернациональный отряд (командир — Гримм, затем Мюллер), Ангарский батальон под командованием Унгара, интернациональные отряды под командованием Рейснера (Реннера), Штиллера, Бодеско-Михали, Кнюфке (по другим данным — некого Либкнехта), кавалерийский отряд (командир — Ремиш), бронепоезд «Защит-

ник трудового народа» под руководством Манхарта и Лихтенауэра, созданный рабочими читинских железнодорожных мастерских, артиллерийская батарея (командир — Лискай), два санитарных отряда под руководством Шебеко, Грюнберга и Паукера. Всего же в составе Красной армии в годы Гражданской войны находилось, по приблизительным подсчетам советских историков, до 300 тыс. интернационалистов (включая около 80 тыс. венгров, 100 тыс. поляков, 10 тыс. чехословаков и т. д.), что составляло лишь порядка 15 % от общего числа пленных иностранцев в России (Данилов. 1972. С. 60–65, 86, 87; Интернационалисты... С. 360; и др.). В этой связи приводимую Й. Принсом оценку участия пленников в борьбе «красных» с «белыми» трудно признать адекватной, хотя она была по-своему логична. Дело в том, что пропагандистский миф о массовой большевизации пленных активно использовался по обе стороны фронта. Для большевиков участие пленных в борьбе за «светлые идеалы Октября» стало важным аргументом в пользу идей всемирного пролетарского братства и неизбежности мировой революции, для антиреволюционных сил — средством дисциплинирования и консолидации своих сторонников, а также оправданием ужесточения режима плена на «освобожденных от большевиков» территориях.

^{vi} Здесь и далее имеется в виду Австро-Венгрия.

^{vii} Имеется в виду Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус, «мятеж» которого в мае 1918 г. стал прологом к Гражданской войне в России. История корпуса началась еще в октябре 1914 г., когда в Киеве была сформирована так называемая Чешская дружина. С марта 1915 г. в дружину стали зачисляться пленные чехи и словаки, а 31 декабря 1915 г. она была переименована в Чешско-словацкий стрелковый полк. В середине апреля 1916 г. полк был преобразован в Чехословацкую бригаду, к концу 1917 г. насчитывавшую в своем составе почти 40 тыс. человек. Осенью 1917 г. бригада была преобразована в 1-й Чехословацкий корпус. Силы корпуса, с 1918 г. формально считавшегося частью французской армии, принимали участие в Гражданской войне в России вплоть до середины января 1919 г., когда по приказу военного министра чехословацкого правительства генерала М.Р. Штефанека корпус был снят с фронта и отведен в тыл. В ожидании отправки на родину 1 февраля 1919 г. корпус был переименован в Чехословацкую армию в России, охранявшую, по решению союзного командования, участок железнодорожной магистрали от Новониколаевска до Иркутска, Омска и Томска. 1 января 1920 г. командование Чехословацкой армии взяло «под свою защиту» А.В. Колчака, но уже 15 января во имя обеспечения беспрепятственной отправки на родину, ни шатко ни валко продолжавшейся уже год, с 15 января 1919 г., выдало бывшего Верховного правителя представителям местной власти. 7 февраля 1920 г. на ст. Куйтун между правительством РСФСР и командованием Чехословацкой армии было подписано соглашение о перемирии, наконец-то позволившее чехам и словакам отправиться на родину. Последний транспорт с чехословацкими солдатами покинул Владивосток 2 сентября 1920 г. (см.: Клеванский. 1965; Bradley. 1965; Fic. 2006–2008; Kvasnicka. 1963; и др.).

^{viii} Как известно, американское присутствие в России было связано с опасением Белого дома за усиление на Дальнем Востоке японских позиций. Уже 12 декабря 1917 г., когда в бухте Золотой Рог появились военные корабли Японии, Токио был получен решительный протест правительства Соединенных Штатов. Через несколько дней рядом с японскими кораблями встал на якорь и американский военный корабль, что, вероятно, отсрочило японскую интервенцию в Россию, которая все-таки началась

5 апреля 1918 г. Американское же присутствие в России стало реальностью лишь во второй половине 1918 г., после того как 3 августа 1918 г. военное министерство США отдало генералу У. Грейвсу приказ об отправке во Владивосток 27 и 31 пехотных полков, а также добровольцев из 13 и 62 полков. Всего на Дальнем Востоке России США высадили около 9 тыс. своих солдат и офицеров. В апреле 1919 г. американцы вошли в межсоюзническое соглашение о железной дороге, по которому взяли на себя охрану Транссибирской магистрали на участках от Мысовска до Верхнеудинска и от Имана до Владивостока. При этом прямого участия в Гражданской войне на Востоке России Американский экспедиционный корпус так и не принял, за что его командование было не единожды обвинено в симпатиях к большевикам. 5 января 1920 г. генерал У. Грейвс получил приказ об эвакуации, которая продолжалась до 23 апреля 1920 г., когда последние члены Американского экспедиционного корпуса, включая самого Грейвса и его штаб, покинули Владивосток (см.: *Иванян*. 2007; *Мальков*. 1969; *Мельчин*. 1953; *Светачев*. 1983; *Melton*. 2001; *Saul*. 2001; и др.).

^{ix} С предложением послать японские войска в Сибирь Япония, ссылаясь на необходимость «защиты интересов держав», обратилась к странам Антанты уже в конце 1917 года. Излишне напоминать, что, не дождавшись их согласия, 5 апреля 1918 года японские войска высадились на территории России, нарушив тем самым Портсмутский мирный договор 1905 года. При этом Япония стала не только инициатором иностранной интервенции в Россию, но и обладала здесь самой многочисленной войсковой группировкой в 73 тыс. человек. Помимо частей регулярной армии, после начала интервенции японцами были сформированы вооруженные отряды из «резидентов» – проживавших в Приморье этнических японцев (в частности, в Благовещенске-на-Амуре был создан отряд численностью более 300 чел., действовавший под командованием японских офицеров). Японские войска оставались на территории континентальной России дольше всех – до конца 1922 г. (о выводе своих войск из Приморья Япония заявила только 25 октября 1922 г.). Оккупированный же в апреле 1920 г. Северный Сахалин Япония удерживала за собой до середины 1925 г., т.е. до установления дипломатических отношений с СССР (см.: *Григорьевич*. 1957; *Мельчин*. 1953; *Светачев*. 1983; Японская интервенция...; и др.).

^x Фут (*англ.*) – единица измерения длины в английской системе мер, равная 30,48 сантиметров.

^{xi} Эпидемии были одной из неизбывных проблем лагерей военнопленных в России. Советские историки подсчитали, что в 1915 г. эпидемии вспыхнули в 40 из них, в 1916 г. – в 25, в 1917 г. – в 33. (см.: Венгерские интернационалисты... С. 22–23). Только в Казанском военном округе неблагополучная в эпидемическом отношении ситуация наблюдалась в Ардатове, Чистополе, Катав-Ивановском заводе, Оренбурге, Царицыне, Яранске, Слободском, Саранске, Симбирске и Тоцком. Последний и вовсе стал известен едва ли не на весь мир благодаря эпидемии тифа, начавшейся в конце 1915 г. и унесшей жизни нескольких тысяч пленных (см.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 185. Л. 78). Не лишним, однако, будет указать, что неблагополучный эпидемический фон в местах пребывания пленных отражал общую ситуацию в стране, 39 губерний которой уже к середине 1915 г. были отмечены вспышками всевозможных заболеваний (см.: *Прохоров*. 2002. С. 60–61).

^{xii} Родина (*нем.*).

^{xiii} Блокгауз (*нем.*) – в буквальном переводе «бревенчатый дом». Чаще применялось для обозначения особого типа фортификационных сооружений, впервые примененных прусской армией в 1778 г. Очевидно, что Й. Принс имел в виду крестьянские избы, построенные из леса-кругляка.

^{xiv} Мíля (от *лат.* mille passuum – тысяча двойных шагов римских солдат в полном облачении на марше) – путевая мера для измерения расстояния, введенная в Древнем Риме и широко применявшаяся в странах Европы и Америке. Квадратная миля равна 2,59 квадратного километра.

^{xv} Ярд (*англ.*) – британская и американская единица измерения расстояния, равная трём футам (36 дюймам) или 0,9144 метра.

^{xvi} Имеется в виду зима 1917–1918 гг.

^{xvii} На самом деле полной свободы пленным большевики не давали. Просто провозглашенную ими идею освобождения военнопленных от «тюрьменно-лагерного режима» последние поняли буквально и в ситуации распада старых и слабости новых властных институтов не преминули ею воспользоваться. Но так продолжалось недолго. «Принимая во внимание, что распушенность военнопленных и почти полное отсутствие режима дошло до грозных пределов», созданное 4 июня 1918 г. совещание из представителей Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, Эвакуационной комиссии г. Москвы, Чрезвычайной комиссии по охране железных дорог постановило просить ЦИК о рассылке на места специального постановления, требовавшего произвести повсеместный учет военнопленных и их концентрацию в лагерях, а также приостановить перевозки пленным по стране, осуществляя их впредь только по предписаниям центральных учреждений республики. К середине же 1918 г. пленные были не только возвращены в лагерь, но и на принудительные работы, как того требовал приказ Центропленбежа № 38. Председатель Центрального исполнительного комитета Всероссийской революционной организации иностранных рабочих и крестьянских социал-демократов – интернационалистов, обращаясь в этой связи во ВЦИК, подчеркивал, что названный и ряд других приказов Центропленбежа «лишают военнопленных не только всякой свободы, но устанавливают для них режим гораздо хуже царского». Ответствуя, что прикрепление пленным к лагерям или местам работ и запрет на их передвижения вызван необходимостью их предварительного учета и регистрации, необходимых в свою очередь для выполнения обязательств по возвращению пленным на родину, ВЦИК, помимо того, отметил: «...Заявления эти являются результатом глубокой неосведомленности означенного Центрального комитета интернационалистов ни с нашей конституцией, построенной на социалистических началах, ни с декретами и распоряжениями советской власти по вопросам, касающимся иностранных подданных, ни даже с фактами действительной жизни военнопленных» (см.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 95. Л. 11, 26, 36–37 об.; Изв. Центропленбежа. 1918. 7 июля).

^{xviii} Женских лагерей военнопленных в России не было, хотя женщины среди них изредка встречались. Газета «Уральская жизнь», к примеру, в мае 1915 г. ошарашила свою аудиторию новостью о том, что военнопленный австриец, проживавший в одной из деревень Тюменского уезда, «оказался женщиной и на днях... родил». Другое издание, «Зауральский край», сообщило в октябре 1915 г., что «между отправляемыми за последнее время через Екатеринбург пленными были две немки-

добровольцы, солдаты пулеметной команды» (см.: Зауральский край. 1915. 15 окт.; Уральская жизнь. 1915. 19 мая).

^{xix} За время с начала войны до марта 1917 г. по стране было учтено 5350 бежавших солдат и офицеров противника и еще 6253 – за весну 1917 года, когда самовольные «миграции» вражеских военнослужащих обрели черты эпидемии, вызванной ««общеполитическими условиями, подсказывающими военнопленным мысль о сравнительной легкости добраться до границы» (Пермская земская неделя. 1917. 30 июля; Государственный архив Свердловской области. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 90, 90 об.).

^{xx} Пленные в лагерях, согласно установлениям военных властей, должны были довольствоваться из общего котла так называемым артельным порядком. В конце 1915 года во избежание злоупотреблений с продовольствием в помощь закупувавшим для лагерей провизию «русским» артельщикам стали назначать артельщиков из числа пленных. Пленные также должны были участвовать в приеме продуктов и отвечать за их вес и качество. В то же время дневальными, дежурными и кашеварами на лагерных кухнях также стали сами пленники (см. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 174).

^{xxi} О театральной и музыкальной жизни в лагерях военнопленных см.: Царева. 2012; Pörzgen. 1933; *Rachamimov*. 2006.

^{xxii} Такие представители появились в лагерях военнопленных после Стокгольмской конференции, проходившей в ноябре 1915 г. при участии национальных краснокрестных организаций Австро-Венгрии, Германии, Дании, России, Швейцарии и Швеции. Страны-участницы Первой мировой войны при посредничестве нейтральных государств при этом договорились, помимо всего прочего, об «учреждении... на началах взаимности в концетрационных лагерях военнопленных особых комитетов из представителей военнопленных». Каждый такой комитет предполагалось комплектовать минимум из двух офицеров. На каждые 4 тыс. военнопленных дополнительно избиралось по одному офицеру и врачу, а также несколько нижних чинов. На создание лагерных комитетов не сразу согласилась только Германия, но затем и она уступила (см.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 389, 397, 514).

^{xxiii} Лагерь военнопленных в России навещали представители Российского Красного Креста, а также нейтральных Дании и Швеции. Самую большую известность при этом снискала дочь шведского посла в России Эльза Брендстром, проработавшая в лагерях военнопленных пять с половиной лет и удостоенная за это пленниками звания «белого ангела Сибири» (см. об этом: *Двингер*. 2004. С. 173–174 и др.).

^{xxiv} России заключила соглашения с Германией и Австро-Венгрией о взаимных инспекциях лагерей военнопленных в июле и октябре 1915 г. (см.: *Нахтигаль*. 2007).

^{xxv} Австрийским Красным Крестом для осмотра лагерей военнопленных в конце 1915 г. в Россию были отправлены сестры милосердия графиня Анна Ревертера де Саландра, баронесса Илона Рошти (в российских источниках – Росте), Кэте фон Михалотцы (см.: *Нахтигаль*. 2007. С. 86–87). В середине 1916 г. в Россию с той же целью прибыли принцесса Кунигунде Крой-Дюльмен, графиня Паулина Штубенберг-Пальфи, графиня Нора Кински, баронесса Андорина фон Хусар (в российских источниках – де Бюсцар) и графиня Магда Цебриан (см.: Правительственный вестн. 1916. 5 июня). Скорее всего, Й. Принс пишет о первой миссии австрийских сестер милосердия, в ходе которой баронесса Рошти посетила Красноярск, Челябинск и Катав-Ивановский завод кн. Белосельских-Белозерских, делегатка фон Ми-

халотци – Бузулук, Пензу, Самару, Сызрань, Токкое и Ташкент, графиня Ревертера – Екатеринбург, Ирбит, Кузнецк, Никольск-Уссурийский, Оренбург, Пермь, Петропавловск, Токкое, Тюмень, Томск, Омск (см.: Вестн. Российского общества Красного Креста. 1916. № 2. С. 650–663). «...Общее впечатление, вынесенное нами от осмотра виденных нами лагерей военнопленных, сводится к тому, что громадные старания были приложены для осуществления благоустройства лагерей военнопленных в России. Дефекты, которые нам пришлось констатировать, происходят отчасти от местных условий, отчасти от неблагоприятных обстоятельств или от непредвиденных затруднений. Мы должны заявить, что мы нигде не встретили недоброжелательных намерений относительно военнопленных...», — значилось в отчете сестер, что, однако, не означало «близорукости» делегатов, приписываемой им Й. Принсом. На самом деле по итогам визита в Россию сестрами милосердия был сформулирован целый ряд требований, включая требование «упразднить» не приспособленные для содержания пленных помещения (напр., цирк в Омске), ввести в лагерях карантин для вновь прибывавших пленных, завести повсеместно дезинфекционные камеры, водить пленных в баню хотя бы дважды в месяц, расширить или прибавить помещения для стрики белья, свести до минимума перемещения пленных из одного лагеря в другой, облегчить получение военнопленными корреспонденции и денежных переводов, а также навести порядок в оплате труда пленных (см.: Вестн. Российского общества Красного Креста. 1916. № 4. С. 1245–1247).

^{xxvi} Ветер с отчизны (нем.).

^{xxvii} Имеется в виду 5-й гусарский (кавалерийский) полк имени графа Йозефа Радецкого (Husarenregiment Graf Radetzky № 5), существующий и ныне в австрийской армии как танковый.

^{xxviii} Питание пленных офицеров было значительно лучше питания нижних чинов в связи с тем, что первые, будучи привилегированной элитой среди пленников, получали, помимо пайка, денежное содержание в 50–100 рублей в месяц. Этим денег, как свидетельствуют источники, хватало не только на питание, вызывавшее зависть обывателей, но и на приобретение книг, посещение музеев, катание на лодках и даже оплату услуг интимного характера (см.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 132–133 об., 155–156 об., 193, 194, 199 об., 219–219 об.; Ф. 146. Оп. 1. Д. 83. Л. 57; и др.). Живописуя стол пленных офицеров, один из них писал на родину в 1915 г.: «Живем очень хорошо, такого житья желал бы и вам. Имеем свинину, зайцев, гусей, уток, кур, а на дворе воспитываем цыплят, утят». Однако через год-полтора, с ухудшением общеэкономической ситуации в стране, все изменилось. «Жизнь здесь крайне вздорожала, отдельные предметы – на 300 %, некоторых продуктов вовсе нет, например, сахару... Получаемых 50 рублей еле хватает на еду и мелкие расходы, о платье и белье надо забыть», – корреспондировали из офицерского лагеря осенью 1916 г. В другом офицерском письме, датированном январем 1917 г., сообщалось: «Товарищи раньше на 50 рублей жили с роскошью, а теперь из экономии сами стирают белье». К сентябрю 1917 г. экономия стала бессмысленной, так как деньги совсем обесценились: «Деньги здесь не имеют никакой цены. Жизнь невероятно, безбожно дорога, предметы поднялись в цене на 800–1000 %. На наши 50 рублей немудрено существовать» (см.: Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. И-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 268, 290, 334, 379).

^{xxix} По мысли А. Рачамова, иерархическое неравенство между офицерами и солдатами, напомиавшее о традициях XIX столетия, имело решающее значение для

характеристик российского плена, по крайней мере, до стремительной девальвации рубля в 1916 г.: «Военнопленные офицеры в России, независимо от того, где они содержались, пользовались условиями, которые намного превосходили условия жизни любой другой группы военнопленных. Можно даже сделать вывод о том, что в определенные отрезки времени (особенно зимой 1916–1917 гг.) уровень жизни пленных офицеров в России был значительно выше, чем уровень жизни гражданского населения на их родине» (см. подробнее: *Rachamimov*. 2002. Р. 98). При этом дело было не только в том, что пленным офицерам полагались жалование, денжки лучшие и помещения. Дистанция в положении статусных и нестатусных пленников определялась прежде всего привлечением последних к принудительному труду, и тогда как пленные офицеры жаловались, что от безделья они толстеют и «теряют фигуру», рядовые пленники в массе своей сравнивали плен с рабским полуугольным существованием (см.: ГАТ. Ф. И-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 91, 108, 157, 201 и др.).

^{xxx} Сигарный бант – кольцо из бумаги или фольги с логотипом сигарной марки, размещаемое на корпусе сигары.

^{xxxi} Здесь и выше Й. Принс описывает симптомы так называемого синдрома концентрационных лагерей или «болезни колючей проволоки», от которой страдали пленные Первой мировой войны как в России, так и в других странах (см., напр.: *Yarnall*. 2011). В наиболее концентрированном виде психологический фон этой болезни описывает экс-военнопленный Эмиль Ленгуел, отмечающий в своей книге «Сибирь»: «Наша жизнь настолько безрадостна и уныла, что мы должны найти некий искусственный стимулятор, чтобы сделать ее более терпимой. В каком-то смысле наше положение было еще более худшим, чем положение обычных преступников, приговоренных к определенному тюремному сроку. Они, по крайней мере, могли считать недели и месяцы, приближавшие их освобождение. Мы никогда не были более близки к свободе, так как нам казалось, что война не закончится никогда. Для молодых людей двадцати лет жизнь в лагере еле тянулась. Для нас она не двигалась вообще, она остановилась. Когда нечего ожидать, дни погружаются в невыразимое однообразие сибирской зимы. Вот почему мы вынуждены были гоняться за каждой крупницей иллюзии. Вот почему сибирский лагерь для военнопленных был миром фантазии, королевством *Fata Morgana*...» (*Lengyel*. 1943. Р. 193). Термин «болезнь колючей проволоки», введенный в 1918 г. А. Вишером, используется до настоящего времени для обозначения симптомокомплекса «тюремной психологии», который возникает у людей в ситуации насильственного ограничения свободы.

^{xxxii} Огороды, свинарники и курятники в лагерях военнопленных заводились в соответствии с приказом Верховного начальника Санитарной и эвакуационной части принца А.П. Ольденбургского. Считалось, что дополнительно получаемая таким образом растительная пища позволит уберечь пленных от цинготных заболеваний, а мясная – от куриной слепоты (см.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 83. Л. 225).

^{xxxiii} Опера французского композитора Д. Обера «Немая из Портичи» (1828).

^{xxxiv} Бельгийская революция – восстание в августе и сентябре 1830 г., закончившееся созданием независимого Бельгийского королевства путем отделения фламандской и валлонской, преимущественно католических франкоязычных частей Нидерландского королевства от его доминирующих протестантских северных провинций.

^{xxxv} Пьеса австрийского писателя Артура Шницлера «Зеленый попугай» (1899).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Блоун Ф., Розенберг У.* Споры вокруг архивов, споры вокруг источников // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? Сб. статей. М., 2013. С. 135.
- Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959.
- Геккер Ю.Ф.* Под знаменем Красного Треугольника. Нью-Йорк, 1933.
- Греков Н.В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. статей. Омск, 1997. С. 154–180.
- Григорьевич С.С.* Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918–1922 гг.). М., 1957;
- Данилов В.А.* Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972.
- Двингер Э.* Армия за колочей проволокой: Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. М., 2004.
- Зализняк А.* Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010.
- Зарецкий Ю.П.* Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков // Социальная история. 2008. СПб., 2008. С. 329–340.
- Зарецкий Ю.П.* История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2012. № 3. С. 218–232.
- Иванян Э.А.* У истоков советско-американских отношений. М., 2007.
- Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. М., 1967.
- Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965.
- Конец А.Ю.* Правовой статус «немцев», «литвы» и «ясашных иноземцев» в Сибири XVII – начала XVIII века: опыт сравнительного анализа // Западноевропейские специалисты в России XV–XVIII веков: Тез. док. науч. конф. М., 2002. С. 21–23.
- Мальков В.Л.* Американские солдаты в Сибири // История СССР. 1969. № 1. С. 161–169.
- Мельчин А.И.* Разгром американо-японских интервентов на советском Дальнем Востоке в 1920–1922 годах. М., 1953.
- Михеев М.* Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX вв.). М., 2007.
- Нахтисаль Р.* Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915–1917 гг. // Опыт мировых войн в истории России: Сб. статей. Челябинск, 2007. С. 83–94.
- Прохоров Б.Б.* Здоровье россиян за 100 лет // Человек. 2002. № 2. С. 60–61.
- Савкина И.* Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007.
- Светачев М.И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922). Новосибирск, 1983;
- Суржикова Н.В.* Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций: теории центра и практики периферии // Cahiers du Monde russe. 53/1 (2012). P. 247–266.
- Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014.

- Шебалдина Г.В.* Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века. М., 2005.
- Царева Е.С.* Военнопленные Первой мировой войны в музыкальной жизни Сибири // Южно-Российский музыкальный альманах. 2012. № 1. С. 78–88.
- Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. М., 1934.
- Bradley J.F.N.* La Légion tchécoslovaque en Russie, 1914–1920. Paris, 1965.
- Brändström E.* Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien, 1914–1920. Berlin, 1920; Leipzig, 1927.
- Brändström E.* Among Prisoners of War in Russia and Siberia. London, 1929.
- Davis D.E., Trani E.P.* The American YMCA and the Russian Revolution // Slavic Review. 1974. Vol. 33. № 3.
- Dekker R.M.* Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history // Memoria y Civilización. Anuario de Historia. 2002. № 5. P. 13–37.
- Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte / hg. W. Schulze. Berlin, 1996.
- Essais d'ego-histoire / réunis et présentés par P. Nora. Paris, 1987.
- Fic V.* Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918. Praha, 2006–2008.
- Kvasnicka J.* Československé legie v Rusku 1917–1920. Bratislava, 1963.
- Lengyel E.* Siberia. New York, 1943.
- Melton C.W.* Between War and Peace: Woodrow Wilson and the American Expeditionary Force in Siberia, 1918–1921. Macon, Ga, 2001.
- Montandon D-G.* Deux ans chez Koltchak et chez les Bolcheviques: Pour la Croix-Rouge de Genève (1919–1921). Paris, 1923.
- Paperno I.* What Can Be Done with Diaries // The Russian Review. 2004. № 63. P. 561–573.
- Pörzgen H.* Theater ohne Frau: Das Bühnenleben der Kriegsgefangenen Deutschen 1914–1920. Königsberg, 1933.
- Rachamimov A.* POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front. N.Y., 2002.
- Rachamimov A.* The Disruptive Comforts of Drag: (Trans)Gender Performances among Prisoners of War in Russia, 1914–1920 // The American Historical Review. 2006. Vol. 111. № 2. P. 362–382.
- Saul N.E.* War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Kansas, 2001.
- Service with fighting men. An Account of the Work of the American YMCA in the World War: In 2 vol. Vol. 2. New York, 1922.
- Steuer K.A.* Pursuit of an «Unparalleled Opportunity»: The American YMCA and Prisoner-of-War Diplomacy Among the Central Power Nations During World War I, 1914–1923. New York, 2009.
- Walsleben M.* Die deutsche Schwester in Sibirien: Aufzeichnungen von einer Reise durch die sibirischen Gefangenenlager vom Ural bis Wladiwostok. Berlin, 1919.
- Yarnall J.* Barbed Wire Disease: British & German Prisoners of War, 1914–19. Stroud, 2011.
- Вебер Михаил Викторович**, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; mikeveber@mail.ru
- Суржикова Наталья Викторовна**, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; snvplus@mail.ru

Н. Г. ЛИСЕВИЧ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ПЕЧОРСКОГО КРАЯ В ДНЕВНИКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ (1914–1918 гг.)¹

В статье рассматриваются особенности повседневного быта населения северной провинции России – Печорского края в период Первой мировой войны. Проанализированы редкие мемуарные источники рядовых представителей крестьянской, торговой и рабочей среды. Их изучение позволяет представить социальную, экономическую и политическую ситуацию, сложившуюся на периферии в 1914–1918 гг.

Ключевые слова: Печорский край, повседневность, мемуары, Первая мировая война.

Военная повседневность и восприятие военных событий современниками остаются малоисследованными в исторической науке. Тема рядового человека прежде считалась в историографии несерьезной, сегодня же признается несомненная польза обращения к его проблемам, поступкам, заботам, мыслям, чувствам, интересам, вещам, которые его окружали. О популярности данного направления говорит нарастающий поток статей и книг, связанных с историей повседневности и использующих массу разнообразных источников, в том числе дневники, воспоминания, письма. Введение в научный оборот новых документов дает исследователям возможность познать колорит эпохи и акцентировать внимание на новом ракурсе событий, происходивших на периферии.

В статье представлены воспоминания современников Большой войны, как ее иногда называли в Российской империи. Мемуары, дневники, письма не содержат описание событий на передовой, в них описана жизнь в тылу. Эти крайне редкие документы дают возможность понять, что ощущали обычные люди, как они воспринимали события, рассказы мобилизованных, оптимистические прогнозы официальной прессы.

Манифест Николая II о начале войны с Германией 1914 года был рассчитан объединить российский народ против неприятеля для скорейшей победы. В документе выражалась надежда (здесь и далее приводится с сохранением грамматики): «...Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные. В грозный час испытания да будут забыты, внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом, и да

¹ Статья выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 12-П-6-1003.

отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага...». Однако, реакция военнообязанного населения на призыв, оказалась, в некоторых случаях, противоположной ожиданиям императора. Рядовые солдаты не стремились отправиться на войну.

Война усугубила сложившуюся политическую ситуацию в стране. Образовавшиеся общественно-политические партии, отличающиеся своими программами, в конечном итоге ставили целью либо ограничение власти самодержавия, либо окончательное свержение монархии.

Молодые рабочие, пришедшие из деревень в город за «лучшей жизнью», в большинстве своем малограмотные, становились сторонними наблюдателями происходивших перемен, связанных с развитием революционных процессов. В ГУ РК «Национальном архиве РК», в фонде Истпарта (Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии), сохранились воспоминания Федора Никифоровича Лесукова, активного профсоюзного лидера Архангельска. Ф.Н. Лесуков родился в 1890 г. в предместье Архангельска – Соломбале. Членом ВКП(б) стал в феврале 1917 г. Затем, в период до 1935 г., занимал различные номенклатурные должности в Архангельском союзе деревообработчиков, уездном союзе кооператоров г. Онеги, начальника архангельской милиции, управляющего райкомхоза ремстройконторы Архангельска. Воспоминания, написанные в 1925 г., охватывают период с 1901 по 1918 гг. В документе описывается работа Лесукова с 1901 г. в Ярославле, затем с 1904 г. в Архангельске на лесопильных заводах, первые забастовочные движения рабочих на заводах городов, рассказывается о профсоюзной поддержке бастующих. Политизированность мемуаров продиктована особенностями времени их создания. В подробностях отражены события 1917–1918 гг. – установление Советской власти на Печоре и в Архангельске, английской интервенции, многочисленные аресты Федора Никифоровича.

Накануне Первой Мировой войны в крупных промышленных городах России нарастало недовольство трудовых коллективов своим экономическим положением. Ситуация обострялась и внешней политикой России, втянутой в войну с Японией. По мемуарам видно, что Лесуков не политизирован, в первых забастовках в Ярославле не участвует, воздерживается от критики внутренней политики страны: «Я тогда мало и понимал в этом движении. Молод был и темен...». Будучи сам рядовым работником, он близко соприкасался с активными противниками существующего режима, неопытный молодой человек быстро поддался их влиянию. Федор стремится избежать ареста и не попасть на фронт. Называет себя коммунистом и объясняет нежелание идти на войну тем,

что партия была против войны, хотя и не ставила перед своими членами в обязательство отказ от военной службы.

Лесуков отправляется в отдаленный Печорский край: «... Подошел четырнадцатый год. Разразилась война с Германией... Пошли разговоры, толки о войне. Я тогда еще плохо разбирался во всем этом... оставался в тылу. Подпольная работа шла своим чередом. С ней вместе шли и аресты и ссылки. Некоторым товарищам пришлось скрываться. Часть их подалась на Печору... На Печоре в это время отбывал административную ссылку Н.Е. Сапрыгин, ныне редактор «Северного хозяйства». Там, на Печоре, еще в [1]903 году ими была организована артель по выработке точильных оселков, из песчаника. В Архангельске... и мне не безопасно стало... Пижма страшная глушь. Про такие места говорят обычно: «семь лет скачи – не доскачешь». Настоящий медвежий угол. И народ там лесной, темный, как непролазная чаща. Обмануть его ничего не стоит. Никого не видит, ничего не слышит... Повидавшись в Усть-Цильме и с Сапрыгиным, я двинулся к месту работы. Сначала плыл в лодке по реке Пижме, затем шел пешком, лесами... По каким-то таежным, неизвестным тропинкам вел меня уверенно мой проводник. За день сделали верст сорок, ночевали в лесу на мхах...».

Подробно описаны условия работы и повседневного быта в артели. Тяжелый ручной труд не пугал привыкшего к деревенской работе молодого человека. В любом случае это было лучше ссылки или жизни в окопах. События мировой войны не отразились в воспоминаниях Лесукова за 1914–1918 гг. Это время он провел вдали от военных потрясений, работая в артели. Работники не только разрабатывали оселок, кроме этого производились изыскания минеральных красок, серного колчедана, медной руды, каменного угля, асфальта, песчаника разных сортов, «годного для изготовления нежных и грубых оселков», графита. Артель обеспечивала себя всем необходимым – занимались охотой, рыболовством, поочередно дежурили на кухне. «Дежурный должен был готовить обед, печь хлебы, мыть белье, остальные занимались... разработкой песчаника...». Стараюсь избежать лишнего внимания, члены артели без надобности не появлялись в населенных местностях, «...когда истощались запасы муки, отправлялись пешком в ближайшую деревню за 80 верст...».

В начале войны производство приносило доход. К 1917 г. ситуация меняется, становится труднее реализовать товар, но и тогда члены артели надеются наладить продажи не только через потребительские общества в Москве и Архангельске, но и за границей. В воспоминаниях говорится о торговых экспедициях и попытках предпринимателей (Вышемирского, Бибикова) организовать производственную разработку точильного камня,

о коммерческих связях артели². Многие из этих инициатив по причине войны оказались невыгодными: «В начале войны одна московская фирма вела с артелью переговоры о поставке ей ежегодно до 10000 пудов плит, но затем из-за войны временно отказалась. Была также агентура в виде торговца Куренкова, он достаточно распространял наши изделия, но потом, видимо с войною, занялся другим более выгодным делом... Тогда... артель усилила распространение брусков через потребительские общества... Затем еще одна Петроградская фирма, с оборотным капиталом до шести миллионов рублей, дала нам заказ на 3000 рублей...».

Участие в революционных событиях Ф. Лесуковым описаны без особых эмоций. О периоде жизни и работы в артели, вдалеке от политических событий, он вспоминает с большим удовольствием. К активной политической жизни он возвращается в марте 1918 г., когда артель ликвидирована: «Жить уж стало трудно... Россия разорялась от войны, всякие промыслы падали. Наша артель волей-неволей должна была замереть. Летом этого [1917] года все члены нашей артели вышли с Тимана... я остался в лесу до зимы ждать, когда ушедшие раздобудут мне паспорт и вышлют... Никогда я так хорошо не жила, как в эту пору, ни раньше, ни позже. Несмотря на то, что я был совершенно один, я не испытывал скуки, одиночества. Мне было так хорошо... никогда, наверное, и не придется еще так пожить...».

Отдаленный от центральных регионов России Печорский край война напрямую не затрагивала. До обострения классовых столкновений и экономического кризиса, вызванного затянувшейся войной, жизнь оставалась размеренной и вполне спокойной. Военные события населением периферии воспринимались как явление абстрактное и не могущее повлиять на устоявшийся уклад их быта. Мелкие предприятия и кустарное производство, даже ощущая упадок торговли, пытались реализовать продукцию, заключали договора на поставки с крупными российскими фирмами, пытались наладить торговлю с иностранными. В 1918 г. Лесуков с удивлением вспоминает: «Шесть дней Россия жила без царя, а Устьцильма все еще ничего не знала...».

Об отдаленности Печорского региона от центральной России и неудовлетворительном развитии путей сообщения края накануне мировой войны подробно писал священник Андрей Попов. 8 мая 1913 года он, по окончании Вологодской духовной семинарии и после преподавания в Усть-Сысольском духовном училище, прибыл на место своего нового назначения в Щугорском Стефановском приходе Усть-Сысольского

² Иевлев, Плоскова, Астахова. 2011. С. 358-359.

уезда, в то время самом дальнем приходе Вологодской епархии на р. Печоре. В 1914 г. в Вологде была напечатана его брошюра «Печорский край, что в Усть-Сысольском уезде Вологодской епархии и его природные богатства». Как пишет автор, «я не мог остаться равнодушным зрителем неисчерпаемых богатств печерского края и решился познакомить с ним лиц, которые пожелают потрудиться на каком-нибудь служебном поприще в этом богатом уголке Вологодской губернии».

На страницах издания А. Попов не только отмечает основные богатства края: лес, нефть, изобилие лесной дичи, огромные рыбные запасы и проч., но и описывает быт, занятия и промыслы местного населения, дает характеристику путей сообщения, подробно описывает Щугорский приход: «Заехавшему... в первый раз в жизни... в печорский край... невольно приходят в голову печальные мысли: о значительном своем отдалении от губернского и уездных городов, ...о неведомом, холодном, суровом крае, о людях... среди которых придется жить... Все это, в связи с постоянно встречающимися в пути болотами, кочками, неширокой дорогой и высокими деревьями, наводит на душу гнетущую тоску...». На переправе через реку Сойва перевозчика «не оказалось, почему с установкой на паром лошадей и тарантаса, одному вознице пришлось поработать более часа и я, при сильном, холодном северном ветре, совсем продрог... В весеннее половодье... и осенью... езда через печорский волок бывает не только неприятна, но в холодную погоду рискованная для здоровья... холодная болотная вода попадает в тарантас...». Попов прибыл в Троицко-Печорский приход 4 мая 1913 г., остановился у церковного старосты, чтобы дожидаться первого в этом году (6 мая) почтово-пассажирского парохода из села Якши. В приход священник приехал крайне удачно: «если бы... приехал... позднее... должен был бы ждать... следующего парохода более 10 суток...».

А. Попов рассказывает, как из-за неразвитых путей сообщения и удаления населенных пунктов от пристаней осложнялась доставка почты: «Пассажирские пароходы... делающие рейсы по р. Печоре, когда позволяет глубина реки... на них развозится большая часть корреспонденции, посылок и денежных отправок для населения печорского края и в гор. Архангельск... но получка с этих пароходов... крайне неудобна и затруднена. А иногда почти невозможна... Главное неудобство и трудность получения посланного... заключается в краткосрочной остановке пароходов на пристанях, особенно ночью, рано утром и поздно вечером... с большим трудом и поспешностью едва успели на этот пароход служащие... которые проживают менее, чем в ½ версте от пристани...». Из-за сезонного мелководья Печоры, пишет служитель, пароходы не укладывались в

маршрут и расписание. Опасность и неудобства передвижения по Печорскому краю приводили к нежеланию государственных чиновников добросовестно заниматься вопросами формирования действующей армии и вести качественный учет военнообязанных³. Труднодоступность региона привлекала тех, кто не хотел быть призванным на военную службу. Отход для работы на периферию позволял переждать беспокойное время пусть и в не комфортных, но более безопасных условиях.

Мужчины, не обремененные семейными заботами о детях, при поддержке товарищей, могли надолго уходить в труднодоступные местности. Воспоминания женщин времени этого периода связаны, в первую очередь, с проблемами выживания в условиях военной экономики. В Научном архиве Коми научного центра УрО РАН, в фонде Котелиной Нины Степановны отложилась переписка ее родственника Попова Алексея Викторовича с односельчанами об истории села Оквад Усть-Вымского района Коми АССР.

Одним из адресатов Алексея Викторовича была его односельчанка и однофамилица Мария Александровна Попова. В письмах конца 1960-х гг. она вспоминает своего брата Афанасия Александровича Попова, работавшего на кожевенном заводе в Окваде, призванного на империалистическую войну в 1914 г., а затем на Гражданскую войну. Кроме создания первых партийных ячеек, Мария описывает быт их семьи в военный период 1914–1918 гг., свои личные переживания. Жизнь молодой девушки представлена через призму прожитых лет, ее восприятие событий отличается от мужского видения происходящего. В письмах она объясняет, что в школе не училась, извиняется, что плохо пишет. Малограмотность автора отразилась в особенности стиля написания воспоминаний, что в некоторых случаях не позволяет передать содержание письма дословно.

В письмах отражены события 50-летней давности, но воспоминания о пережитом очень свежи в памяти Марии Александровны. О своем брате женщина сообщает, что на кожевенный завод Афанасий пошел работать в 14 лет, в 1906 г.⁴ На заводе он работал до «германской вой-

³ Иванов. 2009. С. 66.

⁴ В начале XX века в дореволюционной России кожевенные заводы представляли собою мелкие и плохо технически обставленные заведения. Санитарные условия были близки к «первобытным». В большинстве случаев на заводе работало три-пять человек. Обрабатывали замшу при помощи извести, золы и ворвани. С оленьей шкуры ножом сбривали шерсть, затем шкуры выдерживали в жидком известковом растворе и выскабывали ножами. Очищенная шкура пропитывалась ворванью, мялась в особой мялке. Процесс повторялся, пока замша не приобретала необходимую мягкость. После этого ее сушили, промывали горячим щелоком, выветривали и окончательно высушивали. См.: *Жилинский*. 1919. С. 236.

ны», на войне был ранен в легкое, после лечения вернулся рабочим на завод. Оплата за тяжелую и опасную работу была слишком мала, чтобы безбедно существовать. Мария Александровна вспоминает, что «в конце месяца напоят и вся цена работы». Вскоре Афанасий попал на гражданскую войну. После очередного ранения вернулся домой в декабре 1918 г. Жила семья очень бедно, «хлеба не хватало до Рождества». Располагались в маленьком, холодном доме с маленькими окошками. Поддерживать хозяйство было некому, отец Марии умер в 1896 г. Мать осталась с пятью малолетними детьми. В сумерках в доме горела лучина. Дети «носили на семейство одну пару валенок, а между домами босиком бегали». Из-за нехватки дров баню топили редко, из дома «босиком бегали в баню... Спали на снопе соломы, постеленной на пол, одеял не было...». Во время сна плотнее прижимались друг к другу, чтобы согреться.

Бесправие своего женского положения, Мария ощутила очень рано. Она пишет, что замуж ее выдали в 15 лет, «а жениху было 63». Такая разница в возрасте пугала невесту и замуж она выходить отказывалась. Тогда ее «связывали и так били»: скорее всего, молодую девушку хотели запугать и заставляли заключить брак со стариком. Семья вынуждена была пойти на подобный шаг, положение в семье было крайне нищенское. Приданого за невестой дать не могли, поэтому выдавали за того, кто согласился жениться, чтобы хоть как-то сократить нужду в семье. Два раза она убегала от мужа, ее возвращали. В итоге ей удалось сбежать и скрываться: «Жила [в] бане, жила у коровы, [в] недостроенном доме. Он [муж] меня все хотел убить. Тогда, если муж убьет жену, суд не судил». Мария с благодарностью вспоминает односельчан, помогавших семье справиться с голодом: «Пойдешь бывало просить милостыню, никто не даст половину хлеба, а все давали по 3 ярушника...».

События мировой войны отразились на жизни М.А. Поповой косвенно. В письме передан дух времени провинциальной деревни. Такие редкие воспоминания ценны своей непосредственностью, показывая нам жизнь «рядовых обывателей». Несмотря на отдаленность от непосредственного участия, чувствуется, что военные события отражаются на укладе жизни и мировоззрении простого деревенского населения.

В фонде Истпарта Национального архива РК сохранился уникальный документ – дневник политического ссыльного Николая Ивановича Зыкова⁵, в котором отражен период жизни в селе Мохча Печорского уезда (1917–1918 гг.). Из записей видно, что война представляется жителям «глухого края» как событие, напрямую их не касающееся:

⁵ Букина, Кызьюров, Лисевич. 2007.

«...Интересное явление: думал я, что война родит массу хулиганов и здесь, что придется бежать отсюда. Ничего подобного! Зыряне все те же... какими были и до войны. Не подумать ли покрепче, прежде чем решать отъезд отсюда: если разруха кончится, здесь будет совсем неплохо во многих отношениях... Не шутя намерен после войны... серьезно стать крестьянином. Хорошее оружие, сети, порядочное обзаведение по крестьянству и две-три работающих помощницы. Вот и все...».

Последствия разорения страны затянувшейся войной дошли до Мохчи, достаток семьи Зыкова оставлял желать лучшего: «Только бы с... долгом развязаться... Я теперь почти разорился... Не просто хочется жить, а надеюсь, что буду жить, переживу эту разруху и посмотрю, что будет дальше... Война! Долго ли еще будешь ты терзать весь мир и меня в том числе? ...все жду лучшего с 1915 года, а дела идут все хуже да хуже...». Материальное положение требовало жесткой экономии семейного бюджета: «Сотни раз просил... чтобы поменьше валила дров в нижнюю печь. И все напрасно. Бывают дни, когда... сожжет 12, а то и больше полен. Одним словом, на дрова выкатываем в месяц рублей 40, а то и больше. ...Но торговля кончена, проданы остатки кофе... Неужели не пора подумать о том, чтобы хоть подольше не съесть всего, без остатка? Сегодня навалила она 11 полен. Я предложил убрать хоть два-три. ...Затопила печку, как будто я ничего и не говорил. Начал я убавлять дров...».

Развивающийся в стране экономический и политический кризис привел к обострению противостояния между крестьянским и торговым населением в такой отдаленной провинции как Печорский край. Образованный Н.И. Зыков понимал всю опасность подобных противоречий и надеялся, что в дальнейшем войн таких масштабов можно будет избежать: «До сих пор проклинал я одиннадцать лет, проведенных на школьной скамье. Для торгаша эти годы, конечно, утрата. Не нужны за прилавком развитие и способность мыслить "о вещах высоких". Но не будь я до 18 лет интеллигентом, не будь я им, в душе, и теперь, какою свиньей был бы я после той встрепки, которую дала мне жизнь с 1907 года! Теперь книга – лучший друг человека – спасет ...душу. Да здравствует культура!... Взял "Ниву" и долго лежал на кровати, читая рассказ из современной войны. А мысль работала над... возможностью мирного сожительства народов... я пытаюсь верить, что эта война пробудит хорошие зачатки в человечестве... Неужели и после того, как положили в землю, минимум 12 миллионов людей, не попробуют люди приняться за корни, порождающие эти столкновения? Маленькие сопоставления: в Мохче сеной кризис, но стоило с осени определить под убой десять лишних скотин... и никакого кризиса не было бы. Не то ли же и в жизни

государства?... Прежде я не верил, что возможно перерождение человечества. Но улучшите воспитание, выбросьте из школ военную галиматью, вроде “Тараса Бульбы”, вырастите поколение, не умеющее действовать иначе, как по велению чистого разума, и войны будут немислимы. ...Ужас берет, когда подумаешь, как хорошо могли бы жить люди, и как скверно они живут...».

Мемуарные источники – воспоминания, дневники, письма рядовых современников (мелких торговцев, рабочих, крестьян) являются основными источниками, отражающими особенности бытовой истории в провинции в период Первой мировой войны. Ценность таких редких документов сложно преувеличить, учитывая то, что традиция написания воспоминаний в малообразованной крестьянской и зарождающейся рабочей среде россиян в исследованный период отсутствовала.

Из представленных нами документов видно, что Печорский край в условиях военного времени стал глубоким тылом России. Отдаленность региона от «театра» военных действий, абстрактное восприятие войны, вера в быструю победу приводили к попыткам развивать кустарное и промышленное производство, коммерческую деятельность, экспедиционные исследования. На периферии, в отдаленной провинции население начало ощущать тяготы военного положения в стране примерно к середине 1917 года, ухудшающаяся экономическая ситуация, обостряющееся народное волнение приводили к политизации общественности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Букина И.В., Л.А. Кызыоров, Н.Г. Лисевич.* «В августе немного сочувствовал я Корнилову с его железной дисциплиной, теперь я – большевик». Из дневника первого председателя совета крестьянских депутатов с. Мохча Печорского уезда Н.И. Зыкова. 1918 г. // Отечественные архивы. 2007. № 6. С. 91-118.
- Жилинский А.А.* Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния (Ледовый океан и Белое море. Мурман. Лапландия. Карелия. Поморье. Кемь. Онега. Северная Двина. Архангельск. Холмогоры. Пинега. Шенкурск. Мезень. Канин. Печора. Новая Земля. Карское море) / Предисловие С.Л. Маневича. Петроград, 1919.
- Иванов Ф.Н.* Роль местных органов самоуправления в подготовке и проведении рекрутских наборов // Местное самоуправление как ресурс развития территории: Взгляд из Яренска: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Архангельск, 2009.
- Невлев А.А., Плоскова С.И., Астахова И.С.* Горные промыслы XV – начала XX вв. // Атлас Республики Коми. М., 2011. С. 358-359.

Лисевич Нина Григорьевна, главный архивист отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми научного центра Уральского отделения РАН; lisevich@presidium.komisc.ru.

Е. А. ТЕРЮКОВА

**«ОПИСАНИЕ ПОДРОБНОЙ ЖИЗНИ И ВСЕХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ СЕКТАНТА АДВЕНТИСТА СЕДЬМОГО
ДНЯ СУББОТЫ И ЕЯ ПРАЗДНОВАНИЯ Я.А. БЕЛИКОВА
(по материалам научно-исторического архива
Государственного музея истории религии)**

Статья представляет собой первую публикацию автобиографического жизнеописания российского адвентиста седьмого дня Я.А. Беликова, проживавшего в конце XIX – начале XX в. в станице Упорной Кубанской области (ныне Краснодарский край), Лабинского района. Рукопись хранится в научно-историческом архиве Государственного музея истории религии и является документальным свидетельством сложной общественно-политической ситуации в России на рубеже XIX–XX вв. Одно из центральных мест в общественной жизни занимал религиозный вопрос. Особую актуальность ему придавало отсутствие реализованного на практике принципа свободы совести и широкое распространение новых религиозных учений протестантского толка.

Ключевые слова: *Адвентизм седьмого дня в России, Манифест о веротерпимости 1905 г., российское вероисповедное законодательство начала XX в.*

В России адвентизм стал распространяться с 1880-х гг. через миссионеров из Северной Америки. Сами адвентисты считают официальной точкой отсчета своей истории в России 1886 год, когда в селении Бердебулат в Крыму была создана первая адвентистская община¹. Впоследствии общины адвентистов возникли в Таврической губернии, Поволжье, на Дону, Кубани, в Бессарабии, на Волыни, в Привисленском и Прибалтийском краях. На рубеже XIX – XX вв. приверженцы адвентизма создавали свои общины в Туркестане и в Сибири.

Первыми проповедниками учения адвентизма седьмого дня в России были Г. Перк, Я. Ресвик, К.Л.Р. Конради, К. Лаубган. В результате их деятельности к осени 1890 года в России насчитывалось более трехсот последователей учения АСД. В январе 1891 года в Гамбурге прошло первое организационное собрание, на нем было избрано руководство церкви Адвентистов седьмого дня в России, которая вошла в состав Германской Конференции². В октябре 1894 года в г. Александродаре (Кубанская область) прошел съезд Германо-Российской Конференции.

В 1896 г. число членов церкви возросло до 779. Было организовано 20 общин, которые располагали восемью проповедниками и собственной

¹ Из истории церкви Адвентистов седьмого дня... 1993. С. 7.

² Там же. С.13.

сеть евангелистов и книгонош³. К 1897 г. число общин адвентистов в России достигло 23, а численность членов Церкви стала приближаться к тысяче, причем национальный состав их общин отличался большой пестротой, кроме немцев в них входили русские, украинцы, латыши, эстонцы и др. В начале XX столетия количество общин перевалило за 28.

Наибольшей популярностью адвентистское движение пользовалось среди городской бедноты, ремесленников, мелких чиновников и лавочников. В деревнях движение адвентистов седьмого дня пополнялось за счёт беднейшего крестьянства, в среде которого его эсхатологические аспекты находили самый живой отклик. Епископ Алексей отмечал, что «в сёлах, где живут адвентисты, резко бросалось в глаза различие во внешней обстановке жилищ «субботников» от жилищ остальных крестьян»⁴. Адепты этого нового для России учения были выходцами из православия, лютеранства или баптизма. К 1912 г. из 5500 адвентистов седьмого дня, насчитывавшихся в России, 64% составляли бывшие православные, 36% – выходцы из баптизма и лютеранства⁵.

До выхода Манифеста о веротерпимости в 1905 г. правовой статус адвентистских общин не был определен. Они попадали в разряд сектантских, под которыми российское вероисповедное законодательство начала XX в. подразумевало обширные и разноликие группы верующих, последователей как мистических, так и рационалистических учений, отделившихся от официальных церквей (православной, католической, лютеранской, реформатской или англиканской) и не признающих церковной иерархии и таинств. К числу сектантов относились любые религиозные объединения, не зафиксированные Уставом иностранных исповеданий 1896 года. Адвентистское вероучение не было исключением из этого правила, оно принадлежало к числу таких официально не зарегистрированных вероучений. Его признание, как и признание многих других протестантских организаций, находилось в зависимости от принятия нового вероисповедного законодательства.

Именной высочайший указ от 17 апреля 1905 года, впервые в истории России признававший переход из православия в другое христианское исповедание юридически возможным и ненаказуемым, хотя и не затрагивал общих руководящих идей российского законодательства и в этом смысле был ещё далек от действительного признания свободы совести, стал важным шагом вперёд. Данный закон впервые в истории

³ Бондарь. 1911. С. 30.

⁴ Алексей, епископ. 1909. С. 326.

⁵ Клибанов. 1965. С. 297.

России признавал вероотступничество не преступлением, а правом, что было крупным приобретением, создававшим определенные рамки для ограничения существующего произвола. Указ от 17 апреля 1905 года в России способствовал расширению рядов адвентистов в России. На имя императора руководителями Церкви было отправлено письмо – благодарственный адрес, в котором излагались пункты вероучения, а также сообщалось о всемирной деятельности этой религиозной организации и её отношении к государственным властям. В результате вскоре последовало официальное признание царским правительством адвентистов седьмого дня, закрепленное правительственным циркуляром от 6 ноября 1906 года, который был разослан всем губернаторам. Согласно этому циркуляру на секту адвентистов, которая объявлялась разновидностью баптизма в силу схожести учений, распространялось действие всех правил, касающихся баптизма, т.е. адвентистам, как и баптистам, было разрешено свободно исповедовать своё вероучение⁶.

В 1907 г. в Риге состоялся первый Всероссийский съезд адвентистов Седьмого Дня, на который съехались 33 делегата. 1 января 1908 г. адвентисты Седьмого Дня в России выделились в самостоятельный Союз (3952 члена, 44 проповедника). 13 мая 1909 года делегация из России впервые присутствовала на Всемирном Съезде адвентистов Седьмого Дня, который проходил в Вашингтоне⁷.

В фонде «Научно-исторический архив» Государственного музея истории религии хранится любопытный документ⁸, который является яркой иллюстрацией к общественно-политической ситуации в России конца XIX – начала XX в. Немалую роль в политической дестабилизации сыграл религиозный вопрос. Все чаще в общественной дискуссии звучали голоса в пользу свободу совести и необходимости радикального реформирования церковно-государственных отношений. «Описание подробной жизни и всех приключений сектанта Адвентиста седьмого дня Субботы и ея празднования», составленное ветеринарным фельдшером Яковом Алексеевичем Беликовым, жившим в станице Упорной Кубанской области (ныне Краснодарский край), Лабинского района, из фондов Государственного музея истории религии является ценным документальным свидетельством непосредственного участника событий, которые развернулись в южных областях Российской империи в связи с распространением новых религиозных учений протестантского толка.

⁶ Из истории церкви Адвентистов седьмого дня... 1993. С. 19.

⁷ Там же. С. 20-21.

⁸ Научно-исторический архив Государственного музея истории религии. Ф.2, Оп. 21/99. Д. 92.

«Описание» создавалось на рубеже 1908-1909 гг. Оно являет собой простой, с точки зрения языка, и нехитрый, с точки зрения композиционного построения, написанный с множеством грамматических ошибок рассказ, подкупающий своей искренностью и непосредственностью. Текст включает в себя вводную часть («краткое описание жизни и всех приключений автора, подвигших его к обращению в адвентизм»); краткое изложение основ адвентистского вероучения и описание жизни в новой вере; рассуждения на тему, как и почему сектанты живут мирно; запись песен, молитв, стихов; описание адвентистской обрядности; описание хозяйственной деятельности автора и, в заключении, хвалебные песни.

Текст приводится с авторской пунктуацией и орфографией.

**«Описание подробной жизни в и всех приключений
Сектанта Адвентиста седьмого дня Субботы и ее празднования**

Ветерин. фельд. Якова Алексиевича Беликова
Станицы Упорной Куб. области
Лабинского отдела

С 1895 года Сентября 4-го я начал исповедовать Евангелие и Библию я начал исповедовать Евангелие и Библию:

Но прежде я должен сказать что я был рождён в православной Церкви из семи лет был выбран в хор певчих, и пробыл в хоре певчих 21 год служа усердно православной церкви и наблюдая за всеми отцовскими преданиями и в точности всё исполняя. Священник Емилиан Окиншевич очень меня любил за мою способность пения. На 21-м Первом году я был взят на военную службу на которой прослужил 4 года фельдшером; и поокончании моей службы я был спущен в Войско на льготу в 1895 г. 17 июля; и пообыкновению моем я опять был приглашён в хор певчих пел Тенором I-м священник ещё больше прежнего начал меня хвалить даже громогласно пред всем собранием православных прихожан высказывая мне благодарность за мою способность и усердие и ревность по преданиям своих отцов; и почти всякий праздник он получал от Дякона просвиру а от титора на косушку водки, и с этим свыкся очень хорошо:

Однажды вовремя служения праздника Рождества Христова я обратил внимание на действия священников и вот видел что они один надругого плюют с высунутыми языками что мне не понравилось, я считал их в облачении как ангелов или служителей Господних; Это мне не понравилось; я стал тогда больше наблюдать и вот меня приглашал священник читать Поминания, которые подают на проскомедию и вот их было очень много и читателей много но не могли управиться ковре-

мени, и вот приходит священник Емильян и с гневом говорит нам как вычитываете долго; читайте так упокой господи всех знающих и незнающих а пяток сюда откладывай; Я и это заметил в один праздник Воскресения титор когда ушли прихожане стал считать деньги и откладывая сотенные бумажки отдельно священник проходя мимо ухватил сто рублей; титор его за руку священник вырывается и тянет титора надвор титор был человек здоровый повалил священника Емильяна Окинышевича и отнял у него сто рублей тогда священник ухватил титора зубами запалец да все мясо да кости перегрыз и тем кончилась котострофа; но титор был немедленно исключён из своего места:

и вот эти примеры священников повредили моей религиозности: и преданий отцов:... Это причины моего отступления от православной церкви.

Теперь, продолжая исследовать Евангелия, я нашел место в Евангелие говорит Христос в II главе Матвея 28,29 и 30. Я прочитал и сразу понял, что поступаю не так а напротив читаю дальше Христос говорит что я не пришел нарушить закон и пророков но исполнить я и думаю какой закон и какого пророка об этом потребовалось объяснение но православные священники объяснить немогли.

1 января 1909 г. Станица Упорная

Когда я продолжал исследовать Писание; то соседи мои стали меня преследовать: а именно в том что я стал удаляться всех увеселений которые приняты в православной нации как то Пьянство, Курение тобоку, Корточная игра в орлянку на деньги и вообще всех пороков которые противоречили Евангелию: когда я старался их удаляться то друзья мои старались меня искушать посещениями с вином и водкой но я с помощью Иисуса Христа всем отказал говоря что я не желаю этим заниматься а хочу исполнить учение Спасителя моего Иисуса Христа Так пытались мои товарищи и друзья раз несколько и не могли меня повредить и развратить потому что я веровал в своего спасителя и он мне помог всё преодолеть терпением Наряду с этими искушениями я продолжал исследовать Писание особенно Евангелие и Библию Об этом стало известно всем жителям станицы все стали меня считать заблудшим и одурелым человеком: а прежний образ жизни мой был Пьяный Гордый самолюбивый и настойчивый вовсяком зле: Теперь благодарю моего Господа Иисуса что он меня убедил своим дорогим учением Я стал постепенно удаляться от всех моих прежних привычек;

Наряду с этим я от ревности стал передовать весть Библии и Евангелия своим некоторым друзьям объясняю им говоря что Евангелие говорит через апостола Павла что делаемое руками человекам несут боги

17 гл. дея ап 21 стих и ещё стал показывать из Библии Послание Еремии списки тоже о богах Деревянных и других

Моим товарищам и соседям показалось это странным они доложили об этом в полицию. Полиция вызвала меня и постановила по приказанию священника Емельяна моего прежнего учителя протокол и отправили его к судебному следователю: а меня погнали к священнику Емельяну под шашками наголо как какого преступника для увещевания. и при допросе моих друзей моих свидетелей они прямо показали на меня что он хулил святыни - Я конечно опечалился говорю сам в себе за что на меня протокол зато что я им говорил правду верно теперь надо молчать и о правде и вот скоро приезжает судебный следователь делать новое дознание также допрашивал опять моих друзей: в это время я стоял один надворе и сильно плакал жалуюсь моему Спасителю на то что мне приходится сидеть в тюрьме за Истину и просил я своего Спасителя говоря Господи избавь меня от этой напрасной клеветы, я ещё не могу её переносить а поспеши меня укрепить и тогда что тебе угодно то и делай сомной с умиленной душою моллю тебя спаситель избавь меня Я ещё не крепко убедился боюсь чтобы не отказаться от тебя: и вовремя моей молитвы следователь делал дознание; и что же слышу голос казака пожалуйста следователь требует; но я уже преисполнился какой-то поддержкой невидимой; подходя к следователю сказал в уме господи защити меня и стал перед лицом следователя: и как только следователь увидел литцы моё сейчас же стал ходить из угла в угол комнаты ломая себе руки а стою перед ним и я с удивлением смотрю на него что вместо допроса он ходит покомнате и ходил пол часа а потом посмотрел на меня и говорит мне незнаю что мне спрашивать у Вас, Я молчу он тогда говорит мне Ваши обвинители отказались от первых показаний которые обвиняет атаман в своем показании т.е. в протоколе Я всё молчал тогда он говорит мне охота вам говорить таким людям которые ничего непонимают пожалуйста не связывайтесь с ними если Вам Господь открыл такую весть идите с Богом домой. И неделал мне никакого дознания а наоборот дал мне наставление. Когда я вышел весьма я стал рад и со слезами на глазах идя дорогою славя Господа и сознавая его помощь комне Это действие Господа ещё больше меня укрепило а дело протокола было направлено позокону к прокурору и там умерло больше я ничего не слыхал : после этого времени восстал против меня Сатана враг человека вор украл у меня 4 лошади покрали пшеницу и сушёный узвар груши картошку курей и все так что я остался почти настоящим бедняком и в это время никто неприходить комне ему и все довольны соседи и друзья что я пал в великую нещету и тогда все от меня отказа-

лись такую нужду я нес три года; садок у меня был молодой и нарочно когда идёт кто по саду то непременно обламывает верхушки и ветки сада Этим показал Сатону свою невесту комне и ковсему моему семейству которое состояло из 4х детей старшему 10 другому 8 третьему 7 лет и 2х лет. После всех этих приключений комне присоединилось душ 30 народу из православных и составилаь община хорошая народ мирный и богобоязненный. по преследованию народов и священников черезвласть полиции нас сильно преследовали разгоняли всегда наши собрания так что и били некоторых да и меня самого били но слава Господу все это я перенес с помощью Спасителя

Была несколько раз беседа с миссионерами но победа была на стороне Адвентистов седьмого дня словом Божьим. А победа священников была следующая насмешками и научениями народа чтобы били нас что и было несколько раз Но благодаря полиции защищала нас Такое гонение продолжалось до 1905 года когда всесильный Наш Бог Отец положил на сердце исполнить Его Волю Государь Николай Александрович сдал Высочайшее повеление о свободе Слова Божия и совести человека. Так и кончились тогда всякое преследование: Это сбилось слово пророка Исайи 43 гл. 6 стих Это сделал Государь не от себя но поповелению Господа ибо нужно чтобы всякое пророчество исполнилось чтобы собрать народ от всех концов земли для славы своей У господа не остаётся без исполнения никакое слово Его.

Теперь опишу веру и жизнь

а, символ веры (я верю и признаю все священное писание ветхого и нового завета; при принятии отдельных членов требуется вера в Св. Писание как в слово Божие и в искупителя открытого им крещения основанное на исповедании веры участия преломление хлеба и т.д.. Как плод веры требуется соблюдение «десяти заповедей» именно седьмого дня, или субботы, как дня покоя Божия. Также требуется полное воздержание от употребления спиртных напитков, табаку и вообще вредных возбуждающих средств.

в) Церкви и группы основываются по усмотрению комитета Союза или уполномоченного но это проповедника, и выборы Пресвитера Дякона и других служителей церкви производятся под его руководством, посредством голосования все служители церкви исполняют свою работу без возмездно.

все проповедники питаются от проповеди на основании священного писания десятой части от приходов каждого члена. собирают высчитывая каждый и свой приход и отсылают в месион где им проповедникам назначают жалование по их работе.

Опишу Как и почему сектанты живут мирно; и что их учит поступать мирно с каждым человеком и оствовать обиженным.

а) Говорит Христос научитесь от меня чего? кротости терпения снисхождения ко всем человекам: для чего? для того чтобы получить жизнь вечную обетование новой земли которая будет предложена всем кротким; Христос говорит в Еван. Мат. 5 гл. блажены кротки ибо они наследуют землю также Учение Евангелия велит каждого человека почитать вашим себя, а плод веры требуют точного выполнения десяти заповедей и самое главное страх Божий

и Еще требуется Вера непоколебимая требует этого Господь; говорит что бы приходящий ко мне веровал что Господь Есть и что ищущим Его воздаст жизнь и обетование в 11 главе Евр. 6 стихе, а без веры угождать госуду невозможно 10 Евр. а мести за себя Христос говорит что бы всякое удовольствие поручали Богу у него отомщение. Он воздаст.

Все эти истины заставляют жить любезно, как Братьям и друзьям десять заповедей указывают чтобы нежелали чужого и не убивали и т.д.

Все Учение Адвентистов всю их жизнь изучать писание научиться от него кротко жить. Псалмы вовремя богослужения поют большую часть и псалмов Царя давида и из Евангелия и библии песни духовные считаются те которые из писания Евангелия и Библии; и другие сочинения основой служит писание.

Песни и молитва и стишки

Молитва Утренняя все семейство и малые и великие дети должны присутствовать на молитве. Поем псалом Давида Царя 140 а после говорим своими устами молитву так.

Господи благодарю тебя что ты меня благополучно сохранил эту ночь. и здраво возвих от сна. благослови же меня на этот день жить по воле твоей. и благослови всякое дело чтобы Его совершать во славу твою. Отче научай меня и мое семейство словам твоим, чтобы нам тебя не оскорблять Аминь.

И все говорят Аминь.

Молитва вечерняя

Отец Неба и Земли Сердечно я тебя благодарю что ты все мое семейство сохранил этот день Ты давал нам все необходимое для нашего существования Господи сохрани же меня и весь дом и мое семейство от всякаго Злаго человека даруй мне мирный сон и душе покой Завсе твои благо ко мне приношу тебе славу честь от всей моей семьи. Аминь

Еще я должен Вам написать что когда я только убедился что на основании Библии и Евангелия нужно праздновать субботу то народ считал меня безумным и сумасшедшим и полная ненависть как взрос-

лых так и детей, огорожу мне ночью ламают и доски отрывают все ночью тащут бросают камни в дом окна бьют! О господи! Но я и досих пор жив весь дом мой.

И так всякую молитву кто вчем имеет нужду в Господе так тот и просит у своего Бога Отца через Спасителя Христа.

Теперь опишу мое занятие

Занимаюсь по силе моего семейства земледелием посевом пшеницы овса кукурузы проса сахарного тростника из котораго делаю мед, бокшу сею кортофель лук чеснок бадлажаны и помедоры капусту квасоли горох Садам, вишни, яблоки, груши, баргамот, персеки абрикосы виноградом смородиной и всевозможными фруктами. Также имею пацику пчел скотина лошади всем хозяйством необходимое и любимое мое занятие и моего семейство.

Аровно даю совет людям опособии больным животным так как я Ветеринарный фельдшер.

Семейство мое состоит 6 душ.

Мне 42 Яков Аликсеевч Беликов ст. Упор Куб. обло

жена 27 Александра Григорьевна хорошо грамотная в сельском училище

Дети Захар лет 13

Николай – 11

Григорий – 8

Дочь Вера – 2.

все три мальчика учутся в двох классном училище при станц.

Упорное

Примечание детям имена отец и мать по нашему желанию и совету даем имя.

родом из Куб. обл. в ст. Упорной Лоб. отдела.

на промыслы неходим а работаем сами и рабочих нанемаем.

Название общины Адвентисты седьмаго дня.

Несагласие из православной церквой на основании десяти заповедей а заповедь говорит помни и знай одного Бога 2 к. моисея исх, 20 гл.

2 говорит неделай себе никакого изображения и не поклоняйся им

3 не придавай имя Господа напрасно

4 помни день субботу как день покоя а прав.празд. 1й день недели

без основы

5 почитай отца и мать

6 не убивай

7 неприлюбадействуй

8 некради

9 непраизноси ложнаго свидетельство наблжняго

10 нежелай дома ближняго твоего и т.д.

Обычаи и обряды

Каждую субботу собрание начинается молитвой а после пением Псалмов Царя Давида

Потом Просвигер или Проповедник прочитывает из Писания Увещания или Проповедь

Закончивается молитвой и пением. Пением псалмов давида

Крещение принятых членов в воде реки

Омовение ног пред вечерей преломлением хлеба т.е. Пречашение.
посещать больных утешать слабых обличать после Божию согрешивших
браки по закону божию Отец берет заруку дочь и отдает ее мужу
котораго она желает и благословит их полагая руки наголовы а равно и
мать после приветствует целованием и совершают брачный пир без
спиртных напитков: и приглашают желающих на брачный пир.

Завсеми брошурами и книгами и журналами

прошу обратиться в город Ригу трактотное России общество малая
невская улица №12

А.К. Ицмон С.К. Боягус Гр.И. Лебсок

Прошу Вас любезные и старики не прогневайтесь на мою ошибку в
моем описании

Благодарность Вам что Вы себе посвятили на это занятие Это дело
важное для грядущаго поколения

Это сочиненные песни или стишки

Хвалебная Песнь

Славим тебе Господи всем сердцем своим и величаем имя твое ко-
торое привыше небес, вместе воспоем сосвятыми пророками песнь тебе
новую, ты Господи верный царь Царей и победитель всех противящих
тебе. Судья ты верный ибо судишь народ праведно и воздаешь награду
потрудам и пощедротам сваим, слава тебе вечный Бог да прославят тебя
все небесные и земные силы уповающие на тебя святыи и вечный вер-
ный Отец Израиля.

Я.А. Беликов

Песнь Благодарения

Благодарим и величаем имя твое святое и превозносим имя твое
превыше небес; Залюбовь Твою и заистену Твою величаем Того Кото-
рый Превыше небес и обещает не в преступном свете Его никто из Чело-
веков невидел и видеть неможем Который вывел израиля из Египта и
перевел чермное море и давал им в пищу хлеб Ангельский ... Человек;

воспаем ему новую песнь велики и Чудны дела твои Господи Царь Святых Кто неубоится тебя и непрославит имя твое Святое Царь Святых Слава Тебе отец вечности.

Я. А. Беликов

и т.далее Кто имеет тот и может сочинять но только для самого себя

1. Служение сектантов в военной службе такое повиноваться начальству во всем что только не против воли Божией.

2. отношение против политики Адвентисты седьмого дня – несогласны ни в каких действиях ихних и равенстве что проповедует политика; особенно революционеры и с демократами и Черносотенцами: Адвентисты проповедуют Мир Божий на основании Священного писания Библии и Евангелии Христос Учит Кому честь честь Кому страх Кесареви Кесарево а Богови Божие из этих слов видно что Государю нужно служить и повиноваться Его Власти а равно и начальникам которые поставлены от Его 1е посл. 2 глава ст. 13, 14, 15, 16, 17 и 13 гл. Римлян. 1ст. 2 сл.

Прошу Вас пополучении сего также сообщить мне потому? прошу что я Вашу программу направляю на всех сектантов

С почтением Беликов

Куб. обл.

и Если еще что для сектантов интересное есть прошу сообщить в эти дни».

БИБЛИОГРАФИЯ

Из истории церкви Адвентистов седьмого дня в России. Калининград, 1993.

Бондарь С.Д. Адвентизм 7-го Дня. СПб., 1911.

Алексей, епископ. Религиозно-рационалистическое движение на юге России во второй половине XIX столетия. Казань, 1909.

Клибанов А.И. История религиозного сектанства в России. М., 1965.

Терюкова Екатерина Александровна, кандидат философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного музея истории религии, доцент кафедры философии религии и религиоведения Института философии Санкт-Петербургского государственного университета; eaterioukova@mail.ru.

М. И. БАЦЕР

КРИТИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ДОБРОСОВЕСТНОЙ (ОТВЕТ А. Б. СОКОЛОВУ)

Публикуемый текст представляет собой ответ автора статьи «Две английские революции как историографическая проблема»¹ на основные замечания, высказанные А.Б. Соколовым в его полемической статье (Диалог со временем. 2012. Вып. 38).

Ключевые слова: *Славная революция, революция 1640–1660 гг., левеллеры, деспотизм, классическая и советская историография двух английских революций.*

Предлагая к публикации свою статью «Две английские революции как историографическая проблема» я сознавал чрезвычайно спорный характер моих оценок, которые неизбежно должны были вызвать негативную реакцию историков, воспитанных в советские времена. Правда, я рассчитывал, что возможный оппонент отнесется с уважением к моему тексту, будет добросовестно излагать мои аргументы. К сожалению, оппонент обошелся с текстом статьи весьма вольно, сплошь и рядом «уличая» меня в прямом эпитонстве по отношению к выдающимся историкам XIX века. По А.Б. Соколову, я полностью разделяю представление Гизо о народном характере Славной революции. Тем не менее, на следующей странице я ясно выразил свою позицию: «Славная революция означала победу либерального буржуазно-аристократического строя при верховенстве парламента и закона (см. хотя бы «Билль о правах» 1689 г.), а также победу национальной и патриотической английской внешней политики над притязаниями Людовика XIV и вообще феодално-католической и абсолютистской Франции и ее английских ставленников (особенно в войне за испанское наследство, где герцог Мальборо выступал в качестве полномочного представителя Вильгельма Оранского и Славной революции, торжество которой во многом обеспечил переходом на сторону Вильгельма)».

Совершенно бездоказательно А.Б. Соколов обвиняет меня в приверженности к «истории ножниц и клея». Я подробно излагаю официальную (не так давно) позицию Маркса, Энгельса, многих советских историков и вопиющие искажения Огюстена Тьерри, противоречащие даже указаниям советского историка В.Ф. Семенова, а не только Гизо,

¹ *Базер*. 998. С. 114.

Маколею, Грину и Тревельяну. А.Б. Соколов без малейшего основания заявляет: «надо полагать, что Тьерри в глазах Бацера – автор глубоко реакционный». Однако я пишу, что Тьерри имеет «заслуженный авторитет выдающегося историка». Любому студенту-историку (выражение, которое не нравится А. Б. Соколову) должно быть известно, что Тьерри поддержал революцию 1830 г., которую во многом подготовил своими работами уже после 1819 г. Д.Р. Грина назвали прогрессивным (вполне обоснованно) сами советские историки в официальных пособиях. Жюль Мишле – несомненно великий историк, хотя я не нашел у Маркса ни одного упоминания о нем. Я давно жду издания его сочинений в современной России. Однако его антианглийская позиция, несомненно, ошибочна. Или А.Б. Соколов другого мнения? Зачем же он писал свои диссертации на английские темы? Авторы фильма «Одиссея капитана Блада» грубо исказили финал, где Сабатини (знаменитый английский писатель XX века) прославляет Славную революцию. Это имеет прямое отношение к теме моей статьи и ответа А.Б. Соколова. Получается, что любимый метод А.Б. Соколова – прямолинейное оглушение оппонента, чего, я думаю, ни один автор не заслуживает.

Говоря о ганноверской династии я ссылаюсь исключительно на общеизвестные факты, опираясь, в частности, на суждения В.Ф. Семенова. Представления о положительном или отрицательном значении исторических событий свойственны любому историку. Еще Жан Жорес призывал взять из истории «огонь, а не пепел». «Добру и злу внимая равнодушно» – идеал пушкинского летописца Пимена, а отнюдь не крупнейших представителей классической историографии.

Весьма неприятно указывать доктору исторических наук, что если Байрон требовал казни Георга III (поэма «Видение суда»), это еще не означает, что Георг III действительно был тираном, и что тираном был не Людовик XVI, казненный во времена Робеспьера, а сам Робеспьер (вопреки официальным советским историкам). Деспотическими называют беспарламентское правление Карла I и, особенно, правление Якова II, свергнутого Славной революцией, прогрессивный английский историк Д.Р. Грин, писавший уже после публикации основных работ К. Маркса. Так что это не «выборочное суждение современников».

Что касается идеологической схватки, то это действительно судьба исторической науки. А.Б. Соколов ориентируется на новейшую британскую историографию. Я невысокого мнения о ней. Она значительно уступает в научности участникам знаменитого «спора о джентри», анализу которого была посвящена моя кандидатская диссертация, во мно-

гом давно опубликованная (в виде статей). Почему бы А.Б. Соколову не сослаться на странную книгу новейшего историка Хеншелла «Миф абсолютизма», согласно выводам которого абсолютизма не было ни в Англии, ни во Франции?

Положительная оценка реставрации (счастливой реставрации) связана с тем, что она покончила с порядками времен военной диктатуры Кромвеля. Если обратиться к наследию Т.А. Павловой, то обвинение меня в «кошунстве» носит оскорбительный характер, тем более, что я неоднократно цитирую ее книгу «Вторая английская республика» самым положительным образом, более того, опираюсь на некоторые ее выводы. К. Маркс ненавидел либерализм, и это одна из самых отрицательных сторон его построений. Джон Лильберн, как известно, выступал против всякого ига, что и роднит его с порядками, установленными Славной революцией. Опираясь на книгу Г.Р. Левина, можно сказать, что движение левеллеров отнюдь не было преимущественно религиозным, что они не были и социал-демократами XVII века (а ведь и такое мнение звучало в англо-американской историографии). М. А. Барг восхищался Д. Уинстенли, фактически противопоставляя его Д. Лильберну, к которому он относился скептически. А вот Т.А. Павлова в своей последней книге назвала утопию Д. Уинстенли предвосхищением тоталитарных порядков, изображенных Д. Оруэллом и Е. Замятиным². Кстати, термин «казарменный коммунизм» был предложен К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Теперь о Петре I. Я нигде не называю великого преобразователя России (см. труды С.М. Соловьева и стихи А.С. Пушкина) поборником конституционализма. Я всего лишь пишу о его восхищении Вильгельмом Оранским и, тем самым, Славной революцией.

Петр Великий и Вильгельм III Оранский долго беседовали в Лондоне в 1698 г. и остались вполне довольны друг другом. О связи Петра I со старообрядцами советую А.Б. Соколову прочитать две мои книги на эту тему. Что касается Болингброка, едва не попавшего в Тауэр как раз за государственную измену (его коллега Оксфорд действительно оказался в Тауэре) и бежавшего во Францию к претенденту, то это давняя симпатия советских историков и прежде всего М.А. Барга³). Якобиты были в XVIII в. достаточно сильны в Англии. Пример – Честерфилд (автор «Писем к сыну»), который, являясь вигом, ненавидел вигского премьера Уолпола, оставаясь другом Болингброка. Кризис накануне воцарения ганноверской династии не придуман мной. Это вещь вполне

² Павлова. 1998. С. 114.

³ См.: Барг. 1978. С. 274-315.

хрестоматийная. Оруэлл говорит даже о «квислингизме» Свифта (Квислинг – предатель норвежского народа, перешедший на сторону Гитлера). Разумеется, это не умаляет величия литературного дара Свифта. Другой великий английский писатель этого времени – Даниэль Дефо – был ярким сторонником Славной революции и противником Свифта.

Как и следовало ожидать, статья А.Б. Соколова кончается градом политических обвинений. Его ненависть к современным либералам всячески им подчеркивается. Он не останавливается и перед явными инсинуациями, заявляя о мнимой враждебности либералов народу.

Да, критика должна быть добросовестной!

БИБЛИОГРАФИЯ

Барг М.А. Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории / Пер. С.М. Берковской, А.Т. Парфенова, А.С. Розенцвейга. Примеч. Ф.Н. Арского, Т.А. Павловой. Статья и общ. ред. М.А. Барга. М.: «Наука», 1978. С. 274-315.

Баццер М.А. Две английские революции как историографическая проблема // Диалог со временем. 2011. Вып. 35. С. 296-311.

Павлова Т.А. Народная утопия в Англии XVIII века. М.: ИВИ РАН, 1998.

Соколов А.Б. «Замечательный и нередкий пример запутанности мыслей»: о статье М.И. Баццера «Две английские революции» как историографическая проблема // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 324-342.

Хеншел Н. Миф абсолютизма. СПб.: Алетейя, 2003.

Баццер Михаил Исаакович, кандидат исторических наук; *mbatser@yandex.ru*

А. Б. СОКОЛОВ

О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (ОТВЕТ М. И. БАЦЕРУ)

В контексте дискуссии, состоявшейся на страницах «Диалога со временем»¹, автор настоящего письма поднимает важные вопросы о стиле полемики, критериях оценки трудов предшественников и особенностях дискурса научной историографии.

Ключевые слова: историография, научная полемика, доказательность.

Уважаемый Михаил Исаакович!

Сожалею, что мою критику Вашей статьи Вы восприняли с долей личной обиды, как «носящую оскорбительный характер», «оглуляющую» оппонента, как «уличение в эпигонстве», «подчеркивание ненависти к либералам». Право, у меня не было намерения задеть Вас лично, и в основе моей критики лежит исключительно забота о том, чтобы защитить мое собственное представление о том, какие историографические и методологические требования следует соблюдать, предлагая вниманию коллег текст, претендующий на дискуссионное рассмотрение исторической проблемы, в нашем случае Славной революции 1688–89 гг. в Англии. Вынужден написать, что Ваш ответ не только не убедил меня в ошибочности моих аргументов, наоборот, заставляет, не возвращаясь к уже сказанному, уточнить некоторые тезисы, в нем изложенные.

Касаясь изначальной темы обсуждения, соотношения Великой Английской революции XVII века и Славной революции, хочу подчеркнуть: мне в одинаковой степени интересна любая концепция, будь то обоснование приоритета революции середины века или преимущества революции 1688–89 г.; либо утверждение, что единый революционный процесс проходил в два этапа, охватив несколько десятилетий и оба этих события. Признаюсь, что с особым любопытством я бы прочитал текст, обосновывающий приемлемость или неприемлемость самого термина «революция» к одному из этих событий (или к обоим). Я пола-

¹ См. публикации в настоящей рубрике «Дискуссионный клуб», а также статьи М.И. Бактера и А.Б. Соколова в предыдущих выпусках: *Бактер М.И.* Две английские революции как историографическая проблема // Диалог со временем. 2011. Вып. 35. С. 296-311; *Соколов А.Б.* «Замечательный и нередкий пример запутанности мыслей»: о статье М.И. Бактера «Две английские революции как историографическая проблема» // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 324-342.

гаю, что любая точка зрения не просто имеет право на существование, но также историографическую ценность, однако при одном важнейшем условии. Этим условием является соответствие тем критериям, которые предъявляются в наше время к трудам, относимым к дискурсу научной историографии. Прежде всего, они должны быть выполнены на современном историографическом уровне. Меня не устраивает голословное утверждение: «я невысокого мнения» о новейшей британской историографии, поэтому игнорирую ее и черпаю аргументы из трудов историков позапрошлого века. Право любого исследователя принимать или не принимать позиции тех или иных авторов, но его *обязанность* состоит в том, чтобы убеждать читателя в правоте своей позиции, а для этого критически анализировать историографические источники.

Любое суждение, особенно если оно носит небесспорный характер, должно быть обосновано («вопиющие искажения Тьерри», которые почему-то противоречат «даже указаниям советского историка Семенова»; «странная книга Хеншелла»). Если какая-то книга или статья кажется нам «странной», может быть, это наша проблема: мы не способны подчас посмотреть беспристрастно на точку зрения, к которой не привыкли. Можно разделять мнение, что Карл I был деспотом (редко, но встречавшееся в исторических работах), но доказывать его правильность следует только с учетом аргументов авторов, придерживавшихся иной позиции. В противном случае и появляется «история ножниц и клея», о которой писал Р.Дж. Коллингвуд. Сравнительный анализ историографических источников – это азы нашей профессии. Нам следует различать факты и суждения, иначе смысл фраз становится недоступным: «Говоря о ганноверской династии, я ссылаюсь исключительно на общеизвестные факты, опираясь, в частности на суждения советского историка Семенова». Хотите ли Вы этим сказать, что Семенов воспроизводил вигскую концепцию истории этого периода как господства парламентаризма? Это так, но в таком виде она давно отвергнута в историографии. Каждый вправе утверждать правоту историографических концепций вчерашнего дня, но *обязанность* в том, чтобы делать это на основе аргументированной критики трудов, обосновывающих иной взгляд на проблемы прошлого.

Еще одна *обязанность* историка состоит в доказательности его аргументов. Читаю: «Я нигде не называю великого преобразователя России (Петра I) поборником конституционализма. И всего лишь пишу о его восхищении Вильгельмом Оранским и, тем самым, Славной революцией». Но второе отнюдь не вытекает из первого. Да, два монарха

расстались вполне довольные встречей, но то, что Петр восхищался Славной революцией – это ни на чем не основанное предположение. А если уж перебрасывать мостик через годы, как быть с долголетними и масштабными связями Петра с якобитами?

Наша *обязанность* в том, чтобы цитировать добросовестно те тексты, которые мы анализируем. Если я написал, что восставшие американцы считали Георга III тираном, но это не дает оснований называть его деспотом и тираном, то почему появляется «указание» в адрес «доктора исторических наук»: «Если Байрон требовал казни Георга III, это еще не означает, что Георг III действительно был тираном»? Действительно, не означает. А уж откуда взялось поучение в мой адрес, что я ошибаюсь, считая тираном Людовика XVI, даже предположить не могу. Об этом слабом короле, хотя и достойном человеке, вообще никогда ничего не сочинял.

Я уже писал о необходимости тактичного (что не значит апологетического) оценивания трудов наших предшественников, в том числе советских историков. Не буду повторяться, но одну фразу прокомментирую: Вы пишете, что ожидали «негативной реакции историков, воспитанных в советские времена». Не будем, однако, забывать: в те времена началась научная деятельность многих из нас, кого отнюдь нельзя считать ретроградами или хулителями либерализма. Среди тех, кто относится сегодня действительно к старшему поколению историков, есть современно мыслящие специалисты в области теории и методологии, эрудиты и знатоки источников, глубокие и преданные науке исследователи. Я только начинал в советское время, но от меня требовали логики, тщательности, достоверности и высокого уровня аргументации. Именно это я сегодня по возможности хочу видеть в своих студентах и коллегах.

С лучшими пожеланиями, А. Соколов

БИБЛИОГРАФИЯ

Бацер М.И. Две английские революции как историографическая проблема // Диалог со временем. 2011. Вып. 35. С. 296-311.

Соколов А.Б. «Замечательный и нередкий пример запутанности мыслей»: о статье М.И. Бацера «Две английские революции как историографическая проблема» // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 324-342.

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического факультета им. К.Д. Ушинского; sokolov_1457@mail.ru.

SUMMARIES

I.YU. NIKOLAEVA

The Life and Work of Boris Georgievich Mogilnitsky

The article is focused on the work of Professor B.G. Mogilnitsky, the renowned leader of Tomsk historiographical and methodological school. An heir and a successor of the best traditions of Russian Medieval studies represented by D.M. Petrushevsky, A.I. Neusykhin and A.I. Danilov, B.G. Mogilnitsky has created his own model of constructive critical analysis of historiography, which reveals the exceptional width of his cultural and intellectual horizons. His scholarly research and teaching have been so closely intertwined that the three-volume edition of his recent “History of historical thought” is widely regarded not only as a course of lectures, as it is stated in the subtitle, but as a major contribution to historiography in its own right.

Keywords: B.G. Mogilnitsky, historiography, methodology.

S.P. RAMAZANOV

On the pedagogical activity of B.G. Mogilnitsky

The article describes the author’s experience of working with his mentor B.G. Mogilnitsky and offers his reflections on the contribution of Professor Mogilnitsky into the scholarly and moral upbringing of his pupils.

Keywords: teacher, lectures, seminars, methodology of history, historiography.

I.E. RUDKOVSKAYA

Personified time in the historiographical tradition of the late Enlightenment

The article analyses varieties of use of personified time in the historiographical tradition of the late Enlightenment. The author points to the necessity of comparative analysis of the macro-histories created within Anglo-Scottish and Russian historiographical traditions to reveal the specificity of time in the “History of the Russian state” by N.M. Karamzin.

Keywords: personified time, comparative historiography studies, late Enlightenment

E.S. KIRSANOVA

The personality of a historian at the crossroads of opinions: on the old and new approaches to the work of T.N. Granovsky

The article examines the views of two leading representatives of Russian historicism, B.N. Chicherin and V.I. Guerrier, on T.N. Granovsky’s historical work. The author describes the contribution of T.N. Granovsky to the development of historical studies in Russia and analyses some characteristic features of his historical-theoretical views.

Keywords: philosophy, historical studies, natural history, idealism, religion, ethics, historicism.

O.I. IVONINA

The Fate of Liberty: the problem of meaning and direction of history in the work of G.P. Fedotov

The author traces the evolution of historiosophic conception of a distinguished representative of Russian historians in exile, G.P. Fedotov. It is shown that his views on the development of Russian and European history were closely connected with the research traditions and scope of problems of the Christian historicism of the nineteenth century. The conclusion is reached on the methodological innovations of Fedotov's work which stemmed from his experience of living through world wars and revolutions, his perception of the "decline of the West" and the formation of a new era of world history.

Keywords: *G.P. Fedotov, Russian historians in exile, interdisciplinary synthesis, historiography of the "Russian idea".*

L.A. GAMAN

F.A. Stepun on the World War I

The article presents a study of the views of Russian religious thinker F.A. Stepun (1884–1965) on World War I. His interpretative strategy, based on the synthesis of religious, philosophic and scientific approaches, is analysed. It is argued that this specific strategy enabled him to capture the semantic complexity of war as a social phenomenon that has both empirical and metaphysical dimensions. A special attention is given to the anthropological facets of war in the interpretation of Stepun.

Keywords: *WWI, religious philosophy of history, army, home front, mentalities.*

N.M. MOROZOV

Principles of historical understanding of local civilization

The article is focused on the principles of holism, psychologism, historicism and the problems related to these principles, which specify the approach to historical cognition of a local civilization as a whole and to the understanding of social structures within the context of a particular civilization.

Keywords: *local civilization, civilizational approach, theory of local civilization, principle of holism, principle of psychologism, principle of historicism.*

T.I. ZAITZEVA

Historiography of gender relations of ruling elites in Germany and France during the Middle Ages

The author discusses the specificities of gender relations of ruling elites in France and Germany during the Middle Ages and compares the views of Russian and foreign scholars on the political meaning of marital practices of the ruling elites and the socio-political role of female rulers in both countries. It is shown that changes within both of these two spheres are seen by the scholars as closely connected with the transformation of historical situation in the course of the early and classic Middle Ages.

Keywords: *gender relations, ruling elites, France, Germany, Middle Ages, historiography.*

N.V. KARNACHUK

News about monstrous births and English public consciousness between 1550 and 1700

The article explores the English broadside texts about monstrous births of the sixteenth and seventeenth centuries and exposes the specificities of these texts, comparing them with the literature of “higher” level (pamphlets and sermons), which dealt with the same subject. The evolution of the genre is demonstrated as well as its connection with certain characteristics of public consciousness.

Keywords: *early modern history of England, broadside literature, broadside ballad.*

O.N. MUKHIN

**The Tsar-reformer and his “foul son”:
the conflict of generations in royal families of the early modern period**

The article is centred on the conflict between Peter the Great and his son Alexei. Drawing from the wide range of historical sources and using interdisciplinary techniques in his research, the author adds detail to the existing opinions on causes and the degree of typicality of this conflict, which is viewed within the context of early modern shifts in the attitudes to family and childhood.

Keywords: *Peter the Great, history of childhood, early modern period, historical psychology, interdisciplinary approach.*

O.E. TEREKHOV

Between tradition and modernism: the ideology of “conservative revolution” in the intellectual space of Weimar Germany

The author addresses the problem of correlation between tradition and modernism in German “conservative revolution” of the Weimar period. He points out that the synthesis of traditional and modernist elements in the ideology of “conservative revolution” was fostered by the need to develop a dynamic ideological model that would correspond to the current historical situation and the conditions of evolution of German conservatism during the Weimar period.

Keywords: *“conservative revolution”, tradition, modernism, the Weimar Republic.*

M.V. KIRCHANOV

**Geographia Imaginaria Gothica:
Goths in the geographical and historical imagination**

The author’s main attention is focused on the narratives of the Goths in the Soviet and Post-Soviet historiography. Although the Cherniakhov archaeological culture (the territory of modern Ukraine) contained numerous Gothic artifacts, the role of the Goths in the development of this culture was denied by the Soviet historiography as the imaginative geography of Eastern Europe had been de-Germanized.

In the 1990s and 2000s the Goths “returned” into the imaginative landscape of Eastern Europe and were mapped by Ukrainian and Russian intellectuals. However, other Ukrainian and Russian scholars continue to deny the role of the Goths in the history of Eastern Europe. The author concludes that the Goths narratives have become part of political mythology and historical imagination.

Keywords: *the Goths, the Cherniakhov archaeological culture, nationalism, imaginative geography, historical mapping.*

VENETA YANKOVA

The images of the past (the Tatars in Lithuania and Poland)

The Tatars settled in the lands of the Grand Duchy of Lithuania in the late fourteenth – early fifteenth centuries. Their long residence in a different cultural and religious environment resulted in their cultural and linguistic assimilation with the local people. The article is concentrated on the place and role of the past and its images in the process of building identities.

Keywords: *images of the past, the Tatars, identity.*

V.P. BOGDANOV

Images of the military in Russian literature: transformation, ranks, branches of the armed forces

This article is an attempt to examine Russian fiction as historical source. Taking the images of the military professionals from the literary works, the author traces the relationship between various branches of the armed forces and the popular sentiments towards the military.

Keywords: *army, the military, state, source analysis, literature, soldiers, officers, military service, the Russian empire, work of fiction.*

D.E. MARTYNOV

Intellectual history, Sinology, History of Philosophy and Confucianism

The article explores the early twenty-first century studies of Chinese intellectual history. It is demonstrated that for years the history of Chinese philosophy and intellectual history of China had been regarded as one and the same field, and the situation remains unaltered. The basic set of the main figures and the systems of thought had been established in the 1920s and since that has changed very little.

Keywords: *Confucianism, Neo-Confucianism, Liang Qichao, Kang Youwei.*

O.V. OKHOSHIN

Tony Blair on the values of “New Labour”

The article is focused on the process of political language production within New Labour. Due to significant socio-economic changes in Great Britain the Government had to find new effective ways to respond to the most urgent issues and open a dialogue with the people. The analysis of political claims made by Tony Blair clearly demonstrates how the meaning of the basic concepts of Labour ideology has been changing through time.

Keywords: *Great Britain, New Labour, Tony Blair, history of concepts, Third Way, community, social inclusion.*

F.V. NIKOLAI

Cultural memory in a consumerist society: review of M. Sturken's work

The article deals with the concept of cultural memory elaborated by M. Sturken, who explores a deep connection between American cultural industry and "privatization of the past" in memory studies. She argues that nowadays the construction of identity increasingly depends on clichés and standards of consumerist culture, which appeal to the basic fears and desires and shape a specific "survival policy".

Keywords: *cultural memory, media, cultural industry, sensus communis.*

I.I. KOBYLIN

From body to "flesh":

history and politics in "Political Theology" of Eric Santner

The author addresses the concept of "political theology" by Eric L. Santner, centred on the notion of "flesh" or "creaturely life" that serves as a testimony of the absence of any ontological basis in human societies. Recorded in the historical past, this testimony is interpreted by Santner as a "signifying stress", as a challenge that forces us to make a decision on the new forms of social existence.

Keywords: *body, "flesh", biopolitics, trauma, political theology.*

S.I. MURTUZALIEV

Diplomatic mission of General N.N. Muraviev to Egypt and Turkey

The author's main concern in this article is with the diplomatic mission of General N.N. Muraviev-Karskii who anticipated the conclusion of armistice agreement between the Ottoman Empire and the Egyptian pasha Mehmed Ali, confirmed later by France, and also played a prominent role in the signing of the Unkiar-Iskelesi treaty of 1833. As the General argues in his memoirs, it was the Sultan himself who requested the aid to be delivered to the Ottoman Empire. The author claims that the testimonies of Muraviev-Karskii on the absence of security guarantees of the Black sea coast are well grounded.

Keywords: *Unkiar-Iskelesi treaty, diplomacy, N. Muraviev, memoirs.*

YU.S. OBIDINA

And yet, Adam and... Eve:

Greek woman in the light of modern approaches to gender

The author calls for a revision of the existing simplified representations of men and women in ancient Greece. As her analysis of persistent gender schemes in antiquity demonstrates, the stereotypes of a person's perception on the basis of his or her gender were ambiguous and diverse. Representation of masculine qualities as positive and feminine as flawed is a result of the specific selection of sources rather than the accurate reflection of reality.

Keywords: *gender studies of the antiquity, gender history, Greek woman, Greek society.*

LILIYA ZABOLOTNAIA

The female factor in the history of ruling dynasties of the medieval Serbia

Based on the example of the Nemanichi and Khrebelianovichi dynasties, the article discusses the question of the role of the female factor in the legal succession of ruling dynasties of the medieval Serbia. It is shown that in the twelfth and thirteenth centuries the right of succession was often extended to include women. The practice of “marriage diplomacy” played a prominent role in this period.

Keywords: *power, gender, medieval Serbia, succession to the throne.*

M.I. KOZLOVA

The influence of Catherine the Great on the conceptualization of gender identity in the works of F.A. Emin and M.M. Scherbatov

The article addresses the question of the increasingly important role of woman in the eighteenth century, which became particularly obvious during the reign of Catherine the Great. Facing the need to adjust to the new situation, the members of Russian intellectual elite, historiographers M.M. Scherbatov and F.A. Emin turned to the discussion of gender identities in their work. They concluded that as Catherine’s negative qualities were so prominent, she should have been denied power over men both in political and socio-cultural spheres; they also accused her in setting a bad example for the Russian women.

Keywords: *F.A. Emin, M.M. Scherbatov, Catherine the Great, femininity, masculinity, gender identity, gender inversion.*

E.A. BUGYNINA

«The Town & Country Magazine» as a source on the history of gender beliefs in the eighteenth-century Britain

The author looks at the articles of “The Town & Country Magazine” (published from 1769 to 1796), considering them as an important source for the study of gender beliefs and stereotypes of the British society in the eighteenth century.

Keywords: *“The Town & Country Magazine”, eighteenth-century periodicals, gender beliefs, “culture of celebrity”.*

M.I. VEBER, N.V. SURZHKOVA

Prisoners of World War I in the east of Russia: Johan Prince’s view

The article explores the living conditions of World War I prisoners in Siberia as shown in the essay by YMCA delegate Johan Prince, who had visited the Russian POW camps in 1917 – 1918. Analysing his testimonies, the authors reach the conclusion that such accounts often reflect stereotypes rather than actual facts, and suggest that these stereotypes were derived from the more generalized images of Russia. Captivity itself is portrayed as a psychologically exhausting experience that shaped the specific camp environment as much as material conditions did.

Keywords: *World War I, Siberia, POW camps, The Young Men's Christian Association, ego-documents*

N.G. LISEVICH

Everyday life of the people of Pechora region as reflected in their diaries and memoirs (1914–1918)

The article is focused on the everyday life of the population of a northern Russian province, Pechora region, during the World War I. Rare memoir sources written by ordinary peasants, merchants and workmen are analysed. The study of these documents provides the opportunity to reconstruct the social, economic and political situation at the periphery of Russia in 1914–1918.

Keywords: *Pechora region, the history of everyday life, memoirs, World War I.*

E.A. TERYUKOVA

«Detailed Description of Life and All Adventures of a Sectarian, Seventh-day Adventist, Ya.A. Belikov» (from the records of the archive of the State Museum of the History of Religion)

The author presents the autobiography of a Russian Seventh-day Adventist Ya.A. Belikov, who lived in a Cossack village Upornaia of Kuban' region in the late nineteenth - early twentieth centuries. The manuscript, kept in the archive of the State Museum of the History of Religion, reveals the complexities of the socio-political situation in Russia at the turn of the nineteenth century. Religious question was one of the major issues in Russian public life of the period. It was all the more acute as the principle of religious freedom was not observed while the new protestant religions were emerging throughout Russia.

Keywords: *Seventh-day Adventism in Russia, the October Manifesto of 1905, Russian confessional legislation of the early twentieth century.*

M.I. BATZER

Critique should be conscientious (a response to A.B. Sokolov)

This essay is a response of the author to the criticisms of his article «Two English revolutions as a historiographical problem», made by A.B. Sokolov in his polemical text (Dialogue with time. 2012. Iss. 38).

Keywords: *Glorious revolution, the revolution of 1640–1660, levellers, classic and Soviet historiography of the two English revolutions.*

A.B. SOKOLOV

On criteria for evaluation in contemporary historiography (a response to M.I. Batzer)

In the context of discussion that took place in the “Dialogue with Time”, the author raises important questions on the style of scholarly polemics, criteria for evaluation of the academic work and the specificities of historiographical discourse.

Keywords: *historiography, scholarly polemics, evidence-based approach.*

CONTENTS

The 85th -anniversary of Boris Georgievich Mogilnitsky

<i>I.Yu. Nikolaeva</i> The Life and Work of Boris Georgievich Mogilnitsky.....	5
<i>S.P. Ramazanov</i> On the pedagogical activity of B.G. Mogilnitsky.....	15
<i>I.E. Rudkovskaya</i> Personified time in the historiographical tradition of the late Enlightenment.....	21
<i>E.S. Kirsanova</i> The personality of a historian at the crossroads of opinions: on the old and new approaches to the work of T.N. Granovsky.....	36
<i>O.I. Ivonina</i> The Fate of Liberty: the problem of meaning and direction of history in the work of G.P. Fedotov.....	50
<i>L.A. Gaman</i> F.A. Stepun on the World War I.....	71
<i>N.M. Morozov</i> Principles of historical understanding of local civilization.....	81
<i>T.I. Zaitzeva</i> Historiography of gender relations of ruling elites in Germany and France during the Middle Ages.....	96
<i>N.V. Karnachuk</i> News about monstrous births and English public consciousness between 1550 and 1700.....	107
<i>O.N. Mukhin</i> The Tsar-reformer and his “foul son”: the conflict of generations in royal families of the early modern period.....	129
<i>O.E. Terekhov</i> Between tradition and modernism: the ideology of “conservative revolution” in the intellectual space of Weimar Germany.....	151
<i>Images in the past and images of the past</i>	
<i>M.V. Kirchanov</i> Geographia imaginaria gothica: Goths in the geographical and historical imagination.....	164
<i>Veneta Yankova</i> The images of the past (the Tatars in Lithuania and Poland).....	189
<i>V.P. Bogdanov</i> Images of the military in Russian literature: transformation, ranks, branches of the armed forces.....	205
<i>Interdisciplinary crossroads</i>	
<i>D.E. Martynov</i> Intellectual history, Sinology, History of Philosophy and Confucianism.....	224
<i>O.V. Okhoshin</i> Tony Blair on the values of “New Labour”.....	240
<i>F.V. Nikolai</i> Cultural memory in a consumerist society: review of M. Sturken’s work.....	251

<i>I.I. Kobylin</i>	
From body to “flesh”: history and politics in “Political Theology” of Eric Santner.....	257
<i>History of events</i>	
<i>S.I. Murtuzaliev</i>	
Diplomatic mission of General N.N. Muraviev to Egypt and Turkey.....	267
<i>Gender history</i>	
<i>Yu.S. Obidina</i>	
And yet, Adam and... Eve: Greek woman in the light of modern approaches to gender.....	294
<i>Lyliya Zabolotnaya</i>	
The female factor in the history of ruling dynasties of the medieval Serbia.....	311
<i>M.I. Kozlova</i>	
The influence of Catherine the Great on the conceptualization of gender identity in the works of F.A. Emin and M.M. Scherbatov.....	322
<i>E.A. Bugynina</i>	
«The Town & Country Magazine» as a source on the history of gender representations in the eighteenth-century Britain	332
<i>Publications and translations</i>	
<i>M.I. Veber, N.V. Surzhikova</i>	
Prisoners of World War I in the east of Russia: Johan Prince’s view.....	340
<i>N.G. Lisevich</i>	
Everyday life of the people of Pechora region as reflected in their diaries and memoirs (1914–1918).....	362
<i>E.A. Teryukova</i>	
«Detailed Description of Life and All Adventures of a Sectarian, Seventh-day Adventist, Ya.A. Belikov» (from the records of the archive of the State Museum of the History of Religion).....	371
<i>Discussion club</i>	
<i>M.I. Batzer</i>	
Critique should be conscientious (a response to A.B. Sokolov).....	382
<i>A.B. Sokolov</i>	
On criteria for evaluation in contemporary historiography (a response to M.I. Batzer)	386
SUMMARIES.....	389
CONTENTS.....	396

СОДЕРЖАНИЕ

К Юбилею

Борису Георгиевичу Могильницкому – 85!

<i>И.Ю. Николаева</i> Борис Георгиевич Могильницкий: жизнь и судьба.....	5
<i>С.П. Рамазанов</i> О педагогической деятельности Б.Г. Могильницкого.....	15
<i>И.Е. Рудковская</i> Персонифицированное время в историографической традиции позднего Просвещения.....	21
<i>Е.С. Кирсанова</i> Личность историка на пересечении мнений: о старых и новых подходах к изучению творчества Т.Н. Грановского.....	36
<i>О.И. Ивонина</i> Судьба свободы: проблема смысла и направленности истории в творчестве Г.П. Федотова.....	50
<i>Л.А. Гаган</i> Ф.А. Степун о Первой мировой войне.....	71
<i>Н.М. Морозов</i> Принципы исторического познания локальной цивилизации.....	81
<i>Т.И. Зайцева</i> Гендерные отношения немецкой и французской правящей элиты эпохи Средневековья в историографическом измерении.....	96
<i>Н.В. Карначук</i> Новости о рождении чудовищ и английское общественное сознание второй половины XVI–XVII вв.....	107
<i>О.Н. Мухин</i> Царь-реформатор и его «непотребный сын»: проблема отцов и детей в монарших семьях раннего нового времени.....	129
<i>О.Э. Терехов</i> Между традицией и модерном: идеология «консервативной революции» в интеллектуальном пространстве Веймарской Германии.....	151
<i>Образы в истории и образы истории</i>	
<i>М.В. Кирчанов</i> Geographia imaginaria gothica: «готский» пласт в географическом и историческом воображении.....	164
<i>Венета Янкова</i> Образы прошлого: о татарах в Литве и Польше.....	189
<i>В.П. Богданов</i> Образы военных в русской классической литературе (эволюция, чины, рода войск).....	205
<i>Перекрестки интердисциплинарности</i>	
<i>Д.Е. Мартынов</i> Интеллектуальная история, синология, история философии и конфуцианство...	224
<i>О.В. Охошин</i> Тони Блэр о ценностях «нового лейборизма».....	240

<i>Ф.В. Николаи</i>	
Культурная память в обществе потребления: взгляд М. Стёкен.....	251
<i>И.И. Кобьлин</i>	
От тела к «плоти»: история и политика в «политической теологии» Эрика Сантнера.....	257
Из истории событий	
<i>С.И. Муртузалиев</i>	
Дипломатическая миссия генерала Н.Н. Муравьева в Египет и Турцию.....	267
В пространстве гендерной истории	
<i>Ю.С. Обидина</i>	
И все-таки Адам и... Ева: греческая женщина в свете современных гендерных подходов.....	294
<i>Лилия Заболотная</i>	
Роль женского фактора в истории становления господствующих династий средневековой Сербии.....	311
<i>М.И. Козлова</i>	
Влияние личности Екатерины II на осмысление гендерной идентичности в произведениях Ф.А. Эмина и М.М. Щербатова.....	322
<i>Е.А. Бугынина</i>	
«The Town & Country Magazine» как источник по истории гендерных представлений в английском обществе XVIII века.....	332
Публикации и переводы	
<i>М.И. Вебер, Н.В. Суржикова</i>	
Военнопленные Первой мировой войны на Востоке России: взгляд Йохана Принса.....	340
<i>Н.Г. Лисевич</i>	
Повседневная жизнь населения Печорского края в дневниках и воспоминаниях (1914–1918 гг.).....	362
<i>Е.А. Терюкова</i>	
«Описание подробной жизни и всех приключений Сектанта Адвентиста седьмого дня Субботы и ея празднования» Я.А. Беликова (по материалам научно-исторического архива Государственного музея истории религии).....	371
Дискуссионный клуб	
<i>М.И. Бацер</i>	
Критика должна быть добросовестной (ответ А.Б. Соколову).....	382
<i>А.Б. Соколов</i>	
О критериях оценки в современной историографии: ответ М.И. Бацеру.....	386
SUMMARIES.....	389
CONTENTS.....	396

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

47 / 2014

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Дизайн обложки И. Н. Граве

Подписано в печать 27. 06. 2014
Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ № 00000

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Протопоповский пер., д. 6.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564
Эл. № ФС 77-53624